

Пролетариат всех стран, соединяйтесь!

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Ежемесячный Журнал

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Л. Б. Каменева и Г. М. Кржижановского

1925.

ЯНВАРЬ

1

изд. ГОСПЛАНА

С.С.С.Р.

МОСКВА

ГЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Под общей редакцией

Л. Б. КАМЕНЕВА и Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО

№ 1

ЯНВАРЬ

1925 г.

ИЗДАНИЕ ГОСПЛАНА СССР
МОСКВА

**В журнале „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“
принимают участие следующие
товарищи:**

Бессонов С. А., Богданов П. А., Боголепов Д., Боголепов М. И., Буланже Н. П., Бухарин Н. И., Бухарцев Д. П., Варга Е., Варейкис И., Вайсберг Р. Е., Вильямс Р., Вишеров Л. А., Гавен Ю. П., Гинзбург М., Голенко М. С., Гольденберг Э., Гольман М. Б., Горев А. А., Гольцман А. З., Громуан В. Г., Гуров П. Я., Дволайцкий Ш. М., Дзержинский Ф. Э., Доагов А. М., Есин В. З., Золотарев В. И., Иванов И., Кактын И., Каменев Л. Б., Кафенгауз Л. Б., Килевиц С. С., Кениг Е. Л., Киселев С. М., Ковалевский Н. А., Кравец, Красин Л. Б., Кришман Л. Н., Кржижановский Г. М., Круг К. А., Кукель С. А., Куйбышев В. В., Ларичев В. А., Лебедев А. А., Лежава А. М., Мамченко Н. С., Мендельсон А. С., Милютин В. П., Миндлин З. Л., Михайлов А. М., Мотылев М., Неопиханов А. А., Никитин Л. Л., Осинский Н., Первушин С. А., Поливанов М. К., Прянишников Д. Н., Пятаков Г. Л., Раевский Я. Г., Радек К., Рамзин Л. К., Рудзутак Я. Е., Рыков А. И., Смирнов А. П., Смирнов В. М., Свидерский А. И., Смилга И. Т., Сокольников Г. Я., Солицев, Спектатор (Нахимсон), Струмилин С. Г., Таубе Е. А., Тернегорев А. М., Трахтенберг И. А., Туманов Н. Г., Фалькнер С. А., Хренников С. А., Чиликин М. М., Членов С. Б., Чубарь Е. Я., Шатален М. А., Шейн С. Д., Штейн Б., Штерн А. Б., Цышевский И. А., Янушевский П. С., Юр. и др.

У КЕДРО
финансовый и капитальный

СОДЕРЖАНИЕ.

От редакции	Str.
Памяти Великого	VII

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика.

Л. Б. Каменев. Наши достижения и наши задачи в области овладения стихией рынка	3
Г. М. Кржижановский. Плановые вопросы	21
И. Т. Смилга. Итоги 1923/24 хозяйственного года и перспективы	41
Проф. Д. Боголепов. Государственный бюджет СССР на 1924/25 год	57
С. М. Киселев. Денежное обращение и эмиссионные возможности	66
А. М. Лежава. Один из важнейших итогов нашего регулирования рынка	84
Проф. В. Г. Громуан. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве.	88
Проф. С. Г. Струмилин. Наш довоенный товарооборот	102

ОТДЕЛ II

Экономика и техника.

С. А. Куцель. Первая Всемирная конференция энергетики в Лондоне (с предисловием проф. А. Горева)	123
Проф. А. Д. Рамзин. Ресурсы энергии в СССР	153
W. Z. Обзор достижений техники:	
Стальные конструкции с использованием трубчатых частей	169
Данные о мировой добыче меди и ее потреблении	172
Пять новых сверхмощных паровых станций в Северо-Американских Соединенных Штатах	173
Данные о потреблении электрической энергии в Северо-Американских Соединенных Штатах	176

ОТДЕЛ III

За Советским рубежом.

Z. А. С. Мендельсон. К вопросу о формах финансового капитала.	181
Проф. С. А. Фалькнер. Экономические основы плана Дауса	197
Хроника мирового хозяйства.	218

ОТДЕЛ IV

По районам.

С. И. Шаров. К вопросу о губернских хозяйственных планах	231
М. Б. Гольман. Плановые вопросы местного (областного) хозяйства	240
С. К. Конъюнктура народного хозяйства в районах	246

ОТДЕЛ V.

Критика и библиография.

Р. Вейсберг.—Незамеченная декларация	259
Р. Ефимов.—«Внеклассовый» профессор И. Г. Александров	263
Я. Мирошник.—Альберт Л. Вайнштейн. «Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время»	265
Лин.—Н. Макаров. «Зерновое хозяйство Сев. Америки»	266
Г. Шуб.—Союзная промышленность в изображении централ. статистич. управления .	267
Р. Миссин.—Вл. Сарабьянин. «Экономика и экономическая политика»	270
А. Леонтьев.—Я. А. Пилецкий. «Две теории империализма»	271
Л. Солнцев.—Н. Ванаг. «Финансовый капитал в России накануне войны»	273
Е. Х.—Проф. В. Н. Шретер. «Система промышленного права СССР»	275
Сан.—Крупно капиталистические объединения	275
Р. Лифман. «Формы предприятий».	
П. Уферман и К. Хюглин. «Современный концерн».	
П. Уферман и К. Хюглин. «Стиннес и его концерны».	
М. Изэльсон. «Крупно-капиталистические объединения в современном миро- вом хозяйстве».	
П. Парфаньянк. «Картели, концерны и тресты».	
Б. Л.—М. Рубинштейн. «Очерки по организации труда в переходный период» .	278
Г. Б.—Тайлер Фридрих Уинслоу. «Научная организация труда»	279
Лин.—(Рабчинский. «Принципы Форда»	280
Александр Фридрих. «Генри Форд»	280
—Дм. Бухарцев.—Путуги планирования английской буржуазии	281
Спектатор.—Из литературы о плаче Дауэса	285
Л. А.—«Материалы для изучения мирового хозяйства»	286
Новые иностранные книги	287
Письмо в редакцию	289

ОТДЕЛ VI.

Хроника и информация.

З. Миндлин. Проблемы текущей плановой работы	295
Вишеров. Экономико-статистическая секция	301
Дм. Бухарцев. К вопросу об экономической информации	308

Плановое хозяйство

издание

издательство планового и финансового

ОТ РЕДАКЦИИ.

Продолжая в 1925 году издание журнала «Плановое Хозяйство», редакция ставит своей целью создание ежемесячного политического-экономического органа, который не только с достаточной яркостью и полнотой отражал бы текущую социально-экономическую жизнь страны, но журнала, который был бы действенным органом, руководящим и направляющим эту жизнь в обстановке борьбы планового социалистического начала со стихией рынка.

Журнал ставит своей задачей в обстановке, когда буржуазная идеология вместе с рыночными отношениями неизбежно просачивается к нам из окружающей нас буржуазной и мелко-буржуазной среды, — твердой рукой проводить классовую пролетарскую линию, намечаемую руководящими органами партии.

Журнал будет вести борьбу с идейной бесхребетностью, экономическим ликвидаторством, буржуазно-реставрационными и мелко-буржуазными уклонами в экономике, обильно питающими свои корни от стихии нэпа.

В области плановой работы, твердо стоя на позициях, закрепленных в решениях наших партъездов, журнал будет бороться как против недооценки планового начала в нашем народном хозяйстве, так и против бюрократических извращений идеи планирования.

«Плановое Хозяйство» ставит своей задачей освещение хозяйственной жизни страны с общеплановой и потому внеадминистративной точки зрения, подвергая марксистско-большевистской оценке и обобщая конкретный опыт повседневной практики местных и центральных экономических органов.

Журнал предназначается не только для квалифицированных экономистов, но и для всего партийного и советского актива, борющегося на передовых позициях нашего хозяйственного фронта.

Программа журнала:

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика.

1. Финансы и кредит.
2. Промышленность.
3. Сельское хозяйство.
4. Транспорт.
5. Торговля внутренняя и внешняя.
6. Кооперация.
7. Обзоры народного хозяйства в целом.

ОТДЕЛ II

Экономика и техника.

1. Энергетика.
2. Наши реконструктивные достижения.
3. Новейшие достижения техники, как иностранной, так и союзной, имеющие широкое общезэкономическое значение. Популяризация их.

ОТДЕЛ III

За Советским рубежом.

Обзоры конъюнктуры как отдельных стран капитализма, так и мирового хозяйства в целом, экономический анализ международных отношений, экономические корреспонденции из-за границы и проч.

ОТДЕЛ IV

По районам.

Районирование. Обобщение и оценка конкретного опыта повседневной практики местных экономических и, в частности, плановых органов; местная электрификация; местный бюджет и т. п.

Отдел ставит себе задачей — анализ жизни районов с точки зрения планового хозяйства. В основе отдела лежат корреспонденции с мест.

ОТДЕЛ V

Критика и библиография.

Систематические обзоры как существующей экономической литературы, так и вновь выходящей.

ОТДЕЛ VI

Хроника и информация.

1924²¹—1925

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО.

На исходе годичный срок со дня нашей тяжкой потери, со дня кончины Владимира Ильича.

Время не исцелило нас от скорби, причиненной этой утратой, и все так же мучительно думать, что нет его уже с нами, великого и скромного, горящего революционной страстью и поражающего трезвой рассудочностью, гневного и любящего, разящего и защищающего.

Мир не разобрался еще в том наследстве, которое оставил борцам за дело пролетариата великий труженик и борец— В. И. Ульянов-Ленин. Однако всякий, кто сознательно полагает свое лучшее за дело пролетарской революции, кто следует ее путями, все более и более явственно разделяющими весь мир на два лагеря — пролетарский и противопролетарский — не может не видеть, что нет ни одного уголка, ни одной области на всем гигантском поле пролетарской борьбы, которые не оплодотворила бы дальновидная и победоносная мысль Ленина.

Это чувствует весь мир, но особенно чувствуем мы, здесь, на всем гигантском пространстве СССР, этом горящем факеле будущего, врезывающемся в темное окружение умирающего вражеского мира.

По воле исторических судей именно здесь, на наших равнинах, развернулся в полном масштабе стратегический гений вождя мирового пролетариата, здесь выявил он его в примерах удивительного пророчества и несокрушимого мужества в неслыханно-трудной исторической обстановке. Именно он был наиболее ответственным, наиболее авторитетным руководителем и строителем Советских Республик и на военном, и на мирном фронте, наилучшим вдохновителем и наикрепчайшей опорой самоотверженных и пламенных борцов.

Никто не умел с таким неустранимым анализом подойти к самым наболевшим ранам действительности, никто не держал приподнять завесу будущего такой бестрепетной и верной рукой. Он был одинаково силен и в вопросах экономики, и в вопросах быта и политики,— и никто не мог соперничать с ним в поразительном искусстве обобщающих выводов, немедленно превращавшихся в живые лозунги, яркие директивы для борьбы и движения вперед трудящихся масс.

Без всякого преувеличения мы можем сказать, что во всем мощном движении, охватывающем наш Советский Союз, мы прежде всего продолжаем ощущать гигантскую инерцию того сдвига, того толчка, который исходит от него, от изумительных расходов его энергии, его гения.

Вне ленинизма нет советского строительства, вне ленинизма нет правильных путей ни в области экономики, ни в области политики. Пульс жизни, пульс расцвета и подъема там, где воплощается ленинизм и с особо наглядной силой опровергает это мы, трудящиеся СССР, столь многим ему обязаные.

Вот почему нам так непереносна мысль о смерти Ленина, который был таким могучим источником жизни.

Уйти от скорбных дум, от жгучего ощущения этой незаменимой потери можно лишь путем напряженной работы, сжигая свои силы в дальнейшей борьбе за дело Ленина, за дело трудящихся всего мира.

Все в более и более грозные боевые шеренги выстраивает свои ряды мировой пролетариат, готовясь к новым решающим боям.

Красный Союз наших Республик — на прежнем ответственнейшем авангардном посту.

Перед нами — необъятное поле работ.

За труд, за великий труд по почину и директивам великого организатора освобождающегося от капиталистических цепей человечества!

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Наши достижения и наши задачи в области овладения стихией рынка.

1. Переход к новой экономической политике.

На четвертом году после Октябрьской Революции в период максимальной разрухи нашего хозяйства, вызванной событиями мировой и гражданской войны, — мы допустили частично в нашем хозяйстве рыночные отношения, призвав их в качестве дополнения к нашему государственному хозяйству, — дополнения, необходимого в наших условиях для того, чтобы двинуть вперед дело восстановления народного хозяйства. Старая форма, сделавшая свое дело и изжившая себя, начинала давить, становилась помехой для дальнейшего развития народного хозяйства, помехой для сотрудничества пролетариата и крестьянства.

Нужно было устранить изжившие себя организационные формы и дать такие новые, в которых было бы обеспечено дальнейшее развитие рабоче-крестьянского хозяйства.

Такая форма и была найдена под руководством тов. Ленина.

Переход к этой новой организационной форме хозяйствования — к новой экономической политике — знаменовал собою допущение в наши отношения и прежде всего в отношения между городом и деревней, в отношения распределения продукции промышленности и продукции сельского хозяйства — рыночных отношений. От прямого регулирования через ВСНХ и НКПрод, мы переходили к рыночному регулированию, к регулированию рублем. Новая экономическая политика таила в себе опасности, именно, в стихийности хозяйственных отношений. Опасность эта заключалась в возможности ухода мелкого производителя и торговца из-под регулирующего влияния государства. Необходимо было внимательно следить, чтобы стихия рыночных отношений не захлестнула пролетарского обобществленного хозяйства.

Первое время рыночные отношения развертывались действительно со стихийной силой. Быстро ширились крестьянские базары, росли как грибы посредники — торговые лавочки, розничные, оптово-розничные и, наконец, оптовые магазины, переходили на хозрасчет и выходили на рынок одно за другим государственные предприятия, появилась аренда в промышленности — все шире и шире развертывалась, все дальше и дальше захлестывала стихия базара, торга, рынка.

И для многих и многих странно звучал в этом штурме голос Ленина: «Направляйте товарооборот в государственное и кооперативное русла».

Но голос креп и говорил уже о том, что надо учиться овладевать стихией ее же методами: «Надо учиться торговать». И наконец: «Огступление окончено, больше не будет сдано ни пяди». «Укрепляйте командные высоты, улучшайте органы власти—Советы, укрепляйте национализированную промышленность, транспорт, монополию внешней торговли».

2. Состояние «командных высот».

С тех пор прошло почти четыре года новой экономической политики. И каждый рабочий и каждый крестьянин на собственном опыте знает, насколько улучшился за это время аппарат рабоче-крестьянской власти, основная командная высота рабоче-крестьянской диктатуры—Советы.

Когда мы переходили к эпохе, вторая наша командная высота—госпромышленность—была в крайне тяжелом состоянии: тысячами стояли без движения фабрики и заводы, замороженные кризисом топлива, обессиленные голодом, оторванные друг от друга разрухой транспорта.

Одним из основных показателей технических достижений человека, степени власти его над природой является добыча и обработка металла. В марте 1921 г. мы добывали (в месяц) 790 тыс. пуд. чугуна (3,7% дооценного) т.-е., были отброшены ко временам Екатерины II и Пугачевского восстания, на полторы с лишним сотни лет назад. Выработка маркена и прокатка металла (930 т. п.) едва превышали 5% дооценного. И это уже было большим достижением, ибо были месяцы, когда добыча чугуна, в среднем, равнялась 397 т. п., маркена 659 т. п. и прокат 591 т. пуд.

Третья наша командная высота—транспорт—в четвертом хозяйственном году была в состоянии крайней разрухи: исковерканные белыми рельсовые пути, взорванные мосты, разрушенные станционные сооружения и мастерские, тысячи изуродованных вагонов и паровозов... и над всем этим мертвящий все кризис топлива.

Одной из важнейших наших командных высот—высотой, которую крепко держит в своих руках наш союзник—крестьянство,—является отобранная у помещиков, экспроприированная земля. После окончания гражданской войны—в результате боев, постоянного перехода территории из рук в руки, гибели населения и проч.—22% всей обрабатывавшейся раньше земли было заброшено, пустовало. Уничтожены были целые деревни, целые села, пустырями и пепелищами зловеще свидетельствовавшие, а местами свидетельствующие еще и теперь, о нашеествии «спасителей отечества». В огне империалистической и гражданской войны погибло 39% всех, имевшихся в стране России, лошадей, 35%олов, 34% всего крупного рогатого скота, 50% мелкого рогатого скота и 60% свиней¹⁾.

¹⁾ При чем эти даже цифры приуменьшены, так как они показывают в сущности процент не всего количества скота, а уже сокращенного количества, имевшегося в 1916 году.

Продукция ржи упала до 51%, а пшеницы до 47% дооценного. Экономическим выражением этого падения продукции сельского хозяйства был всеобщий острый продовольственный кризис, приведший к физическому истощению пролетариата и вообще городское население. В этот продовольственный кризис, в первую очередь, упирались все попытки поднятия производительности труда, оживления промышленности, возрождения транспорта.

В такой обстановке мы перешли к новой экономической политике, к новой форме сотрудничества с крестьянством. В такой обстановке мы допустили в наше хозяйство рыночную стихию.

Каково же теперь, после почти 4 лет борьбы, состояние этих опорных пунктов?

Промышленность. Выплата чугуна поднялась в пять с лишним раз (4.260.000 пуд. в октябре текущего хозяйственного года вместо 790.000 пуд. в марте 1921 г., что составляет 539%). Маркен—649% по отношению к марта 1921 г. (7.660.000 пуд. в октябре текущего хозяйственного года вместо 1.180.000 пуд. в марте 1921 г.). Прокат—5.060.000 пуд. в октябре 1924 г. вместо 930.000 пуд. в марте 1921 г., что составляет 541%.

Добыча топлива. Было время, когда мы были вовсе отрезаны от источников минерального топлива. Один только Подмосковный бассейн давал нам около 3,8 м. пуд. угля в месяц. К марта 1921 г. мы уже вернули под красное знамя основные районы добычи. В марте 1921 г. нами уже добывалось угля 53.500.000 пуд. против 144.500.000 пуд. (в среднем в месяц в 1913 г.). В октябре текущего хозяйственного года мы добыли уже 91.000.000 пуд., т.-е., 170% к марта 1921 г., или 63% дооценного против 37% дооценного в марте 1921 г.

Добыча нефти за время новой экономической политики повысилась с 44% до 75% дооценного, или до 170% по отношению к марта 1921 г.

В текстильной промышленности дело обстоит следующим образом:

Отрасли произв.—ва.	Един. счет.	Абсолютные числа.			В %		Okt. 24 г. в % от март. 21 г.
		Средне-месячная за 1913 г.	За март 1921 г.	За окт. 1924 г.	Март 1921 г.	Октябрь 1924 г.	
Хлоп. бум. пряжа.	т. п.	1.509	147,40	(833,4)	9,8	55	565
" " суровье.	м. арш.	—	18,99	(157,2)	—	—	828
" " гор. ткан.	"	—	30,81	(160,8)	—	—	521
Шерст. гор. ткани .	"	—	2,51	(5,0)	—	—	199
Льнян. пряжа . .	т. п.	236	86,24	(234,0)	36,5	99	271
" суров. ткан.	м. кв. ар.	—	6,44	(22,3)	—	—	346

По данным ЦОС ВСНХ продукция нашей текстильной промышленности в целом достигла в октябре 24 г. 68% дооценной, против 22% в январе—марте 21 г.

Валовая продукция всей промышленности, составлявшая в 20—21 году всего лишь около 18% довоенной, возросла в настоящее время в среднем до 60% довоенной.

Таким образом, на этой командной высоте, в результате новой экономической политики, дело обстоит в 3,4 раза лучше, если говорить языком цифр.

Но может быть эта победа досталась нам ценой больших человеческих жертв, может быть мы потеряли значительную часть армии индустриального пролетариата удерживающей эту высоту?

На 4-м хозяйственном году после Октябрьской Революции мы имели в госпромышленности, учтываемой ЦОСом, 1.425.900 чел. рабочих. В 5-м хозяйственном году (21—22 г.) 1.140.700 чел. рабочих. В 6-м хозяйственном году (22—23 г.) 1. 311. 800 чел. рабочих и, наконец, в минувшем 7-м хоз. году (23—24 г.) 1.460.100 чел. рабочих.

Индустриальная рабочая армия, как видим, выросла на 2%. В первых хоз. боях мы понесли наиболее тяжелые потери и в течение года число рабочих, занятых в крупной промышленности, уменьшилось на 285.200 человек. Но в следующие годы число их растет и к концу минувшего хоз. года на 2% превышает исходную цифру.

Но эти цифры говорят далеко не обо всем. За годы новой экономической политики произошло качественное улучшение промышленной армии: меньше стала связь с землей, имевшая ненормальную форму во времена продовольственного кризиса, произошел также и качественный отбор в смысле ухода в деревню неквалифицированного и возвращения на фабрику квалифицированного рабочего. Наконец, нельзя обойти молчанием ту высоту трудовой дисциплины, которой мы достигли за эти 4 года и тот рост политической зрелости рабочего, который мы имеем. Не надо забывать и ленинский призыв—этот величайший свидетель и плод политического вызревания глубочайших слоев рабочей армии.

Излишне распространяться о том, какое значение имеет снабжение армии. От того как питается и как живет рабочий зависит и производительность его труда, и его политические настроения, и его культурный уровень, и самая возможность для него пользоваться благами завоеванными в революции.

Не уступили ли мы здесь чего либо? Не сдали ли позиций под четырехлетним напором стихии?

Что говорят нам здесь цифры?

Средняя зарплата рабочего по исчислению т. Струмилина составляла в 1913-м году 25 руб. в месяц. В 1-м квартале 1921 г. (I—III) она составляла в среднем 3 руб. 36 коп., из которых 23 коп. деньгами (все цифры приведены в бюджетных рублях) и 3 руб. 13 коп. натурой. За последний квартал минувшего 7-го хоз. года (июль—сентябрь) заработка плата по данным Ц. Б. С. Т., которая выдается теперь исключительно деньгами, составляла в среднем 17 руб. 70 коп., т.-е. 71% довоенного, против 13% в январе—марте 1921 г.

Таким образом мы не только с честью пробыли нашу основную пролетарскую армию через 4 года нэпа, но и еще несколько (на 2%) увеличили ее количественно, значительно улучшили ее качественный состав, и в 5,27 раз улучшили ее снабжение.

Посмотрим теперь на состояние третьего нашего опорного пункта: на транспорт.

К 21-му году, за 2 с лишним года «работы», разрушено разными «социалистами» и просто белогвардейцами:

	К настоящ. времени восстановл.
Паровозных депо	381 стойло.
Железно-дор. мастерских	4.000 кв. саж.
Водоподъемных и водонапорных зданий	466 штук.
Пассажирских зданий и товарных устройств	10.000 кв. саж.
Телеграфных линий	85.000 верст.
аппаратов	4.300 штук.
Телефонных	10.800 "
Рельсового пути	991 верст.
Железно-дорожки. мостов	4.497 штук, из коих восстановлено временно 1.982, капитальным образом 2 476, и не восстановлено 39 штук.

За это же время,—новый экономической политики,—принято в эксплуатацию 2.859 верст вновь выстроенных путей, паровозный парк пополнился 1.573 новыми мощными паровозами, средний суточный пробег 1 рабочего паровоза в тов.-ваг. движении увеличился на 44%, средний суточный пробег одного товарного вагона увеличился на 81%, грузооборот вырос на 84%, а количество сделанных пудо-верст выросло на 152%.

Налицо чрезвычайно значительное улучшение состояния нашего транспорта.

В какую же сторону изменилось состояние сельского хозяйства за эти 4 года?

Начнем с некоторых цифр по землеустройству.

За первые 3 хозяйственных года землестроительные работы почти не производились. И крестьянство еще не освоилось как следует с землей, да и не до того было. С 1920 года землестроительные работы начинают развертываться все шире и шире.

Землестроительные работы, произведенные в 1920—24 годах (в десятинах):

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г. ¹⁾
1. Отвод земли выселкам, поселкам и частям селений	39.188	270.284	1.513.312	1.950.429	3.669.978
2. Выдел земли колхозным	247.291	535.676	303.976	232.148	113.755
3. Выдел земли хуторам и обрубам	—	—	890.926	884.353	776.264
Итого	286.479	805.960	2.708.214	3.066.930	4.559.997

¹⁾ За 24 г. данные предположительные.

Таким образом, за эти годы (20—24) размежевано всего 11.427.600 десятин земли, в том числе за годы новой экономической политики — 11.141.101 десятин. Это, конечно, еще очень мало; у нас не хватает рук, не хватает землемеров,—но это уже очень большой шаг вперед по сравнению с тем, что было. Это имеет не только большое производственное значение, это имеет и колоссальное политическое значение в смысле крестьянской психологии, в смысле освоения крестьянином экспроприированной у помещиков земли.

Перейдем теперь к производственным моментам. Нашим национальным бедствием в производственном смысле и показателем нашей агрокультурной отсталости до революции было трехполье со всеми его атрибутами.

За последние 2—3 года мы наблюдаем в деревне широкое и все усиливающееся общественное движение за переход к многопольному севообороту.

У меня нет под руками цифр всесоюзного значения, да их и вообще, повидимому, еще нет. Но вот посмотрите какие факты и цифры приводит т. Свидерский. (Правда № 1 за 25 год) в кратком годовом обзоре с.-х.-ва за минувший с.-х. год.

«В Калужской губернии в 1924 г. 456 селений перешло на многополье; в Волоколамском уезде, Московской губернии, на трехполье в 1924 году осталось всего лишь 83 селения; в Омской губернии с травопольем в 1923 году было 10 селений, теперь их 100; в Славгородском [уезд Екатеринославской губ.] было 4, теперь 95; в Смоленской губ., в Издешевской волости, крестьянская конференция постановила в кратчайший срок перейти на многополье; о такого рода постановлениях сообщают из Ярославской, Рыбинской и др. губерний. Агрономический и землеустроительный персонал не успевает удовлетворять требования крестьян по переходу на многопольные севообороты. Рост полевого травосеяния характеризуется тем, что в 1923 году под посевами трав было 686.000 десятин, а в 1924 году стало 1.020.000 десятин.

На ряду с введением травопольных севооборотов нарастает введение в сбоях крестьянского хозяйства других рациональных технических приемов полеводства, а именно: зяблевой вспашки, ранних и занятых паров. Можно считать, что эти приемы получили уже признание крестьянства. Так, в Ярославской губ. было под ранним паром в 1921 г. 20 проц. озимого клина, а в 1922 г. уже 85 проц.; в Смоленской губ. в 1916 г.—0,5 проц., в 1923 г.—12 проц.; в Курской губ. под зяблевой вспашкой в 1921 г. было 7 проц. клина, в 1922 г.—14 проц. клина; в Орловской губ. в 1921 г. было 7 проц. клина, в 1922 г. уже 70 проц.

Другие массовые мероприятия также быстро и глубоко воспринимаются крестьянством. Об этом говорят данные, характеризующие развитие зерноочистительного дела, мелиораций, прокатных пунктов, случных кампаний и т. д».

Напоминаю, что Московский и Ивано-Вознесенский Советы с целью облегчения крестьянам перехода на многополье вынесли постановления

о переходе всех селений губернии на многопольный севооборот в течении 5-ти лет.

Таким образом, в течение рассматриваемого периода происходит в сельском хозяйстве не только восстановительный процесс, но происходит и значительный агрокультурный сдвиг, целая революция в системе обработки земли.

Как известно, в минувшем с.-х. году нас постиг частичный, но весьма значительный, неурожай хлебов, который выражается в недороде по сравнению с 1922/23 г. в 406 милл. пуд. (По данным Стат. Бюро Госплана). Общий сбор хлебов в этом году приблизительно равен сбору хлебов 1920 г., определявшему состояние нашей страны к моменту перехода к новой экономической политике. И, однако, всякий видит, что даже такой значительный недород не в состоянии подорвать народного хозяйства СССР. О продовольственном кризисе, какой мы переживали в 1920/21 г., не может быть и речи.

Объясняется это общим подъемом сельского хозяйства. Необходимо отметить, что сбор основного нашего хлеба—озимой ржи, в 1924 г. все же, несмотря на недород на 49%, превысил сбор 1920 г. (1.128 милл. п. в 1924 г. против 759 милл. пуд. в 1920 г.) и достигает 75% довоенного сбора. Неурожай поразил, главным образом, яровые хлеба.

Посевная площадь за эти годы расширилась с 76 милл. дес. в 1921 г. до 78 милл. дес. в 1924 г., т.-е., на 15%. В 1921 г. она составляла 78% довоенного, в 1924 г. уже 89%. (По предварительным данным площадь озимых 1924/25 г. снова расширилась на 5% по сравнению с предыдущим годом). При этом произошло значительное расширение площади технических культур: с 2,39 милл. дес. до 3,80 милл. дес. (увеличение на 59%). В 1921 г. площадь посева технических культур составляла 74% довоенного, а в 1924 г. на 18% превысила довоенную площадь.

Яркую картину подъема сельского хозяйства мы имеем и в животноводстве. Количество лошадей с 1921 г. по 1924 г. возросло на 15%; крупного рогатого скота на 37%, мелкого рогатого скота на 64% и свиней на 119% (в 2,19 раза).

К сожалению, нет статистических данных о состоянии скотоводства в предвоенные годы. Приходится сравнивать с данными 1916 г. В %-х к этому году наше скотоводство поднялось: по количеству лошадей с 61% в 1921 г. до 70% в 1924 г., крупного рогатого скота с 66% до 90%, мелкого рогатого скота с 50% до 81% и свиней с 40% до 87%.

Наибольшее сокращение скота произошло в степных районах Юго-Востока. На Украине количество крупного рогатого скота по отношению к 16 году составляет 110,3%, овец 150,4%. Особенно велик подъем скотоводства в Центрально-Промышленном районе: всего крупного рогатого скота 128,3%, овец 146%, свиней 166,3%. Значительно развилось скотоводство в Центрально-Земледельческом, Западном, Северо-Восточном и Северо-Западном районах.

Таким образом, мы видим, что благосостояние крестьянского хозяйства СССР за это время значительно возросло. По производящей полосе

оно еще не достигло довоенного, по потребляющей же полосе оно превышает довоенный уровень.

Таково, в общих чертах, состояние основных отраслей народного хозяйства Союза.

3. Регулирование товарооборота.

На общем фоне этого восстановительного процесса развертывается и товарооборот—процесс обмена продукции города и деревни, экономической смычки пролетариата и крестьянства. Общие размеры товарооборота, увеличиваясь из года в год, достигли в минувшем 7-м хозяйственном году (за 1923—24 г.) 50% довоенного. В текущем 8-м хозяйственном году рост этот в общем продолжается.

Вместе с ростом товарооборота рос и торговый аппарат, при чем до 1923 г. включительно частный торговый аппарат рос быстрее государственного и кооперативного. Ноябрь 1923 г. был периодом максимального наступления на нас рыночной стихии, максимального захвата частным капиталом каналов обращения. Частный капитал сел на стыке дорог между городом и деревней, между производителем и потребителем, «накидывая» в свою пользу на всякий товар, откуда бы и куда бы он ни продвигался.

В 1924 г. мы повели наступление на частный торговый капитал, шаг за шагом выбивая его из занятых им позиций, как методами конкуренции так и методами налогового давления. Октябрь 1924 г. был месяцем максимального вытеснения частного торговца. Но тут нам, во исполнение директив XIII Партсъезда, пришлось временно остановиться. Дело в том, что развитие товарооборота минувшей осенью пошло так стремительно, что наш государственный и кооперативный торговый аппарат не успевал в своем росте за товарооборотом, что сказывалось задерживающим образом на темпе развития товарооборота. Построение государственного и кооперативного торгового аппарата дело настолько трудное и требующее настолько подготовленного и социально пригодного человеческого материала, а также и капиталов, что быстрота развертывания его определяется всеми этими объективными условиями, которые и ставят нам рамки. Чтобы не вызывать задержки дальнейшего роста товарооборота, которая неминуемо тормозила бы развитие всего народного хозяйства и, в первую очередь, задерживала бы темп развертывания нашей промышленности, нам пришлось временно поотпустить возки, дав возможность частному капиталу доделывать (в первую очередь в деле реализации продукции промышленности) то, чего мы не успеваем своим государственным и кооперативным аппаратом.

Приводимые ниже цифры иллюстрируют процессы, происходившие за это время в товарообороте, по трем основным моментам: 1) ноябрь, (а для провинции октябрь) 23 г.—месяцы максимального наступления на нас частного торгового капитала; 2) октябрь (а для провинции сентябрь) 1924 г.—месяцы максимального наше го наступления на торговый капитал и, наконец, 3) ноябрь — ослабление нашей политики вытеснения частного торговца и временное усиление его.

Роль отдельных групп контрагентов в оборотах бирж. (В миллионах черв. рублей, и в % к общему обороту) ¹⁾.

Наименование групп контраг.	В оборотах М Т Б.				В оборотах 70 пров. бирж.		
	Ноябрь 23 г.	Октябрь 1924 г.	Октябрь 24 г. в % к окт. 1923 г.	Ноябрь 1924 г.	Октябрь 1923 г.	Сентябрь 1924 г.	Сент. 24 г. в % к окт. 1924 г.
ПО ПРОДАЖЕ.							
В милли. червонных руб.							
Госорганы	78,5	224,0	285	166,3	57,8	160,5	278
Смешанные акц. о—ва .	3,1	4,4	144	4,1	1,7	7,4	435
Кооперация	4,2	9,6	229	11,3	9,9	29,0	293
Частн. торговля	10,4	8,1	78	6,6	10,9	13,2	121
Общий оборот.	96,2	246,1	256	188,3	80,3	210,1	262
В % к общему обороту.							
Госорганы.	81,6	91,0	112	88,3	72,0	76,4	106
Смеш. акц. о—ва	3,2	1,8	56	2,2	2,1	3,5	167
Кооперация	4,4	3,9	89	6,0	12,3	13,8	112
Частн. торговля	10,8	8,3	31	3,5	13,6	6,3	46
Общий оборот	100,0	100,0	—	100,0	100,0	100,0	—
ПО ПОКУПКЕ.							
В милл. червон. рублях.							
Госорганы	63,1	173,8	275	129,2	54,4	112,0	206
Смеш. акц. о—ва	3,1	4,4	144	4,9	1,2	7,3	608
Кооперация	6,0	55,1	922	42,9	10,8	75,4	698
Частн. торговля	24,1	12,8	53	11,3	13,9	15,4	111
Общий оборот.	96,2	246,1	256	188,3	80,3	210,1	262
В % к общему обороту.							
Госорганы	65,6	70,6	108	68,6	67,8	53,3	79
Смеш. акц. о—ва	3,2	1,8	56	2,6	1,5	3,5	233
Кооперация	6,2	22,4	361	22,8	13,4	35,9	268
Частн. торговля	25,0	5,2	21	6,0	17,3	7,3	42
Общий оборот	100,0	100,0	—	100,0	100,0	100,0	—

¹⁾ Цифры разработаны Бюро Конъюнктурного Совета Госплана по данным М. Т. Б. и Совета Съездов Биржевой Торговли.

К сожалению, данные эти охватывают только оптовую торговлю. Разработанных данных по оптово-розничной и розничной еще нет.

Как видим, в оборотах Московской Товарной Биржи по продаже, которые возросли от ноября 1923 г. к октябрю 1924 г. на 256%, удельный вес госорганов увеличился с 81,6% всего оборота в ноябре 1923 г. до 91% всего оборота в октябре 1924 г. Кооперация увеличила свои сделки по продаже в 2,29 раза (с 4.191 т. ч. р. до 9.599 т. ч. р.), и все же отстала от общего темпа развития товарооборота на 11%; удельный вес ее в ноябрьских (1923 г.) сделках по продаже был—4,4%, а в октябрьских 1924 г.—3,9%.

Смешанные Акц. Общества в абсолютных числах увеличили свои сделки на 44%, но в удельном весе потеряли 44% (1,8% против 3,2% в ноябре). И, наконец, сделки по продаже частных торговцев даже в абсолютных числах сократились с 10.420 т. ч. р. до 8.123 т. ч. р. (на 22%), а удельный вес их упал больше, чем втрое, с 10,8% всех сделок до 3,3%.

В сделках по покупке на МТБ роль отдельных контрагентов изменилась еще резче. Удельный вес госорганов вырос на 8% (с 65,6% до 70,6%). Удельный вес кооперации в покупке возрос в 3,61 раза (с 6,2% до 22,4%). Абсолютно же закупки кооперации на МТБ возросли в 9,22 раза (с 5.977 т. ч. р. до 55.135 т. ч. р.).

В то же время удельный вес смешанных акционерных обществ в покупках упал на 44%, а частных торговцев—почти в 5 раз (с 25% до 5,2%).

Та же картина вытеснения частного торговца, только с некоторыми вариациями, имела место и в провинции.

В оборотах провинциальных бирж в сделках по продаже удельный вес госорганов увеличился на 6% (с 72% до 76,4%); кооперации на 12% (с 12,3% до 13,8%); смешанных акционерных обществ—взрос с 2,1% до 3,5% всех сделок по продаже и, наконец, удельный вес частного торговца упал на 64% (с 13,6% до 6,3%).

По темпу роста сделок по продаже, первыми идут смешанные общества (435% к октябрю 1923 г.), за ними кооперация—293% и госорганы 278%. Все это за счет вытеснения частного капитала.

В сделках по покупке в оборотах провинциальных бирж роль контрагентов такова: первой по темпу роста идет кооперация, увеличившая закупки в 6,98 раза и увеличившая свой удельный вес в 2,68 раза. За ней по темпу развертывания закупок идут смешанные акционерные общества, увеличившие закупки в 6,08 раза и повысившие свой удельный вес в 2,33 раза (с 1,5% до 3,5% всех закупок). Самым солидным контрагентом остаются госорганы, хотя и уменьшившие свой удельный вес с 67,8% до 53,3% (т.-е., на 21%), но все же, в абсолютных числах, увеличившие свой оборот в 2,06 раза. Рост этих трех групп происходит за счет резкого падения удельного веса частной торговли—на 58% (с 17,3% до 7,3%). Все же надо отметить, что даже за это время в абсолютных числах сделки частной торговли по покупке по провинц. биржам возросли на 11% (с 13,9% мил. ч. р. до 15,4 мил. ч. р.).

Такова картина вытеснения нами в минувшем хозяйственном году частного торговца.

Изменение нашей политики в сторону некоторого временного ослабления нажима на частный капитал уже успело сказаться в ноябрьских цифрах. Удельный вес частной торговли вырос с 3,3% до 3,5% в сделках по продаже и с 5,2% до 6% в сделках по покупке по МТБ. (Обращает также на себя внимания рост удельного веса кооперации за счет госторговли). Эту политику некоторого послабления по отношению к частному капиталу мы будем продолжать до тех пор, пока тем временем наша госторговля и кооперация не догонят в общем значительно возросший товарооборот.

В этом направлении и должны быть направлены сейчас наши организационные усилия, сводящиеся здесь к двум задачам: 1) к качественному улучшению государственного и кооперативного аппарата (увеличению его пропускной способности) и 2) к дальнейшему расширению сети торговых государственных и кооперативных органов.

Вернемся теперь к самому процессу товарооборота.

В первые годы новой экономической политики товарооборот шел стихийно. До августа 1922 г. цены на продукцию сельского хозяйства значительно превышали довоенные, а по продукции промышленности были много ниже довоенных. Социальный смысл этого процесса заключался в том, что «деревня» перекачивала в свое распоряжение из «города» ценности, созданные в предшествовавших производственных циклах и накопленные в городах. Истощенная и разоренная войнами деревня накапливала, таким образом, силы и средства для своего хозяйственного возрождения. Процесс восстановления сельского хозяйства, непрерывно развиваясь, привел в августе 1922 г. рассматриваемый нами процесс товарооборота в социальном смысле к его собственной противоположности: август был точкой, в которой пересеклись в своем движении цены на продукты сельского хозяйства и промышленности на довоенном уровне. С этого времени тот же продолжающийся процесс восстановления народного хозяйства является источником уже совершенно обратного явления в области рыночных отношений: перекачивания ценности из довольно твердо уже ставшей на ноги деревни в еще слабо развившуюся промышленность. Развиваясь далее, этот процесс вызвал крайнее обострение отношений деревни и города, приведя к максимальному раствору, ставших ныне знаменитыми, «ножниц» (на стыке сентября и октября 1923 г.). В своем максимальном растворе средние по СССР цены промышленных товаров превышали средние цены на с.-х. товары, по отношению к довоенным ценам, в 3,1 раза. (По Индексу Госплана 24 г. по новым групповым весам).

Это социально опасное, с точки зрения рабоче-крестьянского блока явление было вызвано двумя основными, действовавшими в противоположном направлении, причинами: во-первых, быстрым ростом восстановительного процесса в сельском хозяйстве, приведшим к относительному перепроизводству с.-х. продукции (по отношению к сокращенной и еще не достигшей тогда довоенного уровня общественной потребности), что и выражалось в баснословном падении цен на предметы сельского хозяй-

ства; во-вторых, менее быстрым ростом возрождения промышленности и, в особенности, ее монопольным положением, при котором она может диктовать цены, в значительной мере не считаясь с положением рынка, если у нее нет к тому доброй воли.

Такое положение дел в обмене продукции города и деревни и вызвало резкое вмешательство государства в эти стихийно-рыночно протекавшие процессы. С октября 1923 г. начинается сжимание «ножниц» в результате, на этот раз, трех основных причин: 1) сознательного снижения государством цен на продукцию обобществленной промышленности, 2) мероприятий по экспорту продукции сельского хозяйства и 3) по причине стихийного характера—в силу некоторого уменьшения урожая хлебов 1923 г. по сравнению с 1922 (на 87 милл. пуд.). (Данные Стат. Бюро Госплана).

Под влиянием трех указанных причин процесс сжимания «ножниц» продолжался до марта 1924 г., когда отношение средних цен промышленных товаров к сельско-хозяйственным упало до 128%, при чем цены на промыш. товары упали до 113% тотального индекса, а с.-х.—до 83% тотального инд.¹⁾ Такое отношение цен продукции на 76% уже восстановившегося сельского хозяйства и едва на 48% восстановившейся промышленности было вполне нормальным и удовлетворительным для умеренного перекачивания ценностей продукции сельского хозяйства в промышленность. И это соотношение цен промышленных и сельско-хозяйственных товаров нам удается поддерживать с небольшими колебаниями в ту или другую сторону вот уже десятый месяц. При чем достигаем мы этого в опре²⁾ки стихийно действующим силам рынка, вопреки недороду хлебов и вопреки колеблющемуся спросу на продукцию промышленности, а в последние месяцы—вопреки товарному голоду на целый ряд промышленных изделий. И это является крупным достижением в нашей оперативной работе текущего регулирования, весьма симптоматичной победой над стихией рыночных отношений. Победа эта достигнута в отношении промышленных товаров прямым регулированием цен на изделия госпромышленности через посредство нашего промышленного и торгового государственного и кооперативного аппарата. В отношении сельско-хозяйственных товаров (хлебов)—путем маневрирования товарными хлебными фондами, во-первых (регулирование размеров экспорта, выбрасывание хлеба на рынок через государственные и кооперативные магазины с целью снижения цен, скупки хлебов в местах их обильного урожая и дешевых цен и переброска их в неурожайные районы и т. п.),—путем политики заготовительных цен, во-вторых, и путем сельхозналога,—в третьих.

Если в регулировании процесса обращения в общем и целом мы имеем для начала весьма значительные успехи, то в отдельных отраслях народного хозяйства мы имеем и значительные отклонения, которые нам не удается еще устраниТЬ.

Так, нам не удается еще до сих пор снизить непомерно высокие накидки в рознице. Основная экономическая причина этого заключается в недо-

¹⁾ К 1-му апреля ножницы несколько развились, достигнув 133% роствора. (Левые пром. цен 116%, а с.-х. цен 87%).

статке товаров. Накидка в рознице высока как раз на те товары, которых недостает. До тех пор, пока розница будет в значительной мере в руках частного торговца,—единственным способом борьбы, дающим необходимый экономический эффект, будет оставаться способ выбрасывания на рынок товаров, удовлетворение спроса в которых и будет снижать цены частных торговцев. Для осуществления этого испытанного и верного средства, однако, нужен товарный фонд в руках государства. Другими словами, необходимо расширение продукции фабрик в полном соответствии с ростом спроса. Именно здесь происходит стык интересов крестьянства и пролетариата: только в гармоническом развитии всех сторон народного хозяйства в его подвижном равновесии востановительного процесса и лежит залог успешного сотрудничества, действительной экономической смычки двух основных, решающих, классов Советского Союза. Вместе с тем, каждый шаг в сторону расширения производства есть шаг по пути увеличения производительности труда, по пути снижения себестоимости, по пути снижения цен а, стало быть, и овладения рынком.

Таким образом, проблема снижения различных накидок, дающих возможность накопления частному торговцу за счет труда рабочих и крестьян, упирается в проблему соответственного расширения производства товаров, недостаточно покрывающих рыночной спрос. Задача состоит в том, чтобы постоянно согласовывать и не задним числом, а в порядке предвидения, темп развертывания промышленности с темпом роста товарооборота.

Огромную долю нашего внимания приковывает и должен приковывать крестьянский рынок. Общая конъюнктура крестьянского рынка продуктов сельского хозяйства складывается в этом году на фоне недорода хлебов и кормов, с одной стороны, и расширяющейся продукции технических культур и скотоводства, с другой. В результате сочетания этих факторов, цены на продукты животноводства и технических культур, в первую очередь на лен, стоят низкие, невыгодные для крестьянина. Крестьянское предложение не находит надлежащего спроса и крестьяне тысячами пудов увозят с базаров лен обратно в деревню. Наш Льноцентр заготовил на 1-е декабря всего лишь 491.811 тыс. пуд. льна против 9.283.000 пуд. годового плана. И это при урожае льнов в 12 милл. пуд.

Невозможность для крестьянина реализовать свою продукцию вызывает сокращение его платежеспособности и тем самым тормозит реализацию продукции промышленности, а по цепной связи отражается и на всем народном хозяйстве. Кредитование льнозаготовок и интенсивное их развитие должно стать первоочередной нашей задачей.

Еще хуже обстоит дело с реализацией продукции животноводства. Под влиянием недорода кормов, опасаясь за судьбу скота зимою, крестьянство реализует его в преувеличенных размерах, по ряду районов далеко превышающих убой ремонтного молодняка. Цены на мясо стоят несуразно низкие — в среднем по СССР около 12 к. за фунт.; по некоторым исключительным районам цены на мясо доходят до 5—3 коп. за фунт. У крестьян этих районов сложилась поговорка: «продаем корову за шкуру, а мясодаром».

Выходом из положения должна быть усиленная заготовка и консервирование мяса, угона скота в районы, где есть корм и т. п. Потеря темпа в этом деле грозит растратой мясной продукции зимою и мясным голодом к весне. Задача трудная. Нужно большое напряжение, чтобы с ней справиться, но дело стоит того, чтобы над ним поработать.

Наконец, вполне своевременна постановка проблемы переброски кормов в пострадавшие от недорода районы. Наши транспортные средства настолько улучшились, что подобная задача, если и не полностью то частично, не является неразрешимой.

В предыдущие годы у нас был недостаток предложения на рынке кожсырья. В этом году, в результате усиленного убоя скота, рынки переполнены предложением кож. «Наплыв сырья стихийно велик. Заготовители, даже частные, не охватывают рынка; сырье увозится с базаров обратно в деревню. Такое явление имеет место в Тамбове, Воронеже, Пензе, Саратове, Курске, Калуге и Орле.» (Конъюнктурный обзор Госплана, «Экономическая Жизнь» за 23-е дек. 1924 г.).

О размерах предложения дают некоторое представление следующие цифры и факты: Кэксиндикат заготовил за октябрь месяц в одном Тамбове 20 тыс. штук сырья и за 20 дней ноября еще 30 тыс. шт., в то время, как в прошлом году в октябре заготовок здесь не было. В довоенные же годы заготовки по этому району давали 10—12 тыс. шт., следовательно, были почти втрое меньше заготовок нынешнего года (там же).

Совершенно ясно, что если мы не хотим, чтобы львинная доля кожсырья попала в частные руки (да еще по ценам ниже лимитных), нам надо срочно расширить кожзаготовки и привести наш заготовительный план в соответствие с действительным состоянием рынка.

Особое внимание должно быть обращено на реализацию хлебов. Товарные хлебные массы в этом году меньше прошлогодних, поэтому, в целях регулирования хлебного рынка, в особенности, к весне, нам необходимо ускорить сосредоточение в руках государства маневренного хлебного фонда. Фонд этот необходим не только для регулирования хлебного рынка. Значительный процент наших озимых (по подсчету НКЗем'я до 25% озимого клина) находится сейчас в неудовлетворительном состоянии. Плохое состояние озимых совпадает с районами недорода этого года. Поэтому нам надо готовить семенной фонд на случай вполне возможного весеннего пересева озимых. Особое внимание следует обратить на создание семенного фонда засушливоустойчивых культур для нашего засушливого Юго-Востока.

На хлебозаготовки должно быть обращено наше особое внимание еще также и потому, что это имеет сугубое политическое значение. Скупка хлебов частным торговым капиталом, и, в особенности, кулачеством делает его политической силой, хозяином положения на хлебном рынке, и что еще того хуже дает ему возможность стать в позу благодетеля по отношению к крестьянину бедняку. Мы должны сосредоточить в своих руках достаточный хлебный фонд, чтобы весной быть хозяевами на хлебном

рынке. Мы должны поставить себе задачей направить ход хлебозаготовок в государственное и кооперативное русло. Это важнейшая, имеющая первостепенное политическое значение, задача дня.

Надо признать, что заготовки продукции сельского хозяйства по целому ряду отраслей, хотя и идут в сравнении с прошлогодними удовлетворительно, а по некоторым и превышают их, однако, с точки зрения конъюнктуры текущего года, должны быть значительно усилены (лен, кожа, мясо, свинина и др.). Неблагоприятная для крестьянина конъюнктура на эти культуры, создавая ненормально низкие цены на них, с одной стороны, делает дальнейшее производство для крестьянина нерентабельным и грозит сокращением их посевной площади, с другой — понижает покупательную способность деревни, что является крайне нежелательным с точки зрения всего народного хозяйства. Вот почему мы должны в ближайшее время эти недочеты исправить. Недостающие кредиты необходимо изыскать: они будут восстановлены с лихвой.

4. Проблема связи с мировым рынком.

Наше сельское хозяйство по целому ряду культур уже сейчас развило до предела, превышающих потребность и нашей современной промышленности, и города вообще. Дальнейшее его нормальное развитие требует экспорта этих культур на мировой рынок. У нас есть богатые возможности и благоприятная конъюнктура на мировом рынке к вывозу льна, подсолнуха, свинины, кукурузы и проч. продуктов. Вот как, например, обстоит дело со льном. Главными покупателями льна на европейском рынке являются сейчас Англия и Германия. Цены на лен в Лондоне в червонных рублях за пуд к декабрю были таковы: бежецкий лен 19,14 руб., ржевский 17,70 р., лен 3-й группы 20 р. В Берлине цены стояли от 15,50 р. за моченец 3-й группы до 18,42 р. за моченец 1-й группы или сланцы 4-й группы.

В это же время цены на лен на нашем внутреннем рынке колеблются от 5 р. 50 к. за моченец 2-й группы до 8 р. 10 к. за сланец 3-й группы, причем за ноябрь цены упали от 4,2% до 7,7% по сравнению с октябрем и продолжали падать в декабре.

Особенно необходим экспорт кукурузы. У всех еще в памяти мероприятия по насаждению этой ценнейшей засушливоустойчивой культуры, особенно ценной теперь, когда мы переживаем полосу засушливых лет. Последние два года, за отсутствием должного сбыта на внутреннем рынке, посевы ее из года в год сокращаются (в нынешнем году снова на 10%). Между тем мы имеем вполне благоприятные экспортные возможности: цены на кукурузу в Англии около 1,50 черв. руб. за пуд, в Северной Америке от 1,49 до 1,60 черв. р. за пуд, в Германии от 1,44 до 1,48 ч. р. за пуд, в то время как у нас по главным районам посева кукурузы (Северный Кавказ, Украина) от 40 до 77 коп. за пуд.

Урожай кукурузы в нынешнем году исчисляется в 106 милл. пуд. При невозможности в нынешнем году экспорта ржи и пшеницы, возможность экспорта других хлебов для нас особенно важна. Наш совершенно недостаточный план заготовок (6 милл. пуд.) мы должны немедленно расширить до возможных пределов, используя в этом отношении каждую возможность. Капиталистический мир нуждается в продукции нашего сельского хозяйства. Цены для экспорта вполне подходящие. Дело за нами.

В монополии внешней торговли мы имеем такую командную высоту, занять которую, вообще говоря, доступно только пролетарскому государству.

Надо сказать, что в первые годы новой экономической политики мы пользовались этой высотой почти только, так сказать, пассивно, как крепостью, закрывающей дорогу к нам частному капиталу. Теперь мы уже пару лет пользуемся ею активно для наших сношений с внешним миром. И надо сказать, что эта командная высота открывает нам еще неиспользованные, вернее еще чрезвычайно мало использованные, возможности. В нашей практике текущего регулирования рынка нам приходится встречаться с таким положением, когда тот или иной продукт в данном сезоне не может быть произведен внутри СССР в необходимых размерах. Это задерживает товароборот, срывает наложенные отношения цен, тяжело отражается на всем народном хозяйстве. Монополия внешней торговли дает нам исключительную возможность в таких случаях пополнить наш маневренный товарный фонд, необходимый для овладения рыночной стихией, товарами, закупаемыми нами за границей. Так было, например, с сахаром, так будем мы поступать и впредь в соответствующих случаях. Эта возможность — маневрировать не только товарами, произведенными внутри СССР, но через монополию внешней торговли и товарной продукцией капиталистических стран — дает нам несспоримое преимущество над частным капиталом, дает нам полную возможность регулирования рынка, обеспечивает проведение нашей политики цен и, тем самым, обеспечивает твердую покупательную способность нашего червонного рубля, обеспечивает прочность нашей денежной реформы.

5. Заключение.

Как же должны мы оценить наши достижения в области подчинения себе мелко-буржуазной стихии и те перспективы, которые у нас впереди?

Мы все помним, с какими силами и с каким состоянием нашего хозяйства мы вступали в полосу новой экономической политики. Состояние нашего народного хозяйства теперь весьма значительно улучшилось по сравнению с исходным. В 1920/21 г. наша промышленность была лишь на уровне 18% по сравнению с довоенной. Теперь восстановительный процесс зашел уже так далеко, что перед нами во весь рост, во всей ее грандиозности в недалеком будущем встанет проблема основного капитала, необходимого для ее дальнейшего развития.

По подсчетам наших статистиков, в текстильной промышленности уже через год мы подойдем к полному исчерпанию неиспользованного

еще довоенного оборудования. Во всей остальной промышленности в целом эта проблема станет вопросом сегодняшнего дня, в среднем через пару лет. Уже сейчас необходимо реально, по деловому приступить к разработке этой важнейшей проблемы нашей экономики. Для Госплана разработка этой проблемы должна стать уже задачей сегодняшнего дня.

Мы ведем работы по электрификации, строим ряд мощных станций. Через год первая группа их будет уже пущена в ход. Становится уже задачей сегодняшнего дня: практически увязать дальнейшее развертывание нашей промышленности с первыми результатами наших электрификационных работ. Проблема реконструкции промышленности из стадии перспективных планов переходит в порядок сегодняшнего дня.

А ведь каждый шаг, каждое достижение в области промышленности в области любой из наших командных высот есть шаг по пути все большего нашего преобладания над мелко-буржуазным производством и над рынком.

Распределение, то что мы называем рыночной стихией, в первую очередь, является моментом подчиненным производству. Каждый наш шаг по пути развертывания и улучшения производства, каждый наш шаг по пути электрификации есть шаг постепенного подъема на такие высоты, которые обуславливают собою наше господство и над процессами распределения и над процессами производства.

Успешное завершение денежной реформы не только дало нам вполне доброкачественный денежный знак, с успехом выполняющий функции денег, но и дало возможность построения вполне реального, а затем и бездефицитного, бюджета.

Упорядочив наши финансы, денежная реформа, вместе с системой банков, дала в руки пролетарского государства орудие, являющееся последним словом социально-экономической техники монополистического капитализма — централизованный кредит.

Эта новая командная высота, созданная нами почти из ничего, ставит нас в совершенно исключительное положение по отношению к частному рынку, мелко-буржуазному и даже средне-буржуазному миру вообще.

Открытие или закрытие кредитов, централизованных в руках государства, переброска капиталов из одной отрасли хозяйства в другую является такой силой, которая способна противостоять и противостоит даже слепым стихийным силам природы, поскольку они отражаются в экономике.

Централизованный в руках пролетарского государства кредит является решающим фактором регулирования хозяйства, фактором, вносящим решающие корректизы, способным и вызывать и предотвращать кризисы.

Капиталистический мир раздирается безысходными противоречиями между прочим и потому, что ему не дано до конца централизовать кредит, объединив его в одно целое, возглавляющее все мировое хозяйство, именно потому, что он не может выпрыгнуть из своей собственной оболочки, отказаться от самого себя, вынуть у себя свою «живую душу»—конкуренцию.

Народное хозяйство СССР уже потому одному является высшей хозяйственной формой по сравнению с капитализмом, что оно имеет систему кредита, централизованную в руках государства. Эта высшая организационная форма, являющаяся выходом из противоречий современного капитализма и доступная, опять-таки, лишь пролетариату после социалистического переворота,—дает нам все возможности дальнейшего экономического развития.

Эта командная высота, построенная нами, чрезвычайно усиливает и остальные наши командные высоты, увеличивает возможности их планомерного развития.

Вместе с централизованной системой кредита мы получили в свои руки величайший фактор,—построенное по последнему слову капиталистической техники, орудие регулирования.

Думаю, что мы имеем все основания быть оптимистами.

При условии внимательного отношения к нуждам нашего союзника—крестьянства, неуклонно согласуя развертывание нашей промышленности с потребностями и темпом роста нашего сельского хозяйства, опираясь в своей работе регулирования на наши командные высоты и ни на минуту не забывая, что в наших условиях регулировать рыночную стихию это значит—направлять процессы рыночного распределения и мелко-буржуазного производства в такие рамки, в такие формы, при которых судьбы рабоче-крестьянского блока были бы максимально обеспечены,—мы имеем полную возможность развертывать наше хозяйство, неуклонно ведя его в сторону обобществления и не опасаясь за судьбу его даже в том случае, если помочь от западно-европейского пролетариата задержится на годы.

Конечно, если мы распустим возки и, спустя рукава, будем следовать принципу *laissez faire, laissez passer*¹⁾, то у нас начнется восстановительный процесс капиталистического хозяйства.

Но этого не может произойти и не произойдет, пока пролетариат, опираясь на свой союз с крестьянством, будет оставаться у власти и свою волю к обобществлению хозяйства, к построению социалистического общества, будет претворять в дело регулирования социально-экономических отношений всей страны.

¹⁾ Вольный перевод: будь, что будет.

Г. М. Красиновский.

Плановые вопросы.

1. Общая ситуация и плановое хозяйство.

Не только наше, но и все европейское хозяйство можно считать находящимся в состоянии, еще несущем на себе явные следы послевоенной разрухи. Стабилизация валют для многих государств является событием только вчерашнего дня. Однако эта стабилизация отнюдь не означает даже временной стабильности всего капиталистического механизма в его целом.

В цепи главнейших государств—поставщиков мирового рынка—положение нашей страны в экономическом отношении особенно затруднительно. С одной стороны, она является единственной страной советского режима и яростно ненавидима, поэтому, заправилами капиталистического мира. С другой стороны, она должна реализовать дальнейшим развитием своего политического и экономического строя коренную ломку всей капиталистической системы. Другими словами, мы еще в начальном периоде по проведению в жизнь крупнейшего из крупных дел, когда-либо творившихся руками людей. Можно ли удивляться поэтому тем гигантским трудностям, которые мы встречаем на каждом шагу и тем «детским болезням», которые столь естественны для всякого крупного починя?

В поисках спорных пунктов в этом нашем строительстве социалистического хозяйства мы с неизбежностью должны были выдвинуть идею о плановом хозяйстве. В более или менее разработанном виде мы встречаем эту идею в проекте электрификации РСФСР, принятом к исполнению на VII-м Съезде Советов в декабре 1920 года. С весны 1921 г. была организована Государственная Плановая Комиссия, главнейшей задачей которой и была поставлена плановая хозяйственная проблема. Стсит, однако, вспомнить весну 1921 г., чтобы понять тогдашнюю необходимость некоторого специфического уклона работы Госплана в сторону почти исключительно текущей хозяйственной практики. Перспективный план народного хозяйства, это, по преимуществу, план строительный, план реконструкции всего народного хозяйства на новых технических и экономических началах. Такой план и был разработан в нашем проекте электрификации. Но в период кризисов и разрухи не до реконструкции—быть бы только живу. При таких условиях плановая работа сводится прежде всего к борьбе за некоторую

устойчивость хотя бы основных элементов хозяйства. 1921 и 1922 г.г. работы Госплана как раз прошли под знаком этой элементарной борьбы за хозяйственный минимум. Голод 1921 года, конечно, со своей стороны, немало способствовал обострению хозяйственного положения. В течение 1923/24 г. мы последовательно, в напряженной борьбе, завоевывали этап за этапом те основные хозяйственные позиции, без закрепления которых не приходится и думать о нормальном развертывании планового хозяйства. Постепенно топливный, транспортный и продовольственный кризисы отступали перед нашим натиском и превращались в историческое прошлое. Явилась возможность крупнейшей денежной реформы в виде перехода к твердой валюте. Тем самым давалась здоровая почва для всего товарооборота и в чрезвычайной степени умножались наши возможности счета, учета и—тем самым—предвидения.

Одновременно и в области сельского хозяйства, и в области промышленности были пройдены первые труднейшие этапы по преодолению недавней разрухи. Если бы не частичный недород истекшего 1923/24 хоз. года, мы бы уже в ближайшем с.-х. сезоне достигли дооценной величины посевной площади. В области промышленности хозяйство перестало быть дефицитным, а самая организация промышленных органов все более и более приближается к нормальным типам единого государственного промышленного механизма. Все это, взятое в целом, прежде всего дало возможность значительной устойчивости и реализма в государственном бюджете, представляющем в настоящее время наименьшее опережение по всему флангу плановой работы. Конечно, и в бюджетной работе перед нами еще целый ряд больших трудностей. Бюджет—этот текущий оперативный план наших государственно-централизованных финансовых операций—при всем своем реализме еще не читается нами, как некоторый отрезок от общего перспективного финансового плана. Разработка этих общих финансовых перспектив финансового плана в его целом еще встречает целый ряд непреодоленных трудностей. Но задача разработки общего финансового плана становится все более и более очередной и разрешимой. Тем самым все острее надвигается необходимость увязки в единое целое основных элементов народного хозяйства, существующих служить базисом как самого бюджета, так и всего финансового плана. Мы таким образом вновь возвращаемся к первому проекту перспективного хозяйственного плана, развитому в проекте электрификации, или, вернее, к необходимости его критического пересмотра развития и дополнения.

Отсюда отнюдь не следует, что наряду с постановкой такой общей задачи нам оказалось бы возможным с решительностью отодвинуть на задний план те вопросы планового вмешательства в гущу текущей хозяйственной практики, которые до настоящего времени составляли основную «злобу дня» Госплана. Отнюдь нет! Нам придется потратить еще целый ряд лет

для накопления необходимых хозяйственных и финансовых резервов в таком виде и в таком количестве, чтобы обеспечить дальнейшее беспе-ребойное функционирование всего хозяйственного механизма. Немало усилий придется потратить и на организационную работу, чтобы довести уровень действующих учреждений до такого состояния, при котором в дальнейшем можно уже ограничиться лишь мелким текущим ремонтом. А пока ни то, ни другое не достигнуто, неизбежно должно создаваться такое положение, при котором, зачастую, интересы сегодняшнего дня, сегодняшней хозяйственной практики, с необходимостью становятся преобладающими. К тому же, нам приходится распахивать такую новину, что сама эта текущая, повседневная практика приобретает особо важное значение в смысле ознакомления нас с реальной обстановкой и с действительными ресурсами в неслыханно трудной хозяйственной борьбе.

Тем не менее факт остается фактом: задача перспективного народно-хозяйственного плана становится все более и более очередной. Но поскольку всякий такой план приходится укладывать в определенные календарные рамки, одним из основных вопросов при его сверстке является вопрос о масштабе и темпе роста хозяйственных кривых, о той скорости, с которой весь народно-хозяйственный организм должен двигаться по этому плану вперед.

Сравнивая наше хозяйственное положение в 1920 году с нынешними условиями, мы, конечно, должны будем признать, что за истекшее четырехлетие и наша и мировая обстановка резко изменились. Для нашей цели достаточно подчеркнуть, что в области экономики рост нашей действительной связи с мировым рынком и с мировым оборотом капиталов идет гораздо более замедленным темпом, чем это нам представлялось в 1920 г. Да иначе и не могло быть. Социальный и экономический строй нашего Союза по сути дела отделен от государств капиталистического мира не простым рубежом, а целой пропастью, и сообщение с этим миром возможно только в ограниченных пределах передвижения по искусственным мостовым сооружениям. В последнем счете судьбы нашего хозяйственного развития, как ни в какой другой стране мира, в крепчайшей степени связаны с судьбами нашего внутреннего рынка. А это, в свою очередь, предрешает в весьма значительной степени самый темп развертывания хозяйственного организма.

В свое время тов. Ленин ярко выдвинул свою известную формулу: «лучше меньше, да лучше». Он же, при оценке возможностей нашей экономической политики и, в особенности, учитывая наше положение среди крестьянского моря, дал и вторую, не менее яркую формулировку основного момента этой политики: лучше медленнее, но, вместе с продвижением вперед масс, всячески избегая отрыва нашей активности от активности рабоче-крестьянских масс.

Этими предпосылками в очень большой мере предопределяется весь характер нашего хозяйственного творчества. Величайшая экономия во всем нашем хозяйстве становится для нас не простой элементарной

формулой — директивой хозяйственного упорядочения, но и решают им политическим постулатом.

Постоянный и неизбежный на первых порах проигрыш с количественной стороны, мы, как ни одна страна в мире, должны наверстывать поправками на качественную сторону этих хозяйственных достижений, поправками в связи с тем обстоятельством, что нашей хозяйственной работой мы строим новый мир, отличный от того, который остался за рубежом Красного Октября.

Нам думается, что сказанного достаточно, чтобы видеть, почему мы придаём такое особое значение в вопросам реконструкции нашего хозяйства на основах плана и нового технического базиса. Лишь только таким путем сможем мы преводиться вперед с необходимой для нас сугубой экономией сил и средств в сторону выравнивания нашего экономического фронта с фронтом политическим.

2. О некоторых конкретных темах по пересмотру плана электрификации.

Наш рабочий и хозяйственный день по прежнему преисполнен остройми текущими нуждами. В таких условиях к обобщающей и абстрактной, до некоторой степени, работе прибегаешь лишь при крайней необходимости. Наша действительность еще преисполнена такой революционной и революционирующей динамикой, что краски ее, сами по себе, являются достаточно выразительными. Оперативная практика до такой степени увлекает и «довлеет» сама по себе, что не оставляет времени и ресурсов для работы обобщения, столь же требовательной, как и художественное творчество.

Но пересмотр некоторых хозяйственных плановых вопросов по схеме, данной планом электрификации, как раз удобен в том отношении, что таким путем нам легче всего удастся придать «плоть и кровь» той дозе «теории», без которой никак не обойтись при анализе возможностей плановой работы.

Поразительное для каждого внимательного глаза творчество новой жизни, развертывающейся перед нами в картинах нашей повседневности, еще и еще раз подтверждает справедливость высказанной К. Марксом мысли, что «один шаг практических достижений важнее дюжины программ». Плановое начало должно быть, поэтому, так проводимо в жизнь, чтобы гарантировать нас от самомалейшего пренебрежения этим практическим повседневным опытом. Не даром предупреждал нас т. Ленин о той великой опасности, которая угрожает плановой работе в так наз. «бюрократизации плана». Однако, утверждая высказанное, мы отнюдь не думаем, что самое завоевание плановых позиций отныне достижимо только стихийным порядком. Отнюдь нет. Общая наметка этих позиций, основные директивы в борьбе за плановое хозяйство, по сути дела, являются плодом не только нашей, но и европейской практики и теории. Разработка самих плановых хозяйственных предположений отнюдь не в форме жестких схем, а лишь в качестве основных ориентировок, продвижение вперед по методу последовательных вариантов приближений к потребностям подлинной действительности,

необходимость комбинированной работы по составлению планов перспективного характера и планов текущих операционных,—все эти положения мы считаем прочно вошедшими в сознание широкого круга работников на хозяйственном фронте. Но, суммируя вышесказанное, нетрудно понять, какой значительный шаг мы сделали бы вперед, если бы, на-ряду и на основе продолжающейся в Госплане работы по составлению текущих оперативных планов в разнороднейших областях нашего хозяйства, мы нашли, так сказать, «второе приближение» перспективного плана электрификации.

Четыре года, истекшие со времени опубликования плана электрификации, несомненно являются необычайно многозначительными для всей нашей последующей экономики. С гораздо большим реализмом, чем это было возможно в 1920 г., мы можем в настоящее время определить доступный для нас масштаб и темп осуществления технической и экономической реконструкции всего нашего хозяйства. Вспомним, что проект электрификации намечался для весьма у словного десятилетия. Уже в речи тов. Ленина на VIII-м Съезде Советов и в целом ряде наших последующих заявлений неоднократно подчеркивалось, что здесь дело идет, может статься, отнюдь не об одном десятилетии, так как весь план электрификации является прямой производной от многих и многих величин не только нашего, но и международного хозяйства. Анализ масштаба и темпа реконструкции по плану электрификации, хотя бы и не окончательный, хотя бы дающий нам только «второе приближение», — вот, думается нам, первая очередная тема в намеченной работе.

Четырехлетняя работа Госплана дает весьма значительный материал для проверки основных предположений о необходимых средствах на основные отрасли нашего хозяйства, на новое ж.-д. строительство и, специально, на электрическое хозяйство, которые лишь в весьма грубых, приблизительных чертах были намечены в плане электрификации. Один момент нам при этом хотелось бы особенно оттенить. Вся программа развертывания нашего хозяйства в особой степени связывалась с некоторыми общими расчетами по нашему экспортту и импорту, при чем выходило так, что условное десятилетие плана электрификации в среднем нам дает активность торгового баланса в размере около 1 млрд. ежегодно. Вспомним, что наш нынешний активный торговый баланс является величиной совсем другого порядка, показывающей, что самая эта активность находится лишь в состоянии зародыша. Достаточно этого указания, чтобы видеть, с какой осторожностью мы можем расценивать развертываемые ныне нами работы по крупной электрификации с точки зрения размещения их по десятилетней календарной программе. Этого, однако, мало. Нами проделана за это четырехлетие не малая работа по составлению нашего бюджета и по действительному изучению основных статей нашего производства и нашего потребления. Кроме торгового баланса для нас уже весьма реальными величинами являются баланс бюджетный и баланс производства и потребления. Кроме того, новые связи с за-

рубежным миром, несмотря на всю их сравнительную ограниченность, все острее и острее ставят перед нами вопрос не только об активном торговом балансе, но и о наших перспективах по платежному балансу. Подготовительные работы к конференциям Генуэзской, Гаагской и к Лондонским переговорам содержат богатейший материал, еще ждущий своего обобщения и использования при учете дальнейших судеб нашего хозяйства.

Таким образом, выдвинутый нами вопрос об этой основной концепции всей хозяйственной программы в плане электрификации возвращает нас к той проблеме народно-хозяйственного баланса в его целом, которая уже неоднократно выдвигалась нами в качестве одной из основных целевых задач всей работы по составлению хозяйственного плана.

Наряду с этой конкретной задачей, при осуществлении которой мы неизменно должны будем затронуть почти все основные разделы плана электрификации, нам придется обратить особое внимание на то «новое», что должно быть внесено в этот план, во-первых, в связи с новой экономической политикой и, во-вторых, в связи с тем обстоятельством, что весь уклон мировой техники, как раз в самое последнее время, сделал ряд самых решительных сдвигов в роли, выпавшей на долю электрификации в общей энергетике хозяйства. Мы увидим в дальнейшем, что это новое отнюдь не влечет за собой каких-нибудь принципиально существенных изменений в плане электрификации. Однако, в 1920 г., т.-е. в тот год, когда писался план электрификации, мы не предполагали двигаться вперед исключительно на плечах денежного хозяйства, а наши связи с западом были так слабы, что мы могли скорее лишь догадываться о прогрессе энергетики в ее целом, чем знать точно относящиеся сюда своеобразные факты и цифры. Попробуем хоть в немногих чертах отметить существенное, что ни в коем случае не может быть упущенное в этом направлении в защищаемой нами теории плановой хозяйственной работы.

3. Плановая роль кредита.

Не приходится отрицать, что в смысле общей планомерности производства капитализмом проделана громадная работа. Развитие прикладных наук, концентрация производства, рациональное использование материальных условий его шли рука об руку с значительным расширением области хозяйственного планирования. В пределах стен современных фабрик и заводов, нередко представляющих собою гигантов, работающих непосредственно на мировой рынок, мы встречаем не только стройную систему разделения труда и согласованности громадного числа работающих и сложную кооперацию машин и механизмов, но и до тонкости продуманный план всего производства и воспроизводства в его целом, часто охватывающий перспективу многих лет. Начиная с XX века капитализм вступает в специфическую fazu финансового капитализма, где идея известного предвидения и плана получает, максимально возможное в пределах этого строя, поле действия. Анализ

показывает, что для этого финансового капитализма наиболее характерным обстоятельством является начало монополии, решительно противопоставляемое им еще так недавно господствовавшему в капиталистическом мире принципу свободной конкуренции. А крупное монопольное хозяйство может балансировать, лишь базируясь на том или другом плане своих сугубо централизованных операций.

В своей работе о современном империализме Ленин показал нам, каким образом капитализм XX века живет под знаком банковских фирм типа Рокфеллеров и Морганов, как банковский капитал становится все-покоряющим началом не только в области кредита, но и в области самого производства, как видоизменяется роль бирж, как сами государственные сберегательные кассы и почтовые государственные учреждения становятся щупальцами и фактическими отделениями гигантских банковских концернов. Эта сложная система банков и касс представляет весьма тонкий механизм мобилизации и использования материальных и живых ресурсов, в известных пределах доводящий до минимума их простой и растрату.

Казалось бы, еще один шаг вперед и капитализм путем развитой финансово-кредитной системы с ее стратегией, охватывающей мировой рынок, сумеет справиться с самой цикличностью капиталистического процесса производства в его целом, со сменой периодов подъема и кризисов, создающих столь губительную анархию. Но как раз этого-то шага и не дано сделать капиталистическому методу производства.

Кровавые события империалистической войны еще ярко живут перед нашими глазами. Лучше любых наших слов они показывают всем имеющим глаза, чтобы видеть, в каком безвыходном противоречии находится финансовый капитализм, отдающий судьбы мира в руки ничтожной горстки банкиров.

Действительный переход к обобществленному, а, потому, неизбежно плановому хозяйству, возможен лишь после того, когда будет низвержен трон современной plutokratии, и мы видим, как на наших глазах осуществляется эту работу могильщик капитализма, пролетариат.

Мы знаем, что действительное царство пролетариата неизбежно сопровождается предварительным основательным разрушением всего государственного буржуазного уклада. Несколько иная ситуация создается для пролетарской диктатуры в области экономики. Правда, и здесь при рубке леса не обойтись без щеп. Но, во всяком случае, как раз в этой области мы получаем от предшествовавшей общественной формации не только одно отрицательное, но и громадное положительное наследство. В области политического строительства наш прогресс прямо пропорционален выметанию из обихода всех тех общественных связей, традиций, навыков, которые составляли прямую основу громадной инерции буржуазного общества. В области экономики мы движемся вперед в весьма значительной степени на основе тех завоеваний техники и развертывания тех возможностей производства и обращения, которые даны уже капитализмом.

В свое время Фр. Энгельс в своей русской переписке определенно подчеркивал, что для России, при условии наличности в ней радикального политического переворота, создается совершенно особая ситуация. И он, и Маркс отмечали, что дальнейшие возможности в этой ситуации в значительной степени будут зависеть от положения дел на Западе. Шансы положительного социалистического строительства, говорили они, конечно, чрезвычайно возрастают, если одновременно с политическим переворотом в России будет реализован социалистический переворот на Западе. Мы и теперь научились проводить анализ несколько дальше. Мы координируем шансы нашего строительства не только с социалистическим переворотом на Западе, но и с моментами весьма разнообразных обстоятельств, движущими к таковому перевороту и, в частности, с простым нарастанием тех антагонизмов в стане наших врагов, которые неизбежны в системе империализма. Однако наряду с соображениями подобного рода Энгельс подчеркивал, что наличие развитой европейской техники позволит в значительной степени сократить нам этапы нашей хозяйственной работы по сравнению с Западом. Вам нет надобности, говорил он, пользоваться машинами устаревшего типа, подобно тому, как для вас же оказалось возможным в краткий срок ввести в вашей стране ту систему кредитных учреждений, которая строилась и проводилась в западной Европе веками.

Такая постановка вопроса неизбежно приводит нас к выводу очрезвычайном значении системы кредита и банков во всем нашем социалистическом хозяйственном строительстве. Подобному, как в нашей работе по приобщению мелкого раздробленного производителя крестьянина к организму строящегося нами государственного хозяйства мы придаем громадное значение подходу к этому вопросу именно со стороны процессов обращения, методами некоторого планирования в области торговли, так и судьбы социализирования всего нашего процесса производства в его целом в значительной степени будут зависеть от наших умелых действий в области кредитной системы. Французские коммунары 1871 г. своим бережным отношением к аппарату французского национального банка сделали двойную ошибку: они упустили момент для нанесения удара в самое сердце своего врага и не использовали того оружия, без практики обращения с которым они в дальнейшем все равно не смогли бы обойтись. В этом смысле история нашей банковской практики уже и теперь представляет особый интерес, и не только для нас.

В недавно опубликованной речи т. Ленина, произнесенной им 4 апреля 1917 г. на Всероссийском Совещании партийных работников, созванном Бюро ЦК во время Всероссийской конференции Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, уже резко выдвигался на первый план вопрос о предстоявшем вмешательстве в дело организации кредита. В. И. как раз говорил в защиту тех своих знаменитых тезисов, которыми положены были основы для всей последующей деятельности коммунистической партии. Пункт VIII этих тезисов отмечал, что перед партией стоит задача не непосред-

ственного введения социализма, а переход тотчас «лишь к контролю со стороны Советов Рабочих Депутатов за общественным производством и распределением продуктов».

В связи с такого рода позицией, В. И. утверждал, что «мы не можем взять банки в свои руки, но мы проповедуем их объединение под контролем Совета Рабочих Депутатов». С нашей теперешней точки зрения такого рода соображения, как вообще все те мысли, которые развивал В. И. в защиту своих знаменитых тезисов, бросаются в глаза своим глубоко продуманным, крайне осторожным подходом к разрешению назревших проблем действительности. Мы знаем, что фактически в самом скором времени пришлось покинуть позицию «контроля» и перейти к самому решительному оперативному вмешательству как в области банковской, так и в области производственной деятельности. Однако в ту пору, когда произносил свою знаменитую речь В. И., многое и многим казалось в ней смелым и неожиданным до парадоксальности. А в настоящее время в этой же самой речи мы с особым интересом отмечаем уже те места, где т. Ленин, ссылаясь на Маркса, утверждает, что банки являются «организацией общественного счетоводства», первом и фокусом народного хозяйства.

Маркс, как известно, был глубоким знатоком истории и практики кредитной и банковской системы. Но из социологических работ Маркса для нас, очутившихся «по ту сторону» социалистического переворота, думается мне, особый интерес имеют некоторые отдельные замечания, разбросанные в его гениальных примечаниях к «Готской программе». Читая и перечитывая эти примечания и сравнивая предположения Маркса с нашим собственным опытом, невольно поражаешься пророческим предвидением автора. Именно в этой работе Маркс рисует социалистическое строительство как процесс последовательных трансформаций той экономики, которую мы получаем по наследству от капиталистического строя. Маркс подчеркивает, что эта экономика еще долгое время будет носить на себе «материнские пятна» предшествовавшего строя. Он предвидел, что еще на значительный период не придется освободиться от института заработных плат и всего аппарата денежного хозяйства. Отказываясь с глубоким чувством реализма от всякой детализации будущего социалистического строительства, Маркс, тем не менее, находит необходимость отметить, что одной из первых забот нового общества будет создание таких страховых фондов, которые обеспечивали бы воспроизводство.

История нашего собственного хозяйства показывает нам, что нам не долгое время удалось пробалансировать на основах антагонизма с денежным хозяйством и его атрибутами. За периодом военного коммунизма последовала пора новой экономической политики, всерьез и надолго приковывающей нас именно к денежно-товарному хозяйству. От нивелировки заработных плат и их натуральных форм, что, по сути дела, представляло подрыв самого института заработных плат, мы повернулись к детальной и продуманной проработке тарифных сеток. Обстоятельства наших неурожаев уже давно с особой остротой выдвинули перед нами необходимость

собразования специальных страховых, продовольственных и семенных фондов. Необходимость деятельного вмешательства в рыночную игру цен—на-ряду с наличностью централизованного аппарата внешней торговли—все с более и более настойчивой силой выдвигают перед нами проблемы оперирования с разнообразными запасными денежными и товарными фондами. Восстановительная и реконструкционная работа в области промышленности, в свою очередь, ставит перед нами проблемы восстановительного и реконструкционного фондов. Нетрудно предвидеть также и самую настоящую необходимость нашей дальнейшей и самой напряженной работы в весьма различных направлениях в области социального и государственного страхования. Социалистическое строительство, как это верно подчеркнуто Марксом, должно в особой степени быть озабочено страховкой своего завтрашнего дня в самом широком смысле этого слова. Однако операции образования всякого рода запасных и страховых фондов и самые операции страховки по сути дела являются лишь звеньями единого кредитно-банковского аппарата. Весь сложный механизм кредитно-банковской системы капиталистического мира, представляющий последнее слово техники денежного хозяйства, должен быть претворен нами в ясную и доступную для всех грамоту нашего социалистического хозяйства. От намеренно или, вернее, злонамеренно запутанных для «непосвященных» иероглифов банковской отчетности и закулисных тайн банковских концернов до этой популярной грамоты—громадная дистанция. Банковская кредитная проблема в социалистическом строительстве стоит перед нами, как совершенно специальная проблема, имеющая решающее значение для самих методов планового воздействия на всю нашу хозяйственную структуру.

Очевидно, что в этом направлении нами проделаны только первые шаги. Мы видели, как на наших глазах из совершенных обломков восстанавливалось самое кредитное дело. Мы знаем, какая почетная роль выпала на долю нашего Государственного Банка в деле стабилизации нашей валюты. На наших глазах этот банк превращается в Банк Банков, одно перечисление которых наглядно показывает, как тесно связана кредитная деятельность с важнейшими функциями и отраслями всего нашего хозяйства. Но если в прошлом в организации и деятельности этих банков Госплан, как проводник планового начала в нашем хозяйстве, играл лишь относительную роль, то совершенно ясно, что в дальнейшем без тесной связи и согласованности в действиях Госплана и Комитета Банков нам предстояло бы лишь бюрократическое извращение планового начала, а не его дальнейшее здоровое развертывание.

Разрыв страховых в широком смысле этого слова операций с операциями тех разнообразных кредитных ссуд, которые расцениваются прежде всего с точки зрения элементарной прибыльности,

в последнем счете превращают банки капиталистического мира из полезных орудий мирной мобилизации капиталов в первоисточники подлинной военной мобилизации, в виновников кровавых империалистических войн. Нам предстоит опрокинуть всю эту систему на голову нашим обычным методом апелляции к активности широчайших масс. Наше банковское строительство неизбежно должно было начаться сверху, однако дальнейшие судьбы его — всецело в руках самих трудящихся. В этом смысле наши банки в дальнейшем все более и более будут носить определенно выраженный «кооперативный» характер в широком значении этого термина.

Вот почему наши банки своими хозяйственными операциями в своих же собственных интересах должны говорить языком популярной грамоты. А это в свою очередь невозможно, если с самого начала мы не поведем их под знаком ясно преследуемого в их работе народно-хозяйственного плана. Кредит и план являются, таким образом, родными братьями в единой социализирующейся системе, тесно связанными единством интересов.

4. Энергетика, как основа хозяйственного планирования.

Мы видели, что в нашем хозяйственном строительстве нам еще долгое время придется двигаться вперед на плечах денежного хозяйства. Поэтому, как бы ни трансформировались в условиях наших советских республик органы кредитной и страховой системы, рвать своей пуповины с этим денежным хозяйством они все же не могут и не должны. Наши банки, наши страховые и кредитные организации в основе своей должны базироваться на коммерческом и хозяйственном расчете. Тем самым даются известные вехи плановому вмешательству в кредитно-страховые операции, тем самым и даются гарантии от опасных извращений в сторону «бюрократизации плана». Система наших банков, как и система банков капиталистического мира, должна быть глубоко и действительно вкраплена в сложный и разветвленный механизм товарно-денежного хозяйства, являясь главнейшим регулятором всей системы товарно-денежного обращения, создавая своеобразное единство «общего котла» в этих многоразличных денежных и товарных массах.

Страны, особо ушедшие вперед в своем промышленном развитии, одновременно являются странами с особо энергично развитой и оживленно пульсирующей системой гигантских банков. Эти гигантские банковые концерны уже не довольствуются своей непосредственной ролью заправил процессов денежного обращения. Они все более и более решительно вторгаются в распорядки самого производственного механизма и превращают представителей промышленного капитала в своих простых приказчиков. Но как раз в странах развитого капитализма XX-й век сопровождался не только выступлением на авансцену финансового капитала, но и решительным сдвигом в самых основах производственной обстановки. Суть дела здесь не просто в том, что в XX-м веке с особой силой продолжается наметившийся и ранее процесс укрупнения производственных ячеек. Сама концентрация приобретает такие формы, в такой степени приближается к почти фактически «государственному»

производству, что на наших глазах количество явным образом превращается в качество. Мы видим, как во все более и более организованное единое хозяйственное целое объединяется целый ряд разнообразных трестов по принципам вертикального и горизонтального сочетания.

На длинном пути перехода от ремесленного цеха и мануфактуры конца средних веков к современным фабрикам и заводам, решающая роль выпала на долю парового стационарного хозяйства и парового транспорта. Лишь на основе этого парового хозяйства были преодолены первичные препятствия по превращению местного, локально-ограниченного производства в производство, работающее на все более и более расширяющийся экономически и территориально рынок. Без парового транспорта и без соответствующего налаживания почтовой связи нельзя себе представить работу по первоначальной концентрации промышленности, столь характерную для победного марша капитализма.

В XX-м веке на авансцену решительно выступает электрохозяйство с своим могучим и совершенным электроприводом, с своими электро-передачами на многие сотни верст, с своим электротранспортом, телеграфом и радио. Умение превращать в электрическую энергию самые разнородные запасы топлива, силу падения воды и движения воздуха, новые завоевания в процессах превращения тепловой энергии в электрическую и обратно, все далее и далее идущее практическое использование закона взаимной превращаемости энергии¹⁾, прогресс в технике моторостроения и динамостроения, усовершенствование турбинного дела и двигателей внутреннего сгорания, прогресс электрохимии и электрометаллургии,— все это совершенно революционизирует нашу практическую технологию. Как никогда ранее, чувствуем мы единый фронт противостоящей нам природы, диктующий, в свою очередь, такое же единство нашего фронта для успешной борьбы со стихиями этой природы.

Нетрудно показать, каким образом наука об электричестве и практическая электротехника в необычайной степени расширили практическое использование основного закона о единстве и взаимной превращаемости различного вида энергий. Именно с этой стороны, в создании такой производственной установки, при которой выгоды единого энергетического хозяйства становятся ясными до прозрачности, классовая борьба пролетариата за обобществление средств произ-

¹⁾ И в этой области Фр. Энгельс поражает своим пророчеством. Только в нынешнем году опубликована, благодаря т. Рязанову, переписка Фр. Энгельса с Бернштейном. В одном из этих писем мы читаем: «Шум об электротехнической революции (у Фольмара), который в этом деле абсолютно ничего не понимает, только реклама для изданной им брошюры. В действительности это дело имеет чрезвычайно революционный характер (Подчеркнуто нами. Г. К.). Паровая машина учит нас превращать теплоту в механическое движение, но пользование электричеством открывает нам путь превращения всех форм энергии, теплоты, механического движения, электричества, магнетизма, света, одной в другую и обратно, и промышленного пользования. Круг замкнут»,—«Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», стр. 342.

водства приобретает необычайно яркое и выразительное подкрепление. В последнем счете оказывается, что лишь наличие «электрических шин» гарантирует особую успешность развернутого фронта борьбы за плановое хозяйство.

Жестокая обстановка империалистической войны и послевоенные события не в малой степени содействовали выяснению значения энергетического хозяйства в судьбах народного хозяйства в его целом. Правда, еще в переписке Маркса и Энгельса, относящейся к началу 80-х годов, уделяется некоторое внимание учению украинского социалиста С. Подолинского, выставлявшего теорию, что человеческий труд увеличивает количество накопленной полезной солнечной энергии. «Действительное его открытие,— пишет о Подолинском Энгельс,— заключается в том, что человеческий труд может задерживать на поверхности земли солнечную энергию и заставлять ее действовать дольше, чем это было при его отсутствии». Однако лишь теперь мы отдаем себе ясный отчет в той связи, которая имеется налицо, между общей работоспособностью наций (ее энергетикой) и тем или иным состоянием ее теплосилового, энергетического хозяйства. Подобно тому, как в период болезни в индивидуальном организме обострение его борьбы за существование сразу выявляет его самые слабые стороны, так и в период глубоких общественных кризисов с особой наглядностью обнаруживаются недостатки и недуги общественных организмов. Несбычайная растрата человеческих материальных ресурсов в период империалистической войны всюду до крайности обострила внутреннее напряжение сил страны, участников этой войны, в борьбе за самую возможность физического существования. В условиях военного и послевоенного кризисов с особой наглядностью выявились те гигантские возможности, которые даны новой техникой XX века, и то печальное противоречие, в котором находится эта развитая техника со всем капиталистическим общественным строем. Послевоенная разруха повсюду ребром поставила вопрос о дальнейшей энергетике, работоспособности, пострадавших от войны, наций. Влюблённый хаос с своей стороны посодействовал разоблачению фетишизма товарно-денежного хозяйства и заставил углубить анализ экономики до его основного производственного базиса. А такой анализ немедленно приводил к выводу, что потенции техники XX века, которая с полным правом может быть названа новой техникой, так велики, что они уже не мирятся явным образом с частной собственностью на средства производства. Оказывается, что по общему правилу итти дальше прежним путем по дорожке отдельных открытий и усовершенствований в технической области бессмысленно, если не будет рационализирован с общественной стороны весь процесс производства в целом. Подобно тому, как было бы бессмысленно вопрос о военной обороне страны решать в том направлении, чтобы поставить каждому гражданину задачей вооружаться чем попало на свой собственный риск и страх, так же бессмысленно представлять организацию фабрик и заводов самодержавной воле частных владельцев. Развитое до гигантских пределов массовое производство само

собой выдвигает на первый план не только снабжение целого национального коллектива или группы наций, но и вмешательство этих коллективов в сторону контроля и регулирования самого процесса производства. Вопросы однотипности, нормальности и упрощенности самих производимых товаров именно в связи с гигантским размером производства и с возможностями дальнейшего укрупнения производственного размаха выдвигаются на первый план так, как этого никогда не было раньше. Новая техника, техника XX века, все более и более явственно становится техникой обобществленного производства, ибо лишь при наличии последнего она может вы прямиться во весь свой гигантский рост. Таким образом вопросы общественного регулирования производства, вопросы планового хозяйства наступают по всему фронту с неотвратимой силой. В дальнейшем, однако, этот переход к плановому хозяйству должен совершаться таким образом, чтобы сохранить в старом механизме производства все то, что содействовало констатируемому нами подъему производственных возможностей. Здесь перед нами опять опасность «бюрократизации плана», на которую указывал тов. Ленин. Чтобы избежнуть этой опасности, необходимо и в производственной области ограничить плановое регулирование только соответствующими командными высотами. Нетрудно показать, что, сосредоточив особое внимание планирующих органов на обеспечении важнейших интересов энергетического хозяйства, мы как раз нащупываем наикратчайшую и наиболее надежную дорогу для нашего социалистического строительства, намечаем важнейшую «командную высоту». В проекте электрификации Советского Союза Республики мы как раз старались с разных сторон подойти к доказательству этого положения. Теперь нам предстоит лишь пополнить эти доказательства данными новейшей западной литературы. По обстоятельствам, отмеченным выше, эта литература, выросшая на почве военного кризиса, чрезвычайно велика и многозначительна. Здесь мы ограничивались лишь постановкой вопроса и лишь в кратких чертаках подчеркнули то, на что следует обратить специальное внимание.

Итак, чем доказывается справедливость нашего положения об энергетике, как основе планирования? Почему дорога партизанской борьбы за частные производственные улучшения, почему отдельные открытия и усовершенствования должны отступить на задний план по сравнению с общими директивами, базирующимися на основных позициях энергетики? Прежде всего и более всего потому, что по линии «общественного уклада» производства мы приходим в наиболее тесное соприкосновение как раз с фронтом энергетики хозяйства. Если прогресс энергетического хозяйства с наибольшей ясностью иллюстрирует отсталость капиталистического уклада, то не подлежит сомнению, что нам, с нашим относительным опережением на политическом фронте, для выравнивания нашей экономики как раз придется обратить сугубое внимание на то последнее слово техники, котороедается богато развитым энергетическим хозяйством Запада. Анализ экономической и хозяйственной действитель-

ности в высокой степени подтверждает справедливость этих соображений общего характера. Подсчет убытков и потерь почти в любой производственной области приводит к тому выводу, что даже в передовых промышленных странах главной виной этих убытков являются не недостатки техники, вернее, не уровень технических возможностей, а общие дефекты всей производственной организации в целом, игра случайностей в операциях сбыта, явные дефекты в комбинировании производства и, в последнем счете, то, что мы называем отсутствием единого фронта борьбы с природой. Коэффициенты полезного действия главнейших электрических аппаратов в большинстве случаев переваливают за цифру 95% и дальнейшие конструктивные искания дадут нам положительный приработок в размере немногих единиц процентов. Точно также коэффициент полезного действия идеальной паровой машины и идеального двигателя внутреннего сгорания лишь немногими процентами отличается от фактической эффективности ныне действующих в установках современного типа паровых машин и двигателей. Совсем другие величины получаются при рассмотрении общих возможностей производственного процесса в целом при его дальнейшей рационализации, при поисках таких комбинатов промышленности, которые дают новые соотношения в расходах тепловой и силовой энергии и притом как раз такие соотношения, которые позволяют наиболее действенным образом использовать своевременное превращение отброса одного вида энергии для полезных целевых действий другого ее вида. Вот тут-то и оказывается, что связанная система электропередач, что развитое и объединенное тепловое и силовое хозяйство служит не только для того, чтобы на наиболее рациональных основаниях концентрировать производство и распределение тепловой, силовой и световой энергии. «Электрические шины»¹⁾ не только углубляют технологическое разделение труда в общественном процессе производства, но впервые создают такую связь производственных процессов и такие экономические коэффициенты полезного действия, которые мы раньше не могли даже предполагать. Это достигается прежде всего не только новыми видами трансформации электрической энергии в энергию тепловую, но и постоянной и умелой обратимостью тепловых резервов в энергию электрическую. Недаром проф. Штейнмезц важнейшую экономическую миссию электрификации видел в том, что «электрические шины» являются лучшими собирателями тепловой энергии. Умелый подбор такого рода промышленных комбинатов дает уже положительный приработок в целые десятки процентов.

К задачам построения правильных с энергетической точки зрения промышленных комбинатов, мы еще, можно сказать, даже и не подошли. Это совершенно понятно, если вспомним, что в большинстве производств мы пока движемся по направлению к еще недостигнутым «довоенным нормам». Наша разруха или, вернее, последствия нашей разрухи еще не позволяют

¹⁾ Под термином «электрических шин» здесь подразумевается объединенное электрическое хозяйство.

нам развертывать полный фронт нашей новой строительной деятельности, а следовательно, всего того преобразования хозяйства, которое предвидится планом электрификации. Но послевоенный опыт передовых промышленных стран наглядно показывает нам, что этой дороги не миновать. Перспективный план развертывания социалистического хозяйства неизбежным образом должен иметь основной осью всех своих построений развертывание этого хозяйства в направлении все более и более совершенной энергетики.

Нам уже не раз приходилось отмечать, как много положительных интересов приходится связывать с командной высотой, именуемой национализацией промышленности. В дальнейшем нам предстоит проделать еще не малую работу, чтобы с полнейшей конкретностью языка цифр и фактов иллюстрировать значение важнейших бастиснов этой командной высоты. Нашиими операциями из этих бастионов в значительной степени предрешается судьба всей нашей работоспособности, всей нашей энергетики. Боечная работа этих бастионов находится в теснейшей связи друг с другом и, по сути дела, они представляют единый боевой комбинат. Тот бастион, который мы именуем электрификацией, обладает аппаратурой для самого надежного, самого верного и самого далекого обстрела. Однако его дееспособность развертывается в полной мере лишь в том случае, если крепки, верны и согласованы с ним позиции другого соседнего мощного бастиона, работающего орудиями теплотехники. Но и тот и другой бастион своей работой как бы только расчищают поле для решающих операций живой человеческой энергии. Энергетика в широком смысле этого слова—это не только производная известного «вооружения труда», но и состояние его «коллективной квалификации».

Победа пролетариата впервые создает такой единый фронт борьбы человека с природой, который уже позволяет поставить вопросы энергетики во всей их широте и с ясностью предвидеть их решающее значение во всей нашей дальнейшей хозяйственной работе.

Hic Rodus, hic salta!

5. Об особой роли электрификации при крестьянском окружении. [

Современное развитие электротехники теснейшим образом связано с индустриализмом XX века и, в частности, с развитием того его крыла, которое именуется тяжелой индустрией. Здесь, в царстве черного угля и черного металла, впервые выявилось на свет паровое хозяйство, здесь же созданы предпосылки для крупнейших успехов хозяйства электрического. Сравнивая ход электрификации разных стран, мы наблюдаем полнейший параллелизм в масштабах промышленного развития этих стран и, в особенности, развития в них тяжелой индустрии с масштабом развития электротехники. 50 млрд. кль.-часов, ежегодно отпускаемых с электрических станций С.-А. Соед. Шт., по сравнению с 2—3 млрд. кль.-час., отпускаемых нашими станциями, нагляднейшим образом характеризуют нашу индустриальную отсталость. Отсюда мы приходим с неизбежностью к тому выводу, что развитие электрификации нашей страны находится в теснейшей связи с даль-

нейшим ростом ее промышленности и, в особенности, в связи с ростом ее тяжелой индустрии. В этом смысле показательно, что счет районных электрических станций, намеченных планом электрификации ССР, ведет свое начало с Донбасса¹⁾, из этой основной резиденции нашей тяжелой индустрии.

Тем не менее, если бы в оценке перспектив нашей электрификации мы применяли только тот масштаб, который характерен и всецело типичен для всех стран, живущих под ярмом неограниченного капитализма, мы сделали бы весьма существенную ошибку. Те противоречия между городом и деревней, которые подмечены еще Марксом, чреваты последствиями для судеб всей капиталистической системы. Наблюдавшаяся до сих пор во всех капиталистических странах, даже наиболее далеко ушедших вперед по пути промышленного прогресса, относительная отсталость земледелия как в технических приемах, так и в темпе расширенного воспроизводства, несомненно, является одним из самых существенных отрицательных моментов всей капиталистической экономики. С этой точки зрения европейское и американское фермерство—еще отнюдь не выход для мирового крестьянства из тупика ограниченности и состояния той «низшей экономической категории», в которую его загоняет современный капитализм. В высокой степени характерно, что в свое время Маркс и Энгельс оказались в рядах школы Чернышевского, защищавшей русскую земельную общину, как своего рода антагониста буржуазного мира. Непосредственное включение этой общины в систему мирового капитализма Маркс и Энгельс теснейшим образом связывали с пролетарской революцией на Западе и политическим переворотом в России. Однако историческим судьбам было угодно, чтобы политический и социальный переворот в наиболее решительных формах впервые реализовались именно у нас, а не на Западе. Тем самым судьбы русского крестьянства еще теснее оказались связанными с возможностями, дающимися этому крестьянскому хсяйству оригинальными сдвигами, порожденными Октябрьской революцией. Припомните, как много надежд было связано у Владимира Ильича с крупным машинным хозяйством, с электрификацией в их совместном походе из города в деревню, наряду с тем значением, которое он придавал развитию кооперации при наличии диктатуры пролетариата. Ленинизм включает в себя одним из существеннейших моментов не только учение об исторической плодотворности союза с крестьянством, но, как экономическое учение, он намечает для крестьянства совершенно другую дорогу экономического подъема, чем столыпинские отруба и столыпинская ставка на крепкого мужика.

Вопрос о сельско-хозяйственной кооперации отнюдь не элементарен. Те 100 миллионов червонных рублей, которыми ныне спределяется весь капитал нашей с.-х. кооперации, в далекой степени не изменяет собой прохождение даже первого этапа на ее трудном, но великим послесктябрьском пути. Перед нами лишь маленький кристаллик, фермент, разрастание

¹⁾ Штеровская станция значится в плане под № 1.

которого всецело зависит от дальнейшего изменения качества крестьянской среды, долженствующего произойти при дальнейшем закреплении пролетарской победы.

Совершенно очевидно, что мы не можем мириться с тем темпом подъема крестьянского хозяйства, который нормален для капиталистических стран. Ясно, что найти опору для подъема нашей промышленности в западных рынках по причинам нашей сравнительной отсталости и бедности капиталами—нам будет крайне трудно. Тем более, что окраинное расположение наших водных, топливных и продовольственных ресурсов, технические трудности, связанные с природными условиями Донецкого бассейна или широкого развития торфодобыбания, являются весьма существенным минусом нашей конкуренто-способности.

На тех же основаниях будет затруднена наша промышленная экспортная экспансия на восток. Наш советский государственный капитализм, более чем какой бы то ни было другой капитализм, связан с судьбами нашего внутреннего рынка¹⁾. Но советский «капитализм» не может не быть одновременно некоторым этапом к социализму. Как таковой, он не может мириться с тем разрывом между городом и деревней, который присущ чистому капитализму. Смычка с крестьянством для нас не просто поиски крестьянского рынка сбыта, это, одновременно, вопрос о новом расселении промышленности по стране, о новой роли крестьянства во всем процессе переработки с.-х. продуктов.

Индустриализация сельского хозяйства необходима для нас не только по экономическим, но и по политическим причинам. Могучий сдвиг в деревню того обширного крыла промышленности, который связан с технологией с.-х. продуктов и с подразделением всей пищевкусовой промышленности—а в довоенное время по ценности вырабатываемых продуктов это была первая промышленность—вопрос ближайшего экономического дня. Промышленно-сельско-хозяйственный комбинат, «крестьянский универсал»—основная предпосылка нормального бытия и правильного развертывания всего нашего государственного промышленного комбината в целом, как, обратно, этот «универсал» немыслим без прохождения комбинатом промышленности некоторых предварительных этапов.

Едва ли приходится сомневаться, что эти обстоятельства должны быть с величайшим вниманием учтены и в нашей работе по развитию с.-х. кооперации, т.-е. той работе, которая является решающей в деле социализации крестьянства.

Замедленность темпа социалистического переворота на Западе по сравнению с теми ожиданиями, которыми были преисполнены и мы и, в свое время, Маркс и Энгельс, приводит нас к таким позициям по отношению к нашему крестьянству, которые правильно могут быть намечены лишь

¹⁾ Интересно отметить, что к аналогичному выводу мы приходим и по отношению к довоенному капитализму.

в специфической обстановке техники и экономики XX века¹⁾. Подобно тому, как в нашей кредитной технике мы берем последнее слово техники Запада, так и в области земледельческой техники мы отнюдь не связаны прохождением через те длинные мучительные этапы, которыми шло и еще пойдет западно-европейское крестьянство. Точно так же и в нашей экономике опорными пунктами нам должны послужить в особой степени те опорные пункты, кои намечаются в качестве специальных октябрьских завоеваний. В этом смысле нам нет нужды возвращаться к гальванизации надежд на общину. Перед нами специальные заботы по созданию укрупненной крестьянской волости и ее специальной организованности в системе наших советов и в системе наших хозяйственных органов. Перед нами труднейшие задачи советизации сел.-хоз. кооперации и особые заботы по переносу целого крыла нашей промышленности в сельскую обстановку. При всем том нам не приходится мечтать о том, что в ближайшем будущем нам уже удастся освободиться от аграрного перенаселения деревни простым методом занятия соответствующей свободной рабочей силы в области индустрии. Но мы можем поставить себе определенную перспективную задачу длительных планомерных действий, путем которых мы будем вовлекать во все большей степени крестьянский труд в работу специальных комбинатов все более и более индустриализируемого земледелия. Нет никакого сомнения, что в дальнейшей перспективе лишь те же электрические сети смогут надежным образом примирить раз навсегда то противоречие, которое неизбежно создается трудностями включения в общий котел производства многих миллионов производителей, поле труда которых разбросано, и неизбежно разбросано, по громадной географической территории.

Ж.-д. транспорт бросает в единый котел капиталистического обращения продукты крестьянского труда. Но крестьянин при этом оказывается совершенно подавленным стихией рынка. Продукты его уже являются прочно втянутыми в общественный процесс обращения, а сам он по-прежнему прозябает в рамках мелко-буржуазного неблагополучия. Но вслед за ж.-д. транспортом в ту же деревню проникают фортresses почты и телеграфа, телефона и радио, с ними следуют отряды фабрик и заводов, несущих рядом с рельсами провода электропередач. Момент включения в сеть этих передач крестьянских установок одновременно является моментом разрыва крестьянства с ограниченными возможностями мелко-буржуазного, фермерского,

¹⁾ В вышецитированном письме Энгельса к Бернштейну мы в дальнейшем читаем: «Новейшее открытие Депре,—пишет Фр. Энгельс,—что электрические силы могут передаваться по простой телеграфной проволоке на неслыханные до сих пор расстояния и быть примененными на конечном пункте—дело это находится еще в зародыше,—окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водных сил. И если даже в начале этим воспользуются только города, в конце концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней. Но что вместе с этим производительные силы примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии, совершило очевидно» (Подчеркнуто нами. Г. К.). Заметьте, что эти строки написаны в феврале 1883 года, т.-е. еще задолго, как была осуществлена первая электропередача на 175 верст на Франкфуртской выставке 1891 г.

отрубного хозяйства, однако лишь в том непременном случае, когда эти электрические провода и эти фабрики и заводы проникают в деревню под знаком Красного Октября. Таковы отправные пункты для выяснения планового значения «крестьянского универсала» с точки зрения развивающегося нами учения об энергетике.

И. Т. Смилга.

Итоги 1923/24 хозяйственного года и перспективы¹⁾.

Товарищи, прежде чем приступить к изложению своей темы, позвольте мне сделать небольшое предисловие. Мой доклад является попыткой осветить только одно звено в цепи тех общих задач, которые нам поручено осуществить Октябрьской революцией. Само собой разумеется, что осуществление переустройства общества на социалистических началах в различные периоды требует различных методов; то, что происходило недавно на наших глазах—отказ от военного коммунизма и переход к новой экономической политике, было ничем иным, как решением той же задачи в новой обстановке новыми методами. Свою задачу я понимаю еще более ограничительно. Я хотел остановить ваше внимание на кратких итогах истекшего хозяйственного года и на тех основных задачах, которые, по моему мнению, стоят перед нашим хозяйственным строительством в текущем хозяйственном году. Второе, что я хотел отметить, заключается в том, что всякое предвидение и всякий прогноз всегда корректируются чрезвычайным многообразием жизни,—другими словами, жизнь всегда неизмеримо богаче и сложнее наших предположений. Немыслимо себе представить адекватного совпадения сознания и бытия; всегда сознание только спешает за бытием и, даже очень сильно иногда действуя на бытие, оно продолжает оставаться следствием. В-третьих—я этот доклад делаю от своего имени. Только после предварительной проработки тезисов, они будут внесены в Президиум Госплана.

После этого краткого предисловия позвольте приступить к своей теме.

Истекший хозяйственный год хотя и начался при кризисе сбыта, однако имел чрезвычайно здоровую основу в удовлетворительном урожае прошлого года. Поэтому те затруднения, иногда чрезвычайно значительные, которые мы испытывали прошлой осенью, не могли остановить восстановительного темпа в развитии нашего хозяйства. Действительно, если оглянуться назад и посмотреть на все основные показатели народного хозяйства как в области сельского хозяйства, так и промышленности, оборота и денежного обращения, то мы увидим, какой сделан огромный шаг вперед в течении прошлого хозяйственного года. Промышленность наша в среднем развернула производство

¹⁾ Доклад, прочитанный в Клубе плановых работников 5 декабря 1924 г.

процентов на 30 по сравнению с прошлым годом. У меня сейчас нет перед глазами данных о посевной площади и об увеличении производства сельско-хозяйственных культур в процентах, но и здесь тоже сделан серьезный и значительный шаг по сравнению с 1922/23 хозяйственным годом. (Тов. Струмилин подсказывает: 7%.) Надо помнить, что сельское хозяйство после революционных и военных потрясений пострадало меньше промышленности и своими абсолютными цифрами посевной площади и производства хлебов гораздо ближе к довоенным цифрам, чем промышленность. На этой основе в прошлом году были сделаны значительные шаги по закреплению и расширению основ товарного и денежного хозяйства в нашей стране. Основным мероприятием в экономической политике в этой области было предписание перехода к взиманию единого налога в денежной форме. Этому росту производств и политики изживания натуральных форм хозяйства соответствовал рост торговых оборотов и денежного обращения. Передо мной несколько кратких цифр, которые это положение иллюстрируют. В области денежного обращения — всех видов денежных знаков, включительно с обязательствами Центрокассы, в обращении на 1/X прошлого года было 301 м. р. (в черв. руб.), на 1/X истекшего года — 661 м. р., следовательно, денежное обращение за год увеличилось более чем вдвое. Этот факт является показателем очень значительного и серьезного роста нашего хозяйства. Не менее крупные достижения в течение этого года имеются и в области так называемых «ножниц». Если раствор ножниц к 1/X, к моменту осеннего кризиса, составлял 310 точек, то на 1/X — 24 г. он составлял всего 146 точек, т.-е. огромное сближение верхнего и нижнего лезвий. Это сближение происходит за счет снижения верхнего промышленного лезвия и за счет поднятия нижнего сельско-хозяйственного, т.-е. в течение этого года произошел значительный сдвиг в направлении увеличения цен сел.-хозяйственной продукции и уменьшения цен на продукты промышленности.

Само собой разумеется, что одним из крупнейших наших экономических достижений истекшего хозяйственного года является окончательный переход к твердой валюте. Денежная реформа, начатая эмиссией банкнот осенью 1922 года, завершилась ликвидацией падавшего совзнака. От системы единой падающей валюты через систему двух валют (падающей и устойчивой) мы снова вернулись к единой, но на этот раз к устойчивой валюте. Основными условиями успешного завершения денежной реформы были производственные успехи, рост оборота и упорядочение государственных финансов. На влиянии денежной реформы на народное хозяйство остановимся тогда, когда будем делать основные выводы по части 1923/24 хозяйственного года.

До сих пор мы говорили о достижениях истекшего года. В целях объективного освещения предмета мы должны также остановиться на тех неудачах и ошибках, которые были совершены за это время. Скрывая ошибки, мы рискуем в будущем еще большими ошибками. Особенно бессмысленно скрывать свои ошибки пролетарской власти, которая не может похвастать «вековым опытом» в деле управления государством.

Останавливаясь вкратце на причинах осеннего кризиса, я должен сказать, что было бы ошибкой целиком взваливать ответственность на промышленность, как на основную причину осенней заминки. Нет сомнений в том, что внутри промышленности тенденция, направленная на увеличение цен, победила другую тенденцию, направленную на понижение себестоимости и снижение цен. Несомненно, промышленность зарвалась, и в этом ее вина, однако, необходимо обратить внимание и на другую сторону дела. Не надо забывать, что причиной осеннего кризиса был не только рост цен на промышленные изделия, но одновременно огромное падение хлебных цен. При наличии хорошего урожая нормально обеспечивалось достаточное предложение хлеба. Нажим на налог — в течение первых 2—3 месяцев было взято 70—80%, — при отсутствии достаточных кредитов на заготовку хлеба, привел хлебные цены к чрезмерному падению. Таким образом предложение хлеба, вызванное, с одной стороны, хорошим урожаем и, с другой стороны, налоговым тараном, не встретилось на рынке с свое-временно организованным спросом, и хлебные цены катастрофически пали. При встречной повышательной тенденции промышленных цен у нас получилась пропасть, которая и вошла в экономическую литературу под именем «осеннего кризиса 1923 года».

Должен сказать, что экономике прошлого года соответствовали и определенные социальные процессы и последствия. Вкратце эти процессы в отношении сельского хозяйства могут быть сведены к следующему. Мы знаем, что в условиях товарного денежного хозяйства и в условиях роста промышленности не может не происходить определенного расслоения в деревне, ибо механизма товарного обращения автоматически эти процессы влечет за собой. Но определенной нашей политикой мы можем те или другие объективно складывающиеся процессы либо форсировать, либо задерживать. Должен сказать, что с этой стороны осенний кризис прошлого года имел самые неблагоприятные последствия. Падение хлебных цен, вызванное указанными мной причинами именно в осенние месяцы, не могло не привести к тому, что по чрезвычайно дешевым ценам был продан хлеб беднейшим крестьянским населением, и дальнейшим ростом цен после наступления календарного нового года уже воспользовалась зажиточная часть крестьян. Наша налоговая политика и кредитная политика прошлой осенью чрезвычайно форсировала эти объективно наметившиеся процессы расслоения деревни. Далее — мне кажется, что, как бы ни расценивать прошлый год, мы можем выдвинуть еще одно положение: истекший хозяйственный год ознаменовался как абсолютным, так и относительным ростом значения сельского хозяйства в нашей экономике. Я приведу несколько цифр. По данным В. Г. Гримана вся товарная часть продукции сельского хозяйства в 1922/23 году в червонных рублях равнялась 2,12 миллиард. рубл.; промышленная часть (все товары промышленного значения от самой крупной до самой мелкой промышленности), по его же данным, составляла 3,16 миллиарда рубл. в червонном исчислении. Таково соотношение товарной части промышленной и сельско-

хозяйственной продукции для 1922/23 года. Если взять данные валовой продукции сельского хозяйства и промышленности, то мы получим, что товарная часть в сельском хозяйстве составляла 40%, в промышленности—60%. 1923/24 г. по тем же рубрикам дает такие цифры: сельское хозяйство—3,39 миллиарда и промышленность 5,11 миллиарда. Само собой разумеется, эти данные не могут претендовать на абсолютную точность, несомненно, что последующие статистические работы дадут нам более подробные данные. Однако для ориентировки в основных направлениях нашего хозяйства они служить могут. Я обращаю внимание на следующее обстоятельство: итак, сумма этой товарной части продукции за 1922/23 г. дает 5,28 миллиарда рубл., а в 1923/24 г.—8,5 миллиарда. Не удивляйтесь большому скачку от 5 до 8 миллиардов, ибо этот скачок выражен в черв. рубл. Нужно внести определенный процент скидки на падение покупательной силы червонца за истекший период. Но как бы то ни было вы из этих цифр можете усмотреть, что на рынке соотношение 1922/23 и 1923/24 г.г. в товарной части продукции сельского хозяйства и промышленности осталось неизмененным. Казалось бы, что эти цифры не дают мне права сделать тот вывод, который я сделал относительно абсолютного и относительного увеличения значения крестьянской экономики в нашем хозяйстве. Но, однако, я попробую вас в этом убедить. Не следует забывать о денежной реформе. Она была следствием суммы тех положительных хозяйственных процессов, на которые я уже обращал ваше внимание. Денежная реформа произвела огромные положительные изменения во всей нашей экономике: промышленность получила твердую счетную единицу, отчетность и калькуляция сразу были поставлены на твердую основу—все это огромные плюсы. Но экономисты, расценивая ту или другую крупную реформу, всегда должны смотреть на ее хозяйственное последствие в хозяйственной жизни в целом. Что такое была система инфляции. Инфляция была системой, при которой государство за счет понижения ценности общей массы денег, обращающихся в стране, могло создать дополнительную покупательную силу, которая могла быть предоставлена в распоряжение либо промышленности, либо сельского хозяйства. Мы утверждаем, что восстановительный процесс нашей промышленности, особенно в первые годы после перехода к новой экономической политике, очень обязан совзнаку. Без дополнительного стимулирования эмиссией нашей крупной промышленности при том ее состоянии, в котором она была после окончания гражданской войны, она не могла бы выйти на широкую дорогу. Наиболее страдало от инфляции крестьянское хозяйство, ибо цены на сел.-хоз. продукты не поспевали за падением курса денег. Город уже с осени 1922 г. перешел к червонной валюте, рабочие застраховали свою заработную плату в товарных рублях, у крестьянина же этих мер защиты не было. Теперь на рынке мы должны с крестьянином кооперировать в одной валюте—это факт, мимо которого мы пройти не можем. Поясним сказанное примером. Вчера в сражении участвовали две группы войск в 100 чел. каждая. Сегодня те же войска встретились в том же числе. Вчера одна часть была вооружена

3-х линейными винтовками, а другая—берданками, а сегодня обе стороны вооружены 3-х линейными винтовками. Согласитесь, что разница получится изрядная. В этом—смысл большой экономической новеллы, произошедшей в связи с проведением денежной реформы. Поэтому хотя в ценностном выражении товарной части продукции сельского хозяйства и промышленности в этом году мы не имеем крупного сдвига, однако я думаю, что буду прав, если свой тезис буду отстаивать. Но тогда может возникнуть вопрос, не поспели ли мы с проведением денежной реформы? На это я отвечаю категорически—нет. Восстановление производительных сил страны уперлось в хаос денежного обращения, который стал величайшим тормозом для развития нашего народного хозяйства. Без проведения денежной реформы мы не могли бы выйти из весенних затруднений с хлебными ценами, без твердой валюты хзяйство наше не могло прийти в равновесие. Вернемся, однако, к теме. Промышленность увеличила свою продукцию, примерно, на 30% против 7—8% сельского хозяйства. Значит процесс восстановления в промышленности шел гораздо быстрее, чем в сельском хозяйстве. Ценностное или экономическое выражение в значительной степени аннулировало или выпрямило этот скачок в области производства потребительных ценностей промышленного значения, который У нас в течение этого года произошел. Нет сомнения, что сближение цен на продукты сельского хзяйства и промышленности является огромным шагом вперед и говорят об улучшении работы промышленности. Вывод о резком росте покупательной способности деревни нам нужен для правильной ориентации на будущее.

Что касается нашего другого фланга—экономики рабочего класса и промышленности, то истекший год и в этой области обнаружил те же явления восстановительного процесса и роста. В течение года мы имеем прекращение деклассирования и распыления пролетариата. Больше того, мы видим значительный численный рост пролетариата. Этот рост классовой основы социалистической экономики должен быть обязательно учтен для того, чтобы соблюсти правильную перспективу. Мы имеем большие достижения в течение года и в области увеличения реальной зарплаты, и в области повышения производительности труда. Следовательно, социальная мощь города в нашем хзяйстве тоже в течение года усилилась. К этому я должен прибавить еще следующее: в истекшем году и в текущем году идет интенсивная работа по заканчиванию постройки первой группы наших электрических станций. В течение истекшего года достигнуты большие успехи, и к началу 1925/26 г. постройка первой группы станций во главе с Волховской станцией в северном районе и Штурской станцией в центральном районе будет окончена. Я обращаю на этот факт ваше внимание. Однако, если поставить вопрос о нашем будущем в перспективе, и вкратце остановиться на методах преодоления новой экономической политики ее же средствами, то придется сказать, что новая экономическая политика не может быть преодолена одними манипуляциями в области сбрасывания. Должен сказать, что мы эту попытку весной сделали и сделали ее неудачно. Я всегда был убежден в том, что проблема преодоления нэпа есть в первую оче-

редь проблема создания и организации социалистических производительных сил, что при теперешнем состоянии техники невозможно и немыслимо без электрификации. Окончание этих станций экономически означает следующее: по центрально-промышленной области понижение стоимости энергии на 30%, в северном районе — процентов на 50—60, т.-е. для центрального района окончание этой программы означает очень большую промышленную реформу, если можно так сказать, а для северного — целую революцию, ибо это означает, что экономически будет создана основа, при которой без боя и борьбы отдельные предприятия и города откажутся от своих собственных агрегатов, от своих собственных станций и перейдут на районную энергию и примкнут к основной электропередаче. Это означает, что структура производительных сил получает такое выражение, которое уже находится в органическом противоречии с буржуазно-капиталистическими производственными отношениями. В этой области буржуазная реставрация означала бы уже прямое разрушение производительных сил, другими словами, была бы огромным национальным бедствием. Мы должны здесь занять чрезвычайно сильную позицию (и занимаем ее), что даст нам возможность в ближайшем будущем в области топливного и энергетического хозяйства поставить новую задачу — задачу ограничения рыночной стихии и переход в наступление за план, который является необходимой предпосылкой социалистического строительства. Поэтому я на эту сторону дела обращаю ваше внимание.

Мои выводы в отношении прошлого года таковы: мы пережили год больших хозяйственных достижений, подъем на основе расширенного воспроизводства. Так как эти процессы происходили в обстановке товарного и денежного хозяйства, то они неизбежно развивались в противоречиях. Говоря о сельском хозяйстве, мы констатируем увеличение его значения при продолжающемся процессе расслоения деревни. Мы, марксисты, всегда считали расслоение деревни в этих условиях неизбежным, и наша задача в настоящее время заключается в том, чтобы ни недооценивать этого факта, но и не переоценивать его, ибо и в недооценке, и в переоценке коренится крупная опасность. Мы знаем, что эти процессы происходят, но их размер и их формы еще недостаточно обследованы, и наша задача сейчас этот вопрос поставить для срочного изучения. Силы наших статистиков-экономистов должны быть обращены также и в эту сторону. Одно ясно — говорить о крестьянстве приходится уже с теми коррективами, которые произвело расслоение в течение последнего времени.

В отношении промышленности мне пришлось бы только повторить сказанное.

Теперь перехожу к текущему начавшемуся хозяйственному году.

В противоположность прошлому году этот хозяйственный год начался при очень крепкой конъюнктуре как на товары промышленности, так и на продукты и товары сельского хозяйства. Начиная с весны 1924 г., мы констатируем товарный голод, т.-е. кризис предложения: государственная промышленность не может выбросить на рынок потребного количества

товаров; несмотря на огромные усилия, которые прилагаются к тому, чтобы развернуть наше производство, все же до последнего¹⁾ времени мы этот кризис предложения не изжили. Неудовлетворительный урожай этого года и его крайняя пестрота вызвали чрезвычайно оживленный спрос на хлеб, при чем на хлебном рынке в этом году выступает помимо обычных в России покупателей, как столицы, рабочие районы, потребляющая полоса — ряд новых районов, пораженных неурожаем, которые предъявляют дополнительный спрос на хлеб. При ограниченном предложении хлеба на лицо все основания, чтобы сделать вывод о том, что объективно в текущем хозяйственном году складывается высокая конъюнктура на хлеб. Правда, в течение первых месяцев мы еще не чувствуем этого роста хлебных цен, ибо хлебному делу присуще, что в течение первых месяцев после реализации урожая обыкновенно хлебные цены относительно невысоки. Хотя в этом году они гораздо выше прошлогодних, но пока еще не представляют ничего угрожающего. Но нет никакого сомнения в том, что государству придется в этом году потратить огромную массу энергии, чтобы удержать хлебные цены в руках и тем самым не нарушить коренным образом соотношения экономической мощи города и деревни. Следовательно, несмотря на то, что этот год начался при хорошей конъюнктуре, он в отличие от прошлого года имеет нездоровую основу: неудовлетворительный урожай. Конечно, до тех пор, пока хлебные цены находятся, допустим, на нынешнем уровне, они существенной опасности для нашей экономики не представляют, но уже сейчас этим хлебным ценам соответствует крайне низкая конъюнктура на скот и мясо, что всегда бывало в России в недородные годы. При высоких ценах на хлеб, при недостаточных пока заготовках технических культур, мы стоим перед опасностью, что сельское хозяйство может получить регressiveный поворот в сторону зерновых культур в ущерб скоту и техническим культурам. Эта опасность, уже реальная, у нас имеется. Дальше — высокая конъюнктура на хлеб неизбежно приводит к существенному перераспределению покупной способности населения. Это перераспределение происходит к невыгоде города — покупателя хлеба и к невыгоде потребляющих хлеб районов, а к выгоде районов производящих, при чем опять-таки, говоря о социальной группе, которая наиболее выигрывает от этих хлебных цен, мы должны говорить именно о крепком крестьянстве. Хотя налоговую политику нашу в этом году мы очень существенно смягчили против прошлогодней и хотя цены на хлеб в этом году много выше прошлогодних, однако мы должны сказать, что и в этом году те процессы, которые были характерны для прошлого года, имеют место и теперь. При относительно низких ценах на хлеб, мы все же взяли с крестьянства изрядную порцию налога, в первую очередь это заставило выбросить хлеб наименее зажиточную часть крестьянства. Данные и факты говорят нам о том, что на Украине идет неприкрытая перекупка хлеба крепким крестьянством у слабого, так как это наиболее выгодный товар для страховки денег с наибольшим процентом. Следов-

¹⁾ Начало декабря.

тельно, и в текущем году нынешней обстановкой процессы расслоения деревни толкаются в том же направлении, какое они получили и в прошлом году. Может быть, в несколько смягченной форме, но принципиально с тем же содержанием.

Может возникнуть мысль, что увеличение покупательной силы деревни за счет возможного уменьшения емкости городского рынка, основного до сих пор потребителя продукции государственной промышленности, не открывает никаких перспектив для дальнейшего развития промышленности. Этот вывод был бы неправильным. Нужно принять во внимание динамический восстановительный процесс нашего хозяйства. В противном случае надо рассуждать так: покупательная сила рынка всегда равняется, допустим, десяти единицам. Изменение покупательной способности меняет только отношение между городским и сельским рынком, не меняя общей покупательной силы рынка. Такая точка зрения была правильной при отсутствии роста хозяйства. Говоря о нашем, растущем на основе расширенного воспроизводства, хозяйстве, надо рассуждать иначе. Десять единиц превращаются в 12—13 единиц. Это означает, что ценные сдвиги могут, конечно, существенно сказаться благоприятно или неблагоприятно на том или другом секторе рынка, но общей картины роста они изменить не могут.

Говоря о перспективах промышленности на следующий год, мы можем сказать, что она имеет все основания для чрезвычайно быстрого развития и восстановления. Товарный голод не есть случайность, это есть первое серьезное экономическое последствие денежной реформы. Как только крестьянин получил в свои руки твердую валюту, он начал ее накапливать, попродерживать и выбрасывать на рынок тогда, когда ему хочется, и покупать то, что ему захочется. Следовательно, с точки зрения крестьянского рынка и его расширения денежная реформа была огромным шагом вперед. Следовательно, наша промышленность, во-первых, имеет возможность развертываться за счет незаполненной емкости крестьянского рынка, который продолжает быстро расти. Во-вторых, за счет дальнейшего уменьшения цен. Главной задачей дня в этой области является борьба за снижение различных цен. При расхождении оптовых и розничных цен, снижение первых не дает ожидаемого эффекта. Само собой разумеется, что должно продолжаться снижение и оптовых цен. В противном случае усиленное развертывание промышленности не получило бы экономического выражения. Это однако не меняет того, что главной задачей является борьба со вздутыми розничными ценами. Это важно подчеркнуть потому, что методы борьбы с высокими ценами в оптовой и розничной торговле существенно различаются. В-третьих, наша промышленность может развиваться за счет успешного соревнования и конкуренции с кустарной и мелкой промышленностью. Данные, которые я имел летом, говорили о том, что последнее снижение на мануфактуру и текстиль нанесло кустарному производству очень значительный удар, а что кустарное и мелкое производство не есть

у нас миф и экономически ничтожное явление, об этом говорить не приходится. Оно очень сильно развилось в период упадка крупной промышленности и чрезмерно высоких цен. Наконец, крупная промышленность может развиваться за счет заказов казны. Мы знаем, что бюджет из года в год растет, и государство чем дальше, тем больше становится все более серьезным заказчиком для промышленности. Следовательно, несмотря на неблагоприятную основу этого года, однако, у нас нет никаких данных для пессимистических выводов в отношении промышленности. В этом году промышленность будет развиваться до пределов ее финансовой возможности. Вот тезис, который можно с полной основательностью высказать. Наоборот, мне кажется, что, несмотря на то, что мы бросили сейчас максимум средств для развертывания промышленности, все же мы не успеваем за ростом нашего внутреннего рынка. До последнего времени данные говорят о крайнем недостатке товаров. Экономически и социально — кризис предложения гораздо опаснее кризиса сбыта¹⁾. Правда, кризис сбыта приводит или к прямому уменьшению заработной платы, или к приостановке ее роста, но на базе неиспользованной емкости нашего основного капитала, определенными экономическими мероприятиями, держа в своих руках промышленность, и кредит, и финансы, мы кризисы сбыта относительно безболезненно до сих пор изживали. Кризис предложения более серьезен, ибо здесь мы стоим перед фактом неудовлетворения крестьянских экономических потребностей и возможностей.

Одной из центральных проблем экономической политики на предстоящий хозяйственный год будет проблема нашей внешней торговли. Вы знаете, что до сих пор мы вели во-вне такую политику, которую можно назвать резко выраженным протекционизмом, а при наличии монополии внешней торговли — протекционизмом в квадрате. Протекционизм заключается в том, что в страну почти не ввозится готовых продуктов, как правило привозятся средства производства для развертывания собственной промышленности. Такую политику мы вели и, само собой разумеется, будем вести и в дальнейшем, ибо политика открытых дверей при ситуации цен на мировом рынке и внутри у нас, неизбежно привела бы к гибели и краху нашей промышленности. Но мы должны сейчас сделать в этой политике некоторый поворот — поворот в сторону большего, чем до сих пор, привоза готовых иностранных фабрикатов. Мне кажется, что такая политика в настоящее время диктуется всем ходом событий. Что означает кризис предложения? Не только недостаток товаров, но и то, что часть средств населения, часть его экономических возможностей оставляется неиспользованной. При монополии внешней торговли мы можем поставить дело привоза некоторой части иностранных товаров таким образом, что этот иностранный товар ни в каком случае не сможет бороться против русского товара. Так как и производство находится в наших руках, и внешняя торговля находится в наших руках, то никаких затруднений не составляет ведение такой политики,

¹⁾ Дело в степени кризиса. Ред.

которая имела бы своей задачей усиление предложения на предстоящий год целого ряда товаров при комбинированной цене, построенной на разнице цен вовне и внутри. Пример: пара ботинок стоит у нас 20 руб., за границей мы могли бы соответственного качества пару ботинок приобрести за 10 руб.—таким образом мы можем скомбинировать цену на русском рынке, примерно, в 15 р., если взять и русские и заграничные ботинки в одном количестве, если же в разных количествах, то соответственно будет и взвешиваться цена.

Если продавать эти товары с прибылью, то это может дать следующее: Во-первых, увеличение предложения и тем самым ликвидация экономически неоправдываемых барышей при продаже в розницу. Другого серьезного метода регулирования розничных цен, кроме увеличения предложения, экономическая наука и Комвнугорг пока еще не выдумали. Следовательно, мы получаем снижение розничных цен и снижение общего индекса.

Во-вторых, мы, давая крестьянам нужный им товар, извлекаем те спящие средства, которые могут при наличии товарного голода у населения образоваться.

Следовательно, мы увеличиваем оборот, за этим следуют эмиссионные возможности, и мы делаем, так сказать, решительный шаг вперед. Если мы не будем злоупотреблять привозом иностранного товара, а злоупотреблять мы не будем, потому что сами являемся хозяевами своей промышленности, то, мне кажется, эта мера является не только экономически-целесообразной и оправдываемой, но и могучей мерой для приобретения дополнительных средств, нехватавших нам, но крайне необходимых для развертывания промышленности. Если мы поведем такую политику, что прибыль, полученная от этих операций, будет пущена в первую очередь на развертывание собственной промышленности, то мы эти открытые двери для иностранного товара можем использовать отнюдь не во вред, а в громадную пользу для нашей промышленности и на пользу всего народного хозяйства в целом. Было время, когда даже вопрос о привозе средств производства из-за границы встречал крайне резкую оппозицию со стороны и нашей промышленности, и рабочих организаций; теперь против привоза определенного количества средств производства не возражают. Я думаю, что и увеличение привоза готовых фабрикатов на первое время встретит оппозицию, как новинка с некоторыми опасными свойствами, если неправильно ею пользоваться. Однако все же я думаю, что это мероприятие в течение ближайших месяцев получит всеобщее признание. На-ряду с задачами регулирования хлебных цен внутри и борьбой против чрезмерного их вздувания—задачу помочи нашему обороту некоторыми иностранными готовыми товарами я считаю центральной задачей нашей экономической политики в текущем хозяйственном году. Само собой разумеется, что привоз новых товаров из-за границы означает значительное увеличение нашей импортной программы. Импортная программа потреб-

бует большего количества, чем предусмотрено, иностранной валюты, которой может у нас и не хватить. Но если мы при нынешнем состоянии оборота должны быть чрезвычайно скучими и осторожными в отношении печатания новых денег, то, если в оборот будет влита свежая кровь в лице новых товаров и оборот получит толчок расширению,—на этой основе мы сумеем эмитировать те необходимые 20—30 м., которые должны быть брошены на заготовку технических культур, растительного и животного сырья сельского хозяйства. Мы знаем, что, например, лен можно купить по низким ценам, а мировая цена на него высокая, но мы не могли его закупить, потому что у нас не было денег. Эти деньги нам нужно получить и бросить их на заготовку льна, мяса, птицы и т. д., что сейчас дешево и чего внутренний рынок поглотить не может. Этот обмен веществ на базе расширяющегося и развертывающегося нашего хозяйства даст выгоду и промышленности, и сельскому хозяйству, и производителю, и потребителю.

Я уже говорил относительно задач, которые стоят перед нами в области хлебных цен. Лимитная политика, чрезвычайно жестко проводимая, была экономически неизбежной и необходимой осенью текущего года, как только выяснился недород и началась чрезвычайно первая заготовка семенного материала; еще до начала реализации урожая конъюнктура на хлеб вздулась чрезвычайно высоко и, прежде чем приступить к хлебным заготовкам, нужно было произвести перелом хлебных цен. В августе не было другого выхода, как жесткая лимитная политика. Следовательно, лимиты свою роль сыграли. Потом оказалось, что по лимитным ценам, при том еще крайне уродливо толкуемым нашими хлебозаготовителями, которые их превратили вместо директивных указаний в твердые цены, мы не могли заготовить количество хлеба, которое предназначалось по плану. Другая великая опасность состояла в том, что мы могли потерять главенствующее положение на хлебном рынке, потому что частный капитал, вытесненный из торгового оборота весенным поворотом нашей политики, устремился в хлебные заготовки, где оказался рядом с нами. Нечего греха таить, мы несколько запоздали с изменением этой политики и поэтому несколько потеряли в темпе. В настоящее время эта уродливая лимитная политика первого периода изжита, и наши заготовительные цены приведены в большее соответствие с рыночными ценами, и есть надежда, что в общем и целом мы все-таки командных позиций не потеряем, если своевременно сумеем выделить должное количество денег на эти хлебные заготовки. Нет сомнения, что гораздо выгоднее платить сейчас лишних 5 коп. или 10 коп. за пуд, но заготовить хлеб, так как не исключена возможность, что в феврале—марте придется платить лишних 50 коп. или 1 руб. На этот путь мы сейчас уже встали, и ближайшее будущее покажет, нужно ли делать еще какой-нибудь поворот в области хлебных цен или поворот, уже сделанный, нас из положения выводит. Должен сказать, что хлебные цены играют громадную роль для реальной заработной платы,—всем понятно почему. Если мы захотим сохранить при большом росте хлебных цен реальную заработную плату, нам придется увеличивать номинальную плату, увеличение номинальной платы поведет к удорожанию производства вообще, а повсеместное по-

вышение цен означает понижение в то же время покупательной силы валюты. Не всегда это приводит к острому кризису валюты. Это падение валюты может быть потом стабилизовано и опасность локализована, но не исключена возможность и большей опасности.

Говоря о внутренней торговле, я бы хотел обратить внимание на один крайне серьезный факт: я буду говорить о весеннем «изгибе» нашей политики и об осеннем «разгибе» этой политики. Весной, как известно, был принят ряд решений, который сводился к тому, что ставку в области торговли мы должны решительно поставить на государственную торговлю и кооперацию и ограничить роль частного капитала. Правда, резолюция партийного съезда предупреждала, что эти действия должны быть проведены с учетом потребностей оборота, не во вред ему. К сожалению, эта часть резолюции не была нашими практиками в достаточной мере усвоена. В чем состоит «грех» весеннего изгиба? В том, что при наличии расширяющегося оборота мы сократили целый ряд субъектов, целый ряд носителей капитала, необходимого для оборота, так как расширение оборота требует дополнительных средств. Поскольку мы повели такую агрессивную политику в отношении частного капитала, не могло получиться другого результата, как предоставление банками известных средств государственной торговли и кооперации, с одной стороны, и, с другой стороны, предоставление кооперации государственной промышленностью огромного товарного кредита, ибо иначе она развернуть работу не могла, так как собственных средств у кооперации мало. Сама промышленность, развертываясь, чрезвычайно нуждается в средствах, средства же в значительной степени застягли в торговле. Промышленность оказала торговле кредит не по силам и теперь сама встал перед опасностью финансового срыва всей программы. Конечно, другого выхода не оказалось, как произвести «разгиб», что правительство в последнее время и сделало. Правительство должно было разрешить продажу товара, примерно до 35% через частный аппарат стой оговоркой, что сделки счастными лицами должны обеспечить промышленности максимум наличных платежей. Всякие такие изгибы и зигзаги производят в экономике чрезвычайно болезненное впечатление. Так было весной и так может быть и теперь, если этот поворот не будет сделан достаточно осторожно и осторожно. Устанавливается определенный режим в торговле, в кредитовании промышленности и кооперации, определенное количество ценностей отпускается в кредит, на этой базе кооперация расширяет свою работу. При расширении работы средства втянут в оборот: нужно открывать новые лавки, снабжать их товаром и т.д. Если произвести резкое сокращение средств в этих каналах, экономическим результатом может быть массовый неплатеж, массовое опротестование векселей кооперации, что, к сожалению, уже налицо в довольно значительных количествах. У меня нет последних данных под рукой, но речь идет об изрядном количестве миллионов рублей и тысячах протестованных векселей. Если принять во внимание специфическую особенность дела, что весной была взята ставка на низовую кооперацию и промышленность начала работать с ней, минуя не только центр, но и об-

ластные союзные организации, то может случиться, что разбросанные по 20—30 тысячам первичных кооперативов товары и кредиты могут в значительной степени просто пропасть. Поэтому промышленности приходится поступать так, как в старое время поступали умные торговцы со своими не особенно сильными клиентами: они старались «выходить» такого клиента, сокращали ему порции кредита, но давали столько, чтобы он мог как-нибудь вывернуться и расплатиться. Если пустить первичную кооперацию под протест, я думаю, что не поздоровится ни кредитору, ни дебитору.

С этой ставкой на первичную кооперацию вообще получилась изрядная дезорганизация в кооперативном аппарате, ибо я не мыслю сильной и серьезной кооперации без союзной сети. Если поставить государственную промышленность непосредственно перед первичной кооперацией, то мы должны признать, что руководство всем кооперативным строительством должно перейти к государственной промышленности. Но государственная промышленность этой роли играть не может; на деле получается другое: разоряя кооперативную оптовую торговлю, она пытается развивать государственную розницу. Я против массового развертывания госрозницы в настоящее время. Не в этом направлении надо группировать силы. Если первичная кооперация слаба и неудовлетворительна, то бюрократическая организация государственной розницы не сулит ничего, кроме провала. Чтобы наладить приличный торговый аппарат, две волны должны встретиться: одна волна—государственная оптовая торговля, представляемая государственной промышленностью,—эта волна должна встретиться с другой волной—самодеятельностью населения. Только эти две волны могут дать грамотный торговый аппарат.

Я бы еще хотел обратить внимание на одну сторону—это на нашу политику в отношении единого сел.-хоз. налога. Единый сел.-хоз. налог есть наследие продразверстки, его прямое детище. Было время, когда мы не могли обойтись без него. Он сыграл огромную роль в свое время. В настоящее время дело обстоит иначе: в союзном бюджете единый налог составляет всего, примерно, 10%. Его удельный вес сильно упал, так как бюджет построен на других началах. Социальные последствия пользования этим налогом следующие: мы вынуждены по создавшейся обстановке налагать на этот пресс осенью, налагать на него в осенние месяцы—это значит форсировать процессы, нежелательные для нас. Нынешний темп развития промышленности не может поглотить выбрасываемого из деревни избыточного населения. Со следующего года мы должны вести иную политику в области единого с.-х. налога. Надо взимать его более равномерно. Надо сократить его размер и в дальнейшем совершенно от него отказаться. Должен быть введен новый налог, который мог бы быть взимаем с большим учетом социального состава деревни, нежели теперь.

Что касается заработной платы и производительности труда, то начатая летом ВСНХ кампания встретила со стороны Госплана полную поддержку и встретит эту поддержку и впредь. Настоящий хозяйствственный год будет годом наступления деревни по отношению к городу. Одно из лучших средств ответить на высокие цены на хлеб—есть понижение цен на промыш-

ленные изделия. В этом отношении производительность труда играет огромную роль. Если мы не хотим, чтобы промышленность повторила 1921/22 г., то надо всемерно эту кампанию поддерживать. К вопросу о производительности труда надо подходить внимательно и осторожно. Мне кажется, что в области производства абсолютной прибавочной стоимости, т.-е. в области рабочего дня, интенсивности труда и т. д., может быть сделано много, но далеко не все. Конечно, мы должны честно отработать свои 8 часов, в этом нет никаких сомнений, но центр тяжести лежит в том, что К. Маркс назвал производством относительной прибавочной ценности, т.-е. в реконструкции, в улучшении организации самого производства, в улучшении методов управления, которые, должен сказать, после осеннего кризиса 23 г. ухудшились. У нас были щатания в области управляющего аппарата как в отношении роли специалистов, так и роли администрации. Находясь перед крайне напряженным и ответственным экономическим положением, мы должны твердо сказать, что восстановление дисциплины в предприятиях, обращение самого серьезного внимания на рациональное использование наших технических сил, предоставление хозяйственных прав и, само собой разумеется, ответственности администрации предприятий, имеет огромное значение для успеха дела.

Теперь вкратце скажу относительно выводов для работы Госплана. В области сельского хозяйства одной из существенных задач является проследить, в каком направлении развиваются производства сельского хозяйства и поддержать разумное перераспределение производительных сил в этой области. Это значит, что район, приспособленный для экспорта, и район, приспособленный для технических культур или для заготовок, должен специализироваться на этом. Задача наших работников заключается в том, чтобы детально изучить эти направления, поддержать распределение производительных сил сельского хозяйства в направлении, научно-обоснованном и экономически соответствующем плановой перспективе. Необходимо, чтобы сель.-хоз. секция поставила работу через аппарат ЦСУ о происходящих социальных процессах в деревне. Я уже говорил, что их не надо переоценивать, но не надо и недооценивать, а лучше всего знать так, как они есть. Мне кажется, что в этой области можно желать много лучшего.

В области промышленности мне кажется одной из основных задач является изучение восстановительных возможностей каждой данной отрасли промышленности, т.-е. мы должны знать, до каких пределов старая неиспользованная емкость позволяет нам вести сейчас расширение той или другой отрасли промышленности. Мы знаем, что в ряде отраслей эта емкость уже исчезла, напр., в нефтяную промышленность мы вкладываем дополнительный капитал. В бакинской промышленности — в Президиуме Госплана об этом уже докладывалось — использованы все части старого наследства и дальнейшее восстановление его было бы нецелесообразно, сейчас нужно реконструировать этот район при помощи нового метода. Мы подходим к пределу и в области текстильной промыш-

ленности, — может быть, пройдет год, и у нас старой емкости больше не обнаружится; то же самое и в других отраслях промышленности. Мы должны знать, что означает конец восстановительного процесса, какие дополнительные средства потребуются для обеспечения роста промышленности, чтобы государство могло эти средства накопить и изыскать. Вопрос о своевременном изыскании средств я и выдвигаю, как одну из основных задач.

Далее — важный вопрос, над ним бьются наши работники и наша экономическая мысль — соответствуют ли наши финансовые возможности тому темпу в развитии промышленности, который мы уже в основном начерно себе наметили на будущий год, т.-е. скачок на 30% вперед.

Затем нам нужно в течение этого года по возможности точно установить, убыточна или рентабельна та или другая отрасль нашей промышленности, и таким образом сделать шаг в области самопознания. До сих пор мы еще слабо знаем свое хозяйство. Узнав это, мы будем иметь возможность наиболее выгодным образом использовать государственные средства.

В области оборота — необходимо изучить влияние денежной реформы на крестьянский рынок. Для меня нет сомнения, что денежная реформа дала могущественную базу для производства и его дальнейшего развертывания, но, однако, предел возможности и размеры этого рынка не могут быть сейчас определены — они требуют дополнительной серьезной работы. Нет необходимости говорить, какие огромные практические задачи ставятся в непосредственной связи с этими средствами, ибо могут быть ошибки в ту или другую сторону очень жестокие.

В области изучения организации нашей торговли по типу и субъектам, т.-е. крупная, мелкая кооперация, государственная торговля, также предстоит большая работа, чтобы обеспечить необходимую осторожность при разгибе весеннего загиба и чтобы наметить более устойчивую политику, хотя бы в области той же кооперации, в отношении которой, начиная с 1917 г., нам не удалось наметить политики, которая выдерживала бы более 6 месяцев. Первым условием здесь должна быть продуманная и устойчивая политика на несколько лет.

В области финансов я считаю необходимым изучение эмиссионных возможностей, изучение влияния налогов на экономику и в частности роль единого с.-х. налога. В области кредита — жесткую связку этого кредита с нуждами хлебных заготовок и промышленностью. Держа в своих руках огромную массу производительных сил, представляемых нашей крупной государственной промышленностью, держа в руках технику, финансы и кредит, — самые могучие рычаги воздействия и на рынок, и на производство,

не гоняясь за решением всех проблем, но концентрируя внимание плановых органов и в частности Госплана на основных вопросах экономической политики, как в области техники, так и в области экономики,—мы сумеем удержать экономическое равновесие в росте производительных сил как деревни, так и города и наметить в дальнейшем такие мероприятия, которые ограничивали бы значение рыночной стихии и увеличивали бы значение планового воздействия на хозяйство,— предпосылку дальнейшего социалистического строительства.

Проф. М. И. Боголепов.

Государственный бюджет СССР на 1924/25 год.

В настоящий момент проект государственного бюджета на 1924/25 г. находится в процессе рассмотрения его высшими государственными учреждениями, и сейчас еще затруднительно говорить о точных цифрах этого проекта, так как они могут быть видоизменены в процессе утверждения бюджета законодательной властью. Вследствие этого в своей статье мы ограничимся тем, что отметим наиболее характерные черты бюджетного проекта, оставив на будущее точный цифровой анализ. Цифровой анализ бюджета 1924/25 г., предполагающий сравнение его с бюджетами двух предшествующих бюджетных периодов, осложняется еще и тем, что формальный состав единого государственного бюджета СССР на текущий бюджетный год значительно изменился по сравнению с предшествующими годами. В текущем году мы впервые имеем единый государственный бюджет, охватывающий всю территорию советской федерации, между тем как в предшествующие годы, напр., бюджет Закавказской федерации советских республик не включался в единый бюджет СССР. Кроме того, так как в общесоюзной федерации произошла перемена в виде образования двух самостоятельных союзных республик в лице Туркменистана и Узбекистана и так как новый закон 29 октября 1924 года о бюджетных правах союзных республик значительно перекраивает бюджетную карту Союза, то становится очевидным, что простые сравнения бюджетных цифр 1924/25 г. с цифрами предшествующих годов делаются невозможными. Предстоит кропотливая работа по приведению бюджетных цифр в сравнимое состояние. К этой работе можно будет приступить лишь по окончательном утверждении проекта государственного бюджета на 1924/25 год. К сказанному следует добавить, что для этой сравнительной статистики придется учесть также и изменение покупательной силы рубля на пространстве всего изучаемого периода.

Как известно, составлению проекта государственного бюджета на 1924/25 г. предшествовало составление и утверждение в законодательном порядке, так называемых, контрольных цифр государственных доходов и расходов. Контрольные цифры для государственного бюджета составлялись летом 1924 г. и были определены в 2.091.648.000 руб. как по доходам, так и по расходам. Когда же на основе этих цифр уже поздней осенью был составлен проект государственного бюджета, то НКФ Союза определил общую сумму государственных доходов в 2.236.959.242 руб., т.-е. на 145 милл. выше контрольной цифры. Госплан, рассматривая проект НКФ, нашел

возможным повысить цифру доходов до 2.266.308.581 руб., т.-е. на 174 милл. более контрольной цифры.

Таким образом проект контрольных цифр был составлен не только с сугубой осторожностью, но и, можно сказать, ошибочно, так как на одну осторожность нельзя «списать» 145 или 174 милл. руб., при общей сумме бюджета в 2 с четвертью миллиарда рублей. Чем же объясняется такая ошибка? Пессимизм контрольных цифр больше всего обязан тому обстоятельству, что в момент составления этих цифр и их обсуждения появились первые известия о недороде, охватившем значительный район хлебородных губерний Союза; но эти первые известия, как это бывает всегда, носили печать неопределенности и неясности. В то время оставался неясным не только вопрос о размерах постигшего страну бедствия, но даже и о границах территории недорода. Памятая о тяжелых уроках недавнего прошлого, все были склонны предвидеть худшее и поэтому переоценить отрицательное влияние недорода. К моменту составления настоящего бюджетного проекта страхи рассеялись, так как были выяснены действительные размеры бедствия, а главное, были приняты меры к возможному ослаблению последствий недорода на народную хозяйственную жизнь. Поэтому проект бюджета имеет уже более бодрый вид, нежели проект контрольных цифр.

Из сказанного следует заключить, что в основу контрольных цифр в значительной дозе было положено впечатление, импрессия, чего по существу дела не должно быть. Бюджет должен быть делом хладнокровного расчета и логического вывода. Но, принимая во внимание условия составления контрольных цифр, нужно притти к заключению о том, что «импрессионизм» здесь был неизбежен. На самом деле, в июне и июле, когда приходится окончательно составлять контрольные цифры и подводить им баланс, тем самым строго очерчивая основные контуры будущего бюджета, еще нет таких данных, которые давали бы твердые опорные точки для суждения об общем экономическом положении страны, в особенности же о положении сельского хозяйства и сельского населения. Урожай стоит в это время еще на корню и подвержен всем и всяким атмосферическим влияниям. Движение мировых хлебных цен еще не определилось, и поэтому сделать сколько-нибудь твердые выводы о судьбах государственных финансов в предстоящем бюджетном году весьма трудно и рискованно. Бюджетное суждение при таких условиях легко превращается в пророчество и бюджетная работа по необходимости соскальзывает на путь импрессионизма. Поэтому мы лично думаем, что опыт с контрольными цифрами для бюджета 1924/25 года весьма убедительно показал полную возможность отказаться от этого технического приема составления государственного бюджета. Время и энергия, затрачиваемые на составление контрольных цифр, с большей пользой могли бы быть употреблены на проработку и разработку отчетных данных о минувшем бюджетном периоде. Эти же данные особенно необходимы для окончательного освобождения от бюджетного импрессионизма и слишком широких и поэтому малосодержательных обобщений, часто по нужде являющихся обоснованиями бюджетных цифр. С появлением хороших отчетных данных годовой бюджет, ныне именуемый ориентировоч-

ным, освободится от своей ориентированности и превратится в настоящий твердый, реальный бюджет, сделается точным и обязательным планом ведения государственного хозяйства. Одно условие для такого превращения ориентировочного бюджета в твердый имеется уже в наличии, это— твердая валюта, отсутствие которой в предшествующие годы обрекало бюджет на ориентированность и на необходимость контрольных цифр, т.-е. технически весьма тупорогого метода бюджетной работы.

В связи с опытом контрольных цифр встает еще один вопрос, именно, о начальном сроке бюджетного периода. В настоящее время таковым сроком является 1 октября. Только с переходом к реальному годовому бюджету окончательно будет выяснен вопрос о том, насколько удачно и целесообразно выбрано первое октября в качестве первого дня нового бюджетного года. В текущем бюджетном году не удалось составить и утвердить бюджет к началу бюджетного года. По всей вероятности, государственный бюджет на 1924/25 г. получит окончательную санкцию к началу второго квартала, т.-е. к 1 января. Пока годовой бюджет является лишь ориентировочным и твердый бюджет воплощается в форме четырех квартальных бюджетов, в этом отставании момента утверждения бюджета от момента открытия бюджетного года нет большой беды и больших неудобств. Но в будущем, с переходом к твердому годовому бюджету, такие отставания будут создавать значительные неудобства. Поэтому по необходимости встанет на очередь вопрос о бюджетных сроках. Первое октября в качестве дня открытия нового бюджетного периода вряд ли удобно для значительной территории Союза, лежащей на севере, где сбор хлебов и вообще окончание сельско-хозяйственного года идет и наступает гораздо позднее южной части Союза. Вряд ли 1 октября удобно и для таких крупных хозяйственных единиц, какою являются, напр., государственные железные дороги, раскинувшиеся по всей территории Союза. Но этот вопрос для своего решения нуждается в накоплении некоторого опыта.

Пробным камнем всякого проекта государственного бюджета является его баланс. Есть авторы, которые утверждают, что составление государственного бюджета, т.-е. огромная работа, требующая колossalного труда и времени, предпринимается ради получения баланса, т.-е. установления равновесия между государственными расходами и доходами. В этом утверждении имеется 90% правды. Действительно, бюджет, в котором нет баланса в смысле указанного равновесия, не может быть признан планом ведения государственного хозяйства. Если в нем нет баланса, то напрасно написаны длинные колонны цифр, разбитые по параграфам и статьям и обозначающие основные и детальные вехи для сложного и трудного государственного хозяйственчанья.

В момент проведения денежной реформы весьма много говорилось и писалось о том, что для успешности проведения денежной реформы и для последующего сохранения устойчивой валюты, в особенности, когда эта валюта представлена бумажными деньгами, решающую роль играет бюджетный баланс. 1924/25 год устойчивую валюту получил в наследство от предшествующего года, и это наследство сразу придало бюджету 1924/25 года

ясно различимые черты реальности и обоснованности. Но вместе с таким ценным наследством 1924/25 бюджетный год обязан принять на себя и весьма ответственную обязанность по охране и упрочению устойчивых денег. Для суждения о том, насколько реален бюджет 1924/25 г. и насколько он в состоянии оправдать возлагаемые на него надежды по сохранению и упрочению твердых и устойчивых денег, прежде всего необходимо посмотреть на его баланс и на те способы, при помощи которых достигается равновесие между его расходами и доходами.

Идеальное состояние бюджета, с точки зрения баланса, достигается в том случае, когда все расходы государства покрываются нормальными доходами. Такой бюджет будет по существу дела бездефицитным. В 1922/23 бюджетном году, а также и в следующем бюджетном периоде, наш государственный бюджет был весьма далек от такого идеального состояния. Внешне это выражалось в том, что бюджетное равновесие в бюджетах двух указанных периодов не достигалось и ради сохранения бюджетного плана государство вынуждалось на весьма и весьма иррациональный прием покрытия бюджетного дефицита при помощи казначейских выпусков бумажных денег. Иррациональность этого приема балансирования доходов и расходов заключалась в том, что, получая возможность свести в своем бюджете концы с концами, государство одновременно расшатывало денежную единицу и всю систему денежного обращения, что, в конце концов, самым вредным образом отражалось на самом же государственном бюджете. Бюджет мог быть только весьма ориентировочным, нужны были контрольные цифры, нужны были не только квартальные, но и месячные бюджетные планы. Другими словами, при иррациональной системе балансирования государственных доходов и расходов у государственного хозяйства, планового по своей природе и по своим конечным целям, отнималась возможность быть плановым. Если же плановость не могла быть введена в область государственного хозяйства, где стихии вообще нет места, то насколько же труднее было ввести ее при этих условиях в область народного хозяйства, где стихия неизбежна и куда плановость легче всего проникает через государственное хозяйство. В народно-хозяйственной жизни Союза ССР государственное бюджетированное хозяйство играет особенно большую роль и является отправной точкой для планирования всего народного хозяйства, так как государственный бюджет тысячами нитей связан со всеми сторонами народно-хозяйственной жизни. Поэтому устранение из бюджета иррационального элемента было не только большой экономической и финансовой победой, но и завоеванием плановой системы хозяйствования.

Если сравнить бюджет 1924/25 года с двумя предшествующими бюджетами, то с точки зрения бюджетного баланса, этой главной критической позиции, он предстанет перед нами, как весьма близкий к идеальному бюджету. Его сбалансирование достигнуто путем обычных методов бюджетирования государственного хозяйства. Но все-таки до настоящего идеального бюджета проект бюджета 1924/25 года не сделал полного шага, остановившись на позиции бюджета, сбалансированного при помощи чрезвычайных

ресурсов. Размер чрезвычайных доходов, предусмотренных проектом бюджета, и определяет размер бюджетного дефицита.

Проект Наркомфина и версия Госплана определяют в одинаковой цифре сумму чрезвычайных ресурсов текущего бюджетного года, именно, 211.715.000 руб. Таким образом по проекту НКФ дефицит составляет около $9\frac{1}{2}\%$, по проекту Госплана — около 8 %. Так как для качественной оценки дефицита размер его имеет огромное значение, то из приведенных цифр можно видеть, что проект бюджета на текущий год сильно придинулся к идеалу бездефицитного бюджета, так как дефицит в размере около 10% общей массы государственных доходов, после ряда лет с огромными дефицитами, представляет собою величину незначительную. Но в наших условиях важен не только размер дефицита, но и способ его покрытия. Государственный бюджет в текущем году совершенно освободился от казначейской эмиссии бумажных денег, как источника чрезвычайных ресурсов. В этом заключается главная и самая выдающаяся особенность настоящего бюджета. Слабой связью с недавним прошлым является только одна цифра в отделе чрезвычайных доходов, именно 80 милл. руб. дохода от выпуска в обращение серебряной и медной монеты. Для того, чтобы выпустить эту монету, государство должно будет закупить потребные количества металла и на эту закупку по отделу государственных расходов предусматривается расход в 50 милл. руб. Таким образом монетный доход казны в 1924/25 г. составит всего 30 милл. руб. Эти 30 милл. руб. и являются по своей природе доходом, близким к эмиссионному, получаемому от выпуска бумажных денег. Но между обоими видами этого дохода имеется весьма существенное отличие. В серебряных и медных деньгах оборот испытывает острую нужду, и поэтому они будут поглощены, как здоровый элемент: между тем, как выпуски ради казначейских целей бумажных денег, как правило, обороту никогда не бывают нужны. Влисывание монетного дохода в 40 милл. руб. по счету нетто, или 90 милл. по счету брутто, в отдел чрезвычайных доходов правильно лишь постольку, поскольку дело идет о внедрении в каналы денежного обращения единовременно крупной суммы металлических денег после долголетнего отсутствия в этих каналах каких-либо металлических денег. В будущем же году, когда выпуск новых партий металлических денег примет гораздо более скромные размеры, этот доход в скромных цифрах переместится в отдел обыкновенных доходов, где он и займет свое обычное и нормальное место.

Наряду с монетным доходом в составе чрезвычайных ресурсов фигурирует еще один случайный доход в размере 21.715.000 руб. от реализации различных государственных фондов. Так как фонды государства, подлежащие отчуждению не по фискальным, а по хозяйственным соображениям, в скором времени будут сведены к ничтожным размерам, то и этот доход исчезнет и перекочует в отдел обыкновенных доходов, вероятно, в рубрику случайных государственных доходов.

Остается третья и последняя составная статья отдела чрезвычайных доходов, именно, доход от государственных займов. Эта статья определена в размере 110 милл. руб. из общей массы чрезвычайных доходов в 211 милл.

руб. по счету брутто, или в 161 милл. по счету нетто (скидывая 50 милл. на покупку монетных металлов). Таким образом фактически дефицит составит 161 милл., из коих 110 милл. будут покрыты займами и остальные 51 милл. руб.—реализацией госфондов и монетным доходом.

Наиболее важную часть чрезвычайных доходов составляют доходы от государственных займов, именно, указанные выше 110 милл. руб. Реальность этих 110 милл. в конечном счете и определяет реальность всего государственного бюджета, обсуждаемого с точки зрения баланса. Сомневаться в том, что казне удастся реализовать на 21 милл. государственных фондов или разместить на 80 милл. серебряной и медной монеты, не приходится. Весь вопрос в займах.

110 милл. в отношении бюджета в $2\frac{1}{2}$ миллиарда рублей являются величиной совсем незначительной, они составляют менее 5% всего бюджета, но эти менее чем 5% с балансовой точки зрения являются наиболее существенными. Из 110 милл. заемных доходов предположено собрать 30 милл. руб. в форме выигрышного займа, 30 милл. при помощи гарантиного займа и, наконец, 50 милл. при помощи крестьянского займа. Все три займа отнюдь не являются новостью для государственного бюджета 1924/25 года, они достались ему в наследство от предшествующего бюджетного года, и поэтому за ними имеется достаточный опыт, который удостоверяет, что в пределах намеченных цифр ($30+30+50$ милл.) задача кредитных операций для бюджета текущего года вполне разрешима. Можно сказать даже больше: цифры поставлены очень осторожно. Размещение первых двух займов (выигрышного и гарантиного) происходит, главным образом, в принудительной форме, что само по себе является солидной гарантией поставленных цифр. Размещение крестьянского займа тесно связано с крестьянским налогом, и поэтому нет оснований сомневаться в реальности цифры в 50 милл. руб. Таким образом с точки зрения реальности этих цифр никаких сомнений ни у кого из обсуждавших и изучавших бюджет не возникало. Кредитные операции, являясь необходимой частью благоустроенных финансов, как наилучший метод сбалансирования дефицитного бюджета, за последние три года начались, можно сказать, с ничего и дошли до размеров, оказывающих бюджетному балансу существенную помощь. В дальнейшем, при стремлении к подлинно бездефицитному бюджету, нет никакой возможности обойтись без заключения займов. Хозяйственная и финансовая обстановка часто складывается таким образом, что заключение займа будет неизмеримо выгоднее, нежели воздержание от займа и неизбежное поэтому сокращение государственных расходов, т.-е. оставление без удовлетворения насущной потребности. Но современная база кредита—принуждение в отношении одних займов и антиципация ближайшего по бюджетному периоду податного дохода в отношении крестьянского займа—свидетельствует о том, что заемное дело до сих пор остается еще неналаженным. Это было пол-беды тогда, когда наряду с заемным доходом фигурировал «эмиссионный доход». Ныне же, начиная с бюджета 1924/25 г., придется употребить серьезные усилия к тому, чтобы направить кредитную политику по руслу нормального кредита, т.-е., с одной стороны, добровольного, а с другой—

долгосрочного. В течение одного бюджетного периода такая задача, разумеется, не разрешима, но подход к ней должен быть сделан во что бы то ни стало. Такая необходимость неизбежно вытекает из анализа бюджетного баланса, для которого государственные займы уже играют и будут играть решающую роль.

Таким образом с точки зрения бюджетного баланса бюджет 1924/25 г. является вполне реальным бюджетом, т.-е. он дает исполнимый план ведения государственного хозяйства. С другой стороны, этот бюджет не заключает в себе никакой угрозы по адресу денежного обращения, что в значительной мере упрощает политику денежного обращения. Эта политика теперь может всю свою энергию направить на угрожаемые фронты, стоящие вне государственного бюджета, т.-е. по преимуществу в область рыночных цен вообще, в частности хлебных цен.

Нам могут с полною основательностью указать, что судить о реальности бюджета только на основании одного анализа методов балансирования его нельзя, что нереальными могут оказаться отдельные цифры бюджетного проекта, г.-е. может стать так, что или доходы были исчислены преувеличенно, или, наоборот, расходы определены в пониженных против необходимого и неизбежного размерах. Совершенно верно: суждение о реальности бюджета должно быть выводом не только из анализа баланса, но и отдельных частей как доходного, так и расходного бюджета. В настоящей статье мы не будем подвергать анализу каждую цифру бюджета, так как, как об этом мы сказали выше, в данный момент мы еще не располагаем окончательно установленными цифрами. Ошибки в бюджетных предположениях вполне возможны, тем более они возможны в таком бюджете, который должен учесть влияние на государственный бюджет процесса экономического восстановления, переживаемого нашей страной. В нормальное устойчивое время рост бюджета из года в год определяется эмпирическими данными, и этот рост измеряется очень скромным процентом прироста. Для нормального времени прирост в 10%—явление исключительное. В эпоху же восстановления народного хозяйства обычный процент прироста будет скорее сигналом некоторой опасности, нежели показателем благополучия. В эпоху восстановления возможны приrostы и в 50%, и в 40%, и в 30%. Но в такую эпоху процесс бюджетирования страшно осложняется, так как приходится учитывать причины и обстоятельства, не поддающиеся настоящему статистическому учету. Вот почему возможны бюджетные осечки. Но опасны ли такие осечки для бюджетного проекта 1924/25 года? Мы думаем, что нет, не опасны, так как он продолжает серию ориентировочных бюджетов, т.-е. таких бюджетов, которые выполняются при помощи квартальных бюджетов, составляемых на фоне ориентировочного бюджета на три месяца каждый. Эти квартальные бюджеты учитывают особенности каждого квартала и дают уже настоящий реальный бюджет, корректирующий ошибки и недосмотры годового бюджета. Поэтому бюджетному балансу почти нет угроз со стороны отдельных параграфов и статей балансируемого бюджета.

Но такой отвод против возможных угроз бюджетному балансу и его реальности мы сами считаем все-таки формальным, так как по существу дела

наш ориентировочный бюджет составляется с добрым намерением составить его по возможности реальнее, правдоподобнее и поэтому для квартальных бюджетов остается сравнительно не много места для маневрирования. Свобода маневрирования по возможности ограничивается пределами резервных фондов отдельных совнаркомов. Рассмотрение отдельных цифр бюджета в Госплане показало, что исчисления НКФ составлены в общем и целом с достаточными основаниями и обоснованиями. Госплан в области доходов пошел даже в сторону повышения некоторых из них и только один вид доходов в небольшой его части поставил под сомнение, которое может быть учтено квартальными бюджетами. Но самое главное заключается в том, что в проекте бюджета на 1924/25 г. устранена главная причина дефицитности государственного хозяйства, это, именно, обширное хозяйство НКПС'а. В проекте бюджета доходы и расходы НКПС'а балансируются на уровне 810 милл. руб. До сих пор транспорт был дефицитен и его дефицит был одной из главных причин общего бюджетного дефицита. Поэтому главная угроза бюджетному балансу устранена и устранена после долгих споров и обсуждений цифр, относящихся к транспорту. Если, вопреки чаяниям, действительность поколеблет цифру в 810 милл., то при установлении принципа, что транспорт должен свои доходы и расходы балансировать, это обстоятельство будет учтено квартальными бюджетами. Но можно думать, что хорошо взвешенная цифра доходов и расходов транспорта не потребует корректирования ее квартальными бюджетами. А если это так, то главная причина бюджетной дефицитности отпадает.

Наркоматские расходы в своей реальности ограждены не только наличием резервных фондов, но и тем, что они были хорошо проценены, и не один раз, а, кроме того, они опираются на опыт прошлого. Остается одна группа расходов—расходы по финансированию промышленности и сельского хозяйства. Здесь государственный бюджет отпускает в меру бюджетной возможности и поэтому в этой области возникает другой вопрос. Именно, здесь приходится думать не о том, не потребуется ли таких расходов больше, чем это предположено, а о том, не повлияет ли отрицательно на народное хозяйство то обстоятельство, что означенные расходы определяются в такой, именно, сумме, а не в большей. Это опасение вполне основательно, но нужно иметь в виду, что расходы по финансированию промышленности и сельского хозяйства должны постепенно сокращаться, так как государство с большой энергией развертывает систему банковского кредита. И то обстоятельство, что сокращение бюджетных расходов по финансированию сокращается совсем не в том довольно быстром темпе, в каком развивается система банковского кредитования, показывает, что бюджет для финансирования народного хозяйства делает достаточное количество усилий. Бюджетные ассигнования по финансированию могут быть только дрожжами, тесто же должно быть добыто в недрах самого народного хозяйства, т.-е. там же, где и сам бюджет черпает свои средства. Народное хозяйство может уделить на дело финансирования столько, сколько имеется у него соответственных ресурсов. Если большая часть этих ресурсов будет проведена через бюджет, то меньше останется их для более нормального русла банковского и акци-

зено-облигационного. Таким образом в данной области на первый план выдвигается не столько вопрос о достаточности, сколько о методах финансирования и об организации этого финансирования.

В заключение отметим еще одну черту бюджета 1924/25 г. В своей основе он является податным бюджетом, так как из 2 с четвертью миллиардов один миллиард дают налоги и пошлины. Если из общей суммы доходов вычесть 810 милл. транспортных доходов, которым противостоит такая же цифра расходов, то значение податного дохода выпячивается еще больше. Неподатные источники, не считая чрезвычайных ресурсов, дают только 250 милл. руб., из них 60 милл. лесного дохода. Такое исключительное положение податного дохода составляет и силу, и слабость государственного бюджета. Сила заключается в том, что податной доход доказывает наличие уже упрочившейся финансовой организации, способной обеспечить государству столь высокий податной доход. Этот доход не подведет бюджет. Слабость же заключается в том, что ударение на податном доходе показывает, что на другом фронте, на фронте неподатных доходов, далеко не все обстоит благополучно. 250 милл. неподатных доходов почти при такой же цифре расхода на финансирование отдельных отраслей народного хозяйства—сумма, без сомнения, совершенно ничтожная. Она ничтожна в особенности, если принять во внимание обширные государственные имущества и предприятия. Поэтому сама собою определяется задача, вытекающая из анализа бюджета, именно задача налаживания не податного дохода и доведения его до размеров, которые позволили бы убрать из бюджета целый ряд таких налогов, которые приходятся пока что иметь только по нужде. Путь к свободному бюджету, т.-е. к такому бюджету, который будет построен по плану, а не только по нужде, этот путь лежит через неподатные доходы.

C. M. Киселев.

Денежное обращение и эмиссионные возможности¹⁾.

Вопросы о несоответствии уровня нашего денежного обращения потребностям товарооборота, о необходимости использовать денежную эмиссию для развития кредита с целью охвата сырьевого рынка и оживления в стране процессов обмена, повидимому, вновь ставятся на очередь, но с запозданием на 3 месяца, т.е. после того, как начали действовать все те отрицательные последствия, появление которых можно было предвидеть еще в августе месяце. Однако из того, что за последние дни появилось в связи с дискуссией об эмиссионных возможностях в прессе (ст. Лоевецкого в «Фин. Газ.» № 254, статья Грсмана в «Торг.-Пром. Газ.» № 261 и статья Д. Т. в «Фин. Газ.» № 263), приходится вывести заключение об отсутствии до сих пор общих точек зрения на возможное решение этого вопроса. Препятствием к этому, по моему мнению, являются трудность сравнительной оценки экономических процессов довоенного периода с современными и слабое знакомство наше с современной экономикой, особенно когда исследование выходит за пределы главнейших наших городских рынков и основных отраслей нашего хозяйства. В силу последнего обстоятельства приходится, главным образом, базироваться на данных довоенных и путем аналогий и разного рода корректировок искать в прошлом опыте оснований к разрешению современных проблем²⁾.

Прежде всего необходимо при этом указать на одну ошибку, которую часто допускают исследователи: некритическое сравнение современных экономических явлений с процессами последних лет довоенного периода, общая конъюнктура которого, вообще говоря, наиболее резко отличается от объема, темпа и прочих условий нынешней народно-хозяйственной жизни.

Попробуем иллюстрировать это рядом цифровых показателей по пятилетиям, начиная с 1890—1895 г.г.³⁾:

¹⁾ Редакция помещает ст. т. Киселева, ввиду особой актуальности в настоящее время вопроса о темпе эмиссии, в качестве дискуссионной.

²⁾ Если опыты теоретического решения (конечно, ориентированного характера) слабы, то еще менее убедительны, по моему мнению, чисто негативные положения тов. Лоевецкого.

³⁾ Мы остановимся в дальнейшем на 1895 г., так как он является преддверием денежной реформы Витте, и в этом отношении именно с ним удобно сравнивать 7-й хоз. год.

I. Финансы (в милл. руб.)¹⁾.

Денежное обращение на 1 января.	Учетно-ссудн. операции банков и о-в вз. кред. на 1/I.	Вклады и тек. счета в банках и об. вз. кред. на 1/I.	Годовое поступление госуд. доходов.
1890	928	—	—
1895	1.047	964	1.035
1900	1.277	1.492	1.648
1905	1.660	1.868	1.775
1910	1.867	2.426	2.459
			2.781

II. Промышленная продукция (в милл. пуд.).

	Кам. уг.	Жел. руда.	Соль.	Чугун.	Хлопчато-бумажн. произв.	Пряжа.	Суровье.
1890	367	106	84	55	7,3	6,6	
1895	555	168	94	86	—	—	
1900	986	367	120	176	14,6	11,7	
1905	1.139	299	113	165	—	—	
1910	1.522	352	124	185	20,2	17,1	

Общая же стоимость промышленной продукции по 12 главнейшим отраслям по данным Огделя Промышленности с 1900 по 1908 г.г. возросла 2.048 м. р. до 3.069 м. р. (на 49,8%).

III. Внешняя торговля.

(экспорт и импорт)

в милл. руб.

IV. Грузооборот.

(перевезено грузов большой и мал.

скоростью в милл. пуд.)

1890	1.045 ²⁾	3.423
1895	1.092 ²⁾	4.741
1900	1.370 ²⁾	7.640
1905	1.574 ²⁾	8.355
1910	2.533	11.770 ³⁾

Псли взять 1895 год за 100, то динамика роста приведенных выше показателей экономической конъюнктуры довоенного периода представляется в следующем виде:

¹⁾ Ежегодники Статистич. Управления; Сборник статистических сведений, изданных в 1913 г. Советом Съездов Промышл. и Торговли, и Атлас Диаграмм Конъюнктурного Совета Госплана.

²⁾ Ср. годовые за 5-летие.

³⁾ В 1910 г. погружено 9.061 тыс. ваг.

V. Финансы.

	Денежн. обращен.	Учетно- ссудн. операц.	Вклады и тек. счета.	Госдо- ходы.
1895	100	100	100	100
1900	122	150	159	143
1905	158	188	171	161
1910	178	252	237	213

VI. Промышленная продукция.

	Кам. уголь.	Жел. руда.	Соль.	Чугун.	Хлопчато-бумажн. производ.	Пряжа.	Суровье.
1895	100	100	100	100	100 ¹⁾	100 ¹⁾	
1900	177	218	127	204	132	127	
1905	205	180	110	192	—	—	
1910	274	215	132	213	183	187	

VII. Внешняя торговля. VIII. Грузооборот.

	1895	1900	1905	1910	1895	1900	1905	1910
	100				100			
		120.				161		
			144				176	
				232				248

Таким образом за 15 лет с 1895 по 1910 г.г. банковские операции, внешняя торговля и грузооборот дают коэффициент роста от 2,3 до 2,5; близко к этому коэффициенту подходит темп развития государственных доходов (2,13), добычи железной руды (2,15) и выплавки чугуна (2,13), при чем на ходе их развития видимо отразился тяжелый для промышленности период 1904—1906 г.г. (бюджет наш в значительной мере отражал собой картину роста индустрии); что касается отраслей промышленности, работавших в массе на низовой спрос, то здесь коэффициент роста продукции еще меньше—от 1,32 до 1,87; при чем это объясняется более медленным темпом развития нашего сельского хозяйства: так, урожай 4 главнейших хлебов по Европейской России по средним за пятилетие в 1891—1895 г.г. был 2.364 м. п., а в 1906—1910 г.г.—3.148 м. п., т.е. дал увеличение всего в 1,33 раза.

По отношению к динамике роста банковских операций, госдоходов, внешней торговли, грузооборота и промышленной продукции темп развития денежной массы (1,78) занимает среднее место и сравнительно отстает от роста большей части приведенных выше конъюнктурных показателей, что объясняется, с одной стороны, усилением в обороте банковских способов расплат (чеки, расчетные отделы), а с другой—общей сдержанностью государственной эмиссионной денежной политики, которая не раз ставилась в упрек бывшему министерству финансов.

Исследование конъюнктурных показателей 1895—1910 г.г. приводит к заключению о существовании известной взаимной функциональной их за-

¹⁾ Взято среднее между 1890—1900 г.г.

висимости, с одной стороны, а с другой—о различной степени интенсивности экономических процессов в отдельных отраслях народного хозяйства в силу целого ряда обстоятельств, их сопровождавших.

Кроме того, очевидно, при оценке довоенных экономических явлений следует иметь в виду и те особенности, которые в настоящее время отсутствуют или же слабо пока развиты: банковские способы расчета, накопление свободных капиталов, приток иностранных капиталов (последнее обстоятельство вызывало более усиленный темп развития в ряде отраслей промышленности, в товарообороте, банковских операциях и т. д., при более медленном развертывании сел.-хоз. продукции), а также фондового рынка и проч.

Эти особенности наиболее рельефно выступают, если мы возьмем показатели конъюнктуры 1913 г.

	На 1/1—1913 г. % к 1910 г.	За 1913 г. % к 1910 г.
Денежное обращ.	2.244 м. р.	120
Уч.-ссудные опер.	3.890 »	160
Вклады.	3.022 »	125
		в 1912 г. около 14.500 м.п.
		123
Госдоходы.	3.417 м. р.	123
Внеш. торг.	2.894 »	104
Перевозки		

За эти три последних довоенных года мы имели как будто также довольно равномерный рост показателей денежного обращения, остатка вкладов, госдоходов и грузооборота, при некотором отставании темпа по оборотам внешней торговли и усилении задолженности по учетно-ссудным операциям кредитных учреждений. А между тем, если углубить наш анализ, то мы найдем одновременное развитие других процессов, изменяющих картину, рисуемую выбранными нами выше основными показателями.

Среднее число дней пользования вкладами Государств. Банком:

	1895	1909	1910	1911	1912	1913
Вклады бессрочные.	314	221	225	155	100	62
Текущие счета.	17	18	16	16	3	3

Средняя длительность затраты Государств. Банком средств по учетно-ссудным операциям:

	1895	1909	1910	1911	1912	1913
Число дней.	150 ¹⁾	82	56	53	55	55

Работа расчетных отделов Государств. Банка.

	1895	1907	1910	1913	1913 г.
Предъялено к зачету в милл. р.	80 ²⁾	6.697	13.434	21.431	160

Другими словами, за последние годы, с 1909 г. по 1913 г., мы имели несомненное ускорение обращения денежной массы при огромном росте

¹⁾ По вексельному учету и подтоварным ссудам.

²⁾ По жел., дорогам.

суммы безденежных банковских расчетов. Добавим еще, что в 1895 г. выпущено было в обращение государственных и гарантированных государственных бумаг на 9.199 милл. р., а в 1912 году общая сумма их дошла до 18.050 милл. р.; при этом в 1895 г. при относительной еще слабости нашего фондового рынка большая часть процентных бумаг размещалась за границей, тогда как в 1912—1913 г.г. мы имели несомненное значительное расширение емкости и внутреннего фондового рынка.

Мы приводим все эти данные, чтобы отгенинить все те трудности, которые встречаются на пути сравнения довоенной и современной хозяйственных конъюнктур, особенно под углом зрения денежного обращения, связанного тысячью нитей, со всеми почти без исключения хозяйственными процессами в стране. Трудности усугубляются отмеченными выше различиями степени развития денежного оборота сейчас и в последние годы довоенного времени, делающими без целого ряда существеннейших и трудно достижимых поправок мало сравнимыми попытки сопоставления условий денежного обращения этих двух периодов. Поэтому, как об этом сказано в начале статьи, для получения более или менее сопоставимых результатов исследования, мы должны для этой цели пользоваться предпочтительно более отдаленным временем, которое по общему темпу хозяйственной жизни и уровню развития ее соответствовало бы текущим экономическим условиям.

Какими же показателями характеризуется текущая конъюнктура Союза ССР? Приведем показатели за только что минувший 7-й хоз. год, с указанием % роста их по отношению к 6 хоз. году (принятому за 100).

IX. Денежное обращение.

	В милл. черв. руб.	% за год.	В милл. тов. руб.	% за год.	В милл. руб. с попр. на скор. обращ. совзнак.	% за год.	В милл. тов. руб. с попр. на скор. обра- щения ¹⁾ .	% за год.
на 1/X 1923/24								
года . . .	264	100	170	100	393	100	252	100
на 1/X 1924/25								
года . . .	622	235	379	223	622	158	379	150

Следовательно, номинально денежное обращение за год выросло в 2,35 раза, а с учетом скорости обращения совзнаков—около 1,58 раза; по покупной же способности количество денег в обращении с поправкой на скорость изменилось всего в 1,50 раза.

В это вычисление¹⁾, быть может, надлежало бы внести некоторые до-

¹⁾ Сначала реформы, т.-е. с 15 февраля по 1 августа, при неподвижности почти банковской эмиссии (с 282 до 291 м. ч. р.) выпущено взамен совзнаков и для изжития денежного кризиса около 200 м. р. казначейских денег при общей почти стационарности обращения. Учитывая изменение совзначной массы с 56 м. р. на 1 октября до 48 м. р. на 15 февраля, следует признать, что если 152 милл. руб. (200—48 м. р.), соответственно уменьшить на 15%, то сумме совзначного обращения в 56 милл. руб. следует противопоставить около 56 м. р. + 129 м. р. денежного обращения новых казначейских знаков.

полнительные поправки, уточняющие приведенные коэффициенты роста денежного обращения, но по существу основная мысль, иллюстрируемая последним столбцом таблицы, правильна и дает верное представление о гораздо меньшем реальном росте охвата денежным обращением товарооборота, чем это рисуют данные второго столбца таблицы.

Как же развивались прочие показатели народно-хозяйственной конъюнктуры?

X. Банковские операции по 5-и Московским банкам и их филиалам.

	Учетно-ссудные операции.		Вклады и текущие счета.	
	В милл. черв. р.	% за год.	В милл. тov. руб.	% за год.
на 1/X 1923/24 г.	343	100	219	100
на 1/X 1924/25 г.	856	250	522	238

Таблица банковских операций устанавливает довольно тесную зависимость между темпом роста эмиссии и банковских операций, при чем, очевидно, за счет эмиссии пытаются как оборотные средства торгово-промышленных предприятий (учетно-ссудные капиталы), так и кассовая их наличность, входящая в известной доле в банковские текущие счета. В этих условиях направлять ограниченные банковские ресурсы, а также использовать эмиссионные возможности, для образования основных торгово-промышленных капиталов (фондовые операции довоенного периода)—мы, очевидно, пока не в состоянии.

XI. Обыкновенные госдоходы (без Закавказья и ДВО).

	В милл. черв. руб.	% к пред. году.	В милл. тov. руб.	% к пред. году.
1922/23 г.	807	—	651	—
1923/24 г.	1.395	126	821	126
1924/25 г.	1.759	126	1.035	126

XII. Промышленная продукция в милл. пуд.

	Добыто в 7 хоз. году.	% к 6 хоз. году.
Камени. уголь	863	131
Чугун	41	221
Пряжа хлопч.-бумажная .	6,1	135
Суровые хл.-б.	1,2	143

XIII. Грузооборот (погрузка в тыс. ваг.).

1922/23 г.	4.304	100%
1923/24 г.	4.951	115%

Вся продукция предприятий, подведомственных ВСНХ, определяется 1923/24 г. в 2.891 милл. черв. руб. (154% к 1922/23 г.) и в 1.507 милл. довоенн. руб. (131% к 1922/23 г.).

XIV. Внешняя торговля (экспорт и импорт по ценам 1913 г.).

1922/23 г.	281	милл. дов. руб.	—100%
1923/24 г.	540	" "	—192%

XV. Биржевой оборот (МТБ и 40 провинц. бирж).

	В милл. чрев. руб.	%	В милл. тov. руб.	%
1922/23 г.	1.383	100	1.164	100
1923/24 г.	2.505	181	1.683	145

Наконец, урожай 4 главных хлебов в 1922/23 г. определялся в 2.693 милл. пуд., а в 7 хоз. г. по предварительным данным он исчисляется в 2.404 милл. пуд.¹⁾, т.-е. более чем на 10% ниже прошлого года.

Какие же выводы можно сделать из всех приведенных данных?

Прежде всего, сравнивая % прироста конъюнктурных показателей за 1923/24 г. с довоенными, приходится подчеркнуть крайнюю его интенсивность, соответствующую характеру восстановительных процессов нашей экономической жизни.

Прирост в %. в 1895—1900 г.г.	Денежные обращения.	Уч.-судные операции.	Вкладные операции.	Госдоходы.	Кам. уголь.	Чугун	Хлопч.-бум. прижа.	Суровые.	Грузооборот.	Внешн. тор- говля.	Биржев. тор- говля.
За пятилетие	22	50	59	43	77	104	82	27	61	20	—
В средн. за год . . .	4,4	10	11,8	8,6	15,4	20,8	6,4	5,41	2,2	4	—
За 1923/24 год .	50	138	104	26	31	121	35	43	15	92	45

Вместе с тем бросается в глаза относительно слабое развитие грузооборота, а также отставание темпа роста денежного обращения и госдоходов от банковских операций и торговых оборотов; однако тут следует иметь в виду, что в процессе восстановления народного хозяйства СССР одни относительные показатели роста пока недостаточно сравнимы и выводы надо корректировать обследованием абсолютных величин этих показателей.

Попытаемся поэтому сравнить абсолютные цифры конъюнктурных показателей 1923/24 г. с довоенными (в милл. довоен. и тов. руб.).

¹⁾ Рыночные цены также почти совпадают: так, средняя цена ржи в 1890—1899 г.г. была 62 коп. и пшеницы—88 коп.; к 1 ноября 8 хоз. года средняя цена ржи в производ. губ. была 89 коп. и в потребляющих—99 коп., а пшеницы—1 р. 39 коп. (в производ. губ.); при переводе червонных копеек на товарные это дает для ржи цены от 53 до 60 коп. и для пшеницы—83 коп., с тенденцией к росту хлебных цен на рынке.

	Денежн. в обращение.	Уч.-судные операции.	Вкладные операции.	Госдоходы.	Кам. уголь.	Чугун.	Хлопч.-бу. прижа.	Суровые.	Стол. пр. главн. отрас- пром.	Внешн. тор- говля.	Грузообор.
1890 . . .	923	—	—	952	367	55	7,3	6,6	—	3.423	1.045
1895 . . .	1.047	964	1.035	1.256	555	86	—	—	—	4.741	1.092
1900 . . .	1.277	1.492	1.648	1.704	986	176	14,6	11,7	2.048	7.640	1.036
1923/24 год.	252	219	147	821	863	41	6,1	1,2	1.507	4.951 ²⁾	540
1924/25 год.	379	522	301	1.035	(1.092) ¹⁾ (55,2)	(9,9)	(1,8) ¹⁾	(2.040) ¹⁾	—	—	—

Сравнивая эти данные, следует отметить, что по ряду показателей (денежное обращение, банковские операции, производство чугуна, пряжа, сырье и внешняя торговля) мы еще далеко отстали не только от 1895 г., но и от 1900 г., по другим же показателям (госдоходы на 1924/25 год, добыча каменного угля, общая ценность продукции главнейших видов промышленности, грузооборот) — мы, наоборот, ближе подходим к 1895 г. и иногда даже к 1900 (кам. уголь и ценность промышл. продукции), особенно если принять во внимание, что показатели довоенные распространялись и на территории, ныне вышедшие из состава СССР. По численности населения это даст коррективный коэффициент около 15% в сторону уменьшения; данные за октябрь 1924 г. усиливают момент с равнинами еще более.

Если принять во внимание, что и по урожаю хлебов этот период довоенной эпохи (сбор 4 хлебов — 2.364 м. п.) более соответствует современному состоянию сельского хозяйства (сбор тех же хлебов — 2.404 м. п.), то следует признать, как указывалось уже выше, наиболее целесообразным сравнение текущего состояния нашей экономики с данными 1895 г. и ближайших к нему лет.

Напомним еще, что в 1895 г. в значительной части населения в массе хранило сбережения на дому, что расчетные отделы Госуд. Банка функционировали, пожалуй, так же слабо, как и теперь, что фондовый рынок еще далеко не достигал той емкости, какую он приобрел в последующие годы. Учет векселей и ссуды под товары в среднем имели срок около 5 месяцев, что почти соответствует и нынешнему реальному обороту, по учетно-ссудным операциям, который можно принять до 6 месяцев. Наконец, оптовый оборот в 1890—1895 г.г. длился от 12 до 8—6 месяцев, определяясь в первую очередь Нижегородской ярмаркой и местными ярмарками (напр., Крещенской на лево-бережной Украине, контрактовой на право-бережной, Ирбитской в Сибири и т. д.), что, повидимому, также больше гармонирует с характером нашего товарооборота и т. д.

Однако полной аналогии между экономической обстановкой 1895 г. и 1924/25 года после Окт. Революции провести нельзя: так, в 1895 г. имелся

¹⁾ Цифры (в скобках) пром. продукции взяты для сравнения по предварительным данным об октябрьской продукции 1924/25 года.

²⁾ Считая грубо вагон за 1.000 пудов.

все же относительно более крупный фондовый рынок, какого у нас сейчас нет, а между тем, несомненно, часть денежных знаков обслуживала нужды и фондового оборота; аккумуляция свободных капиталов и денежных сбережений в кредитных учреждениях теперь и абсолютно и относительно идет медленнее, что задерживает больше денег вне каналов денежного обращения (особенно в частном обороте), слабее идет образование и восстановление основного промышленного капитала в стране и т. д. Трудно дать числовое достаточно веско обоснованное выражение этих противоречивых процессов, и можно лишь предположить, что в лучшем случае их влияние на структуру денежного обращения взаимно уравновешивалось бы при прочих равных условиях. Тогда мы будем, очевидно, стоять перед необходимостью увеличения денежного обращения СССР до цифры, близкой к 1.000 милл. довоен. рубл., или же по нынешней покупной способности червоноца—до 1.600 милл. черв. руб.

Таков вывод, который неизбежно встает перед нами, если мы будем сравнивать условия денежного обращения и хозяйственного развития современной нам эпохи с довоенным периодом, более или менее близким к ней по общему уровню экономической жизни. Значит ли это, что мы должны принять цифру 1.600 милл. черв. руб., как незыблемую норму. Конечно, нет, так как всякий добросовестный исследователь, опирающийся в своих изысканиях на опыты прошлого, стремится обнаружить лишь основные тенденции и общие рамки экономических процессов,— конкретное же осуществление и проведение в жизнь этих принципов должно ити в порядке делового и достаточно осторожного применения их к реальной хозяйственной обстановке.

Поэтому важно и необходимо в данном вопросе выявить путем перекрестных исследований: 1) общее соответствие или несоответствие в данный момент денежного обращения прочим условиям хозяйственной жизни, 2) выявить степень расхождения этих моментов и направление:— дальше же, в процессе уже практической работы, следует определять более точные конкретные формы и пределы теоретически намеченных контуров. В частности, можно ли в данный момент и сколько выпустить денег, будет зависеть и от того, куда будут направлены эти деньги, какие цели будут преследоваться кредитом в существующей обстановке хозяйственной жизни и насколько прочие хозяйствственные условия этому будут благоприятствовать. Это— вопросы направления практической финансовой и кредитной политики, при которых при прочих равных обстоятельствах могут получаться самые разнообразные результаты, от общего подъема хозяйственной жизни до перепроизводства и депрессии включительно.

Одно можно еще подчеркнуть, что текущие конъюнктурные наблюдения также сигнализируют о недостатке денег в обороте и что наиболее целесообразным явилось бы использование эмиссии в первую очередь по пути хлебных, мясных и сырьевых заготовок и оживления тем самым низового спроса.

Попробуем теперь продемонстрировать степень напряжения денежного обращения в отношении отдельных экономических процессов довоенного

времени и теперь, принимая для сравнности сумму обслуживающего эти процессы денежного обращения на 1 число начального месяца каждого года за 100¹⁾.

	Учен.** судн. операции.	Вкладные операции.	Госдоходы.	Внешн. тор- говля.	Бирж. об- орот.	Стоймость промышлен. продукции (главн. от- расли).
1895	92	100	120	104	—	—
1900	117	129	133	102	—	160
1905	109	106	122	97	—	—
1910	130	130	149	135	—	162)
1923/24 г. . .	129	86	482	317	684	886
» » 2) . .	86	58	325	212	461	594
1924/25 г. . .	137	79	272	—	869 ³⁾	537 ³⁾

Другими словами, напряжение денежного обращения сейчас по сравнению с довоенным огромно, что на практике, как известно, вызывает колossalный рост сделок в кредит, затрудняет реализацию сел.-хоз. продукции и т. д.

Если на основании данных последней таблицы попытаться вычислить среднюю напряженность денежного обращения по отношению к указанным показателям экономических процессов, то мы будем иметь следующие условные коэффициенты ускорения денежного обращения по отношению к 1895 году.

	Средний показа- тель, без бирж. оборотов.	Средний коэф- фициент уско- рения.
1895 г.	122,6	1,0
1910 г.	142,3	1,2
1923/24 г. ²⁾ . .	380,2	3,1
1924/25 г. . . .	306,5	2,5

Принимая этот коэффициент ускорения, необходимо для соответствия денежного обращения 1924/25 года условиям денежного обращения 1895 г. довести денежную массу до 948 милл. довоен. руб. или 1.580 милл. черв. руб., что соответствует и ранееенным выводам.

Если мы припомним, что скорость самого товарооборота у нас сейчас невелика и определяется в среднем около 5—6 месяцев, то диспропорция между ней и ускорением денежного обращения, при ограниченности денеж-

¹⁾ По банковским операциям остатки на 1 число начального месяца, по остальным показателям—годовые цифры.

²⁾ Для 1923/24 года, в видах сравнности с 1924/25 г., для второго ряда взята сумма денежного обращения с поправкой на скорость (252 м. р.).

³⁾ Биржевой оборот (3.300 м. тов. руб.) и стоимость пром. продукции (2.040 м. дово. руб.) взяты для сравнности применительно к данным за первый месяц 1924/25 года.

⁴⁾ Вернее для 1908—1909 г.г.

ной массы и слабом развитии банковских способов расчета; рельефно выступает на первый план¹⁾.

Чтобы лучше уяснить себе это явление; припомним также, что на 1 октября 1922 года в результате разложения капиталистического хозяйства дореволюционной России и гражданской войны, количество денежных знаков составляло всего 5% довоенной суммы денежного обращения, доходы определялись в 17% довоенной нормы, пром. продукция главнейших отраслей—около 18% и грузооборот—31% довоенных погрузок. Если мы сравним данные 1913 г. с соответствующими показателями за октябрь 1924 года, то мы будем уже иметь для промышленной продукции коэффициент 61% довоенной нормы, для грузооборота около 64%, по сбору главнейших хлебов около 85%) и для денежного обращения всего 20%.

Эта непропорциональность восстановительных процессов отдельных отраслей народного хозяйства и является причиной отмеченной выше напряженности денежного обращения в настоящее время. Иллюстрируем это еще одним конкретным примером. Приходилось на душу населения до войны и теперь:

	1890	1895	1910	на 1 окт. 1924 г.
	в довоенных и товарных рублях.			
Госдоходов	8,4	12	17,0	8,6
Денежных знаков	8,1	10	11,4	3,1
% госдоходов к ден. знак.	103,0	120	150,0	277,0

Другими словами, для выполнения плана государственных доходных поступлений до войны денежная масса должна была пройти через руки плательщиков от 1 до $1\frac{1}{2}$ раз, теперь же больше $2\frac{1}{2}$ раз. Особенно бросается в глаза это несоответствие при сравнении с 1890 г.

Попробуем, однако, дальше развить наш анализ тех задач, которые мы ставили в начале текущего хозяйственного года перед нашим денежным обращением.

В среднем месячный оборот по бюджету в 1924/25 году составит около 86 милл. тов. руб.; по данным на 1 октября, средний реальный оборот (кредит) денег по учетно-ссудным банковским операциям (522 : 6) должен был бы составить около 90 м. р. (в месяц — в среднем³⁾); в той же цифре примем его и для вкладной операции; при стоимости промышленной про-

¹⁾ В этих условиях оптовый товарооборот вынужден сейчас функционировать преимущественно за счет усиления товарного кредита (на Украине в октябре реализация промышл. продукции шла в 97,5% оборота за счет товарного кредита, на Урале металлопромышленность на 94% реализовала свою продукцию также в кредит и т. д.); деревня в пределах сельской торговли также живет натуральным товарообменом. Денежное обращение, не охватывая всего финансового и торгового оборота, преимущественно пульсировало в некоторых частях его: по бюджетному хозяйству, на хлебном рынке и по реализации мануфактуры и сахара.

²⁾ По ориентировочным исчислениям Стат.-Эконом. Секции Госплана товарная часть сел.-хоз. продукции 7 и 8 хоз. годов определяется в 72—75% товарной части сел.-хоз. продукции 1913 года.

³⁾ Исключая переписку и пересрочку платежей, оплату чеками и т. д.

дукции в октябре в 170 м. руб., принимая во внимание выплату зарплаты, задатки по линии оптового и розничного оборота и низовую реализацию продукции, следует считать в текущих условиях денежный оборот, в этой области товарооборота минимально вдвое (340 м. р.); обороты внешней торговли в октябре определялись в 54 м. р.; хлебных и иных зерновых злаков погружено было для внутреннего оборота в октябре около 51 м. п.; принимая в среднем цену пуда в 1 черв. руб. или 60 тов. коп., имеем стоимость этих грузов в 80 м. тов. руб.; допустим, что прочая сел.-хоз. продукция¹⁾ на внутреннем рынке реализована за октябрь на ту же сумму, и предположим, что для госорганов денежный оборот с сел.-хоз. товарами делается дважды от крестьянина через госорган к потребителю, для кооперации сплошь и рядом — три оборота и для частного скопища не менее 3—4 раз и возьмем в среднем 3 раза, это дает денежный оборот с сел.-хоз. товарами около 180 м. р.

Все вместе это составит месячный оборот, примерно, в 840 милл. тов. руб. Цифра эта, конечно, ориентировочная, так как сюда не вошел ряд банковских операций (переводная, комиссионная), оборотов по местному бюджету, коммунальному хозяйству, сделан ряд допущений, требующих уточнения и проверки. Тем не менее, если мы примем эту, безусловно преувеличенную, цифру в 840 милл. руб. для октября, то ей придется противопоставить средне-месячную октябрьскую денежную массу около 390 м. р. Однако из этой массы надо исключить прежде всего карманную наличность населения; если мы примем последнюю, как минимум, в 50 довоенных копеек, то это дает неподвижную массу вне каналов обращения в 65 м. р., для торгово-промышленных предприятий необходимо также принять некоторый постоянный кассовый остаток от оборота (340+180), который предположим в 10%, что дает около 50 м. р. Пусть для уменьшения ошибки расчета сюда войдет наличность и всех прочих государственных (кроме Госбанка и органов НКФ), общественных и т. д. учреждений. Тогда подвижная денежная масса (390—65—50) определится около 275 м. р., и для того, чтобы обслужить даже эту преуменьшенную потребность оборота, она должна сделать в месяц не менее 3,05 оборотов, что совершенно не соответствует нынешнему несравненно более замедленному общему темпу товарооборота. Ясно, что при подобной напряженности всякая заминка и задержка денег вне оборота (напр., деревней для платежа сел.-хоз. налога) способна вызвать общее безденежье и торгово-промышленный и финансовый кризис.

В наших расчетах мы руководились примерным подсчетом действительного денежного оборота, исключая, например, все те биржевые и прочие торговые сделки, которые сейчас искусственно вынуждены идти почти целиком за счет товарного кредита. Если мы включим их в наш расчет (840+275), то тогда скорость денежной массы (1125 : 275) должна была бы быть не менее 4,8 раза в месяц. Этой задачи денежная масса, очевидно,

¹⁾ Заготовка хлеба для местных нужд, реализация скота, овощей, с.-х. сырья и т. д.

выполнить не в состоянии, отсюда наблюдаемое сейчас безденежье и крайняя финансовая напряженность оборота¹⁾.

Приведенный ориентировочный расчет скорости денежного обращения, сделанный для октября м-ца 1924 г., отнюдь, конечно, не претендует на то, чтобы дать абсолютную величину отыскиваемого коэффициента. Надо вообще сказать, таковой общий коэффициент скорости движения денежных знаков в каналах обращения в природе не существует уже по одному тому, что в отдельных секторах товарного и денежного оборота деньги имеют различную быстроту обращения; поэтому все вычисления в этой области постольку цепны, поскольку они дают возможность сравнения и сопоставления, которые, однако, тем более затруднительны, что здесь приходится решать задачу со многими неизвестными, а потому делать целый ряд более или менее вероятных допущений. По этой же причине мы нашли более верным и близким к цели ити путем отыскания в нашем историческом прошлом эпохи с совпадающими с современным уровнем экономического развития показателями более реальных учитываемых хозяйственных процессов. Правда, и при этом способе полной аналогии мы не находим, но все же здесь ярче и нагляднее проходит весь процесс сопоставления, меньше вносится в него произвольных, а потому всегда оставляющих сомнение в степени вероятности, допущений; одновременно легче определить и моменты расхождения современной и дореволюционной экономики, а потому и внести своевременно возможные корректизы.

Тем не менее, попытаемся сделать еще один вариант определения скорости обращения денег в довоенное время и теперь. При решении этой задачи мы имеем, вообще говоря, ограниченное количество точных данных: сумму годовых бюджетных операций и банковские обороты; затем идут добываемые путем разного рода вычислений цифры промышленной и сельско-хозяйственной продукции, а затем уже целый ряд иногда гадательных допущений об объеме низового оборота и т. д. Так как относительная ценность этих прикидок зависит, по моему мнению, прежде всего от степени однородности методов вычисления, а следовательно, и сравнимости, то в дальнейшем изложении мы также будем, главным образом, стремиться к этой цели, считая все вычисления в этом направлении, как примерные и ориентировочные.

Поэтому прежде всего мы обращаем внимание, что в каждом секторе народного хозяйства денежные знаки совершают два противоположных циклических движения: государственные доходные поступления и расходы, приток денег в оборот по учетно-ссудным операциям и обратное движение в виде погашения ссуд и т. д.

Мы будем во всех этих секторах брать одно из этих двух движений, так как этого вполне достаточно в большинстве случаев для определения количества денежных знаков, занятых в том или другом канале денежного обращения. Следовательно, если мы возьмем для сравнения тот же 1895 г.,

¹⁾ Любопытно, что в № 263 «Фин. Газеты» тов. Д. Т. советует, следуя примеру довоенного времени, ускорять в будущем наше денежное обращение. Интересно было бы знать конкретные соображения по этому вопросу названного автора.

то для определения бюджетного оборота примем цифру обычновенных доходов в 1.256 милл. р.¹⁾. Далее следует учесть, что снабжение торгово-промышленного оборота денежными знаками шло по двум каналам: сверху при посредстве банковских учетно-ссудных операций и через текущие счета, а снизу путем реализации товаров на потребительском городском и сельском рынке. Так как при этом через банки проходил главнейший денежный оборот всех более или менее крупных торгово-промышленных предприятий, то мы сделаем едва ли большую ошибку, если примем цифру первого для определения величины второго; это дает нам возможность воспользоваться, если и не столь точной, то зато более реальной величиной.

Остаток задолженности по учетно-ссудным операциям банков и обществ взаимного кредита дает на 1 января 1895 г. сумму в 964 милл. р.; средняя продолжительность срока учета векселя, известная нам для Государственного Банка, составляла около 5 месяцев, а вместе с прочими учетно-ссудными операциями доходила до 3-х м-цев; для акционерных коммерческих банков средний срок учета был около 4½ мес., а всего учетно-ссудных операций в 3 м-ца. Годовой оборот (без операций с процентными бумагами) по учетно-ссудным операциям составил по Государственному Банку 800 милл. руб.²⁾, по акционерным коммерческим банкам 744 милл. р.³⁾ и городским банкам и обществам взаимного кредита—600 милл. р.⁴⁾, а всего 2.148 мил. р. или кругло 2.200 мил. р.

Оборот по текущим счетам и вкладам в 1895 г. дал по Государственному Банку 2.160 м. р.⁵⁾, по акционерным коммерческим банкам 2.562 м. р.⁶⁾ и проч. кредитным учреждениям—1.204 м. р.⁷⁾, а всего 5.926 м. р., или кругло 5.950 м. р. Далее для определения оборота розничной торговли (низовой спрос) примем сумму промышленной продукции главнейших отраслей—2.040 милл. р.⁸⁾ и товарной части сельско-хозяйственной продукции около 2.000 милл. р. и, наконец, для внешней торговли сумму импорта кругло для 1895 г. в 500 милл. р. В общей сумме все эти цифры дают кругло 13.950 мил. р., при чем сюда не включены операции долгосрочного кредита,

¹⁾ По данным Госбанка более широко взятый казначейский оборот (операции с государств. ценностями и т. д.) дает цифру в 1.991 м. р. В целях сравнимости с 1924 г. мы берем цифру бюджета.

²⁾ В том числе по учету 494 м. р., спец. тек. счетам—210 м. р., ссуды под товары 76, ссуды промышленности—17 м. р. и ссуды под товары. документы—2 м. р.

³⁾ В том числе по учету под векселя 556 м. р., под соло-векселя—8 м. р., под торгов. обязательства—15 м. р., ссуды под товары—85 м. р., спец. тек. счета под векселя—33 м., под товары—46 м. р.

⁴⁾ Для остатка 142 м. р. по учетно-ссудным операциям гор. банков и 99 м. р. обществ взаимного кредита берем условно норму оборота в 3 месяца.

⁵⁾ По процентным текущим счетам 1.598 м. р., вкладам—108 м. р. и беспроцентным текущим счетам—460 м. р.

⁶⁾ По текущим счетам—2.408 м. р. и вкладам—54 м. р.

⁷⁾ Средний оборот остатка тек. счетов Госбанка 17 дней и по акционерным коммерческим банкам 27 дней; оборот текущих счетов и вкладов по акционерным банкам—43 дня. Принимая последнюю норму для 145 милл. р. остатка вкладов и тек. счетов в гор. банках и общ. взаимного кредита, средний оборот составит 1.204 м. р.

⁸⁾ Делая это допущение, конечно, приходится иметь в виду, что часть фабрично-заводской продукции потребляется не непосредственно населением, но, с другой стороны, мы и не принимаем разницы оптовых и розничных цен, допуская, что в конечном итоге для целей сравнения в общей массе более точных цифр мы особой погрешности не допускаем.

сберегательных касс, почтовых учреждений и т. д., хотя в общем годовой оборот их и не отличался в 1895 г. еще значительными размерами. Со всеми этими поправками для денежной массы в 1.047 милл. р., мы должны будем принять средний условный коэффициент скорости обращения около 13 раз в год. Однако не следует забывать, что по банковским оборотам денежная масса в 1895 г. обслуживала также и фондовый оборот, размеры которого, как мы видели выше, достигали уже тогда значительных размеров, при чем наличность процентных бумаг в кредитных учреждениях в 1895 г. составляла 2.512 милл. р., а оборот по ссудам и спец. текущим счетам под $\%/\%$ бумаги, вместе с покупкой за собственный счет и по поручениям составлял по Государств. Банку и акционерным коммерческим банкам—2.700 м. р.; если принять эту сумму, то общий годовой оборот выразится, примерно, в 17.000 м. р., а обороту денежной массы —около 15 раз в год.

Если теперь попытаться проделать ту же работу для 1924/25 г., пользуясь для этого в подлежащих случаях данными за октябрь и принимая их условно за среднемесячные для этого года, то для госдоходов мы будем иметь цифру ожидаемых поступлений по бюджету СССР в 1.035 милл. р., по учетно-ссудным операциям (522 мил. р. $\times 2$), из расчета средней длительности ссуд и учета в 6 месяцев придется взять цифру оборота ¹⁾ в 1.044 м. р., а вместе с особыми хлебными кредитами около 1.300 милл. р.; по вкладной операции средняя быстрота оборачиваемости остатка $\%/\%$ текущих счетов (март—июнь) по Госбанку около 12 дней, а по всем текущим счетам и вкладам (без средств НКФ) в 10 дней, по Промбанку за 9 месяцев имеем средний оборот по текущим счетам в 12 дней; принимая 12 дней и для прочих банков, будем иметь по главнейшим нашим банкам оборот по вкладной операции около 6.600 милл. р. (без сумм НКФ). Примем также для низового оборота сумму промышленной продукции главнейших отраслей в 2.040 милл. р. и товарную часть сельско-хозяйственной продукции в 2.700 милл. р. ²⁾. Сумму оборота внешней торговли по импорту условно возьмем в 200 милл. р. Однако эти вычисления по вышеприведенной для 1895 г. схеме в условиях современных приходится дополнить еще особой цифрой оборота частной торговли, которая не проходит через кредитные учреждения и ведется между оптовой и розничной цепью преимущественно за наличный расчет; другими словами, требуется определить размер оборота обособленных частных капиталов. Если мы примем, что не менее 25% промышленной продукции идет через частного торговца и около 30% сельско-хозяйственной продукции реализуется через его же посредство, то это дает кругло оборот в 1.300 м. р., который следует присоединить к ранее выведенным цифрам для полноты схемы. В общей сумме мы получаем для 1924/25 г. оборот в 15.200 милл. р., что для октябрьской суммы денежной массы дает ориентировочный коэффициент скорости денежного обращения около 40 раз в течение года.

Так как оба эти расчета сделаны, примерно, по одной и той же схеме, то мы можем сделать отсюда вывод об относительном ускорении (или, вернее,

¹⁾ За отсутствием, к сожалению, более точных цифр об оборотах мы берем примерную среднюю сумму оборота.

²⁾ По предварительным исчислениям В. Г. Громана на 1923/24 г.

напряженности работы) денежной массы в 1924/25 г. по сравнению с 1895 г., при прочих равных условиях в 2,7 раза, (40 : 15), что, примерно, совпадает и с ранее сделанными выводами.

Однако ко всем этим выводам следует присоединить ряд существенных замечаний. Мы отметили в свое время значительное совпадение показателей уровня развития хозяйственных процессов страны в текущем 1924/25 г. и 1895 г., указали также на совпадающую среднюю длительность оборота товарного и вексельного (от 5 до 6 месяцев). Попытаемся дальше развить наш анализ в том же направлении. Для этого прежде всего мы должны констатировать, что при исчисленном нами обороте учетно-ссудных операций за год кредитных учреждений в 1895 г. в 2.200 милл. руб., требуется в среднем ежедневно работа 6 милл. р. денежных знаков, а по вкладной операции (включая и вклады) — ежедневно на 16,5 милл. р. денежной массы.

Другими словами, мы можем предположить, что для питания касс торговых и промышленных предприятий, как за счет их собственных денежных резервов (текущие счета), так и временных позаимствований из кредитных капиталов страны (учетно-ссудные операции), оборот нуждался в общем в работе денежных знаков всего на сумму около 22—23 милл. руб.¹⁾. Вся же остальная масса денежных знаков составляла постоянную наличность банковских, торгово-промышленных предприятий, разного рода учреждений и, наконец, наличные денежные средства, распыленные в населении. При этом, если по учетно-ссудным операциям, оборот денег длился около 90 дней, то по текущим счетам он колебался от 17 до 27 дней.

Если мы попытались бы вычислить соответствующие цифры для 1924/25 г., то мы могли бы определить ежедневную сумму денежных знаков, необходимых для обслуживания учетно-ссудных операций около 4 милл. руб. и по вкладной операции—около 18 милл. р., а всего 22 милл. р. Отсюда следует сделать вывод о меньшей теперь денежной массе, исполняющей функцию питания наличности торгово-промышленных предприятий, при посредстве банковских активов; надо иметь также в виду, что у нас большая часть остатка вкладов и текущих счетов приходится на долю некоммерческих учреждений. Отсюда приходится сделать естественно вывод о меньшей снабженности в настоящее время денежными знаками торгово-промышленного оборота по сравнению с 1895 г., при прочих равных условиях, что вызывает меньшее развитие и их кассовых резервов (текущие счета) и в свою очередь обусловлено более ограниченной помощью кредитных учреждений (учетно-ссудные операции); отсюда вполне понятны и те постоянные кассовые затруднения и периодические финансовые затруднения, которые испытывают в настоящее время торгово-промышленные предприятия. Если бы мы уменьшили сумму остатка по учетно-ссудным операциям 1895 г. на 25% (за счет проходящего вне банков современного частного оборота), то получится цифра, близкая к 720 милл. р., на 200 милл. р. превышающая остаток задолженности по учетно-

¹⁾ Вся сумма кассовой наличности в Госуд. Банке и акц. коммерч. банках на 1 января 1895 г. была около 144 милл. руб. и на 1 января 1896 г.—100 м. р.

Плановое Хозяйство № 1.

ссудным операциям на 1 октября 1924 г. С поправкой на покупную способность денежных знаков мы должны были бы для обеспечения той же эффективности кредитной помощи торгово-промышленному обороту увеличить существующий остаток задолженности еще, по крайней мере, на 300 милл. червонных рублей.

Но еще большее несоответствие с довоенными условиями обращает на себя обеспеченность денежными знаками касс предприятий и учреждений и денежной наличностью всего населения. Если в 1895 г. она составляла примерно, в 900 милл. р., то на 1 октября 1924. она же выражалась около 360 милл. руб. Даже принимая сокращение по сравнению с 1895 г. территории Советской России, а следовательно, и числа предприятий (цифры населения, примерно, совпадают), приходится признать общую насыщенность оборота денежными знаками в 2,7 раза меньшей, а напряженность денежного обращения в 2,7 раза большей по сравнению с довоенным уровнем (те же примерно, коэффициенты получаются и по другим вариантам исследования):

Правда, процесс накопления капиталов, а следовательно, и образование денежных сбережений в стране стоит в настоящее время несравненно на более низком уровне, чем в довоенное время, так что в этом секторе мы имеем условия наиболее отличные от довоенного времени, но принимая во внимание, что в эту группу сейчас входит целиком весь частный торгово-промышленный оборот, следует все же признать, что и здесь мы далеки еще от более или менее достаточного насыщения оборота денежными знаками и что недостаточность таких, затрудняя, несомненно, развитие товарности народного хозяйства вместе с тем задерживает и процесс роста сбережений в денежной форме, а тем самым лишает возможности использования их и для целей государственного кредита. И здесь, следовательно, мы стоим перед необходимостью, если и не столь значительного, как в довоенное время, то все же достаточного дальнейшего насыщения оборота денежными знаками. Конкретный путь к этому лежит: через сырьевые заготовки — к усилению крестьянского хозяйства и через мероприятия по усилению фабрично-заводской продукции и т. д. — к оживлению городского денежного рынка.

Помимо всех этих соображений следует учесть также некоторые обратные факторы, например, упрощение теперь расчетов как внутри фабрично-заводского производства, так и в пределах государственной товаропроводящей цепи, что, конечно, сокращает несколько работу денежной массы, хотя, повидимому, в текущий момент этот фактор пока еще имеет не столь значительный удельный вес. Вероятно также, что в качестве орудия накопления и сбережения некоторые слои населения все еще продолжают пользоваться золотой монетой и инвалютой, хотя размеры такого накопления значительно сократились сейчас по сравнению хотя бы с 1921/22 г. и т. д. Тем не менее, со всеми этими оговорками и поправками мы полагаем, что сделанные выше главнейшие выводы, получаемые из изучения и сопоставления условий денежного обращения в настоящее время и в довоенную

эпоху, не теряют своего значения и могут быть использованы для практических целей нашей финансовой политики в области денежного обращения.

Резюмируя все наши соображения, мы должны констатировать:

1) недостаточность в обращении денежных знаков, несоответствие денежной массы темпу и объему товарного и финансового оборота страны и отрицательное влияние этого фактора на конъюнктуру всего народного хозяйства и перспективы его дальнейшего развития;

2) нормальным пределом в текущих условиях народного хозяйства СССР должна быть величина денежной массы, близкая к 1.000 милл. тов. руб. (1.600 милл. черв. р.), при условии целесообразного использования эмиссии на расширение кредита;

3) наличие не находящей спроса сельско-хозяйственной¹⁾ и промышленной продукции при крайней напряженности товарного кредита в оптовом обороте дают практические указания на то, что существуют и фактические возможности для этого расширения кредита и вовлечения в оборот новых товарных масс.

¹⁾ Общая стоимость, по ориентировочным данным НКВнутторга, с.-х. сырья, подлежащего реализации на рынке для нужд трестиированной и нетрестиированной промышленности и эксперта исчислялась в 460 м. р. по соврем. ценам; на 1 декабря реализовано было (собрано и авансировано) не более, чем на 90—100 милл. руб.

A. M. Лежава.

Один из важнейших итогов нашего регулирования рынка.

Само собой понятно, что, выступая в этом номере Планового Хозяйства с подведением итогов нашего регулирования, я должен остановить внимание читателя на тех итогах, которые прямо и непосредственно характеризовали бы наши достижения в области планирования рынка.

Конечно, в новой экономической политике громадное значение имеет восстановление нашего рынка вообще, но у нас эта задача состоит не просто в восстановлении рынка, а в восстановлении рынка по-советски — в восстановлении рынка в соответствии с общими основами нашей коммунистической экономической политики. Другими словами, восстанавливая рынок, мы должны одновременно проводить начала контроля и учета, начала планирования.

Условия для осуществления плановости в нашем рынке, хотя бы в самой начальной форме, у нас в высшей степени неблагоприятны. Подавляющее преобладание в нашей экономике примитивного мелкого крестьянского хозяйства обуславливает наличие самого хаотического и бессвязного рынка и содержит в себе начала, прямо противоположные плановости.

Но своеобразие советской экономики в том и заключается, что рядом с анархическим мелко-буржуазным крестьянским хозяйством мы имеем национализированную крупную промышленность и транспорт, которые в руках рабоче-крестьянской власти могут эксплуатироваться лишь на началах планирования. Если мы достигли значительных успехов в восстановлении нашего транспорта и промышленности, то этим мы обязаны прежде всего тому, что мы своевременно создали Госплан. Этот именно Госплан был органом, определявшим в самых тяжелых условиях нашего хозяйства действительные потребности в топливе и сырье в наиболее жизненных пунктах нашей промышленности и изыскивавшим средства и способы их целесообразного и разумного удовлетворения. Эта планирующая работа Госплана с каждым днем все больше и больше углублялась и расширялась, шла рука об руку с процессом восстановления нашей промышленности и оздоровления наших финансов, охватывала все более и более широкий круг явлений. Финансы, кредит, заготовка сырья, продовольствия и топлива для промышленности, развертывание производственной программы промышленности, — все эти элементы находятся между собой во взаимной связи, друг друга обуславливают и с каждым годом все больше и больше увязываются с единым плановым началом.

К концу 4 года новой экономической политики мы имеем рынок, в который, несмотря на все еще значительное преобладание продуктов крестьянского хозяйства и кустарной промышленности, широким потоком влиивается продукция нашей плановой промышленности; и из этого же рынка собирается сырье и продовольствие для органов планово-работающих — для промышленности, органов монополии внешней торговли и организованных потребительских масс главнейших промышленных и городских центров.

Гигантских размеров анархический крестьянский рынок, казалось, безнадежно недоступный для какого бы то ни было регулирующего воздействия, всего в какие-нибудь 2—3 года оказывается пропитанным самыми бесспорными элементами планирования и регулирования. Правда, этот процесс находится все еще в начальной стадии, завоевания его еще далеко не достаточны. Но сегодня мы можем констатировать бесспорные признаки того, что этот рынок нами охватывается и вовлекается в общую орбиту хозяйственного плана.

Когда мы в начале НЭПа говорили о государственном капитализме, то мы были страшно далеки от мысли о том, что мы можем осуществить какое-либо планомерное воздействие, например, на шерстяной рынок, или что хлебзаготовительная кампания может всецело зависеть от расчетов и планов специальных государственных органов. Государственный капитализм у нас неразрывно связывался с представлением о весьма значительных достижениях в области повышения капиталистического типа хозяйства и концентрирования капиталов в различных отраслях хозяйства. Практически сегодня можно считать доказанным, что мы достигли огромных успехов в деле организации сырьевых рынков — и шерстяного и льняного, и др.— гораздо раньше, чем мы достигнем высокого типа капиталистических организаций различных отраслей промышленности и сельского хозяйства. Успехи наши в этих областях достигаются тем, что самое развитие наших сырьевых рынков идет параллельно с ростом и концентрацией как нашего промышленного, так и торгового капитала — в области ли внутренней или внешней торговли, все равно. За этими процессами на помощь им взаимной и планомерно развивающейся связи идет и развертывание кредитных операций, которые подвергаются в свою очередь плановой увязке со всех сторон сложного процесса хозяйственного возрождения.

Источник нашего регулирующего воздействия на изловский рынок лежит в области нашей промышленности, транспорта и финансов. И по скольку в этих областях укрепляющей и движущей силой является плановое начало и поскольку эти области и в своем производстве и в своем потреблении тесно и неразрывно связаны с миром крестьянских товаров и с крестьянскими потребностями, постольку крестьянский рынок объективно неизбежно втягивается в круговорот производства продуктов продовольствия и сырья в соответствии с задачами, стоящими перед государственным промышленным и торговым капиталом как в отношении качества и номенклатуры производимых товаров, так и в отношении их количества.

Когда мы осознали в острой форме, что наше льноводство значительно отброшено назад, что площадь посева сильно сократилась, мы поставили

себе целью стимулировать крестьянское льняное хозяйство, расширить площадь посева под льном и поднять его качество. Регулированию льняного рынка, таким образом, была поставлена определенная задача. Эта задача могла быть разрешена в кратчайший срок путем целого плана в этой области—быстрой организацией предъявления усиленного спроса для снятия с рынка льна и соответствующими для этой цели ассигнованиями, организацией внешней торговли с созданием соответствующих учреждений и предприятий и т. д. и т. п. Этот план выполняется и проводится в жизнь и по сей день, и, несомненно, успех этого регулирования у нас налицо—площадь крестьянского посева льна растет, стандарт улучшается, положение на внешнем рынке упрочивается, крестьянство вовлекается в наиболее совершенные формы организации сбыта своей продукции с обеспечением получения максимальных выгод, извлекаемых из конъюнктуры внешнего рынка.

Другим не менее веским примером успехов нашего регулирующего воздействия на рынок могут служить наши достижения на хлебном рынке в прошлом году, когда непомерно низкие цены нами были подняты в кратчайший срок на значительную высоту и был организован сбыт хлеба за границу.

Далее с целью обеспечения успехов нашей денежной реформы, когда в самый ответственный момент проведения этой реформы рынок обнаруживал опасные тенденции роста цен, цены были нами обузданы и стабилизированы не на бумаге, а на деле.

В области рынка промтоваров мы имеем еще большие достижения. Не говоря о том, что усилиями регулирующих органов быстро был восстановлен и организован такой рынок, как соляной, или что, несмотря на колоссальный недостаток у нас в хлопчато-бумажных тканях, мы все-таки осуществляли равномерное и целесообразное снабжение этими изделиями огромного рынка, направляя главнейшие потоки этого товара в наиболее существенные части крестьянского рынка, или что аналогично этим были организованы и др. рынки промтоваров,—в области самых цен мы достигли колоссальных успехов и избавили наш рынок от тех катастрофических последствий, которые были бы неизбежны, если бы не твердая регулирующая рука государственной власти. Без этой руки, при нашем громадном недостатке в промтоварах, эти последние бесспорно были бы предметом самой необузданной спекуляции, и расхаждение «ножниц» в свое время не только не было бы остановлено, но оно приняло бы размеры, о которых мы теперь не можем иметь ни малейшего представления.

Последние исследования, произведенные Статистико-Экономическим Управлением НКВнутторга, устанавливают, что действующие в настоящий момент накидки в розничной торговле на оптовые цены наиболее распространенных промтоваров значительно ниже тех накидок, которые существовали в довоенное время в соответствующих отраслях торговли. Это явление можно понять, только оценивши роль регулирующих органов государства.

Само собой понятно, что мощным орудием в проведении начал регулирования на нашем рынке является кооперация. Как бы мы ни критиковали

кооперацию, какие бы мы ни констатировали в ней недостатки, — бесспорно, до сего времени кооперация была тем могучим товаропроводящим аппаратом, опираясь на который, мы достигали регулирующего воздействия на городские и промышленные рынки прежде всего, а затем и на рынок крестьянский.

Заканчивая этот обзор итогов нашего регулирования, здесь нужно указать, что наше воздействие в настоящее время распространяется почти на все главнейшие сырьевые рынки, не говоря о таких очевидных рынках, как хлопковый, хлебный, шерстяной, кожа, пушнины, льна, пеньки, табаку, махорки, главнейших продуктов животноводства,—наше воздействие распространяется и на рынки таких промтоваров, как текстиль, сахар, соль, керосин, спички, кожевенные изделия, сельско-хозяйственные орудия и др.

Самым бесспорным доказательством того, насколько нам удалось укрепить наше регулирующее воздействие на рынок, служит тот факт, что в Госплане существует около года Торговая Секция, и существует не на бумаге, не формы ради, а в целях действительной увязки задач регулирования нашего рынка со всеми остальными сторонами нашего хозяйства. Конечно, у нас впереди еще колоссальная работа по дальнейшему продвижению регулирующего воздействия на нэповский рынок не только в смысле углубления и усиления этого регулирования, имеющего конечной целью взять весь рынок в руки государственных и кооперативных капиталов, но в смысле усовершенствования оперативных и регулирующих органов нашего рынка. Перед нами гигантская проблема проанализировать те бесчисленные трения и невязки, которые существуют в области взаимоотношений между различными ведомствами, учреждениями и предприятиями, с рыночным оборотом соприкасающимися. Одним из итогов нашего торгового опыта должно быть признание, что оперативные аппараты развиваются и совершенствуются у нас гораздо быстрее, чем многочисленные, опекающие их и сопутствующие им, ведомственные функции надзора, наблюдения и руководства. Над этой стороной общей нашей проблемы нужно много и сильно поработать, а главное, не затягивать той неразберихи, которая создалась в некоторых пунктах ведомственных взаимоотношений, с которыми торговый оборот связан самыми тесными узами. На эти запутанные узлы в первую очередь нужно обратить свое внимание Госплану, ибо в своем планирующем руководстве он с ними сталкивается одинаково и по линии промышленности, и по линии торговли.

В. Г. Громан.

О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве¹⁾.

I.

Понятие об эмпирических законах.

Общество представляет собою сложный комплекс явлений, развивающихся в определенном направлении, элементы которого связаны между собой тесной взаимной связью. В любом строе общества есть элементы пророчества, которые при сохранении общества так или иначе разрешаются. Борьба классов потрясает общество до самых его оснований, и в результате происходит или революция и преобразование общества, или же путем частичных видоизменений общество, сохранив свою основную структуру, приходит к равновесию. Но равновесие это, конечно, подвижно: сегодняшний день не тождественен со вчерашним днем, но похож на него. Даже революции, например, величайшая из революций—Октябрьская, не могла немедленно изменить хозяйственных форм путем обобществления процессов производства и обмена; национализация предприятий не могла схватить их всех, и переход к плановому распределению не мог уничтожить вольного рынка, хотя бы в нелегальной форме.

После эпохи военного коммунизма, радикально заменившего в обстановке блокады формы распределения создаваемых и ранее накопленных ценностей, мы стали на путь организованного применения методов, выработанных высшей монополистической стадией капитализма (деньги, банки, кредиты), с целью использования этих организационных форм в качестве методов построения обобществленного хозяйства. Почему это так? Объективные условия хозяйства, данные всем историческим развитием, требуют определенных экономических форм, процессов производства и обращения товаров и распределения национального дохода. Их нельзя продиктовывать. «Экономике нельзя приказывать»,—говорил В. И. Ленин. Лишь создавши условия для сознательного влияния на развитие общественного целого путем образования пролетарского государства, можно приступить и ити в направлении социалистического построения всего общества, но, опять-таки, лишь при условии, если, говоря словами Н. И. Бухарина, «Все время видеть целое, понимать взаимозависимость и взаимообусловленность его частей» (*«Большевик» № 14, стр. 28*). Тов. Бухарин тут же справедливо прибавляет, что нужно все время видеть динамику хозяйства.

Мы формулировали ту же мысль иными словами в докладной записке Президиуму Госплана по вопросу о принципах и методах планирования, говоря, что телескопическая и генетическая точка зрения должны быть органически связаны и что примат принадлежит генетической точке зрения.

¹⁾ Помещая исследование В. Г. Громана, редакция охотно открывает страницы журнала для дискуссии по поставленным автором проблемам. Редакция.

Научный социализм, в отличие от утопического социализма, выдвинул идею, что генетическое развитие общества должно создать те силы, которые могут получить и мощь и волю к его преобразованию в определенном направлении. При захвате политической власти, если даже с самого начала приступить к сознательному преобразованию общества, то метод и формы такого преобразования диктуются объективным состоянием общества и объективными тенденциями его развития, заложенными в нем.

Методом познания состояния общества и объективных тенденций его развития явится установление эмпирических законов статики и динамики народного хозяйства, законов, устанавливаемых статистикой, при помощи теорем политической экономии.

Почему мы избираем такой путь? Почему не путь дедукции, и абстрактного анализа, или, как выражается Мерарт, изолирующего метода. Да потому, что состояние теоретической экономии не таково, чтобы можно было всю конкретную сложность явлений и процессов народного хозяйства на данной части земного шара в данный исторический момент дедуцировать из каких-либо посылок. Миллионы теорем понадобились бы нам для достижения этой познавательной задачи. Но мы постараемся не впасть и в другую крайность, в крайность статистического всезнайства, так как понимаем, что без праильного теоретического подхода, опирающегося уже на определенную теорию хозяйственного развития нельзя и приступить к статистическим исследованиям.

Тов. Богданов говорит в своем введении к «Курсу политической экономии»: «Каждая статистика находящаяся на деле сбывновенно есть лишь равнодействующая или результат взаимного соотношения нескольких различных тенденций, которые и развиваются в разные стороны. Так наблюдаемое общее движение цен зависит, с одной стороны, от изменения трудовой стоимости товара, с другой стороны, от изменения стоимости самих денег, а по отношению к отдельным товарам сюда присоединяется еще влияние монополий и т. д. Статистические цифры,—продолжает он,—выражают только сложный результат, сочетание всех этих условий и не дают им их действительного взаимоотношения. Тут выступает на сцену иной, более совершенный, метод, абстрактно-аналитический. Метод абстрактного анализа — высшая форма индукции — раскрывает простейшие тенденции развивающихся явлений, отвлекая, абстрагируя эти тенденции от бесконечной сложности конкретных фактов. Таким путем получаются упрощающие схемы явления и их абстрактные законы».

Тов. М. Смит говорит: «Измерение социального организма в его целом и во всех его направлениях требует понимания этого целого и понимания законов его изменения. А законы эти, говорит она, устанавливаются не статистиком». (*«Основы статистической методологии»* стр. 49).

Мы разделяем мнение тов. М. Смита, «что мы еще не создали той науки о народном хозяйстве, которая сумеет правильно использовать оба метода при изучении экономического механизма общества» (автор разумеет статистический и аналитический методы).

Мы согласны с ней и в том, что статистик, не сведущий в теоретической экономии, ничего не может дать и в хозяйственной статистике. И, вероятно, в согласии с тов. Смитом, мы думаем, что установление эмпирических законов статики и динамики народного хозяйства, где преимущественно мы пользуемся статистическими данными и статистическим методом, при непременном условии ориентировки на экономическую теорию, дает не только материал для проверки теорем политической экономии, как это признает тов. М. Смит, но и дает задания этой теории.

Улавливая определенную закономерность или сводную зависимость,

употребляя термин проф. Орженецкого, статистик, повторяю экономически образованный, ставит перед теоретической экономией определенные проблемы.

Маркс гениально устанавливал тенденции хозяйственного развития путем абстрактного анализа, но он сам говорит, что конкретное выражение этих тенденций устанавливается опытом. Эмпирические законы, открываемые по преимуществу статистическим методом, и есть осознание и выражение этого опыта. Напомню, например, что Маркс говорит, что соотношение оплаты сложного и простого труда решается опытом.

Тов. Смит сочувственно цитирует мнение Мервата о том, что «закон Маркса о падении нормы прибыли в связи с ростом органического состава капитала в частности спор Туган-Барановского с Марксом по этому вопросу может проверить только статистик, и при том только статистик, знающий, для чего он собирает свой материал и какое осмысленное целое он хочет из него получить» (стр. 9). Мы с своей стороны напоминаем также, что Маркс, устанавливая теоретические законы обращения бумажных денег, говорил, что «масса средств обращения никогда не падает ниже определенного минимума, который может быть установлен о пытом для каждой данной страны (и я прибавляю, для каждого данного исторического периода)» (стр. 257, изд. НКФ. Институт экономических исследований) «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма».

Вся сгрута таких вопросов для нас теперь понятна, и Маркс взыскивает к опыту, а не надеется на теоретический метод установления необходимой величины денежной массы.

К этому можно прибавить и следующее: величайший закон роста органического состава капитала и связанный с ним закон падения нормы прибыли, не получив статистического выражения, носит совершенно неопределенный характер. На самом деле, представим себе, что изменение органического состава капитала выражается из года в год какой-нибудь сотой долей процента, а прибыль падает на одну миллионную часть процента. Или, наоборот, предположим, что рост постоянного капитала выражается в том, что ежегодно на 10% увеличивается доля постоянного капитала, а прибыль падает со скоростью одного процента в год (по отношению к основному капиталу). Перед нами количественное различие, которое, поистине, переходит в качественное. В первом случае капиталистическое общество может существовать тысячелетия, а во втором случае оно должно ликвидироваться в течение немногих лет.

Очевидно теоретически установленная тенденция должна найти свое статистическое выражение в форме «эмпирического закона». Пусть последним мы будем разуметь правильности, обнаруживаемые в существовании и в последовательности явлений, например, закон понижения смертности в связи с ростом благосостояния, повышения или падения уровня жизни в зависимости от изменения оработки, соотношение между ценностью промышленной и сельскохозяйственной продукции, поступающей на рынок и т. д.

Приступая к отысканию эмпирических законов статики и динамики народного хозяйства в эпоху восстановительного процесса, мы, конечно, наталкиваемся на ряд новых трудностей.

II.

Восстановительный процесс.

Народное хозяйство СССР — результат многовековой истории (удельной, великолукской, императорской) России, результат мировой войны, гражданской войны, продукт социального переворота, происходящего в атмосфере блокады и интервенции. Его основной характеристикой является

то, что после годов разрушения мы вступили в период восстановления. В чем состоит восстановление, на чем оно базируется? Как ни велики были прямые уничтожения: смерти людей, разрушение зданий, машин, готовых предметов потребления — в пожарах, в боях империалистической и гражданской войн, — но они неизмеримо слабее, чем функциональное расстройство, т. е. временное прекращение хозяйственных творческих процессов. Люди не работали или потому, что были заняты войной, или потому, что не могли в каждый данный момент, на каждом данном пункте сосредоточить все элементы производства. Люди достаточно не потребляли, потому что не могли даже имеющиеся продукты доставить потребителям во время и в нужном количестве.

Восстановительный процесс начался с того, что стали работать больше и больше, в том, что элементы производства и потребления стали концентрироваться в соответствующие моменты в соответствующих местах. Мы растем в меру утилизации оставшихся от прежнего общества материальных и человеческих производительных сил. Казалось бы, что в этом процессе восстановления трудно уловить какие-либо правильности и закономерности; тем не менее они существуют. Равновесие, хотя бы и подвижное, хозяйственного организма страны — есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований.

Другим условием восстановительного процесса является тот факт, что, при уже достигнутом уровне техники, труд каждого человека дает большую продукцию, чем та, которая нужна для поддержания его жизни и работоспособности. Крестьянин, засевая $\frac{2}{4}$ десятины и собирая даже 30 пудов зерна, уже имеет возможность часть продукта отдать рабочему, который, благодаря усвоению нужного числа калорий, производит железо или ткань в количестве во много крат большем, чем потребляет сам, и может одеть крестьянина и снабдить его нужными ему орудиями производства. Если бы не было этого технического уровня производительности, то, конечно, не было бы речи ни о каком восстановлении. Еще наш 5-й хоз. год — есть год потребления запасов, оставшихся от прежнего времени. Но в последние два года и сырье и готовые товары, потребляемые нами, являются продуктами нашего же труда. Мы еще пользуемся запасами оборудования, и их мы пока не пополняем, а лишь расходуем. Те ремонты и частичные переоборудования, которые происходят, конечно, неизмеримо меньше той траты основного капитала, которая производится нами. Отсюда проблема восстановления основного капитала, которая с такой остротой стала перед нами, требуя немедленного решения. Но пока я оставляю эту проблему неразработанной. Текущую хозяйственную жизнь мы можем понимать и регулировать, лишь считаясь с явлениями в области основного капитала, но не вводя их, как элемент в актуальную задачу, так как мы фактически, не в наших пожеланиях, а в нашей действительной хозяйственной работе, почти не считаемся с ней. — Наличные запасы основного капитала, в виде стоящих фабрик, недействующих машин, позволили нам и еще позволят на некоторое время такое отношение к этой проблеме, но очень скоро мы встанем перед ней, как самой актуальной задачей и, частично, уже кое-где она нам о себе напоминает и заставляет с собою считаться. Поэтому некоторая часть нашего хозяйственного баланса идет на восстановительные работы, но, к сожалению, лишь в очень малых величинах, что и позволяет нам в дальнейшем временно отвлечься от них. То же самое пока приходится сказать и о проблеме реконструкции. Мы еще в стадии подготовительных шагов.

Подведем некоторые итоги нашему изложению в следующих положениях:

1) Страна переживает восстановительный процесс, сущность которого выражается в том, что все в большей и большей мере утилизируется основной капитал сельского хозяйства, индустрии и транспорта, все больше и больше привлекается к активной работе человеческая сила, все лучше и лучше организуется процесс производства и обмена, усовершенствуется и техническое орудие обмена (денежное обращение и кредитная система), все больше и больше внедряется в практику плановое начало.

2) Основным критерием оценки динамики хозяйственных процессов должен быть принцип приближения к равновесию, т.е. к соразмерности развития различных взаимно-обуславливающих друг друга элементов народного хозяйства. Всякое нарушение этого принципа со стороны объективных условий, или же вследствие несоответствия плановых мероприятий принципу соразмерности и пропорциональности в развитии отдельных сторон народного хозяйства, немедленно отражается самым отрицательным образом на общем ходе хозяйственного развития.

3) Третье положение может быть формулировано таким образом: соотношение в развитии материальных производительных сил и условий существования трудаящихся масс решющим образом оказывается в общем направлении и темпе хозяйственного развития, в его плавности или — наоборот — в бурности, в кризисах и противоречиях.

4) Четвертое положение мы можем выразить словами: борьба социальных форм хозяйства («государственного капитализма», частного капитализма, мелкого самостоятельного товарного производства, кооперативного хозяйства) совершается, как при условии прогрессивного развития, так и при регрессивном процессе, и не всегда субъективно желательная форма в данный момент является формой по объективным условиям, отличающейся наибольшей хозяйственной эффективностью. Это неизбежно. К нечно, предустановленной гармонии между социальными формами хозяйства и развитием производительных сил не существует и для каждого данного момента оптимальная комбинация социальных форм не всегда может быть осознана и осуществлена.

Мы рассмотрим следующие проблемы:

1) Сравнительный темп развития (восстановления) промышленности и сельского хозяйства.

2) Соотношение между ценностью промышленных и сельско-хозяйственных товаров, поступающих на рынок и вытекающее отсюда соотношение уровня цен на те и другие товары.

3) Распределение промышленных и сельско-хозяйственных продуктов между городом и деревней.

4) Отношение денежной массы и товарооборота.

5) Отношение между государственным бюджетом и продукцией и товарооборотом народного хозяйства.

6) Отношение между производительностью труда, зарплатой и издержками на рабочую силу.

Исследовать эти проблемы мы будем путем отыскания закономерностей существования и последовательности явлений, в статике и динамике их.

Могут ли рассчитывать на успех эти поиски? Да. Как ни сложна хозяйственная жизнь, как ни изменчивы ее элементы, ни причудливы сочетания, как ни капризно развитие, такие правильности имеются и могут быть открыты. Степень их устойчивости, конечно, не стопроцентная; раз открытая правильность не повторится в тождественном выражении в следующие моменты, но она будет близка к ним и самые изменения установленных соотношений, в которых будет выражаться процесс развития хозяйства, могут быть исследованы и изучены. Эмпирические законы

статики и динамики хозяйственных явлений — вот, что мы получим в результате этих изысканий.

При этом мы должны получить систему эмпирических законов. При построении эмпирических законов мы исходим из предположения, что ни одно явление не может изменяться без изменений всей суммы других явлений и даже каждого из них в отдельности. Комплексное мышление в отличие от изолирующего — вот метод поисков эмпирических законов. Если исследователь констатирует, что цена хлеба изменилась, то он уже тем самым предполагает, что, если речь идет об изолированной стране с твердой валютой, — то страну постиг неурожай, или что произошел процесс индустриализации. Вместе с тем он обязан поставить вопрос о том, как должна в связи с изменением хлебных цен измениться реальная заработная плата, издержки производства, условия сбыта промышленных изделий и т. п., и как эти явления отразятся на самих хлебных ценах.

Цепная связь хозяйственных явлений — вот постоянная регулятивная идея его исследования и в результате его работы должна быть выработана система взаимообусловливающих друг друга статических и динамических законов народного хозяйства, при чем примат должен принадлежать уловленной тенденции развития народно-хозяйственного целого.

Статистические данные крайне несовершенны: метод их обработки очень приближенный. Тем не менее результаты настолько выразительны, что мы можем ими пользоваться без риска впасть в ошибку в смысле оценки направления процессов и в крупную неточность в смысле количественного их выражения. Вероятная степень точности наших коэффициентов равна 90—95%.

Считаем нужным указать, что основные статистические работы произведены Стат. Бюро Госплана, руководимым С. Г. Струмилиным, научными сотрудниками Бюро, во главе с В. А. Гуманом, а в области сельского хозяйства Е. П. Громаном, при частичной моей консультации.

III.

Некоторые эмпирические законы статики и динамики народного хозяйства.

1. Сравнительная динамика сельского хозяйства и индустрии.

Так как целью изучения является сравнение динамики производства, то мы постараемся отвлечься от фактора изменения цен и выразим продукцию в довоенных ценах за все годы. При этом мы отнесем к сельскому хозяйству не только земледелие, но и лесное хозяйство, рыболовство и охоту, а к промышленности и крупную и мелкую. Статистические данные сведены в таблице № 1.

Первого взгляда на эту таблицу достаточно, чтобы видеть, что сельское хозяйство в момент упадка все же превышало половину довоенного производства (52%), промышленность же падала почти до $\frac{1}{4}$ (28%)¹⁾. Далее, с момента перелома регressiveвой линии развития на прогрессивную, сельское хозяйство восстанавливается медленнее, кроме 6-го хоз. года, когда благодаря хорошему урожаю оно превысило продукцию предшествующего года — года величайшего неурожая, когда либо постигавшего нашу страну, больше чем на $\frac{1}{3}$ (37%), а в абсолютном выражении на 2.220 м. р., а в последующие годы мы имеем темпы роста +8% и +4% или на 620 м. р. и 340 м. р. Промышленность же из года

¹⁾ Годом наивысшего упадка для промышленности был 4-й хоз. г., но мы не располагаем всеми нужными подсчетами для этого года. В частности, промышленная промышленность падала до 18% довоенной величины.

в год росла форсированным темпом (около 30%), а в абсолютном выражении — 600 м.р., 770 м.р. и 1.010 м.р., и поэтому к текущему хоз. году мы имеем, что сельское хозяйство по сравнению с низшей из рассматриваемых точек динамической кривой, поднялось в $1\frac{1}{2}$ раза, а продукция промышленности больше чем в два раза. Тем не менее в итоге мы имеем, что продукция сельского хозяйства достигла уже 79% дов. уровня (9.240 м.р.), а промышленности лишь 62% (4.350 м.р.).

ТАБЛИЦА 1.

Валовая продукция в миллионах рублей по довоенным ценам.

	1913 год.	5-й хоз. г.	6-й хоз. г.	7-й хоз. г.	8-й хоз. г.
Сельское хозяйство абсол.	11.670	6.060	8.280	8.900	9.240
Относит. в %% к 1913 г.	100	52	71	76	79
В %% к предшеств. году	—	—	137	108	104
Абсолютный прирост по сравнению с предшеств. годом	—	—	2.220	620	340
Промышленность абсол.	7.010	1.970	2.570	3.340	4.350
Относит. в %% к 1913 г.	100	28	37	48	62
В %% к предшеств. году	—	—	131	130	130
Абсолютный прирост по сравнению с предшествующим годом	—	—	600	770	1.010
Итого:					
Абсол.	18.680	8.030	10.850	12.240	13.590
Относит. в %% к 1913 г.	100	43	58	66	73
В %% к предшеств. году	—	—	135	113	111
Абсол. прирост по сравнению с предшств. годом	—	—	2.820	1.390	1.350

Итак, сельское хозяйство разрушилось меньше за время империалистической и гражданской войны, чем промышленность, но процесс восстановления сельского хозяйства идет медленнее, чем процесс восстановления промышленности. И то, и другое объясним не трудно: меньшее разрушение сельского хозяйства объясняется: а) примитивностью производственного процесса, непосредственной связью существования людей с результатами этого производства, и б) неповрежденностью основного средства производства — земли. Промышленность, состоящая из сложных производственных конгломератов, лишается производственных способностей при порче или уничтожении или временного отсутствия хотя бы нескольких элементов¹⁾. Большая быстрота восстановления промышленности объясняется именно тем, что разрушились лишь некоторые элементы, большинство же их осталось почти не тронутыми и, путем воссоздания небольшого числа элементов, приводило в действие огромное количество производительных сил. Меньший рост

¹⁾ В литературе опубликованы случаи, к гда из-за отсутствия электрических лампочек стоял вполне оборудованный, снабженный сырьем и рабочим составом крупный завод.

сельского хозяйства случайно обусловлен также и наличностью неурожайных лет. Но не в этом основная причина более медленного темпа роста, а в указанных выше факторах.

Мы явно и очевидно приближаемся к довоенному соотношению сравнительных размеров производства сельского хозяйства и промышленности. Но дойдем ли мы до него или даже перешагнем его, это будет зависеть от того, как мы разрешим проблему основного капитала.

IV.

Соотношение цен производителя промышленных и сельско-хозяйственных товаров.

II. Вторая проблема, которая может быть разрешена путем отыскания эмпирических законов, заключается в соотношении цен промышленных и сельско-хоз. товаров. Сначала мы остановимся на ценах, по которым отбираются свои товары производитель.

Чем обуславливается соотношение цен продуктов этих двух главнейших подразделений народного хозяйства? Сравнительной себестоимостью, корректируемой спросом и предложением — вот ответ Марксовой школы. Но сколько-нибудь точно знать себестоимость при условиях падающей валюты, постоянных ценностных сдвигах почти невозможно. Непосредственно подойти к измерению спроса и предложения, что предполагает точное знание потребности всех слоев общества с подразделением на месячные периоды и точный количественный и качественный состав предлагаемых товаров в такие же короткие периоды, также почти невозможно.

Но вот является такая мысль: «Нельзя ли всю товарную часть промышленности и ценность всей ее массы сопоставить с товарной частью сельского хозяйства и ее ценностью».

Тов. Гуман при попытке построить баланс народного хозяйства на 1922/23 г. натолкнулся на эту мысль и обратил внимание, что вся ценность сельско-хоз. и промышленных товаров, отнесенная к их общей сумме, выразилась в величинах, близких к довоенным. Пишуший эти строки поставил перед собой вопрос, не имеем ли мы здесь перед собой некоторый эмпирический закон не только статический, но и динамический? В целях разрешения этого вопроса совместно с тов. Гуманом были исследованы ценности всей совокупности сельско-хоз. и промышленных товаров за 1921/22, 1922/23, 1923/24 годы и на основании этого изучения сделана попытка прогноза на 1924/25 г. Были построены таблицы, в которых вся товарная часть продукции была выражена в довоенных ценах, в товарных рублях по современным ценам, т.е. было принято отношение цен каждой группы товаров к общему уровню цен, и наконец в черв. рублях. Для возможности сравнения во всех измерениях всех годов, товарная масса и для 1913 г. была оценена в современных червонных рублях, по курсу червонца, который принят для 8-го хоз. г. Для 5-го хоз. г. принял курс червонца 6-го хоз. г.

Таким образом, в таблицах мы будем иметь: товарную часть продукции в ценах 1913 г. в тов. рублях и в черв. рублях — отношение цен каждой группы товаров к общему уровню цен (к общему индексу); принятый курс червонца (отношение покупательной силы червонца к рублю 1913 г.), отношение всей ценности сельско-хозяйственных и промышленных товаров («суммы цен» по Марксу) по довоенным ценам и по современным ценам в товарных и черв. рублях к итогу ценности всей товарной массы, и, наконец, цены каждой группы товаров в черв. выражении.

ТАБЛИЦА 2.

ТОВАРНАЯ ЧАСТЬ ПРОДУКЦИЙ.

1913 г. = 100.

	По ценам 1913 г.	По современ. ценам.		Курс червонца.	Онтиошн. к общ. индексу.	% % отншн. к итогу.				Цена в черв. выражени.	% % отншн. к 1913 г.			% % отншн. к пред. периоду.		
		В тов. р.	В черв. р.			По ценам 1913 г.	В тов. р.	В черв. р.	В ценах 1913 г.		В тов. руб.	В черв. руб.	В ценах 1913 г.	В тов. р.	В черв. р.	
Сел.-хоз..	4.030	4.030	6.100	—	100	1 9 1 3	152	100	100	1913 г. д.	100	100	100	—	—	—
Промышленный.	7.010	7.010	10.610	—	100	63 63	152	100	100	1913 г. д.	100	100	100	—	—	—
Итого:	11.040	11.040	16.710	152	100	100 100	152	100	100	1913 г. д.	100	100	100	—	—	—
Отн. пром. инд. к с.-х.	—	—	—	—	100	— —	—	—	—	1913 г. д.	—	—	—	—	—	—
Сел.-хоз..	1.740	1.790	2.020	—	103	1 9 2 1 9 2	2 1 9 2 3	113	113	1913 г. д.	43	44,4	33	—	—	—
Промышленный. . .	1.710	1.660	1.880	—	97	49 49	110	110	110	1913 г. д.	24,5	24	17,8	—	—	—
Итого:	3.450	3.450	3.900	113	100	100 100	113	113	113	1913 г. д.	31	31	23	—	—	—
Отн. пром. инд. к с.-х.	—	—	—	—	94	— —	—	—	—	1913 г. д.	—	—	—	—	—	—
Сел.-хоз..	2.520	1.810	2.080	—	72	1 9 2 2 1 9 2 3	1 9 2 3 4	62,5	45	1913 г. д.	33,6	145	101	101,5	—	—
Промышленный.	1.910	2.620	2.990	—	137	43 59	157	27,4	37,5	1913 г. д.	28	112	158	157	—	—
Итого:	4.430	4.430	5.070	113	100	100 100	113	40	40	1913 г. д.	30	128	128	128,5	—	—
Отн. пром. инд. к с.-х.	—	—	—	—	—	— —	—	—	—	1913 г. д.	—	—	—	—	—	—
Сел.-хоз..	2.710	2.070	3.350	—	76	1 9 2 3 1 9 2 4	124	67	51	1913 г. д.	55	107,5	114	163	—	—
Промышленный.	2.840	3.480	5.490	—	123	49 63	193	40,7	50	1913 г. д.	52	149	133	185,5	—	—
Итого:	5.550	5.550	8.840	159	100	100 100	159	50	50	1913 г. д.	53	125	125	176	—	—
Отн. пром. инд. к с.-х.	—	—	—	—	—	— —	—	—	—	1913 г. д.	—	—	—	—	—	—
Сел.-хоз..	2.820	2.430	3.690	—	86	1 9 2 4 1 9 2 5	138	70	60	1913 г. д.	60,5	104	117	110	—	—
Промышленный. . .	3.700	4.090	6.220	—	111	55 63	168	53	58,5	1913 г. д.	59	130	118	113	—	—
Итого:	6.520	6.520	9.910	152	100	100 100	152	59	59	1913 г. д.	59	118	118	112	—	—

В 1913 г. на рынок поступало на 4,03 милл. руб. сельско-хозяйственных товаров и 7,01 милл. р. промышленных товаров. Вся товарная масса выражалась в сумме 11,04 милл. рублей, по дов. ценам. Если бы мы выразили то же самое в черв. руб. по покупательной способности червонца, принятой нами для 8-го хоз. г., то мы получили бы цифру в 6,10 милл. руб. ценности сельско-хоз. товаров, 10,61 милл. р. ценности промышленных товаров и всего 16,71 милл. ценности всей товарной массы.

Если определить отношение ценности сельско-хоз. и пром. товаров к итогу, то мы получим, что первая составляла 37%, ценности всей поступавшей на рынок товарной массы, а ценность промышленных товаров — 63% той же величины.

Перескакиваем через ряд лет империалистской и гражданской войн,— переходим к 5-му хоз. г., году начала возрождения нашего народного хозяйства и одновременно году небывалого неурожая, и что же мы видим?

Товарная масса, выделенная сельским хозяйством, выразилась в 1,74 м. р. по дов. ценам, промышленностью в 1,71 милл. руб.—итого в 3,45 милл. р. Значит, по дов. ценам, ценность обеих групп товаров была почти равна друг другу. Могли ли эти цены удержаться? Да, могли. Произошло даже увеличение цен сельско-хоз. товаров, хотя очень слабо выраженное, и соответственное падение цен пром. товаров. Отношение к общему индексу (принятому за 100) для сельско-хоз. товаров поднялось до 103, а для промышленных упало до 97 и отношение общей ценности сельско-хоз. товаров к ценности всей массы поднялось до 52%, а отношение ценности промышленных товаров к ценности всей массы упало до 42%.

Почему так произошло?

1921/22 год мы назвали в нашей брошюре «Хозяйственное положение СССР» (стр. 42) годом диктатуры хлеба и разбазаривания капитала промышленности. Хлеб является первой потребностью существования масс населения, и при великом неурожае за хлеб готовы были платить какие угодно цены, но промышленность, несмотря на разбазаривание всех своих запасов, продавая товар ниже себестоимости, чрезвычайно возросшей уже благодаря одной малой нагрузке предприятий, не могла бы функционировать, если бы ей пришлось продавать товары значительно ниже довоенных цен. Границей падения промышленных цен была возможность продолжения производства при использовании прежних запасов, границей подъема сельско-хоз. цен — покупательная способность города.

Тяжкий голодный год был пережит. Мы вступили в новый хоз. год с более чем удовлетворительным сбором хлебов. По довоенным ценам товарная часть продукции сельского хозяйства поднялась до 2,52 милл. р., промышленное производство также увеличилось, как мы видели, до 2,57 милл. рублей, но рынок не поглотил всей этой массы произведенных товаров и на рынок поступило лишь 74% этой величины на 1,91 милл. р. по дов. ценам.

Что случилось с ценами?

Цены сельско-хоз. товаров полетели стремглав вниз с 103% довоенного уровня упали до 72%, цены товаров стремительно поднялись с 97% довоенного уровня и дошли до 137%. Что же произошло с коэффициентом отношения ценности всей суммы сельско-хоз. и пром. товаров к общей ценности товарной массы. По довоенным ценам ценность всех сельско-хоз. товаров равнялась 57% ценности общей товарной массы, а промышленных товаров — 43%. Такое соотношение удержаться не могло, и мы видим, что для сельско-хозяйственных товаров оно опустилось, благодаря падению цен на них до 41% ценности всей товарной массы, а для промтоваров поднялось до 59% этой величины. Мы видим здесь тенденцию к приближению

к довоенному соотношению. Несмотря на то, что соотношение цен пром. товаров к сельско-хоз. товарам поднялось до 191% (вместо нормальных 100), все же довоенное соотношение не было достигнуто. Цены сельско-хоз. товаров все же оказались выше, чем то должно было быть, если бы вся ценность сельско-хоз. товаров заняла то же место, что и до войны, в общей массе обращавшихся товаров; закон инерции сделал свое дело. Но огромное приближение к довоенному соотношению налицо.

Наступил следующий год. Сельско-хоз. продукция поднялась гораздо слабее, чем промышленная, товарная часть ее выразилась в 2,71 милл. р., а товарная часть промышленных товаров в 2,84 милл. по дов. ценам, цены сельско-хоз. товаров стали расти, промышленных—падать, именно с 72% довоенного относительного уровня первые поднялись до 76%, вторые с 137% упали до 123%, и тем не менее доля сельско-хоз. товаров в общей ценности товарной массы упала и дошла до довоенного уровня, составив 37%.

Почему так произошло?

Деревня продает свои продукты частью внутри самой себя, но преимущественно городу или на вывоз, промышленность также реализует свои товары внутри города, но значительную часть должна отдавать деревне в обмен на ее продукты. Если отвлечься пока от прямых налогов, уплачиваемых деревней фиску. Когда в конце 1922/23 г. и в начале 1923/24 г. раствор «ножниц» дешел до 320%,—товарообмен между городом и деревней стал невозможным, образовалась пропасть между ними, и промышленность не могла реализовать свои товары. 1923/24 г., как мы выразились в этой же брошюре, был «годом падения хлебных цен и реванша промышленности», 1923/24 год—был годом приближения к равновесию, при чем это равновесие не могло установиться на уровне довоенного соотношения между ценами сельско-хоз. и промышленных товаров. Раствор «ножниц», в которых выражается соотношение между ценами сельско-хоз. и пром. товаров, в 1923/24 г. достигал цифры 161%, но это равновесие установилось именно потому, что соотношение ценности всей массы сельско-хоз. и промышленных товаров пришло к нормальному—при структуре нашего народного хозяйства—соотношению. Мне могут возразить: что это за обычное довоенное соотношение? Разве не изменилась самым радикальным образом наша хозяйственная жизнь после всех пережитых событий, после Октябрьской революции?

Да, хозяйственная жизнь изменилась. Социальные формы изменились радикально, но вождь революции тов. Ленин, тов. Троцкий и тов. Сокольников в один голос утверждают, что мы должны использовать как средство высшие методы хозяйствования капиталистического общества и от них ити дальше. Мы провели денежную реформу, ввели банки, реорганизовали финансы и перевели национализированные фабрики и заводы на хозрасчет, т.-е. заставили их вести реализацию своей продукции путем продажи на рынок. 20 милл. крестьянских хозяйств по-прежнему являются мелкими товарными хозяйствами. Мы возрождаемся из хозяйственной катастрофы, и достижения довоенных соотношений, в которых выражались условия хозяйственного равновесия, в огромной степени являются регулятивными нормами, в объективном смысле этого слова, и для нашего теперешнего хозяйственного процесса.

На этом примере мы видим, что одни нормы восстанавливаются раньше других. Так мы видим, что соотношение всей суммы ценностей сельско-хоз. и промышленных товаров пришло уже к довоенной норме, но так как соотношение самой продукции еще далеко не достигло этой нормы (промышленность еще резко отстала от сельского хозяйства), то уровни цен сельско-хоз. и пром. товаров именно потому, что примат принадлежит отношению

всей ценности сельско-хоз. и промышленных товаров к ценности всей товарной массы, не могут выражаться в довоенных величинах. Но так как мы установили уже в первом законе более быстрый темп роста промышленности, чем сельского хозяйства, то мы, несомненно, идем, приближаясь к довоенному соотношению уровней сельско-хозяйственных и промышленных цен.

И действительно в 1921/22 г. мы имели отношение промышленных цен к сельско-хозяйственным всего 94, в 1922/23 г.—191, в 1923/24 г. уже 161. Что мы должны предположить для будущего года? Сельско-хозяйственная продукция поднялась очень слабо вследствие неурожая хлебов, несмотря на рост скотоводства и технических культур. Промышленная продукция увеличится, счиая по дов. ценам, вероятно на тот же процент, что и в прошлом хоз. году. Что же в результате случится с уровнем цен? Уровень сельско-хоз. цен должен подняться, а промышленных—пасть. Исходя из предположения, что достигнутое в 1923/24 г. равновесие между отношением всей ценности сельско-хоз. и пром. товаров к ценности всей товарной массы однородное с довоенным соотношением, т.-е. 37 и 63, удержится, мы предполагаем, что уровень сельско-хоз. цен с 76% довоенного поднимется до 86%, уровень же промышленных цен упадет с 123% до 111% и раствор «ножниц» снизится с 161 до 129.

Огромная вероятность, что и следующие годы мы будем иметь дальнейшее приближение к довоенному уровню цен, это—гармонирует и с изменением условий себестоимости. Рост промышленной продукции знаменует собой большее использование основного капитала, лучшую организацию процессов производства и, следовательно, удешевление себестоимости.

Прошло уже два м-ца нового хоз. года, и мы можем проверить, начало ли осуществляться наше предположение, или нет?

Обращаясь к новому индексу Госплана, мы видим, что на 1 октября отношение к общему индексу для сельско-хоз. товаров было 83, а для промышленных 115%, и раствор «ножниц» равнялся 139, на 11 декабря мы имеем для сельско-хоз. товаров 87, для промышленных 114 и раствор «ножниц» 131.

Есть все основания думать, что к концу зимы цены сельско-хоз. товаров будут подниматься, промышленных падать и к 1 мая раствор дойдет до 1 с тем, чтобы затем вновь увеличиваться в случае благоприятных видов на урожай, так что в среднем за год предложенная нами величина растворов в 129 осуществится, если не произойдет каких-либо катастрофических событий.

Надо вообще напомнить то, что мы сказали в введении, что ни один частный эмпирический закон не может обладать устойчивостью, если он не является элементом целой системы эмпирических законов, охватывающих все важнейшие элементы народного хозяйства в их взаимной связи и при постоянном учете общей тенденции развития всего народно-хозяйственного целого.

V. Каков общий смысл рассмотренных процессов и закономерностей?

Мы видели уже перед собой сочетание ряда эмпирических законов. Первый, определяющий все дальнейшие процессы, заключается в меньшем разрушении сельского хозяйства сравнительно с промышленностью. Этот процесс вызывает второй—более быстрое восстановление промышленности, чем сельского хозяйства.

Первый процесс образует тенденцию к сравнительному падению уровня сельско-хозяйственных цен по отношению к промышленным.

Второй процесс вызывает обратную тенденцию — повышения сравнительного уровня сельско-хозяйственных цен и падения цен промышленных.

Какая тенденция должна победить и что получается в результате? Что ставит пределы количественному выражению этих тенденций?

Мы видели, что довоенный коэффициент соотношения всей ценности поступающих на рынок сельско-хозяйственных продуктов и промышленных товаров к общей ценности всей товарной массы (37% и 63%) восстановился уже на третьем году нашего возрождения. Во второй год он был весьма близок к норме и лишь первый год, год небывалого неурожая, дал отклонения, но и то только такие: 52%—48%. Но если мы вспомним, что в этот год (1921/22 г.) собирался натуральный налог и если вычтем из всей товарной сельско-хозяйственной массы, куда он включен, его величину, то наш коэффициент уже существенно изменится и приблизится к норме.

Мы видим далее, что соотношение самих уровней цен все более и более приближается к довоенной норме.

Конечно, оно может остановиться ранее, чем дойдет до нормы, или может перехватить ее и пойти дальше нормы.

Первое, произойдет в том случае, если нам не удастся довести отношение продукции промышленности и сельского хозяйства к довоенным соотношениям.

Второе, произойдет в том случае, если мы индустриализируем страну, произведя притом техническую реконструкцию, понижающую себестоимость. Развитие связи с мировым хозяйством, увеличивающее спрос на сельско-хозяйственные товары, которым будет принадлежать в экспорте преимущество перед промышленными товарами (хотя, несомненно, мы будем иметь перед собой и развитие промышленного экспорта) — приведет к подъему сравнительных цен на сельско-хозяйственные товары.

С развитием связи с мировым хозяйством, мы будем тяготеть к мировому соотношению цен между продуктами сельского хозяйства и индустрией.

Таможенная политика будет их отклонять от такого соотношения, но лишь в незначительной степени, так как мировое хозяйство имеет много способов эффективного воздействия, даже чисто экономическими методами, на все страны, втянутые в мировой товарооборот.

Теперь попытаемся конкретно отыскать ту сферу обращения, которая ближайшим образом подчинена закону обмена между сельским хозяйством и промышленностью.

Ответом на этот вопрос будет попытка нахождения третьего эмпирического закона, который мы назовем законом распределения товарной части сельско-хозяйственной и промышленной продукции между городом и деревней в экономическом смысле этого слова, относя к городу всю индустрию, к деревне — все сельское хозяйство.

Здесь нам придется вспомнить и о прямых налогах, падающих на крестьянство, но прежде этого надо будет ввести в анализ наш импорт и экспорт. Обе эти проблемы мы отложим до следующего номера.

Пока обратимся к общей эволюции товарной массы нашей продукции. С 1921/22 г. по 1922/23 г. она поднялась на 980 милл. руб. по довоенным ценам, в следующем году на 1.120 милл. р., в следующем на 970 милл. р. Мы видим тяготение к какой-то постоянной величине, близкой к 1 миллиарду, и эта величина близка к 10% товарной массы 1913 г.

Каков темп роста общей суммы товарной массы, если измерить его в процентном отношении товарной массы данного года к его предшествующему? Для 1922/23 г. он равен 28%, в следующем году 25%, а в последнем из ис-

следующих лет — 17%. Мы видим совершенно определенный закон замедления темпа роста.

В целях иллюстративных и так сказать в мнемонических можно составить следующую нормализованную таблицу движения товарной части нашей продукции:

Товарная часть продукции в милл. руб. 1913 г.

		Прирост за год	В % к предыдущему году.
1913 г.	...	11.111	—
1921/22 г.	...	3.333	—
1922/23 г.	...	4.444	1.111 33%
1923/24 г.	...	5.555	1.111 25%
1924/25 г.	...	6.666	1.111 20%

Эти цифры, как указано, преследуют лишь иллюстративную и мнемоническую цели, но они достаточно точно выражают данности о тяготении прироста товарной части продукции к определенной величине и о постоянном, благодаря этому падению, темпе прироста.

Можно ли предполагать, что в будущем эта правильность повторится?

Для этого надо посмотреть, из каких слагаемых сложилась эта примерно единая сумма прироста. Оказывается, что она сложилась из изменяющихся величин прироста товарной части продукции промышленности и сельского хозяйства.

Прирост товарной части продукции в (милл. руб.)

От 1921/22 г. к 1922/23 г.	От 1922/23 г. к 1923/24 г.	От 1923/24 г. к 1924/25 г.
Промышленность . .	960	860
Сельское хозяйство .	20	260
Итого . .	980	1.120
		970

Постоянство итога есть результат сложения резко изменяющихся слагаемых. Следовательно, мы его должны признать случайным. То же самое мы должны сказать о замедлении темпа, так как товарная часть сел. хозяйства изменилась следующим образом: +1, +14, +17, а промышленности — +58, +33, +13. Вопрос: почему менялись так коэффициенты темпа прироста товарной части продукции сельского хозяйства и промышленности может быть разрешен в конце нашего исследования, когда мы к нему вернемся.

(Продолжение в следующем номере).

Проф. С. Г. Струмилин.

Наш довоенный товарооборот.

1. Товарооборот 1885—1898 годов.

Объем нашего внутреннего рынка и законы его развития у нас до сих пор чрезвычайно мало изучены. Между тем прикладной интерес такого изучения теперь, когда мы вступаем в полосу опытов регулирования рынка, чрезвычайно велик. А статистический материал, которым мы для этого располагаем, хотя и далек от полноты и точности, но все же вполне достаточен для целого ряда суммарных цифровых характеристик нашего внутреннего товарооборота.

Пользуясь данными налоговой отчетности со всеми поправками на пробелы и недочеты этой отчетности — мы недавно предложили на страницах печати исчисление товарооборота всех промышленных и торговых предприятий России, облагаемых промысловыми сборами за целых 14 лет (1885—1898 г.г.)¹⁾.

Контролируя данные налоговой отчетности в тех случаях, где это возможно, другими источниками, мы нашли возможным внести в это исчисление еще некоторые поправки. Так, например, валовая продукция промышленных предприятий, обязанных публичной отчетностью, определилась у нас по налоговым данным для 1898 г. в 1.373 милл. рублей. А если исходить из сводки балансов тех же предприятий, опубликовавшихся в «Ежегоднике Министерства Финансов», то эта цифра явно преувеличена, ибо основной капитал этих предприятий по сводке достигал 1.039 милл. рублей, что при оборачиваемости этих капиталов по коэффициентам 1900 г. не менее 1,5 раза в год дает вместо 1.373 милл. руб. оборота не менее 1.558 милл. руб. Такого рода поправки к обороту акционерных предприятий пришлось внести еще за несколько лет. За остальные годы мы предпочли, как более полные, итоги, исчисленные по налоговой отчетности. В результате получилась следующая картина (см. табл. 1):

В группу фабрично-заводских предприятий здесь включены и горные и горнозаводские предприятия с числом рабочих выше 16-и или с механическим двигателем. Кустарно-ремесленными в данной таблице называются все предприятия без двигателя с числом наемных рабочих от 2 до 16. Более мелкие заведения не учитывались патентной статистикой.

Пользуясь, однако, данными промышленных переписей, мы установили, что на каждое заведение с 2—4 наемными рабочими приходится на круг 2 заведения с 1 наемным рабочим и не менее 18 промышленных заведений без наемных рабочих. Применяя эти коэффициенты к данным патентной статистики о числе заведений с 2—4 рабочими, мы можем установить приблизительно и численность более мелких заведений.

Так, например, в 1897 г. по патентной статистике мы имели 60.215 заведений III разряда, т.-е. с 2—4 рабочими. Отсюда заключаем, что с 1 рабочим можно считать для того же года не меньше 120 т. заведений, а без рабочих примерно $120 \times 9.0 = 1080$ тыс. заведений.

Эти цифры можно проверить следующим образом. Известно из переписей, что на каждую сотню самостоятельных хозяйств в мелкой промышленности приходится около 67 помогающих членов. Наемных рабочих в заведениях с цензом от 10 до 16 рабочих можно считать на круг 12,5; при цензе 5—9 рабочих эта средняя падает до 6,0, при цензе 2—4 рабочих она определяется в 2,5 рабочих. Число служащих в фабрично-заводской промышленности в довоенное время по данным 1913 г. составляло 6,85% от числа рабочих. Рабочий персонал крупной промышленности с цензом свыше 16 рабочих можно с достаточной точностью (прделить по «Своду данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г.». Число более мелких заведений с двигателем определяется вычитанием крупных из общего их итога; средний размер такого заведения примем по данным 1893 г. за 8,3 рабочих на 1 заведение. И тогда получим весь как наем-

ТАБЛИЦА 1.
Товарооборот России, облагаемый промысловыми сборами, за 1885—1898 гг.
в милл. рублей.

Годы.	Промышленный оборот.					Торговый оборот.					Всего.	
	Фабрич. заводской.			Кустарно-ремесленный.	Итого по гр. 4 и 5.	Подотчетных предприятий		Не отчетных.				
	Подотчетных предприятий.	Не отчетных.	Итого.			Оптовых и розничн.	Мелочн.	Итого по гр. 7, 8 и 9.				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11		
1885	386	769	1.155	(204)	1.359	30	2.822	651	3.503	4.862		
86	364	839	1.203	(204)	1.407	25	2.787	722	3.534	4.941		
87	387	939	1.326	(220)	1.546	30	3.370	711	4.111	5.657		
88	612	857	1.469	(227)	1.696	47	3.253	725	4.025	5.721		
89	720	876	1.596	241	1.837	42	3.161	747	3.950	5.787		
1890	664	880	1.544	272	1.816	39	3.141	853	4.033	5.849		
91	715	846	1.561	282	1.843	38	3.081	891	4.010	5.853		
92	753	849	1.602	280	1.882	45	3.155	910	4.110	5.992		
93	814	935	1.749	320	2.069	73	3.389	976	4.438	6.507		
94	916	1.034	1.950	346	2.296	98	3.704	1.052	4.854	7.150		
1895	1.014	1.175	2.189	372	2.561	100	3.924	1.160	5.184	7.745		
96	1.162	1.248	2.410	374	2.784	135	4.038	1.159	5.332	8.116		
97	1.352	1.317	2.669	391	3.060	139	4.179	1.200	5.518	8.578		
98	1.558	1.441	2.999	396	3.395	142	4.349	1.246	5.737	9.132		
1885—89	494	856	1.350	219	1.569	35	3.079	711	3.825	5.394		
1890—94	772	909	1.681	300	1.981	59	3.294	936	4.289	6.270		
1895—98	1.272	1.295	2.567	383	2.952	129	4.122	1.196	5.447	8.399		
1885—98	816	1.000	1.816	295	2.111	70	3.454	929	4.453	6.654	+ 501	

ный, так и семейный персонал русской промышленности за 1897 г. Перепись того же года дает нам для проверки этого исчисления две цифры. Во-первых, общий итог промышленных рабочих, который, включая сюда прачечные, парикмахерские и т. п. заведения, достигает 2.289 тысяч душ, а если сюда прибавить еще 272 т. поденщиков-челнорабочих, приходящихся на долю промышленности из общего их итога, то получим 2.561 т.¹⁾. Во-вторых, перепись дает нам общее число лиц, занятых в промышленности, составляющее по тем же рубрикам 4.611 т., а с прибавкой 272 тыс. поденщиков — 4.883. Насколько близки эти цифры с данными нашего исчисления по коэффициентам, показывает табл. 2:

¹⁾ Общее число, нераспределенных переписью 1897 г. по отраслям хозяйства, поденщиков составляет 1.095 т. душ. Из них — 154 т. мы относим за счет ж.-д. транспорта, по данным ж.-д. отчетности, а остальных распределяем пропорционально числу распределенных рабочих и прислуги. Число хозяев для более крупных предприятий определено по числу платильщиков налога, для мелких принято равным числу заведений.

Более близкого совпадения при столь грубом методе исчисления, очевидно, нельзя было и ожидать. Но здесь нужно все же заметить, что в нашей таблице учтены лишь лица, главно занятие которых — промышленный труд. По «подсобному» занятию переписи 1897 г. насчитывает еще не менее 1.325 тысяч земледельцев, занятых более

ТАБЛИЦА 2.
Русская промышленность за 1897 г.
(Исчисление).

Организ. тип и размер предприятий.	Число пред-приятий.	Персонал, занятый в промышленности в тыс. душ.								
		Наемный.			Семейный			Всего		
		Рабочих	Служащ.	Итого	Хозяина	Помогающие члены	Итого			
1	2	3	4	5	6	7	8	9		
I. Фабр.-зав. пром.										
а) свыше 16 раб. . . .	19.396	1.880	—	—	—	—	—	—	—	—
б) до 16 раб. с двиг. . . .	(7.262)	60	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого по I разд. . . .	26.658	1.940	133	2.073	19,2	12,8	32,0	2.105		
II. Куст.-рем. пром.										
а) от 10—16 раб. . . .	(12.875)	161	—	161	12,2	8,2	20,4	181		
б) от 5—9 раб. . . .	(23.394)	140	—	140	22,3	14,9	37,2	177		
Итого по а+б. . . .	36.269	301	—	301	34,5	23,1	57,6	358		
в) от 2 до 4 раб. . . .	60.215	150	—	150	60,2	40,3	100,5	250		
Итого по а, б, в. . . .	96.484	458	—	451	94,7	63,4	158,1	608		
г) с 1 наемн. раб. . . .	120.430	120,4	—	120,4	120,4	80,6	201	321		
д) без найма	1.084.000	—	—	—	1.084	726	1.810	1.810		
Итого по I разд. . . .	1.300.914	571	—	571	1.299	870	2.169	2.739		
Всего по I и II. . . .	1.327.572	2.511	133	2.344	1.318	883	2.201	4.844		
Тоже по переписи 1897 г.	—	2.561	—	—	—	—	—	4.883		
Разница абс.	—	50	—	—	—	—	—	39		
в % %.	—	1,9%	—	—	—	—	—	0,8%		

или менее значительную часть года промышленным трудом. А эта цифра составляет в отношении мелких ремесленников и кустарей, работающих без наемного труда, еще весьма существенную поправку почти в 75%.

Какую же поправку к учтенной в таблице 1 промышленной продукции следует внести за счет всех этих неподлежащих промысловому обложению категорий промышленного труда?

Обращаясь к земским и городским обследованиям кустарно-ремесленной продукции за довоенные годы можно установить следующие факты¹⁾. Валовая продукция в городском ремесле, где преобладает высококвалифицированный труд, достигала в 1900 г. около 560 р. на одно занятное лицо в год. Для сельских кустарей, куда, повидимому, вошли и все кустари-земледельцы, для которых их индустриальный промысел составляет лишь подсобное занятие, получаем, по довоенным данным, гораздо более низкую цифру валовой продукции — около 178 р. в год или точнее р. б. ч. й сезон продолжительностью 25,4 недели. Продукция, обложенная промысловым налогом, это по преимуществу городская продукция. Что же касается мельчайших заведений с 1 рабочим, или вовсе без рабочих, не платящих даже патентных сборов, то их почти целиком можно отнести за счет сельской промышленности. Стало быть, к ним следует применять более низкие нормы годовой продукции. Повышенная среднюю норму рабочего сезона (25 недель) до 9 месяцев для главного занятия промыслом в соответствии с данными Пермской переписи и понижая ее до 4 месяцев для подсобных промысловых занятий, получим валовую продукцию одного работника по главному занятию в 267 р. и по подсобному занятию до 120 рублей; относя эти цифры к 1913 г., мы с поправкой на индекс для 1897 г. (=69% уровня цен 1913 г.), получим 184 и 83 руб. Умножая эти нормы на вышесчисленный рабочий персонал для 1897 г., получим 2.124 т. × 184 = 391 м. р. и 1.325 т. × 83 р. = 110 м. р., а всего около 501 милл. рублей или 14,7% к итогу продукции, исчисленной в таблице 1. Поправка, как видим, не шуточная.

Пользуясь теми же приемами, мы можем произвести аналогичные расчеты и для всех остальных лет изучаемого периода. В отношении мелкой промышленности численность рабочего персонала определилась при этом в следующих цифрах (см. табл. 3).

Для фабрично-заводской и горной промышленности с цензом выше 16 рабочих или с механическим двигателем исчислить рабочий персонал гораздо труднее. Увеличиваясь по числу рабочих, эти предприятия не переходят в другую цензовую группу, а потому средний размер предприятия для них нельзя считать сколько-нибудь постоянным. С другой стороны, прямой учет рабочих крупной промышленности по «Сводам данных о фабр.-з. в. промышленности» крайне неполон за целый ряд лет, за которые выпадали из учета все горные и горно-заводские предприятия, подъакционные заведения и т. п. Но, если воспользоваться данными «сводов» лишь как индексными показателями о проценте роста или падения числа рабочих по сравнимым отраслям производства и распространить этот темп роста на остальные, то, исходя для 1897 г. из установленной выше цифры в 1.940 т. рабочих, для остальных лет получим такие ряды (см. табл. 4).

Как и следовало ожидать, персонал фабрично-заводской промышленности возрастал значительно быстрее по сравнению с более мелкой кустарно-ремесленной. В то время, как для последней мы имели выше прирост персонала за 13 лет всего на 27%, фабрично-горно-заводской персонал возрос на 81%.

2 Товарооборот 1889—1913 г.г.

В связи с изменением закона о промысловом налоге данные налоговой статистики о торговом обороте России, начиная с 1899 года, публиковались по иной программе, чем за предшествующие годы, — в гораздо более суммарных итогах, а главное без подразделений по видам и отраслям промышленности, торговли, кредитных и иных учреждений и предприятий.

В отношении неотчетных предприятий, привлекавшихся к раскладочному сбору, мы можем привести следующие итоговые данные²⁾ (см. табл. 5).

¹⁾ См. Б. Гухман — К исчислению продукции мелкой промышленности, — «Плановое Хозяйство» № 6, 1924 г., стр. 90—93.

²⁾ Они публиковались в «Ежегодн. Мин. Фин.» вып. 1904 г. и сл.; в изд. «Стат. материалы к проекту об изменен. Полож. о госуд. пром. налоге». Спб. 1909, стр. 85 и сл. (за 1899—1908 г.г.) и др. изд. Наиболее детальные данные помещались в ведомость «Записках о распредел. раскл. сбора по губ. и обл. империи на год» с приложением к ним таблиц: «Свод податных свед. на год». Записки эти в продажу не поступали. За 1912 г. использовано изд. Деп. Окл. Сборов — Статистика прямых налогов и пошлин, госуд. промысловый налог, основной налог с отчетных и неотчетных предприятий и дополнительный налог с неотчетных предприятий за 1912 г. Петроград. 1915 г. 573 стр. 4°.

ТАБЛИЦА 3.

Рабочий персонал мелкой промышленности за 1885—1898 года.
(В тысячах душ.)

ГОДЫ.	Наемные рабочие в предприятиях с цензом от до:				Семейный персонал в предприятиях с цензом:				Итого по гр. 5 и 9.	Кроме того, по подсобн. занятиям.	В СЕГОДНЯ	
	5—16 рабоч.	2—4 рабоч.	1 рабоч.	ИТОГО.	2—16 рабоч.	1 рабочий.	О рабоч.	ИТОГО.			Абсол.	В % к 1885 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1885	171,3	123,8	99,2	394,3	115,6	165,5	1.491,6	1.772,7	2.168	1.092	3.260	100,0
1886	172,1	120,2	96,2	388,5	112,6	160,5	1.445,1	1.718,2	2.107	1.067	3.174	97,2
1887	182,8	125,3	100,2	408,3	118,9	167,2	1.506,5	1.792,6	2.201	1.102	3.303	101,2
1888	183,8	126,3	101,3	411,4	120,7	169,1	1.522,0	1.811,8	2.223	1.112	3.335	102,4
1889	205,0	132,8	106,3	444,1	127,4	177,2	1.598,2	1.898,8	2.343	1.171	3.514	107,7
1890	227,2	136,4	109,1	472,7	135,1	182,1	1.640,4	1.957,6	2.430	1.203	3.633	111,3
1891	232,5	133,1	106,6	472,2	133,9	177,7	1.602,2	1.913,8	2.386	1.171	3.457	106,1
1892	231,2	131,3	105,3	467,8	122,2	175,7	1.598,5	1.896,4	2.364	1.171	3.435	105,5
1893	246,0	135,2	108,1	489,3	137,6	180,3	1.625,1	1.943,0	2.432	1.188	3.620	111,0
1894	269,0	142,1	113,7	524,8	146,7	189,9	1.708,7	2.045,3	2.570	1.252	3.822	117,2
1895	291,3	147,5	118,2	557,0	154,6	197,3	1.776,4	2.128,3	2.685	1.298	3.983	122,1
1896	295,2	147,0	117,6	559,8	154,8	196,4	1.767,5	2.118,7	2.679	1.283	3.962	121,5
1897	300,8	150,5	120,4	571,7	158,1	200,7	1.810,1	2.168,9	2.741	1.325	4.066	124,7
1898	300,8	154,1	123,2	578,1	161,1	205,3	1.852,2	2.218,6	2.797	1.355	4.152	127,4

В пояснение к этой таблице необходимо прежде всего отметить, что сумма оборота за 1899—1901 г.г. понижена нами по сравнению с итогами официальной отчетности на 1.300 милл. рубл. Эта поправка необходима для сравнимости данных за весь период, ибо за первые три года вкрадась крупная ошибка в исчисление банковских оборотов по г. С.-Петербургу. А именно, правилами 1899 г. в отмену прежнего порядка было предписано при исчислении оборотов банковских предприятий брать их валовой заработок

ТАБЛИЦА 4.

Персонал фабрично-заводской и горной промышленности в тысячах душ.

(Свыше 16 рабочих или с механическим двигателем.)

И С Ч И С Л Е Н И Е.

Г О Д Й.	Число предприятий.	РАБОЧИЕ.		Служащ., в тыс.	Хозяева в тыс.	Помогающие члены.	В С Е Г О.	
		Всего в тысячах.	На 1 пред- приятие.				Абсол.	В % % к 1885 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1885	17.910	1.132	63,2	77	11,4	7,6	1.228	100
1886	18.303	1.172	64,0	80	11,5	7,7	1.271	103
1887	18.665	1.220	65,3	83	12,0	8,0	1.323	108
1888	19.898	1.305	65,7	89	12,7	8,5	1.415	115
1889	20.204	1.312	65,0	90	13,0	8,7	1.424	116
1890	20.740	1.320	63,6	91	13,3	8,9	1.433	117
1891	20.436	1.360	66,6	93	13,1	8,8	1.475	120
1892	19.951	1.366	68,5	94	13,3	8,9	1.482	121
1893	21.879	1.472	67,3	101	14,6	9,8	1.597	130
1894	22.717	(1.560)	(68,7)	107	15,5	10,4	1.693	138
1895	24.656	(1.725)	(70,0)	118	17,0	11,4	1.871	152
1896	25.552	(1.820)	(71,4)	125	18,0	12,1	1.975	161
1897	26.658	1.940	72,8	133	19,2	12,9	2.105	171
1898	27.605	(2.050)	(74,2)	141	20,5	13,7	2.225	181

(?), вместо принимавшегося раньше итога кассовых поступлений¹⁾). Но столичное раскладочное присутствие применило это правило впервые лишь с 1902 г., при чем оказалось, что «валовой заработок» столичных банкиров достиг в 1902 г. «только» 419 милл. рублей в то время, как кассовый их оборот еще в 1901 г. составлял 1.759 м. л.р. Размер поправки принят нами по данным ведомственной справки Деп. Окл. Сборов от 24 апр. 1913 г. (Дело № 1, 1913 г.).

¹⁾ См. «Стат. материалы к проекту об изм. Пол. о гос. пром. налоге», стр. X.

Территориально наша таблица не охватывает 16 губерний Азиатской России, на которые раскладочный сбор распространен был лишь с 1915 г., при чем включение их — по представлению Департамента окладных сборов в Государственную Думу от 19/III—1914 г. за № 4054 — должно было повысить итоги 1913 г. по числу обложенных предприятий на 53.631 единиц, или 8,6%, по сумме оборота на 689 милл. рублей или 5,7% и по сумме податной прибыли на 61 м. р. или 6,9%¹⁾.

ТАБЛИЦА 5.

Итоги обложения предприятий, привлеченных к раскладочному сбору, по 73 губ. России.

Годы.	Число обложенных предприятий.	Сумма оборотов.		Сумма прибылей.		Сборы и налоги (в тыс. руб.).			
		В милл. руб.	В % к 1899 г.	В милл. руб.	В % к обороту.	Основн. (патентный).	Раскладч.	Процентн.	Сумма всех видов промыш. налогов.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1899	411.886	9.161	100,	571,4	6,23	16.900	9.002	6.730	(32.632)
1900	428.119	8.725	95,5	560,7	6,43	17.672	8.974	6.041	32.687
1901	417.152	8.510	93,0	559,2	6,57	16.847	8.956	5.111	31.914
1902	430.373	8.403	91,8	559,5	6,52	17.200	9.040	5.945	32.185
1903	448.818	8.487	92,5	572,3	6,74	17.464	8.985	5.974	32.423
1904	460.569	8.842	96,7	590,3	6,77	17.663	8.974	6.247	32.884
1905	466.716	9.184	100,1	617,5	6,72	17.486	12.032	6.913	36.431
1906	450.270	8.827	96,5	575,7	6,51	16.481	12.021	15.355	43.857
1907	450.017	8.934	97,5	594,2	6,67	16.635	12.036	16.070	44.742
1908	475.606	9.439	102,9	623,3	6,62	17.362	12.175	16.820	46.356
1909	502.374	9.518	103,9	640,9	6,73	18.236	12.099	16.986	47.311
1910	535.154	10.556	115,2	706,9	6,66	19.443	11.992	19.139	50.584
1911	568.267	11.382	124,2	767,3	6,74	20.659	12.188	21.091	53.938
1912	598.110	12.027	131,1	826,7	6,86	21.673	12.170	23.119	56.962
1913	626.643	12.040	131,6	880,0	7,30	22.635	11.833	25.004	59.472

В таблице обращает на себя внимание, что за целое десятилетие с 1899 по 1908 год наблюдался полный застой оборотов. Причинами этого застоя были, повидимому, в начале этого периода промышленный кризис, а затем японская война и революция. Но поскольку здесь еще не учтены обороты отчетных предприятий, т.е. вся акционерная про-

¹⁾ См. Представление Деп. Окд. Сборов в Госуд. Думу «О сумме раскладочного сбора» на 1914—1916 г.г. от 19/III—1914 г. за № 4054, стр., 10.

мышленность и торговля, и не исключены чисто денежные обороты кредитных учреждений — преждевременно было бы делать какие-либо заключения о глубине и продолжительности этого застоя.

За годы мировой войны произошло, с одной стороны, расширение с 1915 г.¹⁾ сферы применения закона о раскладочном сборе на те 16 азиатских губерний, где он до тех пор не применялся, а с другой стороны из отчетности выпал целый ряд губерний Европейской России, ставших ареной военных действий. Поэтому территориально ниже приведенные данные несравнимы с итогами табл. 1-й. Но все же они не лишены интереса во многих других отношениях. Мы приводим здесь лишь наиболее общие итоги²⁾.

Число обложенных раскладочным сбором предприятий, налоговая их прибыль и сумма промышленных с них сборов изменились следующим образом:

Годы.	Число обследов.		Податная прибыль.		Сумма сборов.	
	губерн	предпр.	в милл. р.	в %	в милл. р.	в %
1914 г.		73	617.823	935,3	100,0	62,1
1915 г.		74	529.547	947,6	101,4	92,3
1916 г.		74	527.501	1.575,7	168,7	138,0
1917 г.		74	(489.058)	(2.045,7)	219,0	222,0

Если для сравнимости исключить из приведенных итогов данные по тем губерниям, которые вошли в район военных действий или заново лишь с 1915 г. привлечены к раскладке, то получим — по 59 губерниям и областям России — такие ряды:

Годы.	Число предпр.	Податная прибыль	
		абс.	отн. в 1914 г.
1913		533.934	100,0
1914		556.368	104,2
1915		506.980	95,0
1916		485.178	91,1
1917		(447.414)	83,8
		(1.920,1)	250,0

При оценке столь быстрого прироста суммы прибылей необходимо учитывать падение покупательной способности рубля за годы войны. При этом прибыль, облагаемую в отчетном году, надо, конечно, относить к оборотам, имевшим место в предыдущем году. К сожалению, мы не имеем достаточных данных о размерах оборотов, которым соответствуют вышеисчисленные прибыли. Лишь для 1915 г. нам известно, что прибыль по 74 губ. в 947,6 милл. рублей получена с оборота в 11.774 милл. рублей. Эта норма в 8% от оборота превышает норму 1913 г. всего на 10%.

Возвращаясь к оборотам довоенного периода, мы прежде всего могли бы восполнить данные таблицы 5-й оборотами тех предприятий, которые не привлекаются к раскладке в течение первого года своего существования. По данным налоговой отчетности таких предприятий регистрировалось ежегодно довольно значительное число (см. табл. 6).

Плохо, однако, то, что нам неизвестно, какая доля из этих оборотов и прибылей падает на промышленные и какая — на торговые и кредитные предприятия.

В отношении оборотов и прибылей, приведенных в табл. 5-й, мы имеем возможность более детального их расчленения. Наиболее отчетливо выделяются обороты промышленных предприятий (см. табл. 7).

¹⁾ По закону 4 окт. 1914 г.

²⁾ За 1914—1916 г.г. отчетные данные, за 1917 г. предварит. начисление согласно гектограф. записке «Распред. пром. раскл. сбора по губ. и обл. на 1917 г.» За 1915 г. см. печ. табл. «Свод данных по раскл. и проц. сборам за 1915 г.». Ср. также изд. Деп. окл. сбор. М. Ф. «О влиянии войны на некотор. стороны экон. жизни России», II. 1916 г., стр. 220—223 и др. (табл. о числе предпр. и прибылях по раскладкам 1913, 14 и 15 г.г.), где для 1915 г. дается более полный учет по захваченным войной губ., что повышает общее число предприятий до 565.780 и сумму обложенных прибылей до 1.049 милл. рублей.

ТАБЛИЦА 6.

Обороты и прибыли предприятий, освобождаемых от раскладки за первый год их существования по 73 губ. и обл. России¹⁾.

Годы.	Число пред- приятий.	Их обороты.		Их прибыли.	
		В милл. рублей.	В % % об- ложен. обо- рота.	В милл. рублей.	в % % прибыли
1	2	3	4	5	6
1899	64.318	351,7	3,8	19,0	3,3
1900	52.773	248,8	2,9	17,2	3,1
1901	96.444	615,4	7,2	19,8	3,5
1902	63.118	238,0	2,8	17,6	3,1
1903	61.035	241,1	2,8	16,4	2,9
1904	60.936	254,1	2,9	19,9	3,4
1905	(56.383)	(237,9)	2,6	(17,2)	3
1906	51.830	221,7	2,7	14,6	2,5
1907	72.23	269,7	3,0	19,6	3,3
1908	71.551	285,5	3,0	22,9	3
1909	72.923	(281,0)	3,0	(22,5)	3,5
1910	82.046	(316,0)	3,0	(25,3)	3,6
1911	6.163	282,0	2,5	22,6	2,9
1912	80.848	334,6	3,1	28,7	3,5
1913	82.716	1.144,9	9,5	75,4	8,5
1899—903	67.538	339,0	3,9	18,0	3,2
1904—908	62.587	253,8	2,8	18,8	3,1
1909—913	8.939	471,7	4,3	34,9	4,6

ТАБЛИЦА 7.

Обороты промышленных предприятий, обложенных раскладочным сбором по 73 губ. России (в милл. рублей).

Годы.	1 разряд.	2 разряд.	3 разряд.	4 разряд.	5 разряд.	6 разряд.	Итого.	
							Абс.	% %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1899	(220,1)	(133,3)	(286,3)	(523,7)	(272,8)	129,6	1.565,8	100
1900	240,9	149,6	311,0	575,2	297,4	181,7	1.705,8	109
1901	256,0	151,7	289,8	455,9	292,5	139,5	1.585,8	101
1902	273,2	151,2	287,3	466,3	28,8	145,5	1.611,3	103
1903	292,7	157,5	275,1	459,5	288,9	139,2	1.612,9	103
1904	300,9	155,8	311,1	492,4	296,4	149,6	1.706,2	109
1905	(306)	(165)	(318)	(505)	(300)	(151)	(1.745,0)	112
1906	287,2	164,4	307,1	477,3	283,9	143,6	1.663,5	106
1907	332,3	177,0	343,4	506,2	285,4	140,7	1.785,0	114
1908	326,9	196,1	350,0	544,2	299,1	151,3	1.867,6	119
1909	345,8	201,3	376,7	556,3	311,9	155,3	1.947,3	124
1910	381,3	216,1	393,1	596,3	337,2	167,9	2.091,9	134
1911	412,0	217,0	438,0	633,6	353,2	177,6	2.231,4	143
1912	440,0	223,	492,2	732,5	421,3	209,1	2.518,7	161
1913	H	e	t	s	v	e	d	n
							(2.520)	161

¹⁾ Итоги, заключенные в скобки, получены путем интерполяции по соотношениям соседних лет.

Подразделения на разряды промышленных предприятий, начиная с 1899 г., не сравнимы с соответствующими разделами предшествующего периода. В первый разряд по новой классификации входят все предприятия с цензом выше 1.000 рабочих и некоторые—по особо перечисленным производствам—свыше 500 рабочих. Во второй разряд включено большинство предприятий с цензом от 501 до 1.000 рабочих и некоторые—от 201 до 500 раб., в третий разряд большинство с цензом от 201 до 500 раб. и некоторые от 101 до 200, в четвертый—большинство с цензом от 51 до 200 и некоторые от 26 до 50 раб.; в пятый—все от 16 до 50 рабочих без двигателя и от 11 до 25 раб. с механическим двигателем, а в столицах некоторые и с более низким цензом. В общей сумме первые пять разрядов дают почти тот же состав предприятий, который соответствовал кругу фабрично-заводских предприятий по податной практике предшествующих лет. Отличие его в том, что теперь достаточно 16 рабочих без двигателя для включения в V разряд, а раньше нужно было иметь свыше 16, т.е. 17 рабочих, но за то раньше в этот ценз входили в се более мелкие заведения с механическим двигателем, а теперь только с числом рабочих выше 10, и некоторые—в столицах—свыше 7. Благодаря этому различию—по числу предприятий I—V разряда с 1899 г. несколько ниже группы так назыв. «гильдейских» предприятий до 1899 г., а по обороту почти не различаются от нее.

ТАБЛИЦА 8.
Обороты торговых, кредитных и пароходных предприятий, обложенных раскладочным сбором по 73 губ. России (в миллионах рублей).

Годы.	Торговые и кредитные предприятия.			Пароход- ные пред- приятия.	Всего.		
	Разряды.				Итого I—III	% % 1899 г.	
	I	II	III				
1	2	3	4	5	6	7	8
1899	(2.959)	(3.321)	1.224	7.504	69,4	7.573	100,0
1900	2.681	3.009	1.294	6.983	32,9	7.016	92,8
1901	2.594	2.963	1.325	6.881	40,6	6.922	91,5
1902	2.538	2.822	1.394	6.754	35,2	6.790	90,0
1903	2.475	2.850	1.494	6.819	37,2	6.856	90,7
1904	2.641	2.910	1.541	7.092	38,8	7.131	94,4
1905	(2.750)	(3.030)	(1.620)	(7.400)	(39,0)	(7.439)	98,5
1906	2.656	2.901	1.569	7.126	34,8	7.161	94,7
1907	2.597	2.942	1.576	7.115	31,5	7.147	94,6
1908	2.852	3.068	1.618	7.538	31,6	7.570	100,0
1909	2.592	3.225	1.721	7.538	30,7	7.569	100,0
1910	3.059	3.518	1.845	8.423	38,7	8.462	111,8
1911	3.375	3.776	1.951	9.103	44,8	9.148	121,2
1912	3.423	4.015	2.062	9.500	(44,8)	9.545	126,3
1913	—	—	—	(9.500)	—	—	—

Шестой разряд новой номенклатуры, куда входят все предприятия с цензом от 10—15 рабочих без двигателя и от 8 до 10 рабочих при наличии двигателя, приходится уже относить к мелкой ремесленной промышленности. Он примерно соответствует I разряду промысловых свидетельств по старой номенклатуре. Второй разряд старой номенклатуры (от 5 до 9 раб.) и третий (от 2 до 4 раб.) вошли в VII и VIII разряды по новой классификации, обороты которых не учитываются и не облагаются раскладкой.

Как видно из таблицы 7-й, центральное место по оборотам принадлежит в ней предприятиям IV разряда (от 51 до 200 раб.) и это объясняется, конечно, тем, что среди более крупных большинство обязаны публичной отчетностью, облагаются процентным, а не раскладочным сбором и потому вовсе не учтены в нашей таблице. В общем мы имеем здесь дело по преимуществу только со средней промышленностью, прирост оборотов которой за 15 лет более, чем на 60%, является для этой группы весьма показательным.

Обороты остальных предприятий, из числа учтенных в табл. 1-й, за исключением включенных в нее также заработка по обложенным личным промысловым занятиям, представлены в табл. 8-й.

В первый разряд этой таблицы входит оптовая торговля и крупные банкирские конторы, во второй—розничные магазины, в третий—мелочный торг из лавочек. Мелочной торг из ларьков и т. п. сооружений (IV разряд), а также развозной и разносный торг (V разряд), как не облагаемые раскладочным сбором, не вошли в нашу таблицу, так же как не входят сюда и все наиболее крупные акционерные предприятия. Общая сумма оборотов по этой таблице возросла за 15 л. всего на 26%, т.-е. значительно ниже прироста промышленных оборотов таблицы 7-й.

Переходя к акционерным предприятиям, мы можем привести следующие данные податной отчетности о размерах капиталов и подотчетных предприятий за ряд лет¹⁾.

Для некоторых лет мы нашли, к сожалению, только итоговые данные без расчленения на промышленность, торговлю и т. д. В этих случаях мы даем приблизительное их расчленение на эти группы по соотношениям соседних лет, заключая здесь, как и выше, такие интерполированные величины — в отличие от отчетных — в скобки (см. табл. 9).

ТАБЛИЦА 9.

Основной капитал обязанных публичной отчетностью предприятий.
(В миллионах рублей.)

Г О Д Ы .	Торговые.	Промышленные.	Кредитные.	Транспортные.	Страховые.	Коммунальные.	И т о г о .	
							А б с .	В % %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1900	62	1.009	375	59	33	32	1.570	100,0
1901	(72)	(1.333)	(429)	(71)	(38)	(46)	(1.989)	12,7
1902	81	1.657	487	83	43	60	2.408	153,5
1903	88	1.738	509	79	42	68	2.524	160,5
1904	94	1.718	507	84	42	77	2.522	160,5
1905	92	1.703	508	76	43	79	2.501	159,2
1906	110	1.690	545	30	31	104	2.510	159,9
1907	(122)	(1.921)	(642)	(34)	(36)	(122)	2.877	183,5
1908	(126)	(1.988)	(685)	(36)	(38)	(130)	3.002	191,0
1909	(129)	(2.056)	(730)	(38)	(39)	(139)	3.126	199,4
1910	120	1.919	703	36	37	144	2.959	18,3
1911	(133)	(2.122)	(779)	(40)	(41)	(157)	3.272	208,1

Необходимо отметить, что налоговая отчетность дает нам здесь далеко не полные итоги облагаемых капиталов и соответствующих им прибылей. Сюда вошли лишь данные по рассмотренным и утвержденным казенными палатами балансам. По данным 1900 г., например, сверх того учтено нами по нерассмотренным и дефектным балансам, не попавшим в отчетность, еще до 342 милл. рублей основных капиталов, что составляет поправку к 1570 милл., учтенных в табл. 5, почти в 22%. Как велики пробелы за другие годы, мы не знаем. Размеры оборотов, соответствующие этим капиталам, нам известны по налоговой статистике тоже за один лишь 1900 г. Но, распространяя соотношение 1900 г. между оборотами и капиталами на последующие годы, можно с известным приближением определить и обороты всех этих лет.

Для большей полноты учета мы воспользуемся, однако, на ряду с данными налоговой отчетности об акционерных капиталах, занятых в промышленности и торговле, также другими подсчетами тех же капиталов по публикациям «Ежегодника Министерства Финансов» и т. п. официальных изданий. Последние также далеко не всегда отличаются исчерпывающей полнотой, поэтому, в случае расхождения их с данными налоговой отчетности, мы всегда будем предпочитать более полные итоги. Кроме того, для сравнности

¹⁾ См. «Сведения о промысловом обложении предпр., обяз. публ. отч., по Казенным Палатам за 1900 г.» и «Статист. материалы к проекту об изменении Положения о госуд. промысловом налоге», СПБ. 1909, где сведены данные за 1902—1906 г. г. Кроме того, мы располагали по архивным материалам Деп. Окл. Сборов итоговыми данными за 1907—1911 г. г., в том числе за 1910 г. с расчленением их по тем же подразделениям, что и в печатных «Материалах». 1902—1906 г. г.

ТАБЛИЦА 10.

Основные капиталы и обороты подотчетных предприятий в промышленности и торговле (в милл. руб.).

Г О Д Ы.	Основные капиталы.							Годовые обороты (пенсчисления).			
	Промышленные.			В акц. торговле.			В потреб. об-вах (налогов. данные).	Торговые.			
	По нало- говой от- четности.	По Еже- годн. М. ¹⁾	Принят к исчислению.	По нало- говой от- четности.	По Еже- годн. М.	Принят к исчисл.		Промыш- ленные.	Акц. об-в.	Потреб. об-в.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1899	—	1.320	1.320	—	62,3	62,3	(2,8)	1.980	155,5	22,7	178,2
1900	1.009	1.401	1.401	58,5	76,6	76,6	3,5	2.102	191,2	28,4	219,6
1901	(1.833)	1.549	1.549	67,9	79,1	79,1	4,1	2.824	197,3	33,2	230,5
1902	-1.657	1.512	1.657	76,4	83,6	83,6	4,6	2.485	208,5	37,2	245,7
1903	1.738	1.534	1.738	83,2	83,4	83,4	4,8	2.607	208,2	38,8	247,0
1904	1.718	1.578	1.718	88,9	87,1	88,9	5,1	2.577	222,5	41,3	263,8
1905	1.703	1.606	1.703	86,1	91,4	91,4	5,9	2.555	228,5	47,8	276,3
1906	1.690	1.620	1.690	104,7	92,7	104,7	5,3	2.535	261,8	43,0	304,8
1907	(1.921)	1.695	1.921	(115,4)	100,4	115,4	(6,6)	2.882	288,2	53,4	341,6
1908	(1.988)	1.787	1.988	(118,8)	113,9	118,8	(7,2)	2.982	297,2	58,3	355,5
1909	(2.056)	1.834	2.056	(120,8)	120,9	120,9	(8,2)	3.084	302,5	66,4	368,9
1910	(1.919)	1.957	1.957	112,0	158,5	158,5	8,0	2.936	397,0	64,8	461,8
1911	(2.130)	2.186	2.186	(124,2)	193,6	193,6	8,8	3.279	485,0	71,2	556,2
1912	—	2.483	2.483	—	224,2	224,2	(10,4)	3.725	560,0	84,3	644,3
1913	—	2.848	2.848	—	271,3	271,3	(12,6)	4.272	677,0	102,3	779,3

¹⁾ За 1913 г. по «Промышленности и Торговле» № 4 от 25 янв. 1916 г.

с данными «Ежегодников М. Ф.», не включающих отчетности о потребительных обществах, мы выделяем соответствующие данные по налоговой отчетности в особую графу. Для перехода от капиталов к оборотам мы принимаем — согласно отчетным данным 1900 г. — для промышленных капиталов¹⁾ 1,5 оборота в год, для торговых в акционерных обществах — 2,5 оборота, для потребительных обществ — 8,1 оборота (см. табл. 10).

Обороты подотчетных предприятий, как видим, дают в отличие от оборотов более мелких предприятий, не обязаных отчетностью (см. табл. 5), почти непрерывный и при том очень крупный прирост, не взирая ни на промышленный кризис девятисотых годов, ни на задержки, связанные с японской войной и революцией 1905 года. Обороты промышленных предприятий за отчетный период удвоились, а торговые выросли в 4,5 раза. Однако эти коэффициенты еще непригодны для измерения динамики товарооборота изучаемой эпохи, до тех пор пока мы не располагаем полной суммой оборотов по всем слагаемым.

Обороты подотчетных предприятий облагались, а потому и учтены нами по всей России, но раскладочный сбор не распространялся на 16 азиатских губерний и областей России и, хотя относительное значение этого пробела не велико, но оценить его в цифрах все же необходимо. Исходя из численности предприятий в указанных 16 губерниях, выбирающих патенты разных разрядов, и средних размеров оборота за каждый год на 1 предприятие соответствующего разряда по остальным губерниям России, можно приблизительно определить суммарные обороты по всей неучтеннной выше территории. Итоги этих оборотов, по абсолютной их величине, оказались, конечно, сильно преувеличенными по сравнению с данными прямого подсчета для 1913 г., ибо азиатские предприятия в общем мельче европейских, но, внеся в них соответствующую процентную поправку, мы получим следующий результат (см. табл. 11).

ТАБЛИЦА 11.

Обороты неотчетных предприятий, облагаемых по зак. 4 окт. 1914 г. раскладочным сбором в 16 губерниях Азиатской России¹⁾.

(В миллионах рублей.)

Годы.	Промышленные пред- приятия.			Торговые и кредитные пред- приятия.			Всегда.	
	I—V разряд.	VI разр.	Итого.	I—II разряд.	III разряд.	Итого.	Абс.	В % к 1899 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1899	16,4	1,7	18,1	165,7	50,4	216,1	234,2	100,0
1900	21,7	2,3	24,0	200,8	61,2	262,0	286,0	122,2
1901	18,1	1,9	20,0	207,5	63,2	270,7	290,7	124,5
1902	19,5	2,0	21,5	205,8	62,5	268,3	289,8	124,5
1903	22,8	2,4	25,2	231,6	70,4	302,0	327,2	139,7
1904	20,2	2,1	22,3	223,8	68,2	292,0	314,3	134,1
1905	21,4	2,2	23,6	221,3	67,2	288,5	312,1	133,3
1906	23,5	2,5	26,0	236,6	72,1	308,7	334,7	143,1
1907	26,5	2,8	29,3	258,2	78,8	337,0	336,3	156,4
1908	30,6	3,2	33,8	303,0	92,2	395,2	428,8	183,5
1909	33,4	3,5	36,9	295,1	89,9	385,0	421,9	179,8
1910	37,4	3,9	41,3	333,3	101,7	435,0	476,3	203,0
1911	43,0	4,5	47,5	349,2	107,8	457,0	504,5	215,8
1912	60,3	6,3	66,6	477,5	145,3	622,8	689,4	295,0
1913	60,3	6,3	66,6	477,5	145,3	622,8	689,4	295,0

¹⁾ См. «Эконом. Обозрение», вып. 19 «Товарооборот России», табл. 9. Для промышленных капиталов оборот взят средний по всем «рассмотренным» и «нерассмотренным и дефектным» балансам.

²⁾ 1) Акмолинская, 2) Семипалатинская, 3) Семиреченская, 4) Уральская, 5) Тургайская, 6) Сыр-Дарынская, 7) Самаркандская, 8) Ферганская, 9) Закаспийская, 10) Дагестанская, 11) Карская, 12) Закатальский округ, 13) Амурская, 14) Приморская, 15) Забайкальская и 16) г. Иркутск.

Кроме поправки на пропуск территории, необходимо иметь в виду еще тот пробел, который происходит за счет предприятий, освобождаемых от раскладки по малодоходности или не попадающих в отчетность текущего года за поздним поступлением сведений и т. п. причинам. О размерах этой поправки можно судить по следующим цифрам. В 1912 г. было обложено раскладкой в 73 губ. России 597,7 тысяч предприятий, а по патентам числилось на той же территории на 161,7 тыс. предприятий или на 27,1% больше этого числа. Из них 80,8 тыс., т.-е. целую половину, как видно из таблицы 6, надо отнести за счет вновь возникающих предприятий, а вторая половина, стало быть, падает на все прочие категории предприятий, освобожденных от раскладки. При этом ук. з. иль средний процент (27,1) для торговых заведений повышается до 27,8%, а для промышленных падает до 17,3%. Если допустить, что новые предприятия (табл. 6) распределяются между промышленностью и торговлей в той же пропорции, что и старые, то прибавка за счет освобожденных по малодоходности и пр. составит по числу предприятий для торговли 14,3% и для промышленности около 3,8%.

По размеру оборота эти поправки, конечно, еще меньше, так как большая часть дефицитных предприятий падает на самые мелкие заведения низших разрядов. Более детальный подсчет оборота освобожденных предприятий по разрядам, — с понижением средней нормы оборота каждого из них для этой группы вдвое, — дал нам для 1912 г. размер поправки к учтенному обороту по торговле в 6,8% по промышленности — 1,4%. Конечно, исчисление это не претендует на слишком большую точность, но для грубых расчетов оно все же дает правильный масштаб необходимых поправок.

Теперь нам остается определить, какая доля в обороте торговых предприятий в широком смысле этого слова, т.-е. со включением торговли деньгами, услугами и т. п., падает на товарную торговлю в более тесном смысле этого слова. За 1885—1898 г.г. мы имели для этого вполне точные отчетные данные. За последующий период таких газовых данных для неотчетных предприятий у нас не оказалось. Но из предыдущего периода нам известно, что процент т. в. р. ных оборотов в общей их сумме представляет довольно устойчивую величину. За 1890—1893 г.г. он составлял 48,0%, за следующее четырехлетие — 48,7%. Правда, ввиду изменения метода определения оборотов кредитных предприятий в 1899 г. применить непосредственно этот процент для последующего периода нельзя. По новому методу кредитные обороты (валовая прибыль вместо всего кассового оборота) стали раза в четыре меньше прежних, что по грубой прикидке повышает искомый процент с 48,7 до 77%. Но за 1900 год мы имеем возможность определить этот процент гораздо точнее.

По обследованию «Торговля и промышленность Европ. России по районам» в 65 губ. Европейской России или точнее говоря, по 64 губ. и 3 (европейским) уездам Уральской области учтено за 1900 г. 478.218 торговых заведений с оборотом 6.034 милл. рублей, а за вычетом 218 милл. рублей оборота 139 подотчетных предприятий, на долю остальных остается 5.816 милл. руб. Кредитные предприятия, коммунальные и т. п. сюда не входят. По налоговой отчетности на той же территории насчитывается всего 506.979 предприятий тех же разрядов со включением кредитных и прочих, оборот же их за вычетом подотчетных предприятий достигал без поправок 6.579 мил. руб., а с поправкой на освобожденные от раскладки новые и малодоходные предприятия (2,9% + 6,8%) определился суммой 7.217 милл. рублей, откуда явствует, что на долю кредитных и прочих предприятий из этой суммы надо отнести 7.217—5.816=1.401 милл. р. или около 20%.

Пользуясь этим соотношением, мы должны 80% оборота, исчисленного в табл. 8 отнести на долю торговли товарами, а с поправками на территорию и освобожденные от раскладки предприятия нетрудно определить и полный оборот всей торговли.

Для наиболее мелких предприятий, не подлежащих раскладочному сбору, обороты исчислены нами по соотношению обложения их основным промысловым налогом с обложением тем же налогом более крупных предприятий, оборот которых учтен налоговой отчетностью. Так, например, средний патентный сбор с одной мелочной лавочкой (III разряда) в 1912 г. по всей России достигал 13 р. 80 к., а средний оборот составлял — 3.970 р. в год. Средний сбор с ларьков (IV разряда) за тот же год дал нам 5 р. 50 к. или 40% патентного сбора с мелочными лавочками. Отсюда заключаем, что и оборот ларька можно

грубо принять в 40% мелочной лавочки или 1.590 рублей в год. Цифра эта едва ли преувеличена, ибо даже для ларька валовая выручка за день рублей в 5, что соответствует чистому доходу не выше 50—60 к. в день, очень скромна. Для развозного и разносного торга оборот, исчисленный тем же методом, получается раза в два больше, чем для ларьков. Повидимому, они были сильно переобложены промысловым сбором. Но, учитывая, что больше половины этого рода торговцев вовсе не облагались, валовой оборот их, учтенный по промысловому сбору, едва ли окажется преувеличенным.

Для мелких промышленных заведений VII и VIII разряда исчисленный тем же методом оборот для 1912 г. дает 5.980 и 2.540 рублей при обороте заведения VI разряда в 11.280 р. Считая средний ценз заведения VI разряда для данного периода в 12 наемных рабочих, VII—6 раб. и VIII—2,5 рабочих и прибавляя на каждое заведение на круг по 1,7 семейных работников, мы получаем годовую валовую продукцию на одного работника в заведениях VI разряда — 823 руб., VII р. — 778 руб. и VIII р. — 606 рублей. Чистая продукция в этих заведениях составляет не выше 40% валовой, откуда получаем годовой заработка ремесленника, включая прибыль на капитал в заведениях VII—VIII разряда не выше 240—312. Цифра опять таки для городского квалифицированного ремесленника едва ли преувеличенная.

Общие итоги товарных оборотов, облагаемых промысловыми сборами, исчисленные нами со всеми вышеуказанными поправками, представлены в табл. 12.

Сопоставляя итоги оборотов за 1899 г. с ранее исчисленными для 1898 г., мы должны отметить резкое увеличение их за один год с 9,13 до 11,26 миллиардов, т.-е. на целых 23%, причем промышленные обороты возросли на 16%, а торговые на 27%. За другие годы прироста выше 10—14% не наблюдалось.

Чем же объясняется этот скачок?

Прежде всего часть этого расхождения следует отнести за счет особенностей нового закона о промысловом обложении, введенного в действие с 1899 г. и связанного с этим более совершенного учета оборотов. Иначе говоря, дело идет прежде всего об известном недоучете оборотов за предшествующий период. Так, повидимому, те поправки, какие мы вводили на пропуски территории, необлагаемые категории заведений и т. п. были маловаты.

Но несомненно, что и независимо от неполноты учета оборотов за предшествующий период, 1899 год должен был дать очень крупный прирост оборотов. Это был год наивысшего подъема промышленной конъюнктуры за целое десятилетие. В частности, это был рекордный год грюндерства за целую четверть века. В то время как до 1895 г. у нас вообще прирост акционерных капиталов не превышал 5—10% за 1899 г. мы имели общий прирост в 21,3%, а в промышленности даже на 27%, при чем на долю одних только промышленных предприятий падает до 300 милл. рублей прироста основных капиталов, что соответствует примерно 450 милл. рублей дополнительной продукции. Кроме того, 1899 г. был годом высокого урожая, что, несомненно, должно было повысить и за счет сельско-хозяйственной продукции торговые обороты. Тем не менее перепроизводство индустриальных товаров было, повидимому, так велико, что уже следующий год знаменует собою вступление русской промышленности в довольно серьезный промышленный кризис. Торговые обороты за 1900 г. не только не дали никакого прироста, но даже прямо упали почти на 300 милл. рублей.

Для проверки точности наших исчислений мы, к сожалению, можем сделать только следующее сопоставление в отношении продукции фабрично- и горно-заводской цензовой промышленности. По данным промышленной статистики, мы имеем достаточно полное исчисление валовой продукции промышленности в работе В. Е. Варзара за 1908 г.¹⁾. Из более ранних лет нам удалось привести к сравнимому с налоговыми данными виду — путем исключения мелких предприятий итоги — «Свода данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1893 г.». И, наконец, для 1913 г. у нас имеется исчис-

¹⁾ «Статистич. сведения за 1908 г.», СПБ. 1912 г., стр. 3. Вместе с ж.-д. мастерскими В. Е. Варзар дает цифру 4.909 милл. р., а за вычетом ж.-д. мастерских (71,5 милл. р.) получаем 4.837 милл. За 1900 г. «сведения» не охватывают всей России.

ТАБЛИЦА 12.

Товарооборот России, подлежащий промысловому обложению за 1899—1913 г.г.

Исчисление — в миллионах рублей.

Г О Д Й.	П р о м ы ш л е н и й.							Т о р г о в ы й.				Всего по гр. 8 и 12.	
	Фабрич.-завод. предприятия.			Куст.-ремесл. предприятия.			Подот- четных предприя- тий.	Неотчет- ных		Итого.	Итого.		
	Подотчетн. акцион. предприя- тий.	Неотчет- ные I—V разряды.	Итого.	VII— VIII раз- ряд.	Итого.	Всего.		I—III разряд.	IV—V разряд.				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
1899	1.980	1.523	3.503	144	309	453	3.956	178	6.730	397	7.305	11.261	
1900	2.102	1.659	3.761	145	390	515	4.276	220	6.360	415	6.995	11.271	
1901	2.324	1.582	3.906	162	327	489	4.395	231	6.520	446	7.197	11.592	
1902	2.485	1.544	4.029	158	314	472	4.501	245	6.160	432	6.838	11.339	
1903	2.607	1.555	4.162	152	292	444	4.606	247	6.240	457	6.944	11.550	
1904	2.577	1.640	4.217	163	320	483	4.700	264	6.470	530	7.264	11.964	
1905	2.555	1.675	4.230	164	319	483	4.713	276	6.720	479	7.475	12.188	
1906	2.535	1.601	4.136	157	292	449	4.585	305	6.520	454	7.279	11.864	
1907	2.882	1.739	4.621	156	292	448	5.069	342	6.540	457	7.339	12.408	
1908	2.982	1.818	4.800	167	330	497	5.297	356	6.970	487	7.813	13.110	
1909	3.084	1.899	4.982	172	339	511	5.493	369	6.960	523	7.852	13.345	
1910	2.936	2.041	4.977	186	349	535	5.512	462	7.270	615	8.847	13.859	
1911	3.279	2.172	5.451	195	355	550	6.001	556	8.310	581	9.447	15.448	
1912	3.725	2.469	6.194	232	479	711	6.905	644	8.900	616	10.160	17.065	
1913	4.272	2.610	6.882	258	(532)	790	7.672	779	9.420	(656)	10.855	18.527	

ление Н. Я. Воробьева, правда, для России в границах СССР. Но, считая по отошедшим губерниям не выше 17,6% общего итога продукции для всей России¹⁾, не трудно и эти данные привести к сравнимому виду с нашими. Результат сравнения представляется в следующих цифрах:

Г О Д Ы:	Валовая продукция в милл. руб.		Разность	
	По данным пром. статист.	По нашему исчислению.	абс.	в % %
1893	1.723	1.749	26	+1,5
1908	4.837	4.800	37	-0,7
1913 всего	(6.835)	6.882	47	+0,7
в том числе:				
по СССР	5.621	5.660	39	+0,7

Как видим, расхождение сопоставляемых данных очень невелико. Гораздо значительнее расхождение в числе предприятий, насчитываемых разными источниками. Но это расхождение из-за более или менее полного учета мельчайших предприятий (с ничтожной продукцией) не имеет для нас особо существенного значения.

Таблицы 1-я и 12-я характеризуют нам темп развития нашей промышленности и емкости внутреннего рынка почти за 30 лет. Правда, здесь еще не учтен оборот мельчайших кустарных предприятий с 1 рабочим и без найма рабочих, а также весь оборот по сбыту сельско-хозяйственной продукции производителями. А о величине этих слагаемых можно судить хотя бы по следующим данным для 1913 г. Продукция кустарей, не облагаемых патентными сборами, в 1913 г. достигала, по нашему исчислению, около 1.160 милл. рублей, а оборот деревни по сбыту своей продукции, включая сюда и внутренне-крестьянский оборот,—не менее 4.466 милл. рублей из 12,9 миллиардов валовой сельско-хозяйственной продукции этого года²⁾. Эти поправки к учтенному нами товарообороту 1913 г. в 18.545 милл. р. составляют свыше 30%, повышая общую цифру товарооборота по всей России до 24,2 миллиардов рублей, а в пределах нынешнего Союза ССР—до 20,5 миллиардов рублей за год. Тем не менее для динамических сопоставлений достаточно показательную величину представляет собою и вышеисчисленная доля облагаемого промышленными сборами товарооборота.

Сопоставляя ее с движением населения, урожайностью и суммой денежных знаков в народном обращении, получим такую картину (см. табл. 13).

Сравнивая движение оборота с урожайностью, мы видим, что заметного влияния на развитие нашего внутреннего оборота «господин урожай», вопреки общепринятому мнению, отнюдь не оказывал. Даже наиболее крупные неурожаи вызывали лишь времененную и при том едва заметную задержку в росте нашего товарооборота. Гораздо более заметную задержку в этом росте можно наблюдать за время первого чисто капиталистического кризиса начала девяностых годов, а затем японской войны и революции 1905 года.

Здесь, начиная с 1899 по 1906 г.г., т.-е. за целых семь лет, мы наблюдаем прирост оборота всего на 5%, в то время как население выросло за то же время на целых 15%. В общем же за весь наблюдаемый период прирост оборота за 28 лет дал 281%, что по сравнению с приростом населения в 57% почти в пять раз больше.

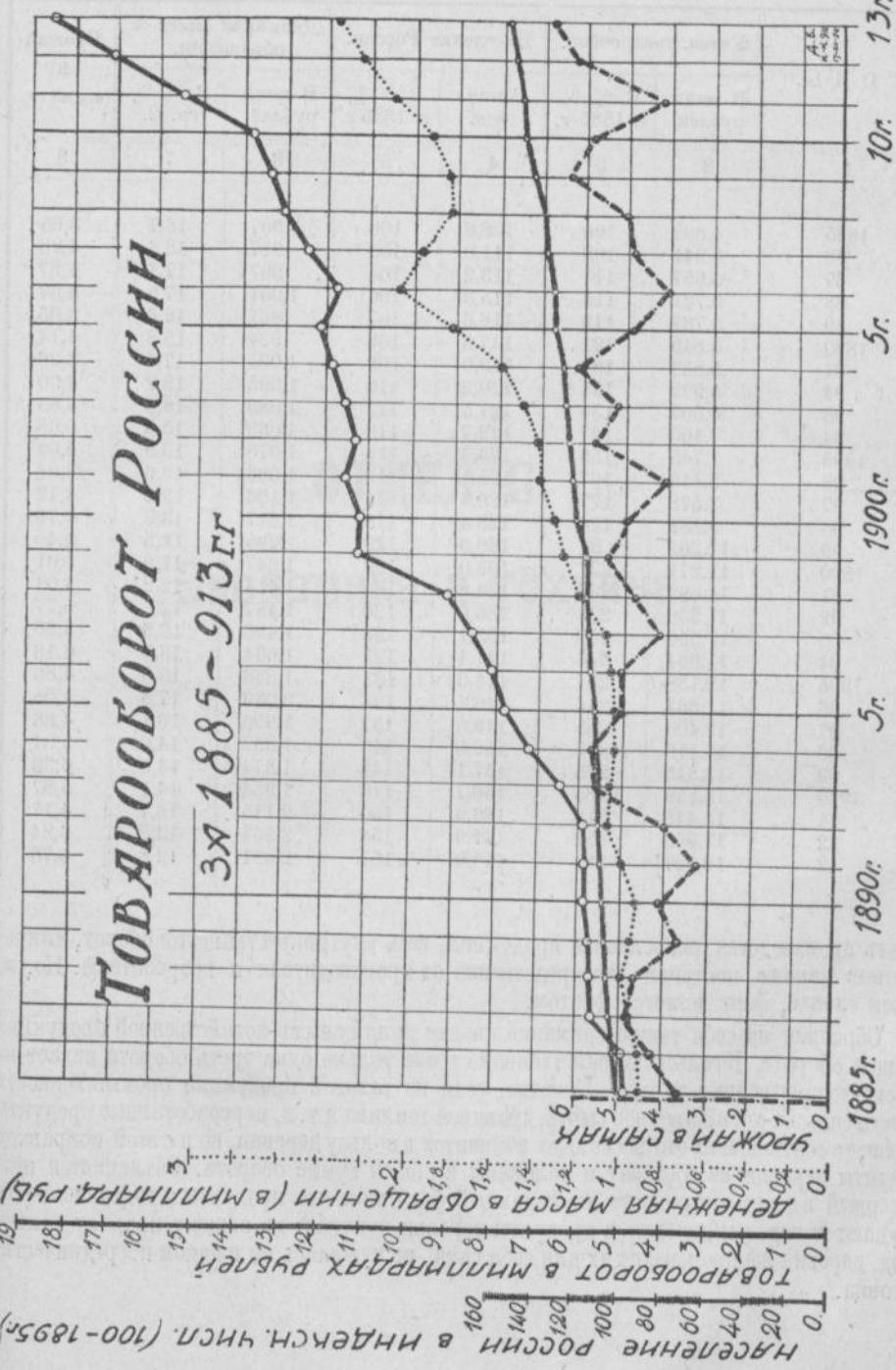
Денежная масса в обращении тоже несколько отстает в своем росте от оборота. Но без дополнительного анализа кредитных оборотов и их влияния на обращаемость рубля делать в этой области какие-либо заключения было бы пока преждевременно.

Интересно еще отметить следующий факт. Всего за 1913 г. поступило в оборот из промышленности 8.852 милл. рублей продукции, из сельского хозяйства примерно 4.466 милл. р., т.-е. раза в два меньше; через торговлю прошло из общего итога этой

¹⁾ Из акционерной промышленности по данным 1912 г. отошло 17,3% общего итога продукции, по неотчетным предприятиям 18,2, а в среднем, — по нашему исчислению, — около 17,6%.

²⁾ Без лесоводства, рыболовства и охоты; со включением этих статей пришлось бы названную цифру повысить до 4.938 милл. р. из 13.814 милл. р., что дает около 35,7% товарности сельского хозяйства.

продукции (13.318 милл. руб.) только 10.855 милл. руб., т.-е. 0,8 всей товарной доли валовой продукции страны. В общей сумме оборота в 24,2 миллиарда рублей каждый

товар поступал в продажу на круг всего 1,8 раза. Конечно, такой низкий коэффициент объясняется тем, что очень значительная доля продукции, например, большая часть

ТАБЛИЦА 13.

Динамика товарооборота России в связи с ростом населения, денежной массы в обращении и колебаниями урожайности.

Г О Д Ы .	Учен. товарообор.		Население России.		Денежная масса в обращении.		Урожай в «самах».
	В милл. рублей.	В % % к 1885 г.	Милл. душ.	В % % к 1885 г.	В милл. рублей.	В % % гр. 2.	
1	2	3	4	5	6	7	8
1885	4.862	100	108,8	100	907	18,7	3,65
86	4.941	102	111,0	102	917	18,6	4,28
87	5.657	117	113,2	104	967	17,1	4,87
88	5.721	118	115,3	106	1.001	17,5	4,67
89	5.787	119	116,6	107	961	16,6	3,65
1890	5.849	121	117,8	108	924	15,8	4,14
91	5.853	121	119,0	109	1.001	17,1	3,26
92	5.992	124	120,2	110	1.095	18,2	4,00
93	6.507	134	121,5	112	1.089	16,8	5,63
94	7.150	147	122,7	113	1.069	15,0	5,68
1895	7.745	159	123,9	114	1.078	13,9	5,04
96	8.116	167	125,1	115	1.096	13,6	5,04
97	8.578	177	126,4	116	1.106	12,8	4,12
98	9.132	188	128,4	118	1.217	13,3	4,76
99	11.261	231	130,3	119	1.295	11,5	5,40
1900	11.271	231	133,0	122	1.347	11,9	5,01
01	11.592	238	134,8	124	1.413	12,2	4,08
02	11.339	233	136,6	126	1.427	12,6	5,77
03	11.550	238	139,1	128	1.496	12,9	5,20
04	11.964	246	141,4	129	1.604	13,4	6,13
1905	12.188	251	144,0	133	1.833	15,0	4,86
06	11.864	244	146,4	134	2.089	17,5	4,05
07	12.408	255	149,0	137	1.990	16,1	4,88
08	13.110	270	152,5	140	1.832	14,0	5,04
09	13.345	275	157,1	144	1.874	14,0	6,33
1910	13.859	285	160,7	148	1.954	14,1	5,87
11	15.448	318	163,9	150	2.115	13,7	4,17
12	17.065	352	167,9	154	2.264	13,2	6,24
13	18.527	381	170,9	157	2.381	12,8	6,75

средств производства, ремесленная продукция, весь внутрикрестьянский оборот, минует торговые каналы, поступая непосредственно от производителя к потребителю. Но, во всяком случае, факт остается фактом.

Обращает на себя также внимание низкая доля сельско-хозяйственной продукции в общем обороте. В сельско-хозяйственной стране только одна треть оборота падает на сельско-хозяйственные товары. Конечно, если из валовой продукции промышленности вычесть сельско-хозяйственное сырье, дровяное топливо и т. п. переработанные продукты деревни, то соотношение это несколько изменится в пользу деревни, но и с этой поправкой продукты деревни не составят и половины в общей сумме оборота. Объясняется этот на первый взгляд совершенно неожиданный факт тем, что продукты промышленности покупают и город и деревня, а продукты деревни покупает по общему правилу только город, деревня же производит их для себя сама, не нуждаясь ни в каком посредничестве торговца.

ОТДЕЛ II

Экономика и техника.

Первая Всемирная конференция энергетики в Лондоне.

(Предисловие проф. А. А. Горева.)

Идея всемирной конференции по большим техническим вопросам находит широкое стражение в некоторых новых отраслях техники. Так в 1921 и 1923 годах Синдикат электротехнической промышленности Франции созывает в Париже конференцию по технике высоких напряжений; в 1924 году Британская Ассоциация электротехнической и связанных с ней отраслей промышленности созывает Всемирную конференцию по энергетике.

Главная задача таких конференций — освещение перспектив мирового рынка в отношении тех отраслей промышленности, которой занимается инициатор созыва конференции.

Местом созыва и инициативой еще не предрешается вопрос о том, кто использует результаты таких конференций. Американский рынок закрыт или почти закрыт для Европы; только немцы перед войной осмеливались проникать в Мексику и Южную Америку и отчасти Канаду, пользуясь исключительной дешевизной своего продукта; после войны объектом возможной конкуренции остается только Европа и ее колонии, изучение этих рынков конечно, удобно вести в европейских центрах — Париже и Лондоне. Поэтому американцы предпочитают ездить с этой целью в Европу, нежели принимать гостей у себя. Делегации С. Ш. С. А. на всех указанных конференциях были очень многочисленны, квалифицированы и не потеряли времени даром.

Вопросы энергетики давно уже интересовали быстро развивающиеся в промышленном отношении страны. Иногда еще до войны они становились предметом суждения высших законодательных учреждений различных стран. Колossalное развитие потребления наиболее ценных сортов топлива, при ограниченности его исследованных запасов, вызвали естественную тревогу за будущее.

Поэтому в Америке еще задолго до войны был во весь рост поставлен вопрос об использовании потенциальной гидравлической энергии; но крайняя медленность оборота основного капитала, вкладываемого в гидротехнические сооружения, мешала быстрому развитию строительства гидротехнических станций.

Военный период поставил этот вопрос во весь рост перед всеми странами мира; топливный кризис стал всеобщим; Франция с первых же месяцев войны лишилась возможности пользоваться северными громадными копями и стала объектом эксплуатации со стороны своих союзников, Англии и Америки. Вопросы экономии топлива, использования его малокалорийных сортов, использования гидравлической энергии, передача энергии в электрической форме по проводам были поставлены на очередь во всех странах, над которымими пронесся ураган топливного кризиса. Была сделана огромная техническая работа в этом направлении, давшая уже

практические результаты огромной ценности. Техника высоких напряжений дала 220.000 вольт; при этом напряжении радиус района выгодной электрической передачи достигает 500—800 километров при потере в 10—15 %. Паровая техника дает новую турбину с расходом пара около 4 к. г. на 1 квт.-час. Техника паровых станций вводит всевозможные способы экономии и утилизации тепла, благодаря чему общий коэффициент полезного действия современной станции (отношение электрической энергии и энергии топлива) превосходит 25 %.

Разрешается ряд вопросов об экономическом использовании малоакалорийных и плохогорящих сортов топлива; достигается весьма высокая степень в механизации работы электрических станций. Разрабатывается ряд вопросов строительства гидростанций, появляются новые водяные турбины, повышается коэффициент их полезного действия, их быстродействие, их мощность при данном напоре.

Электрическая энергия ведет по всему фронту борьбу с непосредственным применением топлива. Электролиз и электроплавка распространяются в металлургии, прочно подбираясь к основным ее пределам; сжигание азота воздуха в его кислороде создает новый источник азотистых продуктов, электрический разряд в воздухе светит, очищает воздух и воду и служит для извлечения из отходящих газов ценных промышленных продуктов; электродвигатель получает повсеместное распространение, прочно внедряясь даже в домашний обиход; он же заменяет все более и более паровое не только в пригородном, но и в магистральном движении. Дело доходит до того, что в некоторых производствах где нужен и пар и электричество, начинают применять электричество от гидравлических станций для получения пара.

Паровой котел, который мы привыкли считать необходимым элементом для производства электричества, становится его потребителем.

Подведение технических итогов по испытанным достижениям техники в вопросах энергетики и составило одну из задач конференции. Нижегородов Кукель-Краевский дает подробный обзор наших достижений.

Инициативу собирания этого обширного материала берет на себя на этот раз Англия. Огромное развитие ее металлической промышленности в военный период индустрии требовало выхода. Демобилизация этой промышленности должна была в широкой степени учитывать иностранные рынки. В конце 1923 г. крупнейшие заводы Англии были загружены далеко не полно, без аботица приняла угрожающий характер, давя на выборы; заказы принимались на условиях расочки платежа на 5 лет; жестокая конкуренция с Америкой, которая каждый день кричала о своей промышленной гегемонии и через Францию подготовляла себе европейский и колониальные рынки, становилась на очередь.

При таких условиях, англичане решили собрать и систематизировать обширный материал по энергетике (каковая отрасль техники должна получить в ближайшие годы наиболее быстрое развитие) в своих руках и создать для этой цели эту конференцию. Она должна была явиться первым шагом на пути планового подхода к завоеванию и организации мирового рынка сбыта для ее металлической и электротехнической промышленности.

На организацию конференции было потрачено много сил и времени; собран весьма интересный и обширный материал; неофициальная часть конференции, на которую съехалось до 2.000 специалистов, должна была сыграть огромную роль в отношении завязывания деловых связей, конкретного выяснения ближайших объектов работы, взаимной информации по конкретным вопросам. Место конференции,—наличие под рукой Всебри-

танской выставки, для демонстрации на коей своих достижений английская промышленность не пожалела средств, возможность формить дело, не теряя времени,—дали англичанам в этой части несомненное преимущество перед их конкурентами.

Официальная часть конференции имела, несомненно, политические задания: английские колонии выступали на ней как равноправные группы, наряду с делегациями суверенных наций, что, несомненно, питало иллюзию их независимости; особенно восторженно встречались выступления, говорившие об общности интересов и задач техники в области энергетики, что подогревало интернационалистические иллюзии в духе Лиги Наций; декларативная резолюция, говорившая об «увеличении индивидуального благосостояния всех» на почве «развития национальных энергетических ресурсов и введения наиболее экономных способов распределения и утилизации энергии», умалчивая о политических предпосылках, необходимых для того, чтобы первое положение этой резолюции вытекало из второго, могла объединить самые разнообразные политические точки зрения.

Деловая дискуссия докладов, благодаря их многочисленности и ограниченности времени, естественно, получалась крайне сжатой; самые доклады носили характер краткого перечня разработанных в письменных материалах положений.

Следует отметить, что русские доклады, представленные в письменной форме на конференцию, получили весьма высокую квалификацию; по полноте и сработанности данных они были отнесены в первую группу, наряду с докладами только трех других стран. Работа ГОЭЛРО нашла, таким образом, себе международную оценку.

Наша делегация участвовала как в пленарных, так и в секционных заседаниях конференции, дав в начале общий обзор производившихся в СССР работ по электрификации и выяснив в заключительном заседании роль электрификации в хозяйственной политике Союза. Наши выступления встречались одобрением присутствовавших, несмотря на некоторое несовершенство нашего английского языка. Оживленные прения вызвал доклад проф. Л. К. Рамзина о наших энергетических ресурсах, представленный на самую конференцию. Как правило, прения, однако, не развертывались как благодаря отсутствию времени, так и тому, что материал в печатной форме не был разослан участникам заранее, а раздавался на самой конференции.

Для нас, пожалуй, наиболее важным результатом конференции была возможность поверки в свете международных технических достижений тех принципов, которые были нами положены в основу плана электрификации. Как вышеприведенная квалификация наших докладов, так и совокупность иностранных докладов и прений, в которых обсуждались аналогичные вопросы, привела нас к заключению, что не только общие линии, но и конкретные решения технико-экономических вопросов, входивших в круг работ ГОЭЛРО и ее продолжателей, решены правильно и согласованы с тем направлением, по которому направляется электрификация других стран.

* * *

Первая Всемирная конференция энергетики, организованная «Британской Ассоциацией фабрикантов электротехнической и связанных с нею отраслей промышленности» (The British Electri-

cal and Allied Manufacturers Association), совместно с научными и техническими организациями Англии, заседала в Лондоне на территории Всеобщей выставки с 30 июня по 14 июля 1924 года.

Цель конференции, как ее формулировали организаторы, заключалась в обсуждении путей планомерного и рационального использования энергетических ресурсов в национальном и мировом масштабе.

Для этого конференции ставились следующие задачи:

- 1) выявить энергетические ресурсы каждой страны;
- 2) сравнить достижения и пути развития всех областей народного хозяйства, связанных с потреблением энергии;
- 3) организовать совещания инженеров и научных деятелей по вопросам энергетики, а также взаимной информации и консультации потребителей энергии и производителей орудий для ее выработки;
- 4) обсуждение в национальном и мировом масштабе финансовых и экономических перспектив промышленности;
- 5) сравнение применяемых разными странами методов технического образования;
- 6) обсуждение возможности организовать постоянное бюро для учета мировых энергетических ресурсов и обмена технической и научной информацией между различными странами по вопросам энергетики.

Организационное бюро, во главе с Д. Н. Денlop (D. N. Dunlop), разослало в конце 1923 года приглашения всем странам принять участие в работах конференции, для чего организовать национальный энергетический комитет в каждой стране и от его имени прислать заблаговременно доклады на темы, имеющие отношение к цели и задачам конференции. Эти доклады ко времени открытия конференции были отпечатаны и снабжены краткими резюме. Официальными языками были приняты английский и французский, при чем, если доклад был написан на одном из этих языков, то резюме обязательно писалось на другом.

В конференции приняло участие 39 стран, приславших 323 доклада. Последние были разданы официальным делегатам на конференции и продавались членам конференции, не состоявшим в числе официальных делегатов.

Изданные ко времени заседания конференции на правах рукописи, эти доклады вместе с протоколами заседаний конференции в конце декабря выйдут в свет в четырех томах, размером приблизительно в 6.500 страниц.

Национальный комитет в СССР, возглавляемый тов. Г. М. Крижановским, послал на конференцию восемь докладов и официальную делегацию из 6 членов, под председательством проф. А. А. Горева.

Работы конференции руководились исполнительным комитетом из председателей делегаций, которым были разработаны нижеуказанные резолюции и постановления конференции, принятые единогласно на заключительном пленарном заседании.

Доклады зачитывались на конференции в следующих 14-ти секциях:

1. Национальный обзор энергетических ресурсов (55 докл. от 31 стран).
2. Передача и распределение энергии (48 докладов от 16 стран).
3. Использование гидроресурсов (42 доклада от 15 стран).
4. Применение энергии для транспорта (33 доклада от 9 стран).
5. Общие вопросы: научно-технические исследования, техническое образование, стандартизация, психотехника, профессиональная гигиена и др. (28 докладов от 10 стран).
6. Производство пара (24 доклада от 8 стран).

7. Применение электрической энергии в промышленности (21 доклад от 11 стран).

8. Экономические, финансовые и правовые вопросы (20 докладов от 8 стран).

9. Переработка топлива (19 докладов от 7 стран).

10. Применение энергии в электрохимии и электрометаллургии (9 докладов от 7 стран).

11. Двигатели внутреннего сгорания (9 докладов от 5 стран).

12. Газ и топливо (6 докладов от Англии).

13. Другие источники энергии кроме угля и воды (5 докладов от 3 стран).

14. Вопросы освещения (4 доклада от 2 стран).

В большинстве секций количество докладов было так велико, что, несмотря на то, что по каждому из них зачитывались лишь краткие резюме и время ораторов было ограничено пятью минутами, не было никакой возможности их продискутировать. Таким образом работы секций не прибавили ничего существенного к тому обширному и ценному материалу, который был собран со всего мира к началу конференции.

После официального закрытия конференции были организованы несколько экскурсий для делегатов. Один из дней во время конференции был посвящен памяти Кельвина по случаю столетия со дня его рождения.

Конференция приняла резолюцию чисто декларативного характера¹⁾ о важности развития и экономичного использования энергетических ресурсов и приняла ряд постановлений организационного характера. Этими постановлениями предложено национальным энергетическим комитетам стран, участвовавшим в конференции, назначить по одному представителю в постоянный Международный Энергетический Комитет, который должен быть образован через шесть месяцев после закрытия конференции. Комитет должен разработать план своей деятельности и наметить время и место открытия второй всемирной конференции энергетики. Признано желательным созывать следующие конференции по возможности, в разных странах.

Надо отметить, что в составе участников конференции было много крупнейших работников в разных областях энергетики, пользующихся мировой известностью. Персональное общение между ними уже само по себе должно быть отнесено к числу достижений конференции, результаты которой могут быть в важнейшем сведены к следующим:

1) собран необычайно ценный информационный материал со всего мира, который подлежит внимательному изучению и систематизации в будущем;

2) заложен фундамент международной организации технических сил для урегулирования дальнейшего хода развития техники, базирующейся на рациональном использовании энергетических ресурсов и для постоянного уточнения и исправления учета этих ресурсов во всем мире.

Судя по содержанию доклада, речей на конференции и ходу обсуждения в секциях, где они происходили, участники конференции придавали в общем работам ее более широкое значение, чем простая техническая информация: проявлялся больший интерес к экономическим вопросам,

¹⁾ «Конференция считает, что настоятельнейшей потребностью мира является увеличение производства ценностей и промышленной активности народов при условии умножения индивидуального благосостояния всех. Это может быть достигнуто в наибольшей степени путем более полного развития национальных энергетических ресурсов и введения наиболее экономичных способов распределения и утилизации энергии».

связанным с утилизацией энергетических ресурсов, чем к чисто техническим. Это особенно подчеркивается в нижеприводимых отзывах о работах конференции со стороны органа, обслуживавшего инициаторов созыва конференции—«Британскую Ассоциацию фабрикантов электротехнической и других связанных с нею отраслей промышленности» и американского журнала «Electrical World», отражающего точку зрения весьма многочисленной американской делегации.

Английский журнал¹⁾, в статье, посвященной экономическому и финансовому значению конференции, пишет:

«Всемирная конференция энергетики выявила ясно, как ни одна другая, ту истину, что техника и экономика связаны самым тесным образом.

Интересно обсуждать работу конференции с трех точек зрения: знакомства с энергетическими ресурсами, которое должно будет направлять пути деятельности промышленника, изучения средств, при помощи которых можно использовать это знание через соответствующую финансовую политику, обзора тенденций к утилизации энергетических ресурсов в разных странах и той политики в этом отношении, которой в этих странах сознательно или бессознательно придерживаются...

Обсуждение способов, при помощи которых некоторые страны надеются исцелить свою экономику и промышленность, очень важно для Британии, так как она теперь вплотную столкнулась с проблемой: либо реорганизовать свою промышленность, либо разориться...

Доклады Венгрии, Австрии, Польши, России и Юго-Славии освещают те усилия, которые были сделаны в этих странах для излечения ран, нанесенных им войной, эти доклады являются лучшей, из до сих пор опубликованных, информацией об экономических условиях, в которых находятся эти страны».

Далее автор статьи подробно излагает вышеизложенные доклады и объясняет читателям, почему он в своем обзоре остановился именно на отсталых странах, а не на тех, которые могли на конференции блеснуть отчетами о больших достижениях в области утилизации энергии.

«В центральной и особенно в восточной Европе ждут эксплуатации огромные энергетические зоны, и там находится новое поле для эмиграции из перенаселенных промышленных стран. Экономическая задача Европы—поднять слабо развитые страны на один уровень с более развитыми».

Американский журнал²⁾ оценивает значение конференции в следующих словах:

«Данные, собранные конференцией, имеют не только технический и академический интерес. Нет сомнения в том, что в будущем сильным, если не решающим фактором самостоятельности и моци стран явятся их энергетические ресурсы. Экономические и в особенности социальные взаимоотношения стран находятся под влиянием соотношения их энергетических ресурсов с ресурсами соседних с ними стран. От этого будут в значительной степени зависеть политические группировки. Энергетика, вероятно, явится одним из главных факторов, которые повлекут за собою образование Соединенных Штатов Европы.

Одним из главных результатов конференции нужно считать выявление важного значения энергетики. Для самой же энергетической промышленности представляет исключительный интерес тщательное изучение собранных конференцией материалов».

Конечно, каждый из участников конференции может использовать

¹⁾ «World Power»—August 1924.

²⁾ «Electrical World».

ставший ему известным материал по-своему, но для нас, несомненно, представляет интерес и то использование этого материала, которое будет сделано в таких странах, как Англия и Америка. И вышеупомянутые заключения лишний раз доказывают, насколько необходимо нам в СССР серезно относиться к задаче планомерного развития наших энергетических ресурсов, а в этом отношении нам может очень помочь тщательное изучение того, что делают страны с более развитой техникой и промышленностью, чем мы.

Тщательное изучение трудов конференции для нас, конечно, не менее важно, чем для английских и американских промышленников. Эти труды прежде всего показывают, что значение электрификации, положенной нами по гениальному замыслу В. И. Ленина в основу развития всего народного хозяйства, практически оценивается столь же высоко и во всех других странах. Кроме того, конференция вообще проходила под знаком электрификации и потому, приступая к обзору ее трудов, представляется особо интересным посмотреть, что о ней можно узнать из многочисленных докладов.

Многие страны уже осуществили электрификацию в размерах, далеко превосходящих намеченные для СССР нашим планом ГОЭЛРО. Многие страны находятся на всех промежуточных стадиях. Многие основные вопросы экономики и политики электрификации освещаются с различных сторон в различных странах и разрешаются различно. Таким образом мы, находящиеся теперь еще в самом начале пути, можем на опыте других стран проверить правильность наших основных предпосылок, увидеть экономические результаты тех или иных мероприятий и научиться, как избежать тех ошибок, которые возможны в таком большом деле при отсутствии опыта.

Краткий обзор работ конференции, непосредственно связанных с вопросами электрификации.

I.

Прежде всего, представляет интерес узнать, чего ждут от электрификации представители различных стран, почему мы приведем несколько характерных отзывов:

Член английского парламента Хорн (R. Horn), председательствовавший в экономической секции конференции, в своей вступительной речи высказал следующие мысли:

«Общеизвестно, что в результате войны Европа оказалась в очень тяжелом положении. Огромные ценности были уничтожены, исчерпывая накопления прежних лет, и даже вне Европы много стран обеднело.

Интересно сравнить положение мира теперь с тем, которое создалось после наполеоновских войн.

Раны, нанесенные наполеоновскими войнами, были залечены развитием добычи каменного угля, использованием пара и механизацией производства, чем не только были восстановлены потери военного периода, но и положено начало быстрому прогрессу мирового хозяйства.

Где надо нам сегодня искать путей спасения мира от разрушений?

Единственное практическое разрешение проблемы заключается в развитии применения электрической энергии. Европа и весь мир имеют такие энергетические ресурсы, которые, будучи целесообразно утилизированы, могли бы вернуть былое благосостояние нашему цивилизованному обществу. Англия, например, имеет большие запасы угля, которые в настоящее время очень дурно используются. Если бы добываемый уголь по какому-нибудь технически разумному плану превращался в электрическую энергию,

могло бы извлечь из него в три раза больше энергии, чем получается из него при нынешних условиях».

Из последних слов видно, что ожидает от электрификации страны английский представитель. Еще определенное значение электрификации подчеркивается в английском докладе (№ 366) на тему «Экономика мировой энергетики». — «Социальная жизнь ощущается может быть оценена в единицах энергии. Социальные усовершенствования будут достигаться увеличением использования электричества. Статистические данные показывают, что проблема охранения энергетических ресурсов тесно связана с электрификацией. Природные богатства нации могут быть экономично использованы только при широком применении электрической энергии».

Представитель Японии, доктор Като, на заседании конференции сказал:

«Невозможно устраниТЬ конкуренцию между странами, пока одна страна зависит от другой в удовлетворении своих насущных потребностей. Единственный выход для страны, находящейся в такой экономической зависимости,— в более интенсивном развитии энергии».

Если перейти от обобщений философского характера, вроде вышеизложенных, к тому, какие конкретные задачи побуждают все страны широко развертывать электрификационные работы, нам представится по докладам на конференции следующая картина:

Швейцария, Норвегия, Швеция и Италия путем рациональной электрификации всей страны, используя свою гидроэнергию, избавляются от импорта иностранного угля. Эта необходимость эмансирироваться от ввоза топлива была особенно ощущительна во время мировой войны, и естественно, что именно во время войны началось гигантское развитие строительства гидростанций и высоковольтных сетей в этих странах.

На тот же путь встала обездоленная мирным договором Австрия. Планомерно развивая гидроэлектрические станции и соединяя их со станциями, работающими на низкосортных углях, Австрия понизит по выполнению начатого плана импорт угля с 8,7 милл. тонн в год до 2,5. Станции, уже находящиеся в Австрии в постройке понизят импорт на 1 милл. тонн в год и дадут экономию на 2 милл. фунтов стерлингов в год (австрийский доклад № 2).

Швейцария и Норвегия сделали гидроэнергию предметом экспорта в соседние страны.

Дания электрификация не спасет от импорта энергии, так как у нее нет энергетических ресурсов внутри страны. Но Дания предпочитает ввозить электрическую энергию из Норвегии вместо угля из Англии. Разрабатывается соответствующий проект и, как указал докладчик на конференции (датский доклад № 204), разрешение этой грандиозной технической проблемы ускорилось под влиянием заминки в подвозе угля во время крупных забастовок английских углекопов.

Венгрия, которая после войны лишилась большей части своих энергетических ресурсов (гидроэлектрических осталось лишь 6% дооцененных) и сохранила небольшие запасы и то лишь в виде залежей малокалорийных углей и торфа, которых хватит при спешнем положении на 50—60 лет, вид, для себя единственный выход в планомерной электрификации страны. План электрификации Венгрии, судя по соответствующему докладу, базируется буквально на тех же хозяйственных положениях, на которых основан наш план ГОЭЛРО, и мотивируется почти в тех же выражениях. План предусматривает покрытие всей потребности страны от пяти мощных районных централей, соединенных между собою высоковольт-

ными магистралями, и полную электрификацию всех отраслей хозяйства, что должно отсрочить исчерпание собственных ресурсов на двойной или более срок. Венгерский расчет предусматривает экономию в топливе от электрификации железных дорог, паровых мельниц, водоснабжения и ирригации на 60%, промышленности и сельского хозяйства на 70% и горного дела на 50% (доклад № 60).

Английские доминионы, Канада, Австралия, Южная Африка, Новая Зеландия, а также Нидерландская Индия очень интенсивно выполняют план полной электрификации страны, и докладчики этих стран отмечают, что электрификация колоний не только увеличит благосостояние теперешних обитателей, но даст возможность значительно усилить колонизацию. Таким образом электрифициатор в этих странах становится колонизатором наряду с прежними патентованными колонизаторами: купцом и миссионером.

Более узкая цель электрификации указана во французском докладе № 58. Проводится план электрификации разрушенных областей северной Франции, что входит в программу восстановления страны и ее промышленности. В 1923 году в северной Франции потреблялось 1 миллиард киловатт-часов в год, из них половина шла на каменноугольную промышленность, которая полностью электрифицируется. Доклад отмечает, что электрификация каменноугольных шахт уменьшит стоимость угля на 2—5%. Расход энергии на тонну добываемого угля считается от 11 до 15 квт. До войны, при неполной даже механизации добычи, тратилось на добывавшую тонну 50 килограмм угля. Теперь из этого количества угля, сжигаемого на центральной электрической станции, получается электрическая энергия, достаточная для добычи 2,5 до 3 тонн.

II.

Рассмотрим теперь, какие принципы положены в основу разработки планов электрификации. Эти принципы признаются почти всеми докладами:

- 1) концентрация производства энергии на крупных станциях и
- 2) объединение станций высоковольтными электропередачами для совместной работы на более или менее обширные территории, охватывающей определенный энергетический район, а во многих случаях даже всю страну (Швейцария, Италия, Швеция, Норвегия, Япония и др.).

Концентрация производства энергии на крупных станциях идет параллельно с развитием техники турбостроения, стремящегося к увеличению мощности в одной единице, при чем одновременно значительно увеличивается коэффициент полезного действия как самой турбины, так и всей установки.

В отношении укрупнения как единиц, так и станций, впереди всех идет Северная Америка. В С. Ш. С. А. строится станция в 700.000 киловатт, в Канаде в 600.000 киловатт. Мощность генераторной единицы как паровой, так и гидроэлектрический 50—60 тысяч киловатт.

Интересно проследить по американским докладам (№№ 46 и 378) процесс укрупнения за последние 20 лет и его экономические результаты.

С 1902 по 1923 годы средняя мощность частных станций общественного пользования в С. Ш. С. А. увеличилась на 745%, муниципальных на 154%, средняя годовая выработка энергии на частных станциях увеличилась на 1150%, на муниципальных на 207%. Следовательно, коэффициент использования установленной мощности увеличился за это время на частных станциях в 1,54 раза, на муниципальных в 1,34 раза. Термический коэффициент полезного действия крупнейших станций за эти 20 лет увеличился с 9,2% до 19% и в недалеком будущем дойдет до 26,6%.

Приводим из американского доклада № 378 таблицу, характеризующую технический прогресс турбостроения в С. Ш. С. А.:

Работавш. установки.	Год.	Тип единиц.	Давление пара.	Температ. кал/тон.	Кол. 7.000	Терм. к.п. на 1 квт.	Терм. к.п. действия д. всей турбин. установки.
						в к. г.	в к. г.
	1903	5.000 квт. вертик. турбина . . .	12	192	1,34	14,5%	9,2%
	1914	20.000 квт. горизонт. турбина . . .	3,5	310	0,795	23,6%	15,5%
	1923	30.000 до 35.000 квт. горизонт. турбина, средние результаты из практики	16	330	0,72	25,6%	17,1%
	1923	На наиболее крупных станциях 30.000 до 45.000 квт. турбина	16—17	330—344	0,65	27,2%	19,0%
Строившись.	1924	От 30.000 до 50.000 с отъемом пара для подогрева питат. воды, но без подогрева пара между ступенями	25,5	372	0,57	30,5%	21,7%
	1924	35.000 до 60.000 тоже, но с подогревом пара между ступенями	37,5	385	0,52	33,4%	23,6%
Проект.	1924	100.000 квт. подогрев пара между ступенями один раз	37,5	385	0,51	33,8%	24,1%
		То же, по подогрев пары между ступенями дважды	82	385	0,465	38,0%	26,6%
		Использование ртутных шаров	—	—	—	44,0%	34,0%

В германском докладе № 247 известный профессор Клингенберг привел расчет современной паровой станции мощностью 200.000 киловатт, калорию он считает типичной для современных комбинатов объединенных станций. Оборудование станции—4 турбогенератора по 50.000 квт., при 1.500 оборотах в минуту, допускающие получасовую перегрузку до 62.500 квт. Турбины работают с давлением пара 35 атм. в цилиндрах высокого давления, 15—в цилиндрах среднего давления и 2 атм.—в 2 параллельно работающих цилиндрах низкого давления. Котельная имеет 12 котлов с нагревательной поверхностью 2.000 кв. м. каждый, работают на пылевидном топливе. Температура пара 425 С, давление 35—37 атм. Термический к. п. д. станции 25,7%.

Станции мощностью свыше 100.000 к. в. встречаются почти во всех странах с развитым электроснабжением, особенно среди строящихся.

Особенно яркий пример невыгодности несближения вышеуказанных основных принципов концентрации выработки и объединения станций, работающих в одном районе, приведен в английском докладе, описывающем электроснабжение Лондона. Автор сравнивает электроснабжение Лондона и Чикаго, принимая во внимание, что в обоих городах электрические станции работают на угле примерно одинакового качества и одинаковой стоимости.

Лондон с окрестностями имеет население около $8\frac{1}{4}$ миллионов и обслуживается 77 электрическими станциями, питающими 50 самостоятельных сетей, имеется 24 различных вольтажа и 6 различных частот. Собственно Лондон с населением около $4\frac{1}{2}$ миллионов обслуживается 32 обществами электроснабжения, из коих 16 муниципальных и 16 частных. В Чикаго

население 2.700.000 обслуживается на 75% одной компанией, имеющей 8 объединенных станций. Число абонентов в Лондоне 237.000, в Чикаго—650.000. Годовая выработка в Лондоне 567 миллионов киловатт-часов, в Чикаго—у вышеназванной компании 2.250 миллионов киловатт-часов (1922 г.), при значительно меньшем населении. На лондонских 77 станциях расход угля в среднем 1,68 килограмм на киловатт-час, на американских станциях—0,85. Средний тариф в Лондоне на 32 станции собственно города 11 коп. (освещение 20), в Чикаго 4,4 (освещение 12). Использование установленной мощности в Лондоне—1.430 часов, в Чикаго—3.300 часов. Столь нелепое с современной точки зрения электроснабжение Лондона влечет за собою чрезмерно большое вложение капитала. На установленный киловатт в Лондонские электрические станции вложено 72 английских фунта, в Чикаго 42. Этот капитал ложится на киловатт-час годовой продукции в Лондоне 50 копейками, в Чикаго—6. Из приведенных цифр ясна причина чрезмерно высокого тарифа в Лондоне. Но, несмотря на столь большую разницу в тарифе, которая в Лондоне препятствует развитию электроснабжения, средняя прибыль обществ на вложенный капитал в Лондоне ниже чем в Чикаго, а именно 5,36% против 6,55%. Как уже отмечено выше, этот пример показывает не только невыгоду мелких станций, но и невыгоду существования самостоятельных сетей в одном районе.

Во многих докладах, представленных на конференции, подчеркивается, что в области электроснабжения конкуренция невыгодна в конечном счете для хозяйства страны, так как влечет за собою чрезмерное вложение капитала, ложащееся тяжелым бременем на потребителя, который должен оплачивать проценты на этот капитал.

О выгоде объединения станций больше всего пишут американцы, и этот вопрос хорошо освещается в ряде докладов общего содержания и в докладах, касающихся отдельных крупных энергетических районов страны.

В С. Ш. С. А., пишет автор доклада № 372 («Политика правительства относительно выработки, развития и распределения энергии»), около 6.000 самостоятельных станций электрических систем и менее 10% из них соединены между собою. Надо создать общую сеть, тогда можно использовать полностью сезонную энергию гидроэлектрических станций, удешевить энергию за счет лучшего использования существующих станций и меньшей затраты капитала на новые сооружения, так как нужно будет иметь меньше резерва. Централизация электроснабжения дает возможность децентрализовать промышленность, которая теперь прикована к местам добычи или удобного подвоза топлива. Скорейшее осуществление задачи имеет глубокий общественный интерес. Техническая часть дела не представляет затруднений. Трудна финансовая, административная и правовая сторона. Однако, все равно, нужно вкладывать в развитие электроснабжения большие капиталы, так как потребная мощность удваивается каждые 5 лет. Капитал будет вложен, если он будет достаточно обеспечен».

Очень обстоятельный доклад (№ 246) Муррея, под заглавием Суперпауэр (сверхмощная система), специально посвящен вопросу об экономическом значении объединения станций.

Автор прежде всего отмечает экономию, которая получается вследствие разновременности максимума (диверзити) отдельных соединяемых станций, и применяет термин «диверзити и экономия» для сбережения получаемого при соединении между собою генерирующих станций, максимальная нагрузка которых достигается в различное время и от распределения нагрузки между станциями с различной себестоимостью выработанного киловатт-часа, таким путем, чтобы была возможность продавать энергию

объединения по минимальной цене. Полное использование разновременности (диверзити) уменьшает требуемый резерв генераторов, уменьшается таким образом до минимума вложенный капитал и потому постоянная часть тарифа уменьшается. Переменная часть уменьшается тоже выбором для объединения лишь таких станций, которые могут снабжать энергией центры нагрузок по минимальной стоимости.

Сказанное автор иллюстрирует двумя примерами, которые приводим в изложении подлинника с некоторыми сокращениями:

Первый пример. В одном районе подсчитана экономия от соединения между собою 6-ти крупнейших предприятий по электроснабжению. От соединения их получается «диверзити-экономи» на 100.000 киловатт, которые теперь нельзя использовать. Это уменьшает капитал, потребный для расширения на 10 миллионов долларов. Отсюда видно влияние «диверзити-экономи» на вложение капитала. Гидроэлектрические станции комбината смогут при объединении выработать на 250 миллионов киловатт-часов в год больше, чем до соединения. Капитализируя сбережение из 12,5%, получаем 7 миллионов долларов в экономии. Отсюда видно влияние диверзити на эксплоатационные расходы. Сложив обе цифры, получим экономию 17 миллионов долларов, что много выше стоимости выполнения предполагаемого объединения.

Другой пример представляет проект автора организовать сверхмощное объединение станций в районе Бостон—Вашингтон. Объединение своими сетями охватит территорию около 150.000 кв. километров, с населением 25-миллионным. Протяжение территории в длину около 700 километров, в ширину около 200. В рассматриваемом районе имеется 550 электрических станций. В 1919 году эта зона потребляла 11 миллиардов киловатт-часов при суммарной мощности станций $4\frac{1}{2}$ миллиона киловатт.

Автор приоравливает свой расчет к 1930 году, когда вышеуказанные цифры при теперешнем темпе прироста увеличатся соответственно до 30 миллиардов и 10 миллионов. Располагая мощные высокоэкономичные паровые и гидроэлектрические станции в стратегических пунктах по топливу и воде и соединяя их все для совместного питания центров нагрузки, получим для 1930 года экономию в потреблении топлива в сравнении с условиями 1919 года на 50 миллионов тонн угля, что даст экономию станциям общественного пользования 234 миллиона долларов, промышленности—190 миллионов, железным дорогам—84 миллиона, а всего—504 миллиона долларов. В изванном районе в 1919 году 70% энергии, потребляемой районом, вырабатывалось только на $\frac{1}{3}$ установленной мощности станций, а 30% из остальных.

Автор однако предупреждает, что было бы ошибкой ожидать от применения принципа суперпауэр значительного изменения стоимости электрической энергии для потребителя, или значительного уменьшения стоимости вырабатываемых в районе фабрично-заводских изделий. Объединение станций, уменьшая стоимость энергии на шинах станций, понижает, к сожалению, лишь меньшее слагаемое тарифа, так как энергия, пройдя по кабелям и трансформаторам к потребителю, обычно становится много дороже, чем на шинах станции (приводится пример для осветительной энергии в городе, где стоимость на шинах станции 1 цент, а у потребителя 7 центов,—это, конечно, крайний случай). Кроме того, автор отмечает, что и вообще стоимость электрической энергии в среднем составляет лишь 5% стоимости изделий, вырабатываемых на электрифицированных фабриках. Таким образом промышленность, по словам автора, мало заинтересована в удешевлении энергии. Но она очень заинтересована в том, чтобы электрическая станция могла беспрепятственно покрыть в любое время расширение

потребности в энергии, а это дешевле всего достигается путем объединения станций по принципу суперпауэр.

Не безынтересно указать здесь для сравнения и наш пример московского объединения станций, в настоящее время, конечно, еще далеко не доделанное до того масштаба, который рисуется американским автором суперпауэр-систем и пока выполнено лишь частично. Но уже в 1923/24 году статистика показывает, что сумма максимумов отдельных станций, вследствие их разновременности, примерно, на 10% больше, чем фактический максимум в объединенной сети. Таким образом мы в истекшем году уже съэкономили одну генераторную единицу в 8.000 киловатт, которая была бы необходима для покрытия потребности, если бы Московские станции не были соединены электропередачами между собой.

Кроме доклада Муррея, в ряде других американских докладов можно найти много интересных примеров увеличения коэффициента использования в результате объединения сетей со значительным коэффициентом разновременности (диверзити-фактором). В докладе № 48 замечается, что в штате Иллинойс соединение между собой сетей района, из которых часть с нагрузкой от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ полной имела коэффициент использования максимума только от 10 до 35%, дало общий коэффициент использования объединенной сети в 48—50%.

В докладе № 49 приводятся примеры результатов объединения пяти крупных групп станций, давших после объединения коэффициент использования максимума от 44 до 68%, а в среднем для пяти групп 54%.

В докладе № 47 отмечается, что в Нью-Йорке после объединения станций и сетей коэффициент нагрузки увеличился с 18 до 39%, а если объединить эту сеть с Ниагарской, можно будет получить даже 80%.

Многие докладчики подчеркивают выгодность присоединения к городской сети районов вне города, даже сельско-хозяйственных, так как между этими сетями всегда имеется значительный коэффициент разновременности.

Вопрос объединения станций имеет большое значение и для Швеции. У неё энергетические ресурсы юга уже почти использованы, а на севере имеется много более мощные гидроэлектрические ресурсы. План электрификации Швеции предусматривает питание южной части страны гидроэнергией северной части (доклад № 238). Попутно, шведский докладчик приводит интересный случай, когда транзит энергии в направлении противоположном местному потоку энергии уменьшил потери в линии. Докладчик отмечает, что тенденция к объединению шведских станций все растет.

Итальянский доклад (№ 226) показывает, что в Италии практически объединены уже станции почти всей страны, при чем продолжают выполняться и проектируются еще более тесные объединения существующих станций. В другом итальянском докладе (№ 288) уже обсуждается вопрос о пределах экономичности и целесообразности объединения. Отмечается затруднение в регулировании вольтажа. В данном докладе следующими простыми словами формулируется основной принцип объединения: «Увеличение максимума экономичности объединения в целом».

Как видно из итальянских докладов, в этой стране не останавливаются перед объединениями даже станций, имеющих различную частоту. Считается выгодным устанавливать преобразователи частот. То же самое делается иногда и в Швеции и в Японии, в которой идея объединения станций тоже очень популярна.

В Швейцарии, Южной Африке, даже в Нидерландской Индии объединение станций проводится в широком

масштабе. План электрификации Голландии (доклад № 225) целиком базируется на объединении уже существующих станций с уменьшением числа их.

Испанский доклад (№ 235) и французский оценивают выгоды объединения не столь восторженно как другие, но этот диссонанс, как мы сейчас увидим, не противоречит выводу, что принцип объединения станций является основным в современной стадии электрификации всего мира.

Испанский докладчик отмечает, что бывают случаи, когда объединение оказывается при детальном анализе нерентабельным. Но это как раз такие случаи, когда между отдельными сетями нет разновременности.

Французский докладчик отмечает, что простого объединения различных категорий потребителей в общую сеть недостаточно для получения хорошего коэффициента нагрузки, и что надо, кроме того, путем тарификации добиваться заполнения провалов графика и усиливать ночную нагрузку. Мы ниже увидим, как эта задача решается в различных странах и какие большие результаты в этом направлении уже достигнуты.

III.

Вышеуказанные два основных принципа современной электрификационной техники, как известно, легли в основу нашего плана ГОЭЛРО. Но, кроме того, в нашем плане выдвинут принцип использования для электрических станций малоценного топлива. Этот принцип выдвигается многими докладами даже тех стран, которые имеют богатые энергетические ресурсы, не говоря уже о странах, как Венгрия, где все энергетические ресурсы заключаются почти исключительно в малоценном топливе.

Из 5-ти районных станций, существующих, по плану электрификации Венгрии, снабжать энергией всю страну в размере 2 миллиарда киловатт-часов в год,—одна угольная, остальные 4 на низкосортном топливе (одна торфяная, три на малокалорийных углях).

Во многих докладах, говорящих об электрических станциях в районе каменноугольной промышленности, отмечается стремление сжигать под коглами станции мелочь и худшие сорта, не выдерживающие перевозки.

В Южной Африке правительственный комитет строит станцию на 150.000 квт. для использования штыба с каменноугольных копей, который закуплен на 20 лет вперед по твердой цене около 1 копейки за пуд. Эта станция соединена сверхмощной сетью с другими крупными станциями мощностью 350.000 киловатт, так что объединение имеет мощность 500.000 киловатт. Цена энергии на указанной станции около 1 копейки киловатт-час (доклад № 45).

Бурый уголь широко применяется на электрических станциях Германии.

О торфе, как топливе для электрических станций, писалось мало. Кроме русского доклада профессора Макарьева, был один английский доклад на эту тему (№ 114), в котором торф признается хорошим топливом для станций—способным конкурировать с углем. Цена машиноформовочного торфа определяется автором в английских условиях в 6/2 коп. за пуд при годовой добыче от 60.000 до 100.000 тонн. Но удельный расход торфа показан автором сравнительно с нашими достижениями на Шатуре слишком высоким (22 кг. на квт., как хорошее, по мнению автора, достижение).

Автор, описывая различные системы добычи торфа, вскользь упоминает о работах Гидроторфа в СССР.

В голландском докладе (№ 23), рассматривающем энергетические

ресурсы страны, торф признается нерентабельным топливом для крупной электрической станции.

Два шведских доклада (№№ 120 и 121) посвящены вопросу об утилизации отбросов лесопильных заводов для электрических станций. Описываются результаты работы установки в 4.400 НР в Швеции в течение 7 лет. Вырабатывается гудрон и газ, который сжигается для получения электрической энергии. Материалом наполовину служат опилки лесопильных рам, наполовину отбросы от рубки деревьев в лесу. Установка во всех отношениях выдерживает сравнение со шведскими гидроэлектрическими. Цена энергии около 2-х копеек киловатт час. Во время войны, когда цены на деготь и гудрон были высоки, продажа этих продуктов покрывала все расходы и вся выручка от продажи электрической энергии составляла чистую прибыль. Отмечается также возможность получения электрической энергии, как отброс при выработке древесного угля для металлургических целей. Автор отмечает, что Россия могла бы иметь от лесопильных заводов в настоящее время 150.000 киловатт, а теоретически—700.000 киловатт.

Итальянский доклад (№ 194) посвящен описанию утилизации натурального пара в Лардер лло (установлено 3 турбоалльтернатора по 2.500 квт., давление 1,25 атмосфер).

Среди других источников энергии для электрификации упоминаются: ветер и приливы.

Ветер применяется в Голландии, Дании и Германии. В Голландии это применение отмирает, в Дании широко распространено в мелких установках, в Германии имеет сравнительно незначительное распространение. В докладах отмечается ненадежность этого источника энергии ввиду нерегулярности ветра и сравнительной дороговизны всех до сих пор применявшихся устройств для аккумулирования.

О применении приливов говорится лишь вскользь, в голландском докладе (№ 23)—как о неудачном опыте, в английском—как о деле будущего, которое пока еще требует слишком дорогих сооружений, в итальянском—как о малопригодном для Италии вследствие недостаточной высоты приливов.

IV.

Почти во всех странах замечается сильное увлечение постройкой гидроэлектрических станций, и связанным с этим вопросом посвящено очень значительное число докладов, при чем в докладах немалое внимание уделяется различным чисто техническим вопросам, чему следовало бы посвятить отдельный реферат.

Во многих странах водные силы составляют основную энергетическую базу. К ним относятся Швейцария, Норвегия, Новая Зеландия, Швеция, Канада, Италия, Япония и др. В некоторых из этих стран гидроэлектрические станции успешно конкурируют с паровыми, даже в качестве станций, работающих с максимальной нагрузкой.

Австрия, принужденная импортировать уголь, базирует свой план электрификации на развитии своих водяных ресурсов.

Но даже страны, имеющие и другие богатые энергетические ресурсы, быстро развивают строительство гидроэлектрических станций. По абсолютным величинам в том отношении впереди всех идут С. Ш. С. А.

В нижеследующей таблице показаны несколько характерных цифр, иллюстрирующих роль гидроэлектрических станций в нескольких странах.

Страна.	Мощность гидроэл. ст. в милл. квт.	% от общей мощности станций	% использования располагаемых гидроресурсов.	Примечание.
Швейцария	1,0	98	19	
Швеция . . .	0,8	85	12	
Канада	1,77	70	10	
Италия	1,76	63	20	Выработ. ок. 100% всей энергии.
Япония	1,0	55,2	20	Выработ. 76,6% энергии.
С. Ш. С. А. . . .	6,78 ¹⁾	40	12,5	

Во многих странах годовой прирост гидроэлектрических станций очень велик и часто превышает рост паровых станций. Так, например, в Японии (№ 286) за десятилетие 1912 по 1922 год суммарная мощность гидроэлектрических станций увеличилась в 5 раз и гидростанций от суммарной мощности всех станций поднялся с 53 до 55,2. Из строящихся в 4-х крупных промышленных районах страны станций на долю гидростанций приходится 62% (тоже по мощности). Строящиеся в этих районах гидростанции по суммарной мощности составляют 30% суммарной мощности станций, действующих во всей стране.

В Испании суммарная мощность строящихся гидростанций превышает вдвое мощность действующих станций.

В Норвегии за последние 9 лет мощность гидроэлектрических станций увеличилась в 5,5 раз.

В Швейцарии и Италии мощность строящихся станций составляет 40% мощности действующих.

В Калифорнии (доклад № 49) строящиеся гидроэлектрические станции составляют 30% действующих, тогда как строящиеся паровые только 22,5%, действующих и суммарная мощность паровых станций только 27,8% мощности всех станций.

В Швейцарии, Италии и Швеции ведутся обширные работы по устройству водохранилищ для улучшения регулирования гидроэлектрических станций.

В шведском докладе (№ 87) приведены данные, характеризующие экономическое значение работ по использованию многочисленных озер в качестве водохранилищ для электрических станций. Легко используемые гидроресурсы будут увеличены таким путем с 2—2,5 миллионов киловатт до 4—5 миллионов киловатт, т.-е. вдвое. Регулирование даст от 4 до 5 миллиардов добавочных киловатт-часов, что превышает количество энергии, которое можно получить от всего ввозимого в страну угля (4 миллиона тонн в год).

Себестоимость этой добавочной энергии составляет от несколько сотых долей копейки на севере, до 1/2 коп. на юге. Организуются специальные акционерные общества для регулирования вод.

Интересно привести результаты сравнительного расчета, указанного в австрийском докладе (№ 2),—стоимости гидроэнергии и энергии самых современных паровых станций. Для первых расчет, проведенный австрийской правительственной комиссией дал при 12% на капитал 4 геллера золотом за киловатт-час (при 4.500 часах использования), для вторых—4,8. Доклад отмечает, что для Австрии, даже в случае если бы цена оказалась

¹⁾ Из них 81% установлено на станциях общественного пользования и 19%—на фабрично-заводских. В 1921 году соответствующие цифры были 78 и 22.

одинаковой, необходимо базироваться на гидроэлектрических станциях, чтобы уменьшить импорт угля.

В некоторых докладах имеются цифры, характеризующие стоимость сооружения гидростанций. Приводим несколько цифр:

В Австрии (доклад № 2) в среднем 75 английских фунтов на киловатт при современных повышенных ценах на материалы.

В Англии (доклад № 69)—42 английских фунта при 50% использования установленной мощности и 50 англ. фунтов при годовом регулировании (100% использования).

Финляндия (доклад № 14).

при напоре 20 метров	75 долларов за килов.
» » 15 »	82 » » »
» » 10 »	100 » » »
» » 5 »	140 » » »

сверх того

от 14 до 25 долл. на среднюю НР платы за право использования реки.

V.

Во многих странах обращается серьезное внимание на увеличение использования электрической энергии в домашнем быту. В этом сильно заинтересованы электрические станции, так как бытовая нагрузка улучшает коэффициент использования и дает средство выравнивать провалы графика.

Многие докладчики в своих обзорах отмечают это обстоятельство, и несколько докладов специально посвящены этой теме.

Рациональная система тарификации энергии значительно способствует росту такого вида нагрузки.

В Калифорнии, при годовом приросте населения в 3,7%, годовой прирост бытовой нагрузки составляет 7,1% (доклад № 49).

В Норвегии (доклад № 271) за 1922 год в городах, где уже не увеличивается число присоединений, бытовая нагрузка увеличилась на 20%.

В стране установлено нагревательных приборов на 290.000 киловатт, из них половина—для варки пищи (60 ватт на душу населения), другая—отопление.

В Швейцарии (доклад № 285) роль бытовой нагрузки в общем балансе электроснабжения характеризуется следующими цифрами.

В стране потребляется в год:

на освещение 160 миллион киловатт-часов;

на сельско-хозяйственные моторы 20 миллион. киловатт-часов;

на электрические утюги тоже 20 милл. киловатт-часов (на 10 жителей 1 утюг);

на электрические кухни 80—100 киловатт-часов (200.000 хозяйств пользуются электрическими кухнями и при том, главным образом, в деревнях);

на нагревание воды ночью 50 миллион. киловатт-часов.

Но наиболее характерен пример Амстердама (доклад № 27).

В этом городе очень распространено электрическое отопление. Мощность установленных в городе электрических печей 35.500 киловатт, тогда как мощность всех установленных в городе электромоторов 40.000 киловатт.

На углах улиц имеются в мостовой электрические плитки для согревания ног полицейских (стоит 1½ коп. час) и то же устраивается на рынках для торговцев.

В докладе, посвященном бытовой нагрузке, приводится расчет сравнительной стоимости отопления школы в Амстердаме различными способами. Если принять стоимость электрического отопления за единицу, то стоимость отопления дровами или коксом оказывается 1,17 и газом 1,27.

С 1919 года введен льготный тариф для использования электричества в домашнем быту (2,5 копейки при стоимости осветительного киловатт-часа 12,5 коп.), и это положило начало быстрому росту бытовой нагрузки. Влияние этой нагрузки на график станции ясно видно из сопоставления роста потребления абонентами, пользовшимися тарифом с отношением летнего максимума к зимнему.

Г О Д .	Число або- нентов.	Годовое по- требление (тыс. квт.).	Отношение лет- него максимума к зимн. в % %.
1919	633	425	7,6
1921	3.768	1.965	17
1923	17.504	10.108	29
1924 (март)	20.572		

В докладе приводится также интересный список приемников тока в домашнем быту, приходящихся на 300 абонентов льготного тарифа:

1 прачечная машина, 154 пылесоса, 356 радиаторов, 9 установок с проводкой горячей воды, 117 котлов, 22 подогревателей молока, 1 резервуар на 100 литров воды, 7—на 20 и 6—на 6 литров воды, 37 аппаратов для сушки волос, 12 вентиляторов, 43 плиты, 52 жаровни для поджаривания хлеба, 263 утюга, 3 постельных грелки, 2 чайника.

VI.

Несмотря на то, что необходимой предпосылкой успешной электрификации является концентрация потребления энергии, электрификация сельских местностей с разбросанным по широкой площасти сравнительно редким населением и даже электрификация отдельных ферм от мощных сетей быстро растет на Западе, что можно видеть по докладам, представленным Лондонской конференции энергетики. В особенности страны, уже достигшие высокой степени электрификации, как Норвегия, Швейцария¹⁾, Швеция, Канада, Япония, Германия, Италия, делают большие усилия в области сельской электрификации. Казалось бы, что сельские местности являются постоянными клиентами электрических станций, давая годовое использование установленной мощности лишь на несколько сот часов, но в сельском хозяйстве имеется еще много новых возможных применений электрической энергии, могущих повысить коэффициент использования и вместе с тем рентабельность установки. При ознакомлении с докладами получается общее впечатление, что сельская электрификация развивается особенно интенсивно там, где уже имеется в стране густая сеть электропередач высокого напряжения, от которых можно брать ответвления для питания местной сети и там, где естественные условия позволяют дешево строить небольшие гидроэлектрические установки. Сельские местности, вблизи больших городов, во многих случаях довольно охотно электрифицируются от городских электростанций, что отмечается С. Ш. С. А., где обращено внимание на существен-

¹⁾ В Швейцарии 90% населения пользуются электричеством.

вание коэффициента разновременности (диверзити) между городской и деревенской нагрузкой.

В общем балансе электроснабжения сельская электрификация начинает играть заметную роль, особенно в некоторых районах и в тех местностях, где электрическая энергия может быть использована для ирригации. В этом отношении являются характерными нижеследующие цифры, относящиеся к одному из районов Калифорнии (доклад № 49).

Сельско-хозяйственная электрификация требует 15% мощности станций одного крупного объединения¹⁾ (присоединенная мощность 4.400.000НР), а газовая выработка станций составляет 1.280 ватт на душу населения обслуживаемого им района. В то время как годовой прирост мощности в среднем составляет 10%, для сельского хозяйства этот прирост выражается почти вдвое большей цифрой (19,4) и дает максимальную величину по сравнению со всеми другими категориями потребителей.

У другой крупной компании в Тихоокеанских шахтах (Southern California Edison Co L.) сельско-хозяйственные потребители составляют 19% от полной присоединенной мощности 1.110.679 НР.

Это два крайних примера, и здесь ирригация играет существенную роль, в других местах С. Ш. С. А. и в других странах сельская электрификация еще не является столь крупным потребителем. В частности на фермах С. Ш. С. А. электромоторам приходится конкурировать с широко распространенными двигателями внутреннего сгорания.

Норвегия, в которой 70% населения живет в электрифицированных домах, за время с 1915 по 1922 год число абонентов в городах увеличилось очень мало — с 830.000 до 840.000, в сельских же местностях число абонентов на тот же период увеличилось с 470.000 до 960.000.

Но годовой прирост мощности, приходящийся на жителя в городах, составляет 20%, в селах же только 5%.

По тем данным, которые можно найти в литературе, в общем балансе электрических обществ Норвегии сельская электрификация пока дает убыток, покрываемый за счет прибыли от электроснабжения городов и промышленности.

В Швеции по докладу № 284, посвященному сельской электрификации, рост ее характеризуется по количеству обработанной земли в электрифицированных селах и фермах следующими цифрами. В настоящее время 40% всей обрабатываемой земли в Швеции принадлежит хозяевам, имеющим в своем распоряжении электрическую энергию, и составляет 1.520.000 гектаров. В 1917 году соответствующая цифра была только 200.000 и за пятилетие с 1917 по 1922 год увеличилась в 7,5 раз.

Нижеследующая таблица, заимствованная из того же доклада, дает несколько интересных цифр, характеризующих электрификацию шведских деревень.

Род нагрузки.	Установленная мощность приемник.	Годовое	На один	Гектар
	вата.	вата.	вата.	квт-час.
Освещение и бытовая нагрузка	80.000	36 м.	52	24
Сельско-хоз. моторы	140.000	27 »	92	18
Мелкая промышленн. и торговля	40.000	23 »	26	15
Потеря энергии:	—	36 »	—	2
Итого	260.000	122 »	170	

¹⁾ Pacific Gas and Electric Co L.

Максимум потребления составляет около 100.000 киловатт, т.-е. 38,5% установленной мощности. Число часов использования отпущенное с шин станции мощностью 1.220 часов, число часов использования энергии у потребителя—860 часов. Обращает на себя внимание огромная величина потерь при передаче—29,4%.

Автор доклада оценивает капитал, вложенный в сельскую электрификацию Швеции, в 400.000.000 шведских крон, из которых 270 миллионов приходится на станции и сети и 130 миллионов—на приемники тока.

В Дании, судя по чрезвычайно интересному докладу (№ 263), посвященному описанию технического развития и финансовой организации сельской электрификации, электрифицировано $\frac{1}{3}$ ферм и селений, в которых установлено 2,1 миллиона электрических ламп и 280.000 HP электромоторов. Медленно растет число станций постоянного тока для сельской электрификации (за год 1920 по 1921 с 419 до 441) и быстро число трансформаторных подстанций от высоковольтных сетей (за тот же период с 1.130 до 1.500). Организация сельской электрификации базируется на кооперативной схеме. Население одной, двух или трех соседних деревень образует кооперативное товарищество, являющееся владельцем местной низковольтной сети. Несколько таких кооперативных товариществ являются пайщиками акционерного общества электропередач высокого напряжения, владеющими высоковольтными линиями и понизительными трансформаторами, от которых питаются первичные кооперативные организации. Районные станции строятся и эксплуатируются акционерными обществами, пайщиками которых являются общества электропередач, муниципалитеты и частные лица. Такая схема, за немногими исключениями, распространена по всей стране, и потребители являются собственниками всей системы электроснабжения.

Не входя в рассмотрение технических деталей, приведенных в докладе, отметим, однако, широкое распространение в Дании повозок с трансформаторами и моторами для приведения в действие сельско-хозяйственных машин. Эти повозки присоединяются к ближайшей высоковольтной линии и делают излишней установку подстанции в местах, где нагрузка слишком мала или кратковременна. Подобные же повозки описаны и в германском докладе (№ 281). В этом докладе, к сожалению, не приводятся данных о размерах развития и роста сельской электрификации в Германии, но сообщается много интересных сведений о различных применениях электрической энергии в сельском хозяйстве. В частности, отмечается большой успех электрической сушки сена и дается техническое описание применяемых способов. Питательность высущенного электричеством путем сена много выше обычного. Ток для сушки берется ночью по удешевленному тарифу.

Электрическая сушка сена упоминается и в швейцарском докладе (№ 285), но как об опыте, еще не давшем достаточно хороших результатов.

Германский доклад перечисляет среди областей применения электрической энергии в сельском хозяйстве, кроме сельско-хозяйственных машин, нагревание воды для стирки и бани, находящуюся в стадии опытов электрокультуру полей и развивающееся использование тока для инкубаторов. Последняя область применения более детально освещена в английском докладе (№ 266), посвященном вопросу об электрификации ферм. В нем приводится пример фермы с крупным куроводством, в которой в течение недели выводится из 150.000 яиц—120.000 цыплят в электрических инкубаторах, потребляющих при максимуме нагрузки 400 киловатт и от 50.000 до 0.000 киловатт-часов в неделю. В этой ферме инкубаторы представляют очень выгодный для станции потребитель энергии, коэффициент användания которого полгода 95% и полгода 23%.

Упомянутый английский доклад доказывает несомненную рентабельность электрификации ферм при условии рациональной постановки электроснабжения и упоминает о необходимости пропаганды и обучения для использования всех возможностей применения электрической энергии на фермах.

При полном использовании этих возможностей, даже при современном состоянии техники, можно сделать фермы очень выгодным потребителем энергии для электрических станций даже при высокой стоимости присоединения. В своих расчетах автор исходит из цены энергий в 16 коп. за киловатт-час и доказывает, что и при такой цене фермер получает энергию много дешевле, чем от любого другого источника, в том числе труда людей и лошадей.

К сожалению, французы и итальянцы, которые, как известно, за последние годы провели поддержку сельской электрификации со стороны государственного бюджета, не представили на конференцию докладов в этой области.

VII.

Транспорт пока еще не представляет собою очень крупного потребителя электрической энергии даже в сильно электрифицированных странах. Так, например, в Швейцарии на потребности транспорта уделяется около 8% общей выработки (электрифицировано 40% железнодорожной сети), в двух крупнейших сверхмощных объединениях Тихоокеанских штатов С. А. на долю железных дорог приходится 8 и 14%.

Но в очень многих странах ведутся обширные работы по планомерной электрификации транспорта.

Несколько докладов на конференции было специально посвящено вопросам электрификации транспорта вообще и железных дорог—в частности.

В английском докладе (№ 313) приведены нижеследующие сведения о современном состоянии этого дела в Англии. В 1923 году электрифицировано около 1.350 километров городских и пригородных линий и около 80 километров главной линии. Выработано для целей транспорта за год 486 миллионов киловатт-часов с коэффициентом нагрузки в среднем 35,7%. Суммарный отпуск энергии с подстанцией 330,2 миллиона киловатт-часов.

Отмечаются чрезвычайно благоприятные результаты электрификации пригородного движения, в частности, движение по электрифицированным линиям сразу же возросло до величины технически недостижимой при паровой тяге.

Но другой английский доклад (№ 343) доказывает, что и электрификация всей линии, а не только пригородного участка, в английских условиях вполне рентабельна. Автор сообщает данные из произведенного им по поручению министерства транспорта подробного обследования этого вопроса, проведенного при содействии администрации дорог. Он пришел к выводу, что капитал, вложенный в электрификацию транспорта, если ограничиться местным сообщением, рентируется из 11% годовых, а если электрифицировать всю линию—из 17%. Пропускная способность пассажирского движения в местном сообщении увеличивается на 70%, в дальнейшем движении—на 30%. Одно это обстоятельство дает 8% годовых на затраченный капитал.

Эксплоатационные расходы тоже значительно понижаются и против расходов при паровой тяге составляют

в местном сообщении: товарное движение—60%, пассажирское—35%, на главной линии в товарном движении 79%, пассажирском 64%.

Электрификация железных дорог в С. А. С. Ш. (доклад № 334) предуказывается необходимостью увеличить пропускную способность многих

линий, достигших технически возможного при паровой тяге предела. В настоящее время потребление энергии северо-американскими электрифицированными железными дорогами составляет 700 миллионов киловатт-часов в год, не считая трамваев и пригородных дорог, потребляющих в сумме 9 миллиардов киловатт-часов (около 16% всего потребления в С. Ш. С. А.). Потребная для электрификации железных дорог С. Ш. С. А. мощность оценивается в 5 миллионов киловатт.

Чрезвычайно серьезное внимание уделяет вопросу об электрификации железных дорог Австралия, правительство которой озабочено сокращением до минимума импорта угля. В июле 1920 года законодательными органами утвержден ныне проводимый план электрификации всех железных дорог (доклад № 311).

В Германии (доклад № 336) тоже проводится план электрификации государственных железных дорог. Рентабельность этого дела рассчитывается в размере 6,6 до 13,8% на вложенный капитал.

Италия, Норвегия, Швеция, Голландия, Нидерландская Индия и Венгрия представили специальные доклады, отмечающие значение электрификации железных дорог в этих странах. Наиболее интересным представляется венгерский доклад (№ 345), описывающий новую, только что удачно испытанную систему электрификации железных дорог. Ставилась задача питать транспорт от центральных станций нормальным 50-периодным током. Задача решается в Венгрии следующим образом: на электровозе устанавливается фазовый преобразователь, питающий тяговые моторы трехфазным током. Автоматический регулятор изменяет возбуждение преобразователя так, чтобы в первичной цепи коэффициент мощности был всегда равным единице. В результате напряжение, подводимое к индукционным тяговым моторам, изменяется в зависимости от нагрузки в пределах от 350 до 600 вольт, сохраняя пропорциональность корню квадратному из мощности. Система допускает непосредственное присоединение железнодорожной сети с другими потребителями.

В шведском докладе (№ 331) приводится нижеследующая сводка данных по работе трамваев в стране: общая длина линий 374,615 километров, число моторных вагонов 672, из них в работе 525, число перевезенных пассажиров 200 миллионов, потребленная энергия 35,4 милл. киловатт-часов, максимальная мощность 14.852 киловатта.

В английском докладе (№ 34) отмечаются большие достижения в области применения повозок с аккумуляторной тягой, в особенности в Америке.

В нескольких докладах указывалось на выгодность этих повозок, как потребителей энергии, способных заполнять провалы графика.

В одном из американских докладов приведена цифра годового потребления энергии в Нью-Йорке на зарядку батарей для тяги: 16,5 миллионов киловатт-часов в год.

VIII.

Главным потребителем электрической энергии, конечно, во всех странах является промышленность.

Электрификация промышленных предприятий проводится все более интенсивно. Мы уже видели выше, какие экономические выгоды ожидает Венгрия от полной электрификации промышленности.

В Соединенных Штатах Северной Америки (доклад № 46) в 1919 г. суммарная мощность силовых установок, обслуживающих промышленность, была 21.600.000 киловатт и из них около 12.000.000 электрических, что дает

средний процент электрифицированности промышленных предприятий в 55,5. Соответствующий процент в 1914 году был 41, а в 1923—64.

Наряду с электрификацией замечается переход на покупной ток, т.-е. процесс вытеснения станциями общественного пользования собственных фабрично-заводских станций. Так, из 12,5 миллионов киловатт электрической мощности около 7,5 миллионов снабжало предприятия покупным током. Это показывает, что в 1919 году около 60% потребной электрической мощности получалось промышленностью от станций общественного пользования. Соответствующий % в 1914 году был 53,5, а в 1924—61.

В Финляндии (доклад № 14) промышленность электрифицирована на 64%.

В отдельных отраслях промышленности получаются, конечно, иные абсолютные цифры, но заметны те же тенденции. Так, например, в докладе № 274 приведены нижеследующие данные относительно железной и стальной промышленности С. Ш. С. А. за время с 1909 по 1919 год, степень электрификации возросла с 24% до 43%, установленная мощность в НР (не электрическая) увеличилась на 46%, покупной ток на 95%, собственная электрическая мощность—на 160%, общая электрическая мощность—на 211%.

Докладчик определяет среднюю стоимость киловатт-часа в этой отрасли промышленности в 0,91 цента (1,8 коп.) и в заключении отмечает выгодность полной электрификации и обмена энергией между обществами, распределяющими электрическую энергию, и теми из заводов, которые имеют избыток пара от утилизации отбросов тепла.

В докладе № 276 сообщаются данные об утилизации энергии в бумажной промышленности С. Ш. С. А., которая в 1919 году была электрифицирована на 31,5%, но степень электрификации которой растет с каждым годом. Докладчик отмечает, что бумажная промышленность очень выгодный потребитель энергии, так как фабрики работают 24 часа в сутки и 310 дней в году с полной нагрузкой.

В обзоре потребления энергии текстильной промышленности С. Ш. С. А. (доклад № 280) приводится интересный расчет стоимости покупной электрической энергии, при которой фабрике становится выгодно отказаться от собственной установки.

Для прядильно-ткацких фабрик, при мощности 1.000 киловатт, эта стоимость 1,9 цента (3,8 коп.), при 5.000 квт.—1,6 цента (3,2 коп.). Для красильной фабрики, применяющей турбины с отъемом пара, эти цифры, конечно, меньше, а именно: при 1.000 киловатт—1,1 цента (2,2 коп.), при 5.000 киловатт—0,9 цента (1,8 коп.). Здесь будет уместно отметить, что в Скандинавских странах, в районах, имеющих избыток очень дешевой гидроэнергии, фабрики, нуждающиеся в паре для производства, ставят даже электрические котлы.

В С. А. С. Ш., Швеции, Норвегии, Японии, Швейцарии и Италии вместе с ростом использования водяных сил, быстро растет электрохимическая и электрометаллургическая промышленность, непосредственно связанные с крупными гидроэлектрическими установками. Крупным центром электрохимической и электротермической промышленности в С. Ш. С. А. (доклад № 298) является район Ниагарского водопада. Рост этой промышленности был, как отмечает докладчик, искусственно остановлен правительством по побуждениям эстетического характера, из желания предотвратить полное использование Ниагарского водопада.

С 1911 по 1920 год означеные отрасли промышленности повысили использование мощности Ниагарского водопада с 60.000 до 140.000 киловатт (из общей, использованной в 1920 году мощности 240.000 киловатт, каковая суммарная цифра с этого года не изменилась).

В Швеции был чрезвычайно интенсивный рост электрохимической промышленности во время войны по понятным причинам. Этот рост иллюстрируется следующей таблицей, заимствованной из шведского доклада № 296.

В 1904 г. было 8 предприятий, использовавших	9.000	киловат
» 1911 » 14 »	25.000	»
» 1915 » 36 »	78.000	»
» 1917 » 75 »	126.000	»

В том же докладе даются несколько интересных цифр относительно распространения электрических котлов в Швеции. Имеется установленных котлов для высокого напряжения от 20.000 до 30.000 вольт мощностью в среднем 1.800 киловатт каждый (максимум 3.000 квт.) и около 100 котлов низкого напряжения (100 вольт), мощностью от 90 до 600 киловатт каждый.

В Канаде (доклад № 262) на одной из бумажных фабрик установлено 2 батареи из 3-х электрических котлов каждая для трехфазного тока 6.600 вольт, мощность 50.000 киловатт, давление пара 9 атмосфер, часовая производительность 60.000 килограмм пара.

В докладе № 43 приведены данные о доле участия различных отраслей промышленности Швеции и в общем балансе электроснабжения, составляющим 2.800.000.000 квт-часов в год.

Бумажная промышленность	35%
Электроплавка и электрохимия	30%
Горная промышленность и металлургия	10%
Металлосбрабатывающая	10%
Транспорт	5%
Бытовая нагрузка в городах	5%
Фермы и деревни	5%
	100%

В Японии (доклад № 286) электрохимическая промышленность использует около 10% суммарной мощности электрических станций. Годовой прирост этого потребителя выше всех остальных категорий (17,5% против среднего прироста 13,8% и прироста силовой нагрузки 16%).

В Швейцарии (доклад № 44) на нужды электрохимии и электрометаллургии расходуется около 23% всей продукции электростанций.

В английском докладе (№ 301) указывается выгодность применения мелких гидроэлектрических установок мощностью в 2.000 киловатт и ниже для электрохимической и электротермической промышленности. Этот вопрос интересен для Англии, не имеющей, как известно, крупных гидроэлектрических установок.

Норвегия прислала на конференцию довольно обширный доклад об использовании электрической энергии для фиксации азота (доклад № 295). Докладчик рассчитывает, что эта отрасль промышленности может стать крупнейшим потребителем огромного избытка располагаемых страной гидроэлектрических ресурсов. В настоящее время норвежское акционерное общество использует 260.000 НКР для этой цели. Доклад описывает процесс фабрикации азота на гидроэлектрической установке Рьюкан.

В Италии, судя по докладу № 294, быстро развивается электрометаллургия. Число электроплавильных печей для стали в 1914 году увеличилось до 178 в 1922 году с годовой производительностью 800.000 тонн.

IX.

Специальный доклад, посвященный вопросам тарификации электрической энергии на конференции, прислала только Норвегия однако, некоторые отрывочные и все же для нас интересные сведения можно найти в различных других докладах, приведенные там между прочим.

В докладах №№ 271 и 272 описаны системы тарификации, применяемые в Норвегии, где расчеты производятся обычно по годовому киловатту. Население платит за киловатт определенную сумму и может по своему желанию использовать его как угодно в пределах, допускаемых установленным у абонента ограничителем тока. Эта система имеет педагогическое значение и приучает население изыскивать способы применения электрической энергии для хозяйственных нужд в часы, когда не используется освещение. Таким образом распространяется бытовая нагрузка и улучшается коэффициент нагрузки станции. При этой системе станция заранее знает свой приход. В некоторых случаях ставятся ограничители тока такой конструкции, что они допускают использование вдвое большей мощности, если в осветительной цепи выключены все лампы. Предусматривается также возможность абоненту в исключительных случаях, например, во время какого-нибудь семейного праздника, увеличить свое потребление на один вечер. В этих случаях вызывается со станции по телефону монтер, который шунтирует ограничитель за особую плату от 5-ти до 8-ми крон за вечер.

В Христиании стоимость киловаттода 180 норвежских крон (около 60 рублей), в некоторых местах Норвегии эта цифра падает до 70 крон (21 руб.).

По расчетам докладчика, полное отопление жилища в норвежских условиях электричеством становится дешевле всякого другого способа при стоимости киловатта в 88 крон. Семья из 5—6 человек потребляет для всех домашних нужд кроме отопления, примерно, один годовой киловатт, а для отопления 3—4 киловатта.

З ограничитель взимается особая арендная плата от 1 до 20 крон в год.

В некоторых местах Норвегии, где имеется летний избыток энергии, вводится на летнее время пониженный тариф.

Силовая энергия продается обычно в Норвегии либо по годовому киловатту установленной мощности, либо по максимальному числу киловатт, которая допускается ограничителем в течение 15 минут, либо иногда вводится добавочная плата, если потребление максимума было более 3.000 часов.

В докладе указан тариф для крупных потребителей, а именно: цинко-плавильные заводы, получающие энергию от государственных станций, алюминиевые, цианамидные и карбидные, металлургические и азотные, снабжаемые обычно частными станциями, получают энергию по цене 35 до 55 крон за установленный киловатт в год. При чрезвычайно высоком коэффициенте использования этих потребителей это составляет примерно в среднем $\frac{2}{3}$ кспейки за киловатт-час.

В Дании, как видно из доклада № 263, применяется обычно двойной тариф: постоянная годовая плата за установленный киловатт плюс небольшая добавочная плата по счетчику. В докладе приведен пример стоимости в год электрической энергии для фермы, имеющей 27,5 гектаров земли, 20 установленных электрических лампочек и 7,5 HP электромоторов. Если в этой установке потребляется 100 киловатт-часов в год на освещение и 400 киловатт-часов на моторную нагрузку, энергия обходится в 406,5 крон в год.

В Амстердаме (доклад № 270), как уже было отмечено выше, введена специальная система тарификации, способствующая развитию бытовой нагрузки и, в частности, электрического отопления. Абонент, выразивший согласие воспользоваться комбинированным тарифом, платит по счетчику примерно 2,5 копейки за киловатт-час, но сверх того вносит известную постоянную годовую плату за освещение. Размер этой приплаты устанавливается специально выработанными графиками, которые позволяют ему по числу и расположению ламп оценить, с достаточной для практики точностью, нормальный расход на освещение, при чем осветительная нагрузка расценивается по цене около 12,5 копейки за киловатт-час.

Приводим приблизительные данные о средних тарифах на освещение в некоторых городах Запада: Лондон—20 коп., Чикаго—12 коп., Нью-Йорк—8—14, Амстердам—12,5, Буэнос-Айрес—12.

X.

По докладам, представленным на Лондонскую конференцию, можно получить представление о роли государства в электрификации различных стран. Решительно во всех странах правительство принимает деятельное участие в планировании электрификации и в той или иной форме контролирует деятельность обществ, занимающихся электроснабжением. В большинстве государств в дело электрификации вкладываются крупные государственные средства. В некоторых странах государство целиком берет на себя задачу проведения плана электрификации, строит крупные станции и сети, само эксплуатирует их и входит в сотрудничество с частными обществами электроснабжения. Несколько докладов С. Щ. С. А. и Англии целиком посвящены вопросу о роли государства в деле электрификации. Они стремятся доказать, что государству не следует самому брать в свои руки управление электроснабжение, и, судя по полемическому тону американских докладов, в стране имеется сильное стремление сделать электроснабжение государственной регалией. Американские докладчики признают, однако, необходимость контроля со стороны государства за деятельностью электрических обществ, тем более, что в деле электроснабжения интересы самих потребителей энергии требуют осуществления принципа монополии, так как всякая конкуренция в одном и том же районе нескольких обществ противоречит важнейшему экономическому принципу объединения сетей и вызывает чрезмерно большие вложения капиталов, что в конечном счете удорожает энергию.

Английские докладчики (из числа крупных руководителей промышленных предприятий) также отрицают полезность государственного управления электроснабжением, но отмечают, что при нынешних условиях капиталы, которые необходимо вкладывать в дело электрификации, слишком велики для частных организаций и потому требуется участие государства в финансировании электрификации. В докладах же английских колоний намечается другая тенденция, и, например, в Новой Зеландии государство проводит широкий план электрификации и является владельцем всех крупных станций и сетей.

Представитель Новой Зеландии выразил в речи на банкете точку зрения своего правительства следующими словами:

«Вся водная энергия в Новой Зеландии—в руках государства. Ее достаточно для удовлетворения потребности всей страны.

Государство же превращает гидравлическую энергию в электрическую.

Государство строит станции и вырабатывает энергию, муниципалитеты же и провинциальные власти строят сети и распределяют энергию. Энергия

производится не просто для коммерческих и промышленных целей, она производится для увеличения благосостояния всего общества в целом.

В течение следующих 8-ми или 10-ти лет электричество будет подведено к каждому жилищу во всей Новой Зеландии».

Интересное решение проблемы о роли государства дает Южная Африка. Признается необходимость государственного управления и невозможность выполнения плана без дешевого кредита от государства, но стремится придать государственному управлению всю коммерческую гибкость частных предприятий. Наряду с управлением электроснабжения, являющимся контролирующим органом, без разрешения которого не может быть построена ни одна станция, создан комитет по электроснабжению, долженственный действовать на чисто коммерческих началах, получая в течение некоторого числа лет крупные ссуды от государства. Комитет состоит из пяти лиц, назначаемых и сменяемых государством. Он строит и эксплуатирует станции и сети, входит в долговременные отношения с существующими частными обществами на предмет об'единения сетей и полностью подконтролен вышеназванному управлению электроснабжением. Хотя дела ведутся на коммерческих началах, но задачей ставится не накопление прибылей, а удешевление энергии. Поэтому, по положению об этой организации, не допускается система тантрем для руководителей. Они получают особые вознаграждения в зависимости не от размеров прибылей, а от достигнутых результатов по выполнению основной задачи: расширение сбыта и уменьшение стоимости энергии.

Уже за первый год своего существования комитет выполнил огромную работу, некоторые сведения о которой уже были приведены выше (стр. 22).

В Канаде электрификацию страны в самом широком размере проводит гидроэлектрический комитет, созданный муниципалитетами. Начав в 1910 г. с установки в 1.000 киловатт, он в настоящее время имеет установку в 750.000 киловатт и строит к 1926 году станцию в 600.000 киловатт. Комитет заботится и о развитии сельской электрификации, субсидируя постройку линий для присоединения в размере 50% стоимости.

В Норвегии капитал, вложенный в станции общественного пользования¹⁾, в размере 83% коммунальный, 7% государственный и 10% частный. По предложению Государственной Комиссии Электроснабжения, предполагается создать Коммунальный Электробанк (доклад № 370). Капитал должен быть вложен государством и пополняться платами за концессии на электрические станции. Банк выпускает акции на сумму, не превышающую восьмикратный основной капитал. Во главе банка будет стоять Правление из 5-ти лиц, из которых 3 назначаются парламентом (в том числе председатель) — короной. Банк имеет право надзора и эксплуатации субсидируемых им станций. Ссуды даются сроком на 40 лет, в размере 75% стоимости сооружения против первой ипотеки. Возможные убытки покрываются из основного капитала, а если его не хватит, то государственным казначейством.

Как быстро шло развитие электроснабжения в Норвегии, показывают следующие цифры:

К 1916 г. в станц. общ. польз. было вложено	7	милл.
В середине 1921 г. »	»	»
К 1923 г. »	»	»

¹⁾ Станции, обслуживающие электрохимическую промышленность, на 90—95% частные.

В Швеции государственные станции вырабатывают 35% энергии, потребляемой страной, коммунальные—15% и частные—50%. Однако высоковольтные сети, осуществляющие принцип объединения станций, строятся почти исключительно государством. Линии от 70 до 100 киловольт на 90% государственные, на 10%—коммунальные, частных же линий от 70 киловольт и выше нет вовсе. Линии в 100 киловольт и выше все без исключения построены и эксплуатируются государством.

С 1919 года ежегодными отчислениями по госбюджету создаются два фонда: фонд использования принадлежащих государству водопадов и фонд постройки местных сетей, из которых даются долгосрочные ссуды (43 года по первому и 20 лет по второму фонду) из 5%.

Кроме того, выдают ссуды государственные страховые, сберегательные и пенсионные кассы для той же цели развития местной электрификации.

С 1918 по 1923 год государством вложено в мелкую электрификацию, в виде ссуд, 31.500.000 шведских крон, но работ выполнено за этот период времени на 2 000.000 шведских крон. Таким образом планомерное и регулярное субсидирование со стороны государства стимулирует приток частных средств и обеспечивает быстрое развитие дела.

В Дании, как уже отмечалось раньше, развитием электрификации занимаются организации кооперативного типа.

В Австрии (доклад № 2) правительством по бюджету сооружаются гидроэлектрические установки для электрификации железных дорог. Остальные гидроэлектрические станции строятся на частные средства, с участием коммунальных средств. Чтобы облегчить привлечение частного и в особенности иностранного капитала, введены в законодательном порядке особые льготы для постройки гидроэлектрических станций мощностью 5.000 киловатт и выше. Выдаются концессии на 60 лет, в некоторых случаях государство берет на себя гарантию %% и амортизации, освобождает от налогов оплату процентов на капиталы, вложенные в гидроэлектрические станции на срок до 50 лет, в случаях особо важных с государственной точки зрения предприятий применяется и освобождение от уплаты налогов по эксплоатации сроком до 20 лет.

Льготы распространяются на станции, начатые постройкой до определенного срока (31 декабря 1924 г. по закону 1922 года). По истечении срока, льготы были намечены в более скромном размере, а в 75% и не на 50 лет, а на 15 лет.

Как видно из доклада, закон достиг цели и уже привлек иностранный капитал в развитие гидроэлектростроительства.

В Чехо-Словакии правительство тоже стимулирует планомерную постройку электрических и в особенности гидроэлектрических станций (доклад № 10). Учрежден комитет по электрификации при министерстве общественных работ. Рядом законодательных актов обеспечивается возможность создать в наиболее важных пунктах общества по электроснабжению, в которых 60% акций принадлежит государству и муниципалитетам. Допускается принудительное объединение, национализация электрических предприятий за выплатой владельцам, которым предоставляется при желании сохранить 40% капитала во вновь созданном предприятии. Создаваемым по этой схеме предприятиям предоставляется ряд льгот, в том числе и частичное освобождение от налогов.

В Соединенных Штатах Северной Америки (доклад № 64) наиболее важные гидро-ressурсы находятся в руках государства и сдаются частным обществам в концессионном порядке на 50 лет, по истечении которых предприятие перейдет к государству. Однако в настоящее время участие государства в электроснабжении ничтожно, если не считать существова-

ние значительного числа сравнительно мелких муниципальных станций. Из 48 штатов—39 ввели у себя правительственный контроль за электроснабжением, обнимающий также тарификацию и прибыль. Штаты, которые не ввели этой организации, играют ничтожную роль в общем балансе электроснабжения республики (около 3% в общей сложности).

Судя по американским докладам, уже признается необходимость централизовать электротехнический надзор. В районах, где сверхмощные сети обнимают территорию нескольких штатов, такая централизация уже проведена.

Вопросы электрификации стали выходить за пределы национальных границ. Три правительства: Норвегии, Швеции и Дании разрабатывают совместно грандиозный план электроснабжения всей Дании (годовая потребность в энергии 500.000.000 киловатт-часов) путем экспорта электрической энергии из Норвегии через Швецию (доклад № 204).

Швейцария уже экспортирует энергию в количестве 460 милл. квт-ч. в год.

Сети С. А. С. Ш. с одной стороны соединены с Канадскими, а с другой—с Мексиканскими.

XI.

Из произведенного нами беглого обзора электрификации на Западе видно, что все принципы, на которых базируется план электрификации СССР, являются общепризнанными и во многих странах правильность их доказана на практике в самом широком масштабе.

Среди стран, приславших доклады на конференцию, некоторые уже теперь являются почти полностью электрифицированными (Швейцария, Норвегия, Япония, Канада, Калифорния), но и они продолжают дальнейшее расширение электроснабжения в не менее быстром темпе, чем другие. Предела возможностям нигде еще не видно и как бы ни было велико потребление на душу населения, оно продолжает расти.

В докладах, представленных конференции, нет никаких данных, указывающих, что где-либо достигнуто полное насыщение. В Норвегии, которая по душевому потреблению энергии, стоит на первом месте, далеко впереди других стран, где все города электрифицированы полностью и число абонентов в них перестало расти, где 70% населения живет в электрифицированных жилищах—быстро растет бытовая нагрузка.

В связи с грандиозными планами экспорта электрической энергии из Норвегии в Данию, можно даже ожидать еще нового скачка в развитии электростроительства.

Электроснабжение СССР не только современное, но даже по выполнению плана ГОЭЛРО чрезвычайно далеко отстоит от других стран. Душевое потребление энергии в СССР в настоящее время составляет около 1% Норвежского. Но, к сожалению, надо констатировать, что и в смысле темпа развития электроснабжения, мы отстаем от других стран и занимаем то же место в последних рядах. Мы вкладываем в электростроительство меньший капитал (в абсолютных цифрах), чем в той же Норвегии и потому более чем скромная цифра в 1% в ближайшее время еще уменьшится. Таким образом обзор того, что делается на Западе в области электрификации, должен привести нас к следующему выводу: мы хотя и стоим на правильном пути к разрешению важнейшей экономической задачи современного человечества, но усилия, которые мы прилагаем для ее разрешения, должны быть во что бы то ни стало увеличены во много раз. И чтобы мы не уклонялись от этого, полезно иметь постоянно перед глазами красноречивые цифры.

В Норвегии вырабатывается на душу населения 1.850 киловатт-часов

в год, у нас 19. В Норвегии тем не менее вкладывается в электростроительство общественного пользования ежегодно 60 миллионов англ. фунтов, а у нас 40—50 милл. рублей.

В Японии годовой прирост суммарной мощности электростанций около 14%, у нас сколько 5%.

Во многих странах мощность строящихся станций составляет 30—40 и более % существующих станций, у нас около 18% (а мы притом и строим их дальше).

Наш план ГОЭЛРО, кажущийся нам далеким идеалом по суммарной мощности станций, в 1,5 раза меньше ежегодного естественного прироста мощности станций С. А. С. Ш., а потребление энергии в нашем наиболее электрифицированном районе (Московском) почти равен по абсолютной величине потреблению энергии подъемников в городе Нью-Йорке.

Некоторым утешением для нас может служить то обстоятельство, что от Америки далеко отстала Англия, которая потребляет столько же энергии (5 миллиардов киловатт-часов в год), сколько один город Нью-Йорк. А этот последний сам отстает от Норвегии, так как его годовое потребление при 7-миллионном населении равно потреблению Норвегии с населением 2,7 миллиона.

Итак, по абсолютной величине потребления Норвегия, Англия и город Нью-Йорк стоят на одном уровне. 5 миллиардов квтч в год—что вдвое превышает годовое потребление СССР.

Все эти цифры показывают, как велика разница в степени электрификации даже в наиболее культурных странах Запада.

Проф. Л. К. Рамзин.

Ресурсы энергии в СССР¹⁾.

I. Значение энергии в мировом хозяйстве.

Среди вопросов, обсуждавшихся на Всемирной энергетической конференции в Лондоне, весьма большое внимание уделялось оценке энергетических ресурсов отдельных стран.

Повышенный интерес к такому, казалось бы, чисто академическому вопросу объясняется во-первых, громадным значением энергии в мировом хозяйстве и, во-вторых, сознанием, правда, еще довольно смутным, что привычные источники энергии уже близятся к истощению.

Чтобы вкратце иллюстрировать значение механической энергии в мировом хозяйстве, достаточно привести несколько грубых цифр.

Общую мощность двигателей на земном шаре можно оценивать цифрой порядка 300 милл. л. с., не считая еще громадной суммарной мощности автомобильных двигателей. Вместе с ними суммарная установленная мощность выражается вероятной цифрой порядка не менее 600 мил. л. с.

Чтобы заменить работу этих двигателей мускульной работой людей, потребовалось бы занять колосальное количество населения исключительно для выполнения той механической работы, которую совершают механические двигатели.

В самом деле, оценивая в среднем мощность, развиваемую человеком сколько 0,1 л. с., и принимая далее, в расчет двухсменную работу, мы находим, что каждая лош. сила в механических двигателях требует 20 человек рабочих. Однако необходимо учесть, что работоспособное население земного шара составляет, примерно, половину от общего населения. Таким образом для выполнения мускульной силой людей механической работы двигателей необходимо было бы на каждую лош. силу мощности двигателей иметь население в 40 человек, при условии, что все работоспособное население будет ежедневно в 2 смены исключительно заниматься механической работой.

Современное население земного шара исчисляется цифрой около 1.600 милл. человек. На основании предыдущего расчета, очевидно, работоспособность всего человечества выражается, таким образом, цифрой всего лишь около 40 милл. л. с., т.-е. слишком в 15 раз меньше общей мощности теперешних механических двигателей.

Итак, чтобы выполнить ту работу, которую совершают механические двигатели земного шара, потребовалось бы увеличить все население последнего по меньшей мере в 15 раз, при условии, что все рабочее время человечества стало бы тратиться исключительно на выполнение механической работы.

¹⁾ Из доклада проф. Л. К. Рамзина на Всемирн. энерг. конференции в Лондоне.

Произведя подобный же подсчет по Северо-Американским Соединенным Штатам, с их установленной мощностью около 130 милл. л. с. (без автомобилей) при населении 110 милл. человек, мы приходим к выводу, что работа, выполняемая двигателями Сев.-Ам. С. Ш. примерно, в 50 раз превышает работоспособность населения этого государства.

Даже для промышленно отсталой страны, каковой является СССР, с ее населением около 120 милл. человек и общей мощностью двигателей 12 милл. л. с., мы находим, что работающие механические двигатели совершают работу, почти вчетверо превосходящую работу всего населения.

Эти грубые подсчеты с достаточной ясностью иллюстрируют колossalное значение механической энергии в современном мировом хозяйстве; они показывают, что современная культура совершенно немыслима без широкого применения механической энергии, ибо, отказавшись от нее, человечество должно было бы сократить общее количество производимых ценностей по крайней мере в 15 раз, соответственно понизив культурный уровень.

Более того, применение механической энергии имеет еще и другой колossalный смысл в теперешней промышленной обстановке; а именно, применение механических двигателей дает возможность производить колосальную концентрацию мощности.

В самом деле, крупная современная американская станция мощностью в 600 тыс. кв.—около 900 тыс. л. с.—эквивалентна по своей мощности работоспособности населения в 36 милл. человек, т.-е. одна такая станция превышает работоспособность населения целых стран, например, Польши, Великобритании, Азиатской части СССР, и едва покрывается непрерывной мускульной работой целой Франции.

Совершенно ясно, что сконцентрировать подобную мощность, опинаясь на мускульную силу людей, представлялось бы совершенно немыслимым на той небольшой площади, которую занимают современные силовые станции.

Если принять еще во внимание колосальное количество тепловой энергии, которое потребляет человечество как на промышленные, так и домовые нужды, мы поймем с полной очевидностью доминирующее значение источников энергии в современном хозяйстве.

Все дальнейшие перспективы экономического развития каждой отдельной страны, все будущее, ее военная мощь в значительной степени зависят от тех возможностей, которыми располагает страна в смысле обеспечения себя энергией.

II. Источники энергии.

Если оставить в стороне неподдающиеся пока промышленному использованию источники энергии в виде, например, прямой солнечной теплоты, энергии прилива и отлива, атмосферного электричества и т. п., то в учет запасов энергии следует включить: 1) тепловую энергию горючих материалов — различных топлив, 2) гидравлическую энергию и 3) энергию ветра.

Все перечисленные виды энергии можно разбить на две основных категории: 1) неизобновляемыеся ресурсы энергии в виде запасов ископаемых углей, нефти, природных газов и части торфа и 2) неизобновляемыеся запасы энергии, к каковым относится энергия ветра, водные силы, ежегодный прирост древесины, торфа, соломы и т. д.

Чтобы иметь возможность просуммировать количество этих двух разнородных по своему существу видов энергии, необходимо условиться относительно методов исчисления запасов энергии 2-й категории.

Очевидно, необходимая связь между изобновляемыми и невозобновляемыми запасами энергии может быть установлена лишь в том случае, если внести в расчет известные предпосылки относительно возможной длительности пользования этими запасами энергии. К размеру этой длительности естественней всего подойти, оценивши вероятные сроки исчерпания известных в данное время мировых запасов невозобновляющихся видов энергии в виде ископаемых горючих.

Итак, для установления правильного метода исчисления необходимо, прежде всего, определить сроки исчерпания запасов ископаемого топлива.

До сего времени сроки исчерпания запасов топлива определялись обычно простым арифметическим путем, деля установленную цифру запасов топлива на размер его тепловой добычи; тогда, при известных до сих пор запасах каменного угля 7.398 млрд. тн. и тепловой добыче около 1.300 милл. тн., срок исчерпания запасов определяется по обычному способу расчета цифры около 5.000 лет.

Однако эта весьма оптимистическая цифра ни в какой мере не отвечает действительному положению дел, на что еще в 1921 г. указывал, например, проф. Стодоля.

Ошибка подобных исчислений заключается в том, что добыча и потребление различных видов топлива, а в том числе и каменного угля, не являются равномерными, поэтому расчет сроков истощения запасов приходится вести, базируясь не на современном размере добычи, а учитывая непрерывный рост последней, т.-е. применяя формулу суммы геометрической прогрессии. Поэтому в дальнейшем попытаемся установить вероятные сроки исчерпания различных запасов топлива, исходя из известных до сих пор размеров этих запасов и темпа развития добычи.

Общие запасы каменного угля на земле определяются цифрой 7.398 млрд. метрических тн.

Темп развития добычи каменного угля представлен для мировой добычи и отдельных стран на фиг. 1. Здесь по оси абсцисс отложены годы, а по оси ординат даны логарифмы добычи. При таком изображении в полулогарифмической анаморфозе темп роста добычи виден совершенно ясно, ибо показатель геометрической прогрессии этого роста графически изображается тангенсом угла наклона кривой добычи в соответствующей точке.

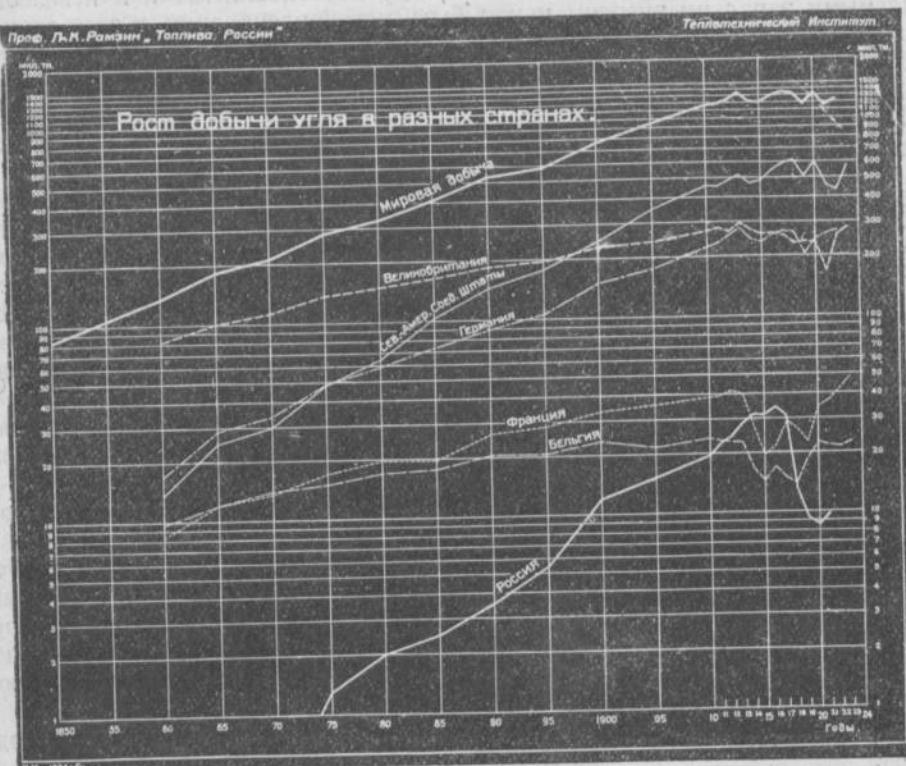
Фиг. 1 показывает, что развитие мировой добычи каменного угля, начиная с 1850 г. и до начала войны, происходило весьма равномерно, ибо кривая добычи представляется в логарифмической анаморфозе почти прямой линией с постоянным угловым коэффициентом.

Такую же закономерность имеет и движение роста добычи по отдельным странам, однако, с заметными вариациями в смысле темпа.

В следующей таблице даны проценты (р) годового роста добычи угля для указанных периодов как в мировом масштабе, так и для отдельных стран.

Страны.	Период	Годовой рост добычи в %
Мировой	1865—1913	4,4
С.-А. С. Ш.	1850—1914	6,7
Великобритания	1875—1923	2,1
Германия	1865—1912	5,2
Франция	1880—1913	2,5
Бельгия	1865—1913	1,4
Россия	187—1913	8,85

Не останавливаясь пока на сравнении отдельных стран между собой, что будет сделано далее при выявлении роли и места СССР, подсчитаем пока лишь сроки истощения мировых запасов каменного угля.

Фиг. 1.

При различных темпах движения мировой добычи и исходном размере последней в размере 1.342 милл. тн. соответствующую добычу 1913 г., мы получим следующие сроки истощения мировых запасов каменного угля.

$$\begin{aligned} \text{При довоенном темпе добычи } p = 4,4\% &— 128 \text{ лет} \\ p = 3,0\% &— 133 \text{ года} \\ p = 2,0\% &— 238 \text{ лет} \\ p = 1,0\% &— 405 \text{ лет.} \end{aligned}$$

Сопоставляя эти цифры с вышеуказанной цифрой 5.700 лет, мы видим, что даже при медленном темпе роста добычи срок истощения запасов выражается в цифрах совершенно иного и весьма неутешительного порядка, а именно, даже при замедлении довоенного темпа добычи до размера 2—3 % год, срок истощения мировых запасов каменного угля определяется цифрой всего лишь около 200 лет¹⁾.

Таким образом срок истощения запасов каменного угля будет меняться в зависимости от процентного роста мировой добычи. Однако порядок цифр, как видно из вышеприведенных расчетов, остается один и тот же, измеряясь периодами небольшого числа столетий.

¹⁾ Под влиянием военных событий и соответствующего замедления добычи период 1892—1922 г. дал средний рост добычи каменного угля 2,7 % в год.

Несомненно и в дальнейшем добыча каменного угля будет продолжать расти, хотя бы под влиянием дальнейшего роста населения, следовательно, даже при сохранении теперешнего культурного уровня и прекращении дальнейшего его повышения годичный темп роста добычи едва ли может быть ниже 1—1 /2 %.

Правда, кoeffфициент полезного действия теплосиловых установок из года в год растет, но этот рост, конечно, учтен и в цифрах годового прироста добычи в прошлом, ибо годовое потребление угля в своем росте учитывает уже оба фактора — как повышение экономичности, так и увеличение потребления тепла. Поэтому поправки на повышение кoeffфициента полезного действия вводить не представляется нужным.

Второе соображение, могущее внести поправку в вероятные сроки истощения запасов — это возможное увеличение известных мировых запасов угля, ибо часть их несомненно будет еще открыта впоследствии за счет увеличения как площади обследования, так и глубины его.

Едва ли, однако, можно ждать в этом направлении сколько-нибудь крупных изменений в сроках истощения запасов, ибо даже при удвоении мировых запасов каменного угля, что представляется мало вероятным, срок истощения запасов увеличился бы на 1—2 столетия, что существенно не меняет картины.

Вторая поправка, которую можно было бы вводить в наш расчет основывается на постепенном сокращении темпа роста добычи в дальнейшем.

Из фиг. 2 видно, что у каждой страны более или менее резко выступают два периода: молодые страны, только вступающие на путь промышленного развития, отличаются более быстрым приростом добычи каменного угля, так, например, СССР дает средний годовой прирост около 9 %, другая быстро развивающаяся страна — С.-А. С. Ш. — 6,7 % и т. д. По мере промышленного развития страны этот темп роста добычи замедляется. Поэтому в широком масштабе возможно было бы ждать некоторого замедления темпа роста добычи по сравнению с довоенным. Для расчетов сроков истощения запасов каменного угля я и принимаю в дальнейшем темп движения добычи каменного угля в пределах 2—3 %; тогда вероятные сроки истощения запасов каменного угля измеряются цифрой — порядка 200 лет.

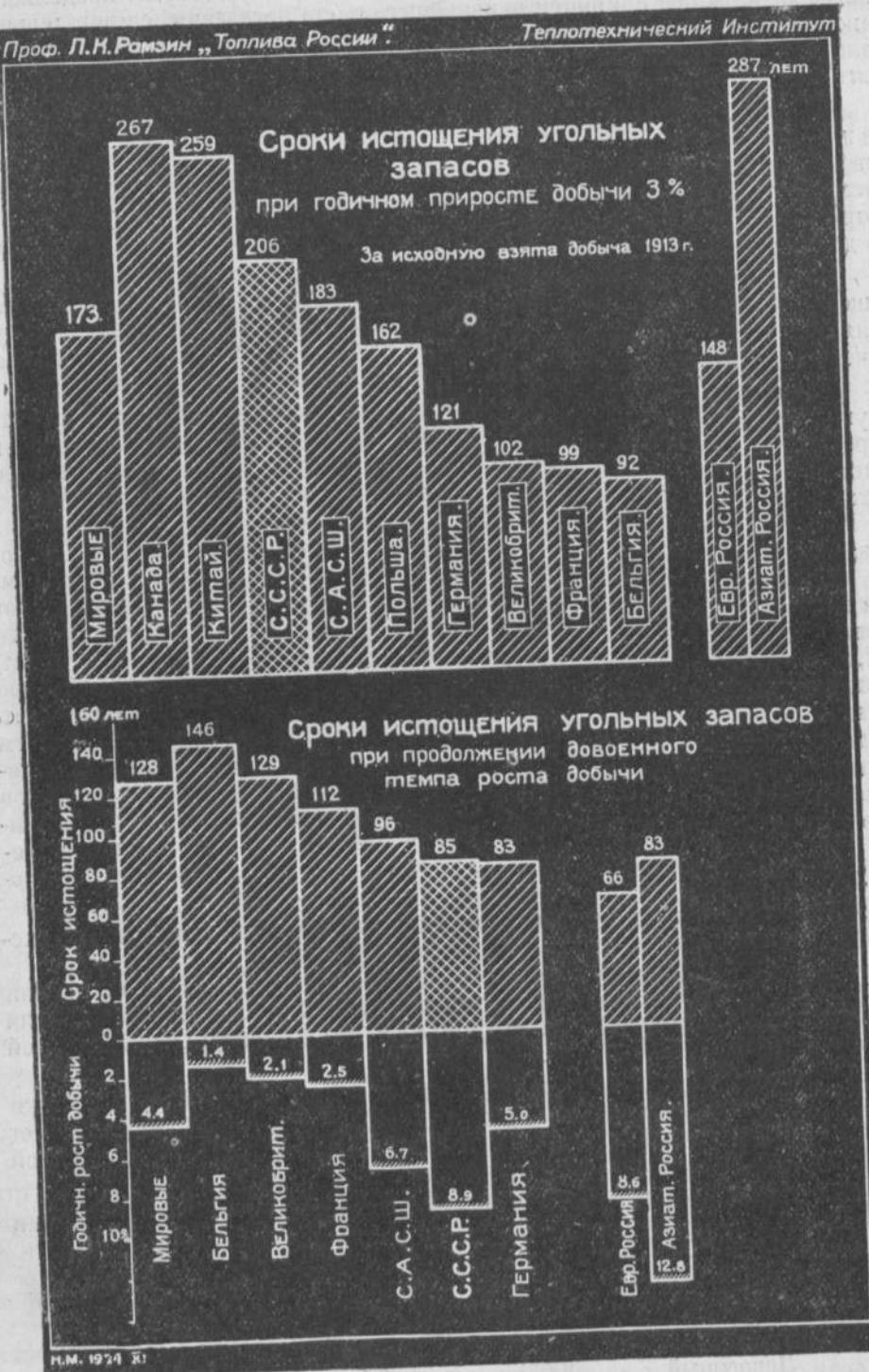
Нефть. Географическое распределение месторождений нефти схематически показано на картограмме фиг. 3.

Мировые запасы нефти для всех стран, кроме СССР, на основании подсчетов David White выражаются цифрой 4 822 миллил. тн.; присоединяя сюда указанные ниже запасы нефти по СССР, мы получаем общий мировой запас нефти 7 696 миллил. тн.

Рост мировой добычи нефти, и в отдельности для С.-А. С. Ш., Мексики и России, за отдельные периоды, виден из диаграммы фиг. 4, которая дает в полулогарифмической системе движение добычи нефти, подобно такой же диаграмме, сделанной ранее для каменного угля.

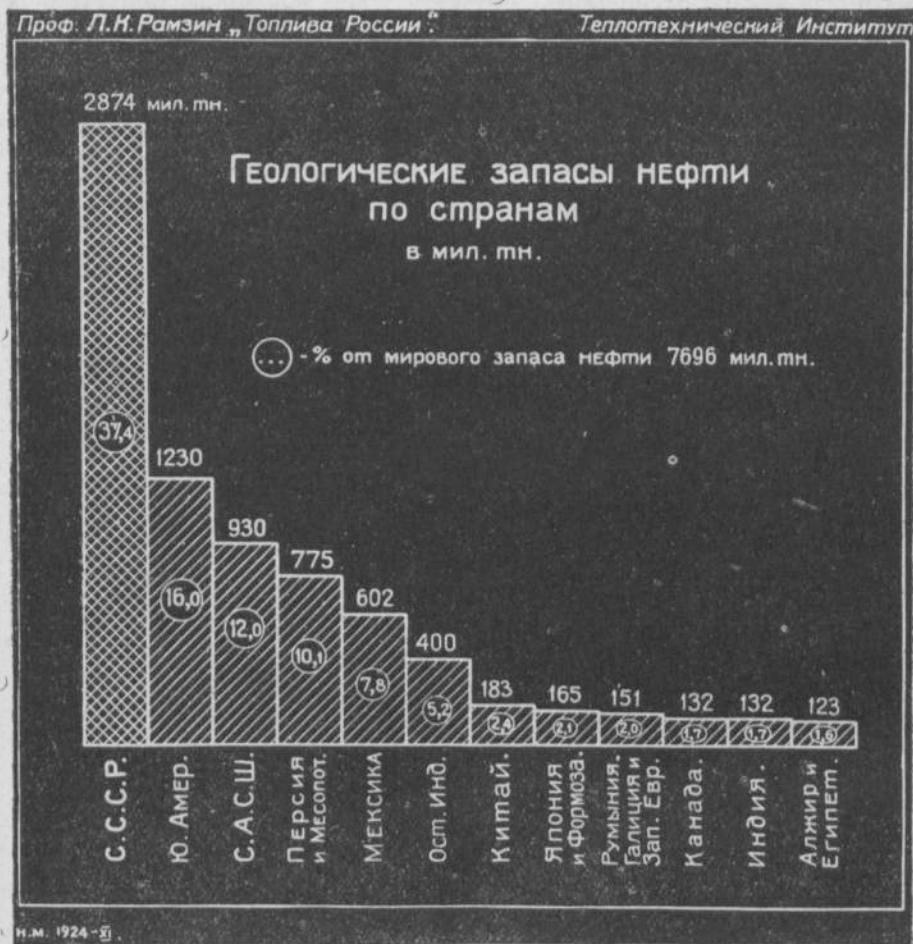
Средний годичный прирост нефтедобычи представляется следующими цифрами:

	Годичный прирост добычи в % %.	Срок исто- щения.
Довоенный	8,0%	22 года
	4,5	29 лет
	0	57 лет.

Фиг. 2.

Таким образом, при довоенном темпе роста добычи, известные до сих пор запасы нефти были бы истощены в течение 22 лет. При темпе роста добычи в 4,5% соответственно довоенному темпу роста добычи каменного угля, этот срок выражается цифрой 29 лет; наконец, если предположить, что добыча нефти остается на тщепершем уровне, то запасы ее будут истощены в 57 лет.

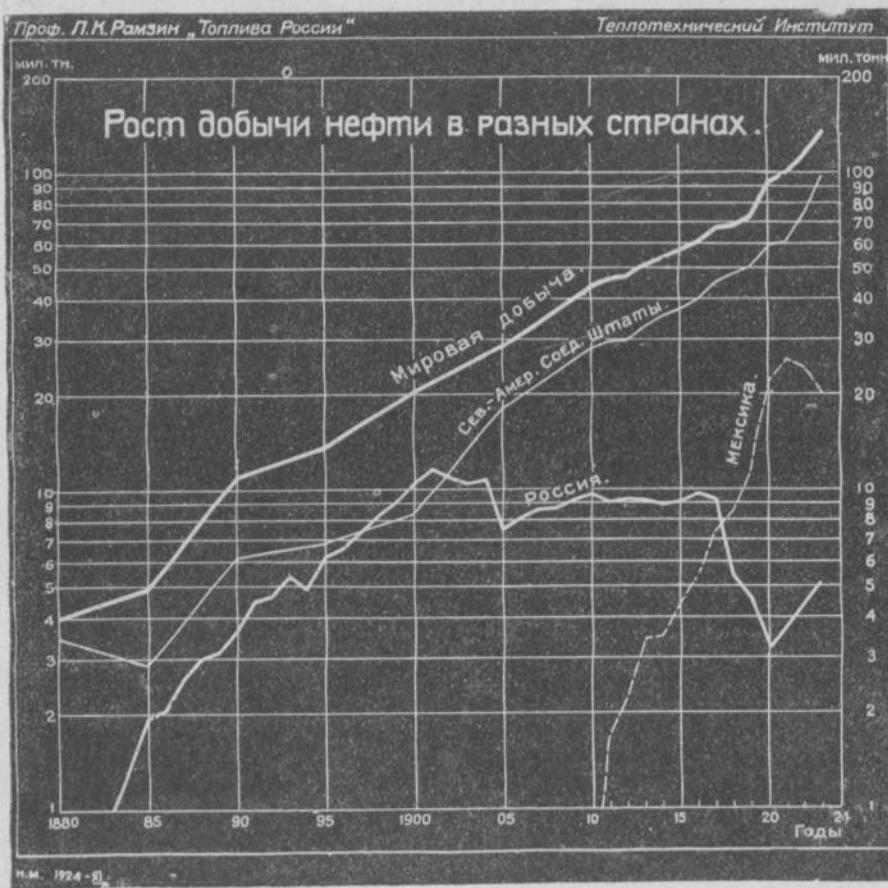

Фиг. 3.

В отношении нефти учет запасов ее, правда, не представляется достаточно полным, как следствие недостаточности геологических разведок, так и под влиянием коммерческих тайн, покрывающих целый ряд нефтяных вопросов. С этой точки зрения можно было бы рассматривать на некоторое увеличение запасов нефти.

Вторая поправка, которую можно было бы ввести в вышеприведенные цифры, вызывается тем, что применяющиеся до сих пор способы извлечения нефти при помощи бурения приводят к использованию лишь сравнительно небольшого процента всей нефти находящейся в недрах земли, ибо коэффициент отдачи нефтеносных пластов весьма низок, почт у бурением извлекается из пласта лишь сравнительно небольшая доля заключенной в нем нефти.

Возможно, что впоследствии, путем разработки нефтяных месторождений при помощи шахт или подобными способами, удастся довольно полно извлекать заключенную в пластах нефть и таким образом увеличить значительно цифру ее ресурсов. Несмотря, однако, на возможное изменение вышеуказанных цифр в сторону их увеличения, приходится, однако, признать, что сроки истощения нефти выражаются цифрой порядка лишь нескольких десятилетий, т.-е. что нефть будет истощена значительно быстрей, чем уголь.

Фиг. 4.

Т о р ф. Запасы торфа подсчитаны наиболее слабо в смысле полноты учета, почему здесь приходится базироваться по преимуществу на весьма проблематических и приближенных цифрах. Тем не менее, имеющиеся данные относительно вероятных мировых запасов торфа показывают, что эти запасы относительно невелики по сравнению с каменным углем и в случае перевода всего мирового топливопотребления на торф запасы последнего будут истощены в весьма короткие сроки, порядка нескольких десятилетий.

Д р о в а. Тот же вывод приходится сделать относительно сроков истощения дровянной древесины, а именно, в случае перевода мирового потребления топлива на дрова запасы дровянной древесины в лесах всего мира были бы истощены в течение, примерно, 35 лет.

Из этих цифр ясно, что сроки истощения имеющихся запасов топлива целиком определяются сроком истощения угольных запасов. Следовательно, срок истощения всех запасов ископаемого топлива приходится оценивать цифрой около 200 лет. По истечении, примерно, двух столетий, имеющиеся запасы ископаемого топлива должны быть исчерпаны, а поэтому и все исчисления для возобновляющихся ресурсов энергии являются логически целесообразным приурочить к тому же сроку, т.-е. рассчитать их на период двухсотлетнего пользования, ибо только для такого, примерно, срока мыслимо продолжение энергетического хозяйства на теперешней базе и с теперешними подходами.

Ввиду этого при учете мировых ресурсов энергии, а также ресурсов ее в СССР мы принимаем везде дальше двухсотлетние сроки пользования невозобновляющимися источниками энергии.

Установивши, таким образом, основную методику подхода к исчислению ресурсов энергии, можно попытаться набросать хотя бы грубую и приближенную картину общего мирового баланса ресурсов энергии.

Мировые запасы невозобновляющихся запасов энергии — ископаемых топлив, приведены в табл. 1; здесь же даны цифры, характеризующие раз-

РЕСУРСЫ ЭНЕРГИИ ТАБЛИЦА 1.
(в мрд. тн. 7.000 кал. топлива).

	Мировые			Россия			% мирового
	мрд. тн.	%	%	мрд. тн.	% к итогу	%	
Невозобновляемые:							
Ископаемые угли	5.600	97,1	75,1	393,9	69,5	50,8	7,0
Нефть	11,5	0,2	0,15	4,3	0,75	0,6	37,4
Торф	215	3,7	2,9	168,6	29,8	21,7	78,0
ИТОГО . . .	5.826,5	100	78,1	566,8	100	73,1	9,8
Возобновляемые:							
Торф	50	3,1	0,7	39,0	18,7	5,0	78,0
Дрова	340	20,8	4,6	63,0	30,2	8,1	18,5
Солома	37	2,3	0,5	6,7	3,2	0,9	18,1
Ветер	826	50,8	11,1	69,0	33,0	8,9	8,3
Водные силы	374	23,0	5,0	31,1	14,9	4,0	8,3
ИТОГО . . .	1.627	100	21,9	208,8	100	26,9	12,8
ВСЕГО . . .	7.453	—	100	775,6	—	100	10,4
В том числе торфа . .	265	—	3,6	207,6	—	26,7	—

мер запасов возобновляемых источников энергии из расчета на двухсотлетнее пользование.

К этой таблице можно сделать следующие пояснения:

Каменный уголь. Сводка основных данных по отдельным странам в области запасов каменного угля сделана в таблице 2. Запасы угля взяты здесь на основании работы XIII геологического конгресса в Канаде, при чем внесены исправления в эти цифры, соответственно новым границам, установленным после войны, а именно: для Германии запасы даны без Саарского района, Эльзаса-Лотарингии и Верхней Силезии, которые соответственно отнесены по принадлежности к Франции и Польше; отдельно выделена Польша, и исправлены цифры для СССР на основании последних данных геологического комитета.

Не останавливаясь пока на сравнении отдельных с ран в смысле обеспеченности их углем, отметим лишь, что общий мировой запас каменных углей в 7 398 млрд. тн. по родам углей распределяется следующим образом:

Антрацит	около 9%
Каменных углей	64%
Бурых углей	27% по натуральному весу.

После приблизительного пересчета запасов углей на условное 7.000 калорийное топливо, общий мировой запас ископаемых углей можно оценить цифрой в 5.600 млрд. метрических тонн.

Нефть. Распределение мировых запасов нефти между отдельными странами сделаны на фиг. 3.

Торф. Как уже отмечалось выше, подсчет запасов торфа представляется чрезвычайно проблематичным. Reischle и Wachter оценивают мировую площадь торфяников без СССР в 36,4 милл. гектар. На основании различных данных площадь торфяников по разным странам выражается следующими цифрами¹⁾:

Великобритания	27.000 кв. килом.
Ирландия	15.000 » »
Сев.-Ам. С. Ш.	30.000 » »
Канада	100.000 » »
Швеция	50.000 » »
Норвегия	12.000 » »
Германия	17.000 » »
Финляндия	100.000 » »

Средний запас торфяной массы в залежах оценен мною в 1.250 тн. на гектар условного топлива, это дает мировой запас торфа без СССР около 46 млрд. тн. условного топлива.

Как показано ниже, запасы торфа в СССР составляют 169 млрд. тн. условного топлива. Таким образом мировой запас торфа выражается цифрой около 215 млрд. тн. условного топлива.

Исчисляя запасы торфяной массы, необходимо, кроме того, иметь в виду, что торфяники не представляют собой мертвого месторождения топлива, а органический массив, продолжающий жить; благодаря этому торфяники дают ежегодный прирост торфяной массы. Размеры этого прироста чрезвычайно разнообразны, находясь в зависимости от климатических условий и флоры торфяного болота.

¹⁾ Purcell, Reischle, Новиков и др.

ТАБЛИЦА II.

	В пределах границах.	Площадь тыс. кв. км.	Насел. милл. челов.	З а п а с ы				Плотн. запас, усл. т. тыс. ти. кв. км.	Душевой запас ти/душу		% миро- вого запаса.	Добыча 1923 г. нат. веса милл. тн.
				Антр. и кам. уг.	Бур. уголь	Всего	Всего		условн. топл.	нат. вес.		
				натур.	веса мрд.	тн.	мрд. тн.					
1.	Мировой	147.013	1.631	4.400	2.298	7.398	5.600	38,1	3.440	4.530	100	1.342
2.	Сев.-Ам. С. Ш.	7.839	110	1.975	1.863	3.838	2.800	357	25.400	34.900	50,0	517,0
3.	Китай	11.138	360	995	1	996	930	84	2.580	2.760	16,6	13,8
4.	Канада	9.659	9	286	948	1.234	800	83	89.000	137.000	14,3	13,6
5.	Россия	20.940	130	408	20	428	394	18,8	3.030	3.300	7,0	29,0
6.	Германия (без Саар. р., Эльз.-Лот. и Верхн. Си- лезии)	469	63	251	13	264	256	545	4.070	4.200	4,6	227,8
7.	Великобритания	314	47	190	—	190	180	573	3.940	4.040	3,2	292,0
8.	Польша	363	30	170	—	170	155	427	5.170	5.670	2,8	41,7
9.	Франция (с Саар. р. и Эльз.-Лот.)	551	40	32,5	1,5	34	30	55	750	850	0,5	57,1
	Европ. Россия . .	4.830	107	60	10	70	64	13,2	597	—	1,1	26,8
	Азиат. Россия . .	16.110	23	348	10	358	330	20,5	14.300	—	9	2,2

На основании данных, сведенных В. К. Новиковым, годичный прирост торфа колебается в пределах от 1 до 16 м/м. увеличения толщины торфяного покрова. Наиболее вероятной цифрой является, повидимому, годичный прирост около 5 м/м в год, что соответствует увеличению торфянной массы около 3 тонн на один гектар.

При общей площади торфяных залежей всего мира около 166 миллиардов гектар, годичный прирост выражается цифрой около 500 миллиардов тн. условного топлива. Принимая, однако, во внимание уменьшение площади торфяников с течением разработки с 166 миллиардов гектар до нуля, средний годичный прирост за 200-летний период надо принять в половинном размере, тогда прирост торфяников в течение 200 лет выразится цифрой 50 миллиардов тн. условного топлива. Эта последняя цифра и показана в таблице 1.

Д р о в а. Мировую площадь лесов можно оценивать на основании данных Reischle и Wachter в 4.200 миллиардов гектар. Запас древесины на одном гектаре можно принять около 25 тн. условного топлива, в частности запас дровяной древесины, на основании соответствующих данных для СССР, примем равным половине всего запаса древесины, он, следовательно выражается цифрой 57 миллиардов тн. условного топлива.

Эта цифра показывает, сколь мал запас энергии в растущей дровяной древесине; даже при давоенном годичном мировом потреблении топлива 1,6 миллиарда тн. условного топлива, все запасы дровяной дре-

весины были бы истощены в $\frac{57}{1,6} = 36$ лет, если бы все

мировое потребление топлива перевести на дрова. Средний годичный прирост всей древесины в лесах можно принять около 0,8 тн. условного топлива на гектар, следовательно, годичный мировой прирост всей древесины составит около 3,4 миллиарда тн. условного топлива, а годичный прирост дровяной древесины приблизительно вдвое ниже, т.-е. 1,7 миллиарда тн. условного топлива в год. Следовательно, за 200 лет прирост дровяной древесины, при условии сохранения площади лесов в перешнем размере, выразится цифрой $1,7 \times 200 = 340$ миллиарда тн. условного топлива.

Из приведенных подсчетов видно, что тепловой годичный прирост дровяной древесины в лесах всего мира, примерно, равен общему тепловому потреблению топлива. Отсюда ясно, что строить на дровах топливный баланс для сколько-нибудь далекого будущего представляется невозможным, ибо дальнейшее расширение потребления топлива не сможет быть уже покрыто дровяной древесиной.

Еще менее возможно рассчитывать на удовлетворение нужд в топливе за счет истощения лесов, т.-е. постепенного их вырубания, ибо выше приведенные расчеты показали, что, становясь на этот путь, человечество истребило бы все леса в очень короткий промежуток времени, взявши из лесов лишь около 57 миллиардов тн. условного топлива и лишив себя впоследствии возможности пользоваться громадным приростом древесин.

С о л о м а. Солома является в земледельческих странах, как, например, в СССР, одним из весьма существенных слагаемых в топливном бюджете, почему было бы неправильно пренебрегать ею при учете общих ресурсов.

Количество ежегодно собираемой соломы можно оценить на основании мирового сбора хлебов в нормально предвоенные годы. Ежегодный прирост соломы на полях можно учитывать цифрой около 370 миллиардов тн. всего условного топлива. Полагая, как и для древесины, что лишь половина всей соломы может быть использована в качестве топлива, мы получаем, что го-

дичный прирост древесины, используемой, как топливо, составит 185 миллиардов тн. условного топлива. В расчете на двухсотлетнее пользование это дало бы 37 миллиардов тн. условного топлива. Мы не вводим здесь поправки на расширение посевной площади, ибо едва ли было бы вероятно на ближайшее время рассчитывать на столь значительное ее расширение, которое могло бы существенно изменить сделанные расчеты.

В е т е р. При использовании энергии ветра мною положено в основу обычно применяемые цифры в 33 л. с. на 1 кв. килом. Общая площадь суши на земле составляет около 147 миллиардов кв. килом., а площадь воды — 363 миллиардов кв. кил. всего же 510 миллиардов кв. килом.

Предполагая грубо возможность использования энергии ветра на половине всей площади, а именно 250 миллиардов кв. килом., мы получим 8,2 миллиарда л. с. возможной к использованию мощности. На основании существующих meteorологических данных, число часов использования этой мощности можно оценивать в среднем около 1.000 часов в году. Следовательно, при предельном использовании энергии ветра можно было бы получить около 8.200 миллиардов сило-часов в год. Чтобы перевести эту цифру на уголь, необходимо задаться средними расходами угля на сило-час. В настоящее время вероятный средний расход условного угля на сило-час в мировом масштабе можно грубо оценивать цифрой около 1 кг. на э. с. ч. Имея в виду дальнейший рост экономичности тепловых двигателей, а также и необходимость длительного срока для использования ветряной энергии, оценим средний расход угля на сило-час на протяжении рассматриваемого двухсотлетия килограмма на э. с. ч., тогда количество энергии, которое можно получить путем использования силы ветра при двухсотлетнем пользовании, выразится цифрой 826 миллиардов тн. условного топлива.

В о д н ы е с и л ы. Суммарная мировая мощность гидравлических сил составляет по оценке Reischle и Wachter 745 миллиардов л. с. Принимая 5.000 часов использования в году и расход условного топлива $\frac{1}{2}$ килограмма на э. с. ч., мы получим, что при полном использовании всех располагаемых водных сил, че-ловечество имело бы в год 1,85 миллиарда тн. условного топлива. Эта цифра близка к теплому потреблению топлива 1,6 миллиарда тн. Отсюда видно, что гидравлические силы даже при полном их использовании в состоянии покрыть лишь теплую потребность в топливе и совершенно не могли бы удовлетворить будущему расширению этой потребности. В расчете на двухсотлетнее пользование водные силы могли бы дать, таким образом, 374 миллиарда тн. условного топлива.

Общая сводка мировых ресурсов энергии, сделанная в табл. 1, приводит нас к следующим выводам:

1) В ряду невозобновляемых запасов энергии подавляющая масса соответствует ископаемым углем, дающим 96% всего количества; совершенно второстепенную роль играет торф, дающий лишь 3,7%. Нефть имеет весьма ничтожное значение, давая лишь 0,2%, от всего количества ископаемого топлива в пересчете на условное топливо. Отсюда ясно, что мировой баланс ресурсов энергии целиком базируется на ископаемых углях.

2) Среди возобновляемых ресурсов энергии первое место принадлежит ветру, покрывающему 50,8% из этой категории источников энергии.

Почти равное значение имеют водные силы и дрова, покрывающие от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{5}$ баланса, и второстепенное значение занимает здесь прирост торфа и соломы.

3) В общем балансе мировых ресурсов энергии, возобновляемые источники энергии дают лишь 21,9%, так что главная масса запасов складывается из невозобновляемых запасов, т.-е. ископаемых топлив, покрываясь преимущественно углем.

4) В общей сумме мировых ресурсов энергии, рассматривая как не возобновляемые, так и возобновляемые источники, первое место принадлежит ископаемым углям, покрывающим 75% всего баланса, второе место занимает ветер, дающий около 11%; на 3-м месте стоят водные силы и дрова, делящие 4,5—5%; далее следует торф — 3,6% и на самом последнем месте находится нефть, дающая лишь 0,15% мировых ресурсов энергии.

Отсюда видно, что нефть является лишь топливом настоящего и не длительного будущего и ни в коем случае не может рассматриваться базой мирового энергетического хозяйства, основной опорой коего бесспорно является каменный уголь.

5) Скромная роль водных сил в размере 5% указывает, что те надежды, которые на них возлагают в будущем, и то значение, которое им обычно приписывают, представляются совершенно несоответствующими их удельному весу; водные силы в состоянии покрыть лишь ничтожную долю общей потребности.

Общий мировой запас энергии выражается, таким образом, цифрой в 7.453 млрд. тн. условного топлива. Чтобы вскрыть значение этой цифры, сопоставим ее с современным мировым расходом топлива.

По приблизительным моим исчислениям, мировое потребление топлива выражается следующими цифрами в пересчете на условный уголь:

Ископаемые угли	1.250	милл. тн.	76,3%
Нефть	200	" "	12,3%
Дрова	150	" "	9,2%
Торф	5	" "	0,3%
Солома	30	" "	1,9%

Всего 1.635 милли. тн. 100%

Отсюда видно, что среднее мировое душевое потребление топлива составляет около 1 тн. условного топлива в год. Сопоставляя теперешнее мировое потребление топлива с мировыми ресурсами энергии, мы видим, что использование каменных углей, примерно, соответствует их участию в мировом балансе. Совершенно ненормально высокое использование нефти, дающей теперь 12,3% топливного бюджета мира при участии в ресурсах цифрой лишь 0,15%. Это ничтожное значение нефти по размеру ее запасов видно также из следующих соображений: если бы все мировое потребление топлива перевести исклучительно на нефть, то ее запасы истощатся в течение $\frac{1.500}{1.635} = 7$ лет.

Интересно далее сопоставить, как велики ежегодно возобновляющиеся запасы энергии по сравнению с современным потреблением топлива.

Возобновляемые запасы энергии по сделанному выше учету ежегодно дают 8.135 милл. тн. условного топлива. Между тем, ежегодное теперешнее потребление топлива, не считая еще энергии, получаемой от ветряных и ведущих двигателей, равняется 1.635 мил. тн. Таким образом, возобновляемые ресурсы энергии дают возможность увеличения теперешнего потребления топлива лишь в $\frac{8135}{1635} = 5$ раз. При дальнейшем быстром росте

потребления топлива, такое увеличение представляется явно недостаточным, ибо, например, за 70 лет мировая добыча каменного угля возросла с 83 до 1.300 милл. тн., т.-е. в 16 раз.

Отсюда видно, что рассчитывать в дальнейшем на сохранение современных способов удовлетворения энергией в будущем возможно лишь при крайнем ограничении темпа дальнейшего роста потребления энергии, а именно, при ограничении потребления пятикратным размером по сравнению с теперешним.

Подсчитавши мировые запасы энергии в размере 7.452 млрд. тн. условного топлива, интересно сопоставить с этим известные расчеты Аррениуса. По подсчетам последнего, годичное излучение солнца на земную поверхность составляет 530×1.018 кал.— это эквивалентно 76.000 млрд. тн. условного топлива в год или 6.350 млрд. тн. условного топлива в месяц, между тем общие запасы ископаемого топлива составляют, как мы видели лишь 5.826 млрд. тн. условного топлива; эти запасы были накоплены землею в период около 320 милл. лет, по исчислениям геологов. Мы видим таким образом, что процесс накопления доступной и использованию энергии в земной коре происходит бесконечно медленно, так как в течение сотен миллионов геологических лет земля сумела скопить запасы меньше, чем одномесячное излучение солнца на земную поверхность.

Далее, вышеприведенные расчеты показывают, что этот запас, накопленный в столь неизмеримо долгий срок, будет израсходован при теперешних способах получения энергии и теперешнем росте ее потребления в очень короткий срок, порядка 200 лет.

Перед человечеством, таким образом, во весь рост становится важнейшая проблема будущего обеспечения себя энергией. Совершенно ясно, что оставаться на теперешней базе силового хозяйства человечество сможет на срок не более двух столетий. В течение этого срока предстоит радикальным образом изменить способы снабжения энергией и перейти на совершенно иные основы ее получения, ибо при продолжении прежнего энергетического хозяйства существующая энергетическая база будет к этому времени полностью исчерпана.

Теперь трудно гадать, каким способом будет удовлетворено быстро растущее потребление человечества в энергии. Один из путей решения этой проблемы совершенно ясен — это использование непосредственной энергии солнечной теплоты. Попытки технического использования солнечной энергии уже известны технике; однако до сих пор применяющиеся методы приводили к получению очень малых мощностей, созданию очень дорогих и громоздких установок. Последнее обстоятельство является очень характерным вообще при использовании энергии низкого потенциала или энергии сильно распыленной.

Совершенно такое же положение получается и при использовании энергии прилива и отлива, энергии прибоя волн, энергии атмосферного электричества, теплоты земного шара и т. д.

Во всяком случае, громадные запасы энергии, не поддающиеся промышленному использованию, могут быть использованы в будущем лишь при условии, если наука найдет способ экономичной эксплуатации энергии низкого потенциала. Помимо этого возможно, конечно, мечтать о других способах разрешения энергетической проблемы, как, например, об использовании интра-молекулярной и интра-атомной энергии, освобождающейся, например, в процессе распада радиоактивных веществ. Наука до

сих пор не знает еще способов регулировать этот распад и направлять его по своему усмотрению.

Во всяком случае, анализ мирового положения в смысле обеспечения энергией приводит нас к выводу о невозможности длительно оставаться на теперешней энергетической базе и необходимости искания новых путей в снабжении энергией, радикально отличных от теперешних. До тех же пор, пока наука и техника не нашли этих новых путей, обязанностью человечества является экономно расходовать те крупицы энергии, которые накоплены землею в течение долгих миллионов геологических лет, не расходовать их столь расточительно и дать возможность человечеству найти пути для полной перестройки энергетической проблемы.

(Продолжение следует).

*) Вторая часть труда проф. Рамзина будет напечатана в следующем номере журнала «Плановое Хозяйство». Ред.

W. Z.

Обзор достижений техники.

Стальные конструкции с использованием трубчатых частей.

(Предисловие проф. Л. Н. Бернацкого.)

В решении экономических вопросов, при составлении экономического плана, правильная постановка технической стороны дела имеет огромное, иногда превалирующее значение. Нет поэтому возможности не касаться в журнале, посвященном планированию, и технических вопросов, но, конечно, углубляться в детали техники здесь не приходится, так как подобное углубление — дело технической литературы, требующей специальной, иногда очень узкой, подготовки. «Плановое Хозяйство» может говорить лишь об общих технических предпосылках, поскольку они неразрывно связаны с экономикой планирования, а равно о тех отдельных технических моментах, которые могут оказать новое и существенное влияние на экономичность вновь воздвигаемых сооружений.

К этой последней категории относится печатаемая ниже информационная заметка, переведенная редакцией из английского журнала «Техника» (*Engineering*) и посвященная, описанию трубчатых металлических конструкций для пакгаузов, складов и т. д. Конструкции эти пока еще находятся в стадии предварительной разработки и не имеют широкого распространения, но идея, несомненно, здоровая и может послужить к развитию совершенно нового типа сооружения более легкого, дешевого и прочного, чем современные металлические конструкции. Разумеется, дальнейшая проработка в указанном направлении необходима, и нашим инженерам-металлистам не мешало бы заняться ею; удачные шаги в этом направлении, может быть, позволят создать тип несгораемого остова здания, достаточно подходящего для наших условий и крайне для них нужного. Эта нужда встречалась у нас очень давно и для удешевления ее применялись такие сорта железа, как старое рельсовое; но распределение материала в рельсе столь невыгодно, что даже железные дороги, обладавшие огромным запасом очень дешевых старых рельсов, лишь в отдельных случаях находили выгодным применение рельсовой конструкции. Трубчатое сечение имеет превосходное распределение материала и потому может оказаться вполне подходящим для целей, перечисленных в ниже помещенной заметке.

* * *

Трубчатое сечение имеет значительные преимущества перед обычными прокатными сечениями при экономичном потреблении железа в гражданских сооружениях, и многие инженеры на этом основании пытались изобрести такие способы соединения элементов конструкции, которые обеспечивали бы практическое применение трубчатых сечений. Некоторые успехи были достигнуты голландскими инженерами, и мы приводим здесь описание одной постройки, воздвигнутой по их способам. Общий вид стальной конструкции складочного помещения, построенного из трубчатых элементов, можно видеть на рис. 1, на котором изображена постройка, недавно воздвигнутая в Гааге. В этом сооружении стойками являются трубы, диаметром в 3 и 4", стропильными ногами (поясами стропильной фермы) и стяжками — трубы диаметром в 2,5", а диагонали в стропильной ферме составлены из труб диаметром в 2". Это сооружение, стальной остов ко-

торого изображен на рис. № 1, имеет пролет в 10 метр. и длину в 25 метр. Из рисунка видно, что в собранном виде ферма представляет собой конструкцию, составленную исключительно из треугольников. Сторонами треугольников являются короткие трубы, снабженные прочными наконечниками, связанными между собой, и скрепленные болтами. Элементы фермы изготавливаются из труб соответствующей длины. Концы труб заглушаются короткими пробками из сименс-

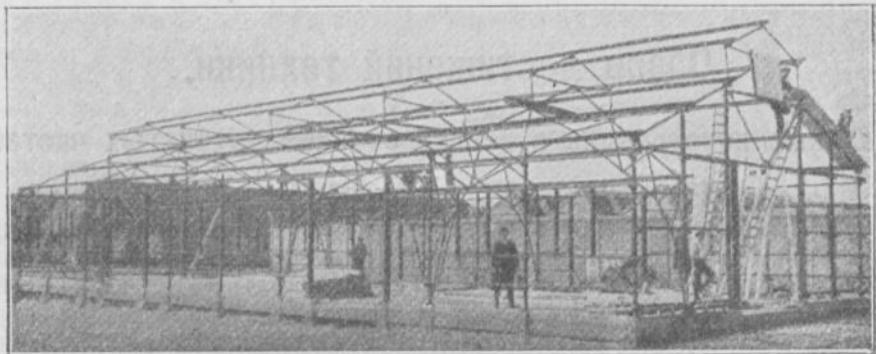

Рис. 1.

мартеиновской стали. Концы вместе с пробками разогреваются до-бела, после чего обжимаются до полного сцепления, а концы пробок обжимаются в виде плоских дисков. После того, как эта операция закончена, просверливаются болтовые отверстия и вокруг них выштампывается вогнутое или выпнутое кольцо для обеспечения наилучшего соприкосновения между отдельными частями фермы.

Центр тяжести вопроса, при использовании трубчатых сечений для строительных целей, состоит в отыскании наиболее удачных конструкций соединения отдельных трубчатых элементов. Конструкции соединения должны быть удовлетворительными в двух направлениях: 1) технически соответствовать своему назначению в смысле прочности и простоты сборки и 2) быть недорогими по своему исполнению. Удачное разрешение вопроса, в смысле отыскания конструкции соединения труб, приведет к массовому изготовлению стальных остовов стандартизованного типа, что, конечно, даст большое удешевление построек данного типа. вся работа по постройке пакгаузов, склада, моста небольшого пролета и т. д. будет проделана заводом, имеющим все данные для наилучшего исполнения этой работы из материалов стандартизованного типа (труб). Что касается сборки остова здания, то ввиду наличия болтовых соединений и, следовательно, отсутствию клепки, работа не представляет никакой трудности и может быть совершена рабочими весьма невысокой квалификации. При такой постановке дела мы имеем наилучшее использование материала, точность работы и сокращение расходов на рабочую силу.

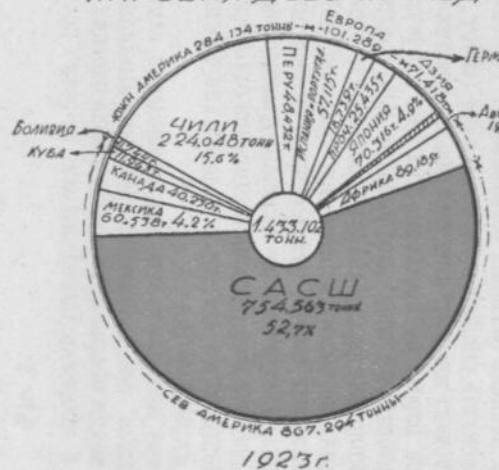
Верхний и нижний пояса стропильной фермы прикреплены болтами к двум взаимно параллельным, наклоненным внутрь здания, трубам, которые соединены между собой тремя стенками. На черт. 15 и 16 показаны принятые типы конструкции концевых соединений.

Такой способ постройки имеет много преимуществ. Употребление трубчатых сечений дает экономию в весе по сравнению с другими конструкциями одинаковой прочности; стоимость трубчатых элементов сравнительно невысока, сборка легкая и расходы на рабочую силу невелики. Трубы после сварки пробок и просверливания дыр могут быть легко собраны на месте и, таким образом, расходы по перевозке весьма невелики. Одно из преимуществ системы, это — устранение дефектов, происходящих от неправильной склейки. Для временных сооружений преимущества трубчатых конструкций очевидны, ибо по миновании надобности сооружение разбалчивается и его элементы могут быть использованы как для сборки такого же сооружения в другом месте, так и для

ПОТРЕБЛЕНИЕ МЕДИ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ
694,8 млн. ант. ф.
1923 г.

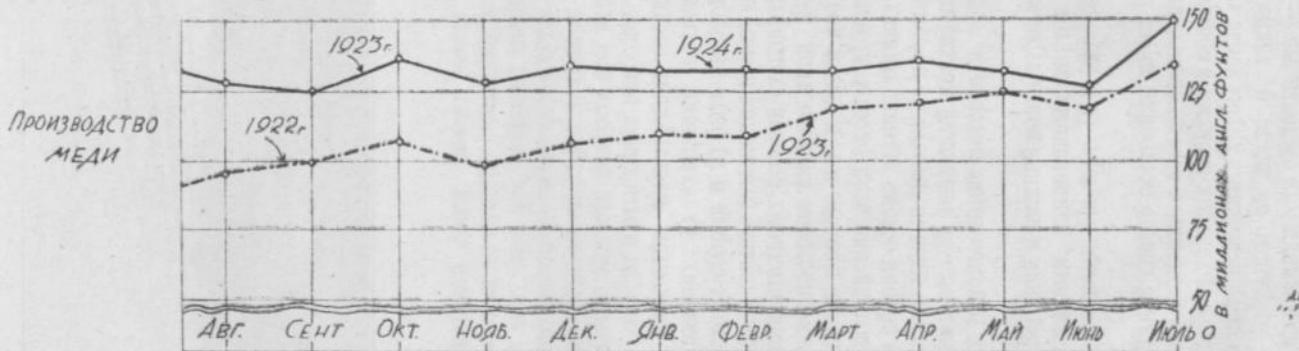
МИРОВАЯ ДОБЫЧА МЕДИ

САСШ
754 563 тонн
52,7%

ПОТРЕБЛЕНИЕ МЕДИ В С.А.С.Ш.
1465,9 млн. ант. ф.
1923 г.

сооружения иного типа. Эта конструкция одинаково применима для разных покрытий, мостов небольшого пролета, подмостей и т. д.

Приимечание: Фотография к данному описанию получена журналом «Engineering» от Mr T. E. Obreen, of the Pluto Stoker Company 2, Upper Westbourne terrace, London, W. 2, который принимает участие в усовершенствовании этой системы.

Данные о мировой добыче меди и ее потреблении.

Тесная связь, существующая между отдельными видами промышленности, зависимыми друг от друга, особенно рельефна в тех случаях, когда добываемое сырье в значительной его части служит базой для определенного вида промышленности. Такая зависимость существует между добычей меди и положением электротехнической индустрии. Электротехническая индустрия является одним из главных потребителей меди и, естественно, развитие электротехнической промышленности ведет за собой необходимость увеличения добычи меди. Медь потребляется для генерации, передачи и распределения тока, а также для изготовления приборов, потребляющих электрическую энергию. Редко можно найти два вида промышленности, так тесно связанных между собой, как добыча меди и электротехническая индустрия. Прямыми следствием усиленного развития электротехнической промышленности в 1923 г. явилось увеличение количества потребляемой ею меди. В 1922 г. электротехническая промышленность С.-А. С. Ш. потребляла 499.300 тыс. англ. фунт. меди, в то время как в 1923 г. эта цифра возросла до 694.800 тыс. англ. фунт., т.-е. на 39%. Увеличение потребления меди равномерно распределилось в производстве генераторов, моторов, распределителей, ламп и т. д. и в расширении передачи и распределения тока. Почти 48% добытой в Соединенных Штатах меди было потреблено электротехнической индустрией. Соединенные Штаты, добывая 1.509.126 тыс. фунт., имеют мировое первенство, характеризующееся 63% мировой добычи меди. Чили занимает второе место, добывая 448.096 тыс. англ. фунт. меди, т.-е. 16% мировой добычи. Германия в 1923 г. добыла 18.739 тонн меди и это количество не может удовлетворить германскую электротехническую индустрию. Германия до войны занимала первое место в экспорте электротехнических изделий, ее экспорт был равен, примерно, 51% мирового экспорта электротехнических изделий. В послевоенные годы экспорт Германии уменьшился более, чем в два раза. Оккупационный период нанес сильный удар индустрии, но теперь экспорт вследствие, примерно, равен 21% мирового экспорта. Годовые отчеты крупнейших электротехнических фирм Германии, оценивая общую ситуацию германской электротехнической промышленности, отмечают недостаток меди, но в то же время вскорь упоминают о возможности использования суррогатов. Использование этих суррогатов, по мнению фирм, должно внести некоторое улучшение в положение дела.

Пять новых сверхмощных паровых станций в Северо-Американских Соед. Штатах¹⁾.

Развивающееся хозяйство требует все большего и большего количества энергии, недостаток в которой растет параллельно с развитием промышленности и ростом культуры в домашнем быту. Ныне пользуемые в Соединенных Штатах источники гидравлической энергии окажутся недостаточными для недалекого будущего и поэтому идет лихорадочное строительство паровых станций, на базе которых, главным образом, будет строиться будущее хозяйство.

Потенциальные запасы гидравлической энергии в Соединенных Штатах, по данным Лондонской конференции, исчисляются в 45.052 тыс. лош. сил. Около 16% этой энергии

¹⁾ Фотографии станции и данные о них взяты из журнала «Electrical World».

уже реализовано, и идет напряженная работа по дальнейшему использованию источников в этой энергии. Параллельно с этой работой сооружаются мощные паровые станции в различных местах Соединенных Штатов. Для сооружения мощных станций Соединенные Штаты имеют в наличии все предпосылки: 1) запасы топлива, 2) капитал для сооружения станций, 3) потребителей.

Запасы угольного топлива Соединенных Штатов исчисляются в 1.234.269 милл. тонн. Американская техника дала лучшие методы добычи угля — машины большой производительности, экономичные в эксплуатации, американский транспорт и подсобные для него разгрузочно-погрузочные приспособления гарантируют своевременную доставку топлива к месту расположения станций.

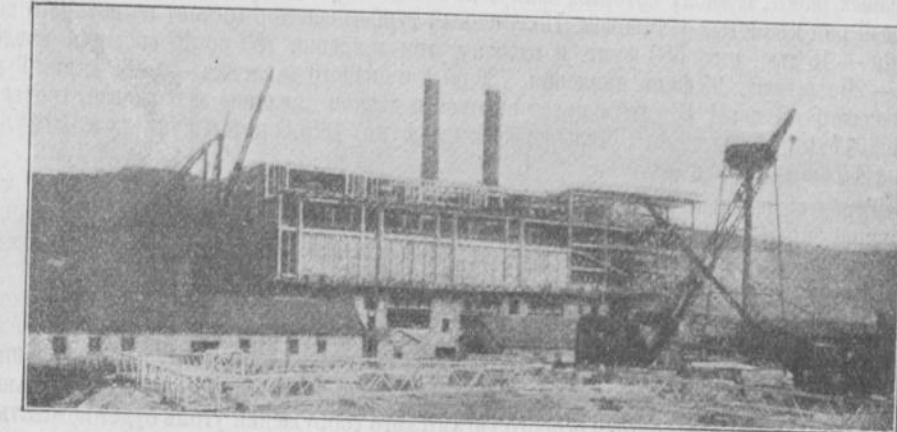
Американский капитал, сильно возросший в период бывшей войны за счет воюющих стран, достаточен для того, чтобы в самом недалеком будущем значительно умножить силовые установки в Соединенных Штатах. Новые пять мощных станций имеют смешанные оборудование, и в числе поставщиков оборудования мы находим Англию, Германию и др. страны. Один из турбогенераторов для станции Нью-Грауфорд в Чикаго, мощностью в 50 тыс. квт, изготовлен английской фирмой С. А. Parsons Co и исключительно водным путем с места постройки доставлен на место назначения. Германская A. E. G. точно так же поставила оборудование для строящихся станций. Заказы Соединенных Штатов за границей, при наличии довольно сложной доставки из Европы в Америку, иногда связаны с гигантскими работами, как это имело место при доставке турбогенератора из Англии, правильнее объяснить не загруженностью американской индустрии за существование старых счетов между Америкой и Европой. Предприниматели считали выгодным заказать турбогенератор в Англии, не взирая на то, что одна пошлина исчислялась в размере 220 тыс. долларов. Нельзя отрицать, что американская промышленность усиленно работает в направлении реализации силовой потенции, но другие, способные на это страны, конечно, тоже будут принимать участие в этой работе.

Американские силовые станции преследуют строго коммерческие цели и блестяще рассчитаны на торговлю энергией оптом и в розницу, и удачная постановка дела в этом направлении, конечно, играет свою роль в деле развития сети силовых станций. Предприниматели хорошо учитывают все окружающие условия, и в зависимости от этих условий и варьируют цену за квт/час. Силовые станции, заинтересованные в максимальном количестве потребителей и в равномерности нагрузки станций, нашли среднюю линию интересов самих станций и потребителей. Рост новых потребителей идет быстрым темпом. Достаточно указать, что в течение 1923 г. этот прирост определяется цифрой в 2.185.377 новых потребителей. Рост спроса на энергию является экономической базой для создания новых мощных станций. Попутно с ростом центральных станций растет культура быта, для которого электрическая энергия в условиях Соединенных Штатов ничем заменена быть не может. Американская техника посвятила очень много внимания созданию самых причудливых приборов для «домашнего пользования». Все эти приборы очень облегчают бытовую сторону жизни и, конечно, потребляют электрическую энергию. Достаточно указать, что в Центральных Штатах, в большинстве случаев, все кухонные, уборочные и пр. работы, требующие энергии, вплоть до чистки обуви, совершаются при помощи электрической энергии. К этому надо присовокупить, что гигантский размах американской промышленности, с широко привитыми методами механизации работ, дает первоначальную базу для создания мощных станций. Интересно проследить выдержки из отчета «Hydro-Electric Power Comission».

Эти выдержки относятся к Торонто, 75 миль от Ниагары.

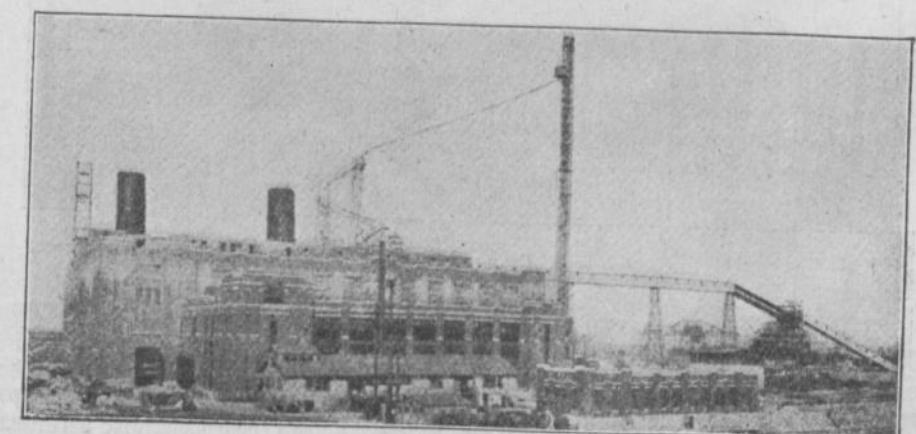
	Квт/час.	Ср. цена квт/час в центах.
дом. цели	84.345.839	2,1
ком. свет	44.149.870	4,0
ком. энергия	166.424.880	1,38
муницип. энергия	71.988.732	1,07
уличн. освещ. и пр.	25.458.225	1,65

Энергия, потребляемая для домашних целей, составляет солидную статью расхода энергии и отпускается по приемлемой для потребителя цене. При таких условиях накапливается привычка в пользовании электрической энергией в бытовой стороне жизни, а это один из залогов роста центральных станций. Предприниматели одной из центральных станций произвели статистический учет роста расхода энергии для домашних целей, и на собрании акционеров докладчик сказал: «Рост станции неминуем, потребности в энергии возрастают, граждане привыкли широко пользовать энергию для домашних целей». Изложенные обстоятельства и большие возможности американского капитала привели к тому, что в ближайшее время начнут работать еще 5 паровых станций большой мощности, давая на первое время 465.080 квт. Законченные станции дадут в сумме 1.392 тыс. квт.

Станция в Торонто.

В Торонто сооружается центральная станция, мощностью в 264 тыс. квт. В настоящее время установлено два турбогенератора по 33 тыс. квт. каждый. Здание станции имеет котельную, турбинную и электрические галлерей. Длина здания 185 фут., ширина 155 фут. Здание имеет усиленный бетонный фундамент, стальные рамы, каменные стены и усиленные бетонные полы. Котельная 185 фут. длиной, 90 фут. шириной и 110 фут. в высоту. Турбинная 185 фут. дл. и 65 фут. шир. Электрические галлерей 185 фут. дл., 32 фута шир. и 80 фут. в высоту и имеют 4 пола. В котельной помещены 4 котла, каждый поверхностью нагрева в 22.500 кв. фут. В турбинной установлены два турбогенератора «General Electric Company» по 33 тыс. квт. Давление в кotle 375 англ. фунтов, температура 265 по F, после перегрева при нормальной нагрузке температура 707 по F. Топливо — порошкообразный уголь.

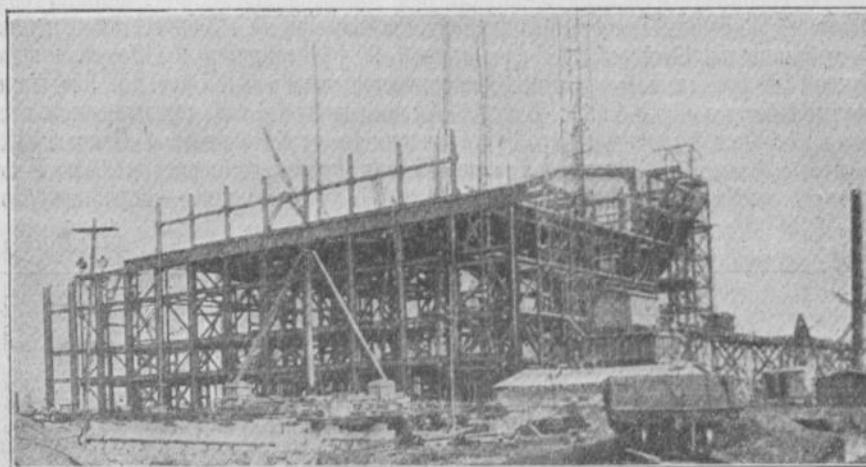

Станция Нью-Грауфорд.

Силовая станция «Нью Грауфорд» в Чикаго рассчитана на первоначальную мощность в 160 тыс. квт. Законченная станция даст 600 тыс. квт. Недавно станция получила из Англии от фирмы «Parsons Сомпани» турбогенератор, мощностью в 50 тыс. квт. Другие 2 турбогенератора уже получены станцией и установлены. Один из них изготовлен фирмой «Westinghouse», мощностью в 50 тыс. квт., а другой изготовлен фирмой «General Electric», мощностью в 60 тыс. квт. Английский турбогенератор привлек всеобщее внимание не только потому, что эта гигантская машина построена вне Соединенных Штатов, но и потому, что эта машина доставлена из Англии в Чикаго исключительно водным путем. Машина доставлена в 187 отдельных частях и 2 из этих частей весили 76 и 67 тонн. Для того, чтобы доставить эту машину на место назначения, совершил целый ряд весьма серьезных работ, к числу которых нельзя не отнести прочистку фарватера в р. Чикаго и целый ряд крановых установок. Полученный турбогенератор состоит из высокого давления — 16 тыс. квт, 550 фунт. и работает при давлении 750 по F, среднего давления — 29 тыс. квт., 95 фунт. давления, 730 по F и низкого давления — 6 тыс. квт. Турбогенератор «General Electric» имеет высокое и низкое давление и развивает соответственно 17 тыс. и 43 тыс. квт. Давление 550 англ. фунт., 185 оборотов в минуту и 110 фунт. при 1200 оборотах в минуту.

Турбогенератор «Westinghouse» имеет высокое и низкое давление. Полагают, что благодаря методам, которые применены на этой станции, будет достигнута большая экономия тепловой энергии, так как расход угля на квт/час будет от 1.5 до 1.6 фунта. Станция будет потреблять в сутки для холодильников и питания котлов 493 милл. галлонов воды. Для этой цели сооружена на канале Чикаго специальная станция. Уголь будет доставляться из рудников Южного Иллинойса и из других источников. Сооружены специальные погрузочно-разгрузочные приспособления с производительностью в 6 тыс. тонн в сутки. На случай перерыва в деятельности копей или транспорта создан специальный склад угля, откуда при помощи особого гигантского сооружения уголь будет подаваться к конвейерам.

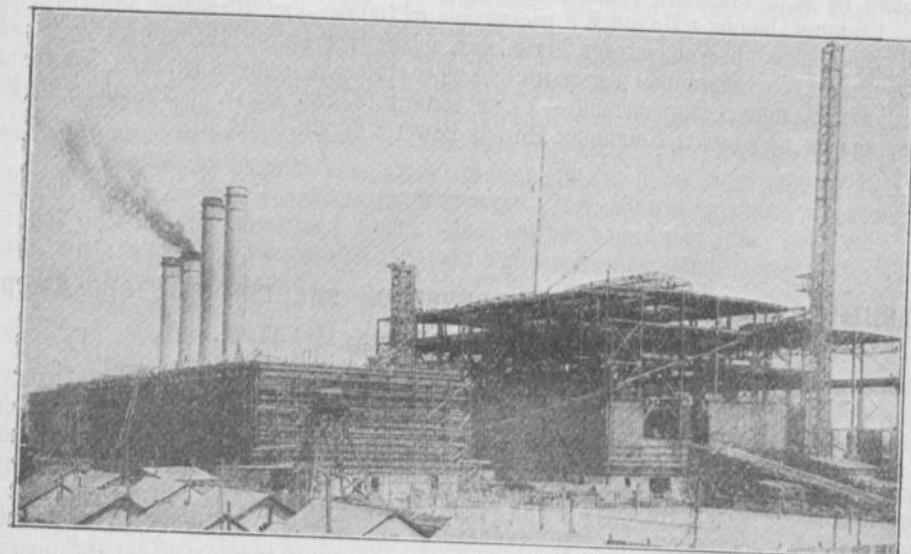
Длина котельной и турбинной 332 фута, а ширина — 236 футов. Две дымовые трубы имеют соответственно диаметры 30 и 26 футов.

Станция Кирри.

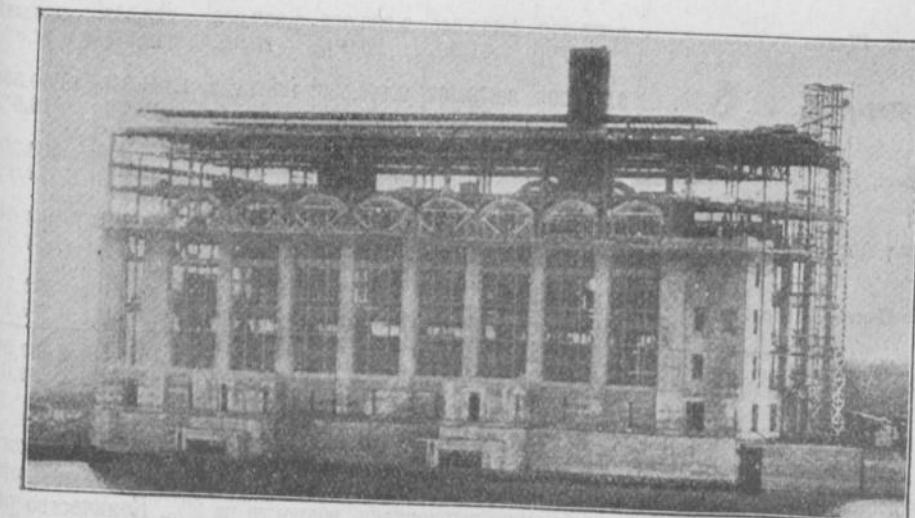
В Новом Джерсее находится Кирри-станция, рассчитанная предварительно на 205.100 квт. Эта станция будет работать в начале 1925г. На станции на первое время устанавливаются 5 турбогенераторов общей мощностью в 205.100 квт. Вероятная мощность станции по окончании работ будет 410.200 квт. Три турбогенератора изготовлены фирмой «General Electric», мощностью по 39.200 квт. каждый, а два турбогенератора, изготовлен-

ных фирмой Westinghouse, по 43.700 квт. каждый. Машины будут работать при давлении 325 англ. фунт., при температуре 271 по F, после перегревания температура 700 по F. Для этих 5 единиц бункера будут иметь в длину 236 фут. 5 дюйм., в ширину 43 фута 9 дюйм.

Станция Лонг-Бич.

Котельная в 206 ф. 3 д. длиной, 167 ф. 6 д. шириной. Турбинная 283 ф. 8 д. длиной, 106 ф. 8 д. шириной. Станция не будет иметь дополнительных и вспомогательных установок, а будет пользоваться для всех целей током основных генераторов. Станция имеет 5 конденсаторов с поверхностью охлаждения 50 тыс. кв. футов каждый. Каждый конденсатор обслуживается двумя насосами с производительностью в 380 тыс. галлонов в минуту. Стоимость оборудования станции при работе только 5 единиц исчисляется в 24 милл. долл.

Станция Пиория.

Станция Лонг-Бич заложена в октябре 1923 г. и рассчитана на 100 тыс. квт. Первая единица — турбогенератор в 35 тыс. квт., изготовлена General Electric Company и предполагалась к пуску в течение ноября этого года. Постройка и оборудование этой станции совершились с наибольшейспешностью, так как гидроэлектрическая станция в Калифорнии не дала должного количества энергии, благодаря сильной убыли воды.

Станция Пиория в Иллинссе рассчитана на 100 тыс. квт. В декабре этого года первый турбогенератор, мощностью в 20 тыс. квт., будетпущен в ход. На станции будет установлено 5 турбогенераторов и каждый будет обслуживаться двумя котлами. Генерация тока двух различных напряжений — 13.200 вольт и 132 тыс. вольт, последний по подводному кабелю передается Компании Illinois Power в Спрингфельд, III.

Данные о потреблении электрической энергии в Северо-Американских Соединенных Штатах.

Американская индустрия пользуется для своих целей, главным образом, электрическую энергию. Этот вид энергии автоматически влечет за собою большие улучшения и упрощения в добывче нужной продукции. Каждый день завоевания научной техники указывают все новые и новые области рентабельного использования электричества в процессе развития хозяйства. Для таких стран, как Сев. Амер. Соед. Штаты, количество расходуемой электрической энергии является показателем экономического развития страны и высоты культуры. В этом отношении особенно показательны данные о расходе электрической энергии в Сев. Амер. Соед. Штатах за первые 6 мес. 1923 и 1924 г.г. По расходу энергии за указанные периоды времени можно нарисовать картину экономического положения и культуры страны. Ниже приводим официальные статистические данные по этому вопросу, отнесенные к указанным периодам времени 1923 и 1924 г.г.

Наименование штата.	Силовая энерг. в тыс. КВТ		Освещение в тыс. КВТЧ.		Электр. ж. д. в тыс. КВТЧ.	
	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.
Атлант. Штаты	4.673.476 58,7%	4.641.045 61,3%	2.308.000 29,0%	1.957.900 25,9%	983.635 12,3%	966.345 12,8%
Сев.-Центр. Шт.	3.576.796 52,2%	3.379.467 52,7%	2.156.500 31,4%	1.967.233 30,7%	1.121.335 16,4%	1.060.555 16,6%
Тихоок. Шт.	2.432.633 60,6%	2.265.867 63,2%	997.000 24,7%	824.940 32,0%	591.400 14,7%	498.300 13,8%
Новая Англия	740.201 51,3%	861.553 58,4%	479.900 15,3%	408.323 27,8%	220.910 15,3%	204.010 13,8%
Юго-Центр. Штаты	749.949 52,0%	671.708 35,1%	424.710 29,5%	368.200 28,7%	266.810 18,5%	232.770 18,2%
ВСЕГО в С.-А. С. Ш. .	12.173.145 56,0%	11.829.640 58,2%	6.366.110 29,2%	5.526.596 27,2%	3.183.730 14,8%	2.961.980 14,6%

Как видно из приведенной таблицы, в 1924 году американская промышленность потребила на 2,2% меньше электрической энергии, нежели в 1923 году. Потребление энергии для целей быта, если так можно выразиться, возросло на 2%. Количество расходуемой энергии для целей жел. дор. возросло на 0,2%.

Эти данные совершенно отчетливо говорят о нижеизложенном:

1) Американская промышленность в первую половину 1924 года переживала тяжелую депрессию, весьма сильно отразившую на общем экономическом положении страны. Благодаря этому резко уменьшилась продукция некоторых отраслей индустрии, что дало в результате даже ликвидацию некоторых финансовых объединений, банков и промышленных предприятий.

2) В течение 1923 и 1924 г.г. «бытовая» нагрузка в Сев. Амер. Соед. Штатах резко повысилась, ибо в течение этого времени был введен в эксплуатацию целый ряд новых электрических приборов для домашнего пользования, а с другой стороны, в этот же период времени к центральным станциям Сев. Амер. Соед. Штатов присоединилось более 2 мил. новых потребителей электрического тока. Такое положение и дало в результате увеличение бытовой нагрузки в 1924 году на 2%, в сравнении с 1923 годом.

3) Повышение расхода электрической энергии для нужд жел. дорог в 1924 году, является результатом усилившимся тенденций к электровозостроению и расширению самой сети электрических жел. дорог. Известно, что целый ряд дорог Сев. Амер. Соед. Шт. в конце 1923 и в начале 1924 г.г. ввел в эксплуатацию мощные электровозы пассажирского и товарного типа.

Таким образом расход электрической энергии в странах, ставших на путь электрификации, довольно точно отражает экономическое положение.

Последующие данные о расходе электрической энергии в Сев. Амер. Соед. Штатах бесспорно будут резко отличаться от данных этого года. Последние достижения в области трубостроения, дающие более экономный расход пара для генерации тока (4 килограмма на килоуат-час), а с другой стороны широкое использование электрической энергии в металлургической промышленности создадут новый подъем в росте центральных станций и сетей передачи тока. Последние Американские данные говорят уже о токе напряжением в 1 мил. вольт, правда напряжении лабораторного масштаба, но по всей вероятности, в скором будущем этот масштаб из лабораторного превратится в индустриальный...

Решение задачи наивыгоднейшего соединения с сырьем, подлежащим обработке, при условии резких территориальных несовпадений источников энергетических ресурсов и сырья, наилучшим образом разрешит прогресс в технике высоких напряжений. Техника находится на правильном пути разрешения этого вопроса и в частности напряжение в 220 тыс. вольт уже создало рентабельную передачу энергии на расстоянии около 800 км.

К вопросу о формах финансового капитала

ОТДЕЛ III

За советским рубежом

К вопросу о формах финансового капитала.¹⁾

(О роли банков в австрийском народном хозяйстве в связи с организационной проблемой экономики переходного периода.)

В настоящее время в экономической литературе понимание сущности финансового капитала не вызывает никаких сомнений. Финансовый капитал — это сросшиеся банковский капитал и промышленный; это — нечто третье по отношению к двум формам капитала, получающееся в результате ограниченного слияния их.

Длящееся уже в течение десятилетий господство финансового капитала и особенно целый ряд явлений в народно-хозяйственной жизни послевоенного периода дают возможность выявить в эволюции финансового капитала две формы его, выкристаллизовавшиеся в конкретной действительности послевоенной экономики. Особенno богатый материал в этом отношении представляет экономическая действительность современной Австрии, в частности, роль банков в австрийской народно-хозяйственной жизни.

I.

Общая характеристика роли банков в австрийском народном хозяйстве.

1) По данным лучшего австрийского справочника — «Compass», «Finanzielles Jahrbuch» 1924 г. — общее число банков в Австрии (ипотечных и коммерческих) превышает 80. В это число входят лишь акционерные банки; не включены частные банкирские конторы.

Число лиц, обслуживающих банки, равнялось в 1921 г. — 26.332 чел., в 1922 г. — 31.918 чел., зарегистрированных в профессиональном союзе. Если принять во внимание, что в металлической промышленности в 1922 г. было занято, по данным профессионального союза, около 170.000 человек, то банковский аппарат составлял немногим менее одной пятой всех рабочих металлистов. Число служащих в некоторых банках превышает 2.000 человек. Так, личный состав отдельных банков на 31/XII—1922 г. равнялся:

Wiener Bank-Verein	2.384	чел.
Credit-Anstalt	2.349	»
Anglo-Austrian Bank Ltd	2.275	»
Allgemeine Verkehrsbank	1.738	»
Zentraleuropäische Länderbank	1.605	»
Allgemeine Depositenbank	1.274	»
Centralbank d. d. Sparkassen	1.212	»
Unionbank	1.056	»
Mercurbank	1.010	»
Wr. Lombard und Escomptebank	833	»
Bodencreditanstalt	790	»
Niederösterreichische Escomptegeellschaft	639	»
Italc-Wiener-Creditbank	158	»
Oster. Industrie-und Handelsbank	144	» ²⁾

¹⁾ Глава из работы: «Экономическая структура современной Австрии». Ср. также — «Австрия в 1914—24 г.» в сб. «Материалы для изучения мирового хозяйства.»

²⁾ Dr. Max Sokal, Die Tätigkeit der Banken in den Jahren 1921—1922, стр. 5.

О степени разветвленности банковской сети дают представление такие цифры: «Wiener Bank-Verein» насчитывает до 25 отделений в Вене и ее предместиях и около 30 отделений в Австрии и во вновь образованных государствах на месте бывш. Австро-Венгерской монархии; «Angl.-Austrian Bank Ltd» насчитывает соответственно около 20 отделений в Вене и свыше 25 отделений в остальной Австрии и «государствах-наследниках» (Nachfolgestaaten) и т. д.

Подсчеты общего числа акционерных обществ и вложенного в них капитала дают следующий результат: 43 банка в 1920 г. обладали капиталом в 2.862.565.000 крон из общего капитала всех акционерных обществ в 7.122.186.000 кр., при капитале акционированной индустрии в 3.346.993.000 кр., т. е. капитал банков составлял более $\frac{1}{3}$ капитала всех акционерных обществ вообще и всего на каких-нибудь 15% был меньше всего капитала, вложенного в индустрию. То же, приблизительно, соотношение сохранилось и к концу 1921 г., когда из общего капитала всех акционерных предприятий в 16.052.498.000 кр. и при капитале индустрии, равном 7.673.175.000 кр., капитал 69 банков составлял 6.760.995.000 кр.¹⁾.

В дополнение к этим данным мы приведем для характеристики австрийских банков еще таблицы, иллюстрирующие движение балансов ряда банков, состояние счетов дебиторов и кредиторов, а также движение собственных капиталов и резервов.

ТАБЛИЦА 1.

Движение балансов.

НАЗВАНИЕ БАНКА.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
	В тысячах крон.			
Wiener Bank-Verein	5.431.965	10.318.350	79.940.998	1.105.545.907
Boden-Credit-Anstalt	4.097.117	6.649.675	34.783.041	1.135.445.868
Credit Anstalt	3.505.502	11.560.649	84.502.590	1.449.591.332
Allgemeine Depositenbank . .	1.380.413	3.827.160	24.582.543	477.803.021
Niederöst. Escomptegesel. . .	1.672.348	2.969.273	31.978.814	1.042.732.202
Zentraleuropäische Länderbank.	3.672.242	12.400.000	45.282.229	738.398.000
Union Bank.	1.151.117	2.950.764	20.230.841	279.037.692
Allgemeine Verkehrsb.	1.637.569	4.456.954	20.342.134	357.832.480
Mercurbank	1.343.000	2.842.924	20.376.810	338.408.979
Centralbank der deutschen Spar-kassen	1.931.333	3.599.724	14.467.770	187.477.587
Osterr. Industrie-und Handels-bank	241.744	545.068	2.790.397	27.208.412

¹⁾ Курс кроны: 1 зол. кр. в дек. 1920 г.—124,46 бум. кр.

1 » » » 1921 г.—1.254,49 » »

1 » » » 1922 г.—14.313 » »

ТАБЛИЦА 2.

Собственные капиталы банков, резервы, дебиторы, кредиторы.

	Kap.	Рез.	Kap.	Рез.	Kap.	Рез.	Д е б и т о р ы .				Кредиторы.	
	1921 (31/XI)	1922 (31 XII)	1923 (31/V)				1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1921 г.	1922 г.
	В миллионах крон.						В тысячах крон.				В тысячах крон.	
Wiener Bank Verein	500	919	11.250	29.778	11.750	44.250	3.502.288	7.236.706	70.260.602	915.332.313	75.742.302	1.036.250.292
Boden Credit Anstalt	210	1.079	7.200	39.772	7.200	39.772	3.343.983	5.844.045	30.910.875	995.470.565	31.860.558	1.071.845.319
Credit Anstalt . . .	600	1.213	15.000	35.000	15.000	35.000	2.550.135	9.508.570	77.334.561	279.045.305	80.423.791	1.368.786.427
Allgemeine Depositenbank	750	1.224	7.500	12.868	7.500	16.300	1.162.996	3.777.253	17.631.269	247.090.484	21.401.009	430.396.573
Niederöst. Escompte-gesellschaft	400	2.760	1.000	31.000	1.000	31.000	1.197.336	2.495.180	29.234.578	841.941.737	26.928.183	995.299.371
Centraleurapäische Länderbank	—	—	—	—	—	—	2.664.255	10.300.231	25.474.555	471.818.000	42.714.516	675.053.000
Union Bank	300	1.013	8.000	16.000	8.000	16.000	788.467	2.268.581	17.203.836	188.502.532	18.413.707	248.456.165
Allgem. Verkehrs-bank	250	398	4.286	14.645	5.246	23.963	1.180.798	3.638.826	16.956.596	288.790.573	18.519.498	321.954.109
Mercurbank	300	355	1.000	17.000	7.500	17.500	1.106.190	2.311.956	17.787.621	267.712.152	18.977.068	302.430.081
Centralbank d. d. Sparkassen . . .	180	126	480	819	1.000	12.894	1.186.659	2.318.340	5.031.571	65.384.733	11.262.233	171.504.991
Ost. Industrie u. Han-delssbank	250	78	1.000	2.549	1.500	5.500	154.572	234.289	1.752.217	16.047.321	2.323.199	21.107.088

2) История хозяйственного развития знает три типа взаимоотношений банков и промышленности¹⁾. Английский тип, когда между банками и промышленностью нет почти никакой связи. Банки ведут только свои чисто «банковые» операции. Нужду в деньгах промышленные предприятия удовлетворяют при посредстве своих комиссионеров или купцов, а иногда, как это имеет место в хлопчато-бумажной отрасли, и путем непосредственного обращения к публике.

Американская система характеризуется тем, что при наличии большого числа средних и мелких банков, имеются законодательные запрещения относительно участия в промышленных предприятиях (*Interessengemeinschaft*) и предписания общегосударственного и местного (федерального) характера, значительно ограничивающие суммы, которые могут быть предоставлены каждым банком отдельному промышленному предприятию; суммы эти должны быть в определенной пропорции к собственному капиталу банка. При таких условиях американские промышленники обычно работают с «должниками и солдатами» банков. Заинтересованность и влияние банков в каждом отдельном предприятии при этих условиях, разумеется, весьма незначительны.

Наконец, третий тип отношений — т. н. континентально-европейский, наиболее ярко выраженный в настоящее время в Австрии. Сущность его — в тесной связи банков и промышленности. Тесное сращивание банков и промышленности характерно для стран, вступивших на путь индустриального развития при относительной недостаточности капиталов. Этот тип развития взаимоотношений можно было наблюдать в довоенной России. В частности, в сфере сахарной промышленности, по характеру своему требующей постоянного большого капитала, влияние банков было очень велико, и Киев-центр сахарного производства, давал много образований типично финансово-капиталистического характера, как например, концерн «Русского для внешней торговли банка» (немецкий капитал), впитавший в себя незадолго до войны наряду с отдельными большими заводами крупнейшее объединение в сахарной промышленности — «Александровское Т-во» — целый комплекс песочных и рафинадных заводов.

По существу дела здесь воспроизводится, на более широкой основе, процесс, в иной обстановке и при иных участниках имевший уже место на заре капиталистического хозяйства. Тогда на одном полюсе мы имели купца-скупщика, обладавшего денежным капиталом, на другом полюсе — ремесленника, либо кустаря; сочетание этих элементов под диктовщиком начальника капитала привело к образованию капиталистической фабрики. Теперь на одном полюсе мы имеем сконцентрированный денежный капитал в форме банковского капитала, на другом — организованные промышленные предприятия. Сочетание этих элементов дает нам новейшие формы капиталистического хозяйства — финансово-капиталистические образования: концерны, тресты и т. д.

История целого ряда банков в Австрии свидетельствует о том, что уже в шестидесятых и семидесятых годах прошлого столетия они были заинтересованы в железнодорожном строительстве и отдельных отраслях промышленности. Так «Oesterreichische Credit-Anstalt für Handel und Gewerbe», основанный в 1855 г., уже в 1867 г. финансировал постройку ряда железных дорог — Siebenbürger Bahn, Franz-Josef Bahn, Fünf-kirchen-Barcsy Bahn. С 1871 г. этот банк участвовал в каменноугольных предприятиях Laura-hütte, Göttlesberger Oberschles A. G. für Kohlenbergbau и др., а также в металлургической промышленности — «Union» Bergbau, Eisen und Stahlindustrie, Judenburger Eisenwerke и т. д.

О том, что в Австрии отношения банков и промышленности не только отношения заемодавца и должника, а отличаются теснейшей общностью интересов и интимностью, открыто говорит в своем отчете о деятельности австрийских банков директор крупнейшего венского объединения — Wiener Giro und Kassen Verein²⁾. Согласно устава ряда банков (ср. напр., *Länderbank*) они имеют задачей основание и участие в промышленных, сельско-хозяйственных, коммерческих, финансовых и прочих в общественном интересе организуемых предприятиях всякого рода и «для основания и ведения перечисленных

¹⁾ Ср. T. h. Vogelstein. «Die finanzielle Organisation der kapitalistischen Industrie und die Monopolbildungen» — в *Grundriss der Sozialökonomik* VI Abteilung, 1923.

²⁾ Dr. Max Sokal. «Die Tätigkeit der Banken in den Jahren 1919—1920», стр. 12.

предприятий они могут организовывать акционерные общества, командитные или т. п. товарищества либо содействовать превращению существующих предприятий в акционерные и т. п.; далее, они имеют право купли-продажи сырья и всевозможных товаров, как за чужой счет, так и за свой». Уставы лишь фиксируют в своих пунктах фактически имеющие место отношения. В концернах и прочих видах объединений, имеющих своим центром банк, последний сосредоточивает в своих руках, как сбыт продуктов, входящих в объединения предприятий, так и заготовку для них сырья, топлива и т. п. Товарные отделы банков разрастаются до того, что нужная уже дифференциация их работы и такой концерн как *Länderbank* имеет специальные отделы: *Koks-Section*, *Papiersection*, *Seiden-Section*, *Zuckerabteilung*.

Выше мы привели таблицу счета дебиторов некоторых банков в 1919—1922 г. (см. табл. № 2). По свидетельству компетентных лиц на долю промышленности приходится из этих сумм до 70%. О размерах зависимости отдельных предприятий можно судить по тому, что один из Grossbank'ов финансировал одно из связанных с ним промышленных предприятий в 1922 г. в сумме 13,5 млрд. на покупку сырья и 4,5 млрд. на производственные и торговые расходы¹⁾, что составляет по тогдашнему курсу в течение года свыше 2.000.000 долл. При средних размерах австрийских предприятий и для 1922 г. «инфляционного» года сумма колоссальная.

Если связь между отдельными промышленными предприятиями и банками по качеству своему может быть охарактеризована, как теснейший переплет интересов, то с точки зрения экспансии банковского капитала она может быть определена, как всеобщая. «Compass» и ряд других изданий приводят списки предприятий, с которыми банки связаны в силу участия (Beteiligung), финансирования (Finanzierung) или основания (Gründung). Нужно иметь ввиду, что связь эта часто бывает временная; кроме того, в списках указаны предприятия, находящиеся в настоящее время за пределами современной Австрии. Но, если, с другой стороны, учесть тот факт, что достоянием печати делается только незначительная часть того, что происходит за кулисами банковых и промышленных сфер, то с этими оговорками, думается нам, можно исходить из ставших достоянием гласности цифр, дающих если не абсолютно точное, то все же приблизительно правильное представление о положении вещей.

Банковый концерн.

	Число связанных с ним предприятий.
1. Anglo-Austrian Bank Ltd.	100
2. Allgemeine Oesterr.-Boden-Credit-Anstalt	50
3. Oesterr.-Credit-Anstalt für Handel und Gewerbe	140
4. Allgemeine Depositen Bank	100
5. Centraleuropäische Länderbank	50
6. Union-Bank	30
плюс Синдикат «Dabrowska»	17
7. Wiener Bank-Verein	90
8. Niederösterreichische Escomptegesellschaft	70

647

По официальным подсчетам в Австрии к концу 1921 г. насчитывалось 596 акционерных обществ, в том числе 69 банков. Все более или менее крупные предприятия, как промышленные, так и торговые, приняли за это время — в послевоенный период — форму акционерных компаний. Если 8 банков охватывают свыше 600 предприятий, то совершенно ясно, что все банки — свыше 80 — охватывают все сколько-нибудь крупные предприятия Австрии.

3) Целый ряд обстоятельств способствовал усилинию зависимости промышленности от банков. Прежде всего, втягивание промышленных предприятий в сферу влияния банков происходило в результате чрезвычайно усилившегося упомянутого нами

¹⁾ M. Sokal. «Die Tätigkeit der Banken in den Jahren 1921 и 1922», стр. 7—8.

выше процесса акционирования. Ряд моментов, в том числе и соображения налогового порядка, в особенности — возможность уклониться от обложения или хотя бы облегчить его тяжесть под прикрытием акционерной фирмы — способствовали превращению единичных фирм в акционерные. Доступность в условиях инфляции самого процесса «Umwandlung» еще больше содействовала этому.

В Германии процесс акционирования развертывался в таком темпе:

Год.	Число акц. обществ.
1913	5.486
1919	5.345
1922	9.490
1923	16.472

1923 г. — год максимальной инфляции дал почти удвоение числа акционерных обществ по сравнению с 1922 г. В конце 1923 г. имело место учреждение акционерных обществ с капиталом в 200 зол. марок¹⁾. Для 1922 г. — года максимальной инфляции в Австрии — у нас нет данных о числе акционерных обществ, но, несомненно, и там имел место процесс, аналогичный германскому.

Банки, имеющие соответственные связи и техническую споровку, были самыми активными участниками этого процесса, в особенности, в связи с теми конкретными выгодаами, которые им сулит участие в учредительной прибыли. В сведениях о связи банков с предприятиями пестрит рубрика «превращение в акционерное общество».

Вторая причина, способствовавшая не столько количественному распространению связей, сколько их качественному изменению — усилинию связи — коренится в ослаблении промышленности в период 1918—1922 г.г. Необходимость приспособиться к новым экономическим условиям, неустойчивость и неопределенность положения на прежних рынках сбыта, рост цен на сырье, которое приходилось закупать в твердой валюте — все это приводит к тому, что промышленность принуждена была обращаться к банкам. Последние же не преминули использовать благоприятную «конъюнктуру». Открывая кредит, они в буквальном смысле закабалют клиента при помощи, так наз. «банковых условий» (Bankkonditionen). Эти условия превратились в настоящее время в особую науку. Список их обнимает не меньше сорока статей, из которых на долю собственно процентов приходится весьма мало. Остальное — провизии и пр. Первоклассные фирмы платят не меньше 25% годовых. Силошь да рядом бывают случаи, когда процент поднимается до 50 и выше.²⁾

И, наконец, третий момент, сыгравший решающую роль в установлении современных взаимоотношений банков и промышленности — это влияние иностранного капитала. Австрийские банки до войны были связаны с иностранными банками. Английский и французский капитал принимал значительное участие в хозяйственной жизни Австрии. С окончанием войны перед иностранным капиталом возникла дилемма: либо отказаться от всякого участия в австрийских делах и тем самым дать погибнуть тому, что осталось еще в Австрии или попытаться спасти, что можно. В дальнейшем выяснилась возможность использовать «инфляционную» конъюнктуру для того, чтобы закупить ценные отрасли австрийской промышленности, создав себе, таким образом, «европейскую» колонию. К этому же времени стало ясно, что овладение балканским рынком и рынком государств-наследников (Nachfolgestaaten) б. Австро-Венгрии требует обладания соответствующим аппаратом. Этот аппарат был найден в лице банков. Иностранный капитал «поддержал» австрийские банки ценой подчинения себе австрийского народного хозяйства.

1) «Wirtschaft u. Statistik» 1924, № 6, стр. 185—186.

2) Benedikt Kautsky. «Finanzpolitische Probleme» («Arbeit und Wirtschaft»). 1924, 15/II, № 4).

II.

Банки — орудия господства иностранного капитала в Австрии.

Послевоенный период принес новое явление в «экономической политике» государств-победителей. Прежде внимание капиталистических хищников в их стремлении к экспансии обращалось — в колониальной политике — на отсталые, по преимуществу, аграрные страны. Новейший этап характеризуется стремлением к колонизации также и капиталистически развитых индустриализованных стран. Схема Дауса — по существу не что иное, как план колонизации Германии. И если по отношению к Германии с ее 60 милл. населения, колонизация — дело трудное, требующее и времени и больших сил, то Австрия, обессиленная и обескровленная Сен-Жерменским и Женевским постановлениями, очень легко стала добычей торжествующих победителей.

Ниже мы приводим некоторые данные относительно внедрения иностранного капитала в народное хозяйство Австрии.

Англия. Проводником английского влияния в Австрии является «Anglo-Austrian Bank Limited». Он был основан в 1863 г. в Вене под названием «Anglo-Oesterreichische Bank». В связи с затруднениями, вызванными войной и послевоенным периодом и невозможностью ликвидировать задолженность Английскому Банку, на общих собраниях акционеров 31/X и 6/XI—1921 г. было постановлено все имущество, все права и обязательства передать вновь организованному в Англии обществу. Форма сделки — основание нового банка — была избрана в связи с английскими законами. Правление было перенесено в Лондон. 27/III—1922 г. конституировался «Anglo-Austrian Bank Limited». На основании соглашения, которое состоялось между «Anglo-Oesterreichische Bank» и группой английских капиталистов, возглавляемых Английским Банком и Банкирским Д'Эмом «Глин, Мильс и Ко», «Anglo-Austrian Bank» принял все активы и пассивы б. «Anglo-Oesterr. B.», в том числе и долг Английскому Банку в 1.665.000. Акционерный капитал «Anglo-Austr. Bank» равен 2.000.000 фунт. стерл.

Влияние Англии ничем не замаскировано. На какие предприятия оно распространяется видно из следующего списка, охватывающего период с 1890 г.¹⁾

1890 г.: Nordböhmische Kohlenwerks-Gesellschaft in Brüx «A. A. B.» перенял Брюксовские предприятия «Anglo-Oesterr. Bank» за 7.600.000 крон. «Hungaria» Акц. Общ. для производства искусственных удобрений, серной кислоты и химических продуктов. 1891 г.: Всеобщая Австрийская Электрическая Компания. 1892 г.: Будапештская электрическая городская железная дорога. Триестский керосиноочистительный завод. 1893 г.: Erste Triester Reisschäl-Fabriks-Aktiengesellschaft. — Triester Kaffee-Verlese-Aktiengesellschaft. — Franz Walsersche Erste ungarische Maschinen etc. Fabrik. 1894 г.: Bänka Commerciale Italiana und Actiengesellschaft für Montanindustrie. 1895 г.: C. Tendloff Co Th. Dittric maschinenfabriks-Aktiengesellschaft. — Hernadthaler ungarische Eisen-Industrie-Aktiengesellschaft. Lobositzer Oelfabrik. 1896 г.: «Schodnica», Aktiengesellschaft für Petroleumindustrie. Bayerische Bank в Мюнхене. 1898 г.: Banque Internationale de Bruxelles (1916 г. слияя с Banque de Bruxelles; приобретение новых акций после слияния бельгийских банков). 1906 г.: Georg Schicht A. G. «Atlantica» seeschiffahrts A.-G., Lenzinger Papierfabrik A.-G., Fiatwerke A.-G., «Ampelea» Destillations und Chemische Industrien A.-G., Banque Commerciale Roumaine, Deutsch-Böhmischa Kohlen und Brikettwerke A.-G., Kommand. A. Janowitz, Zellulosefabrik E. A. v. Peez, Lederfabrik Plunder et Pollak (1913—A.-G.). 1907 г.: Metallindustrie Winter Co Adler A.-G., Neu Erlaer chemische Produktfabrik Ges. m. b. H., Ramingsteiner Papierfabrik Ges. m. b. H., Metallwarenfabrik A. F. Bechmann, G. m. b. H. 1908 г.: Гранская стекольная фабрика, акц. общ. (прежде Hanisch, Hildebrandt et Co). Gerhardus und Söhne Aktiengesellschaft, Caro und Jellinek, Ges. m. b. H., Spalat Zementsfabriks-Aktiengesellschaft. 1909 г.: Pozsonyer Bank A.-G., Oesterreichische Zuckerindustrie A.-G., Wiener Autotaxi-Betriebs-Ges. m. b. H., Metallwarenfabrik Cornides und Co. A.-G. (Umwandlung). 1910 г.: Kosteler Stärke-Industrie A.-G., Compagnie Francaise de Banque et de Mines, Proschwitzer Feintuch und Modewarenfabrik Kopetzky und Söhne A.-G. 1911 г.: Anglo-Oesterreichische Zuckerindustrie A.-G. Holzindustrie A.-G. Bucowina, Bodencreditbank A.-G. in Budapest, Metallwarenfabrik A.-G., vorm. Louis Müllers Sohn Fritz Müller, Philipp Röder-Bruno Raabe A.-G. 1912 г.: Oesterreichische Immobilienbank A.-G. (mit Länderbank), Brotfabrik A.-G. Franz Odolek; Österr. Hansena A.-G., Anglo-

1) В приложении мы даем карту территориального распространения «Англо-Австрийского Банка» в Австрии и окружающих странах — см. карту в конце статьи.

Ungarische Zuckerindustrie A.-G., Österreichische Export A.-G. vorm. A. Janowitz (früher Kommandite)—(1918 in die Internationale Export-und Import A.-G. aufgegangen), Vereinigte Fettwarenindustrie Joseph Estermann E.-G., Spiritus-und-Likörindustrie Calman Fischer und Co. A.-G., Sanatorium und Koranstalten in Baden bei Wien A.-G., Erste Kecskemeter Konservenfabrik «Istria», Stabimento agricolo industriale Società per Azioni. 1913 r.: Vereinigte Graphische Anstalten Koppe-Bellmann A.-G., Joseph Manner und C-o. A.-G., Kunerolwerke Emanuel Khune, und Sohn A.-G. 1914 r.: Siebenbürgische Escomptebank A.-G. (Brasso), Emilia Dampfmühle A.-G uormals Jakob Weinberger und Sohn. «Rico» Verbandstoffwerke Aktiengesellschaft vorm. Richter vnd C-o. 1916 r.: Geldinstitutzentrale (durch Budapest Filiale), Ungar. Fiat-Werke A.-G., «Universale» Baugesm. b. H., Österr. Wald-und-Holzindustrie A.-G., Ungar. Munitionsfabrik A. G. (mit Enzesfelder Munitions A.-G. und Dr. Liptark und Co A.-G.), Zentral-Landesbau-Gesellschaft m. b. H. 1917 r.: Freistädter Wagonbau A.-G. (Aktien 1918 verkauft), Pulverfabrik Skodawerke-Wetzl A.-G. (Beteiligung), Teplizer Maschinenfabriks A.-G. 1918 r.: Internationale Export und Import A.-G. (Beteiligung), Vereinigte Papier. — und Ultramarin-Fabriken A.-G. vorm. Kraus (Beteiligung). Tischaehersche Weicheisen- und Stahlgiesserei A.-G. (Beteiligung), Vereinigte Gerbstoff- und chemische Fabriken A.-G. (Gründung), Austria-Papier-Industrie A.-G. (Gründung), «Hortus» Erste Kroatische Konservenfabrik A.-G., Agram (Gründung). 1919 r.: Ju-ius Meinl A.-G. (Beteiligung), «Home» Holzmanufaktur A.-G. (Beteiligung), Elektro-Osmose A.-G. (Beteiligung). 1920 r.: Bank in Lichtenstein (Gründung), Wiener Armaturen und Maschinenbau A.-G., Wiener Brückenbau und Eisenkonstruktion A.-G., «Allgefinduv», Allgem. Ges. für Industrienuternschmung m. b. H., Austin Ges. m. b. H., Auslandsdienst techn. Industrien, Slowenska Banka (Beteiligung), «Zens» Bleistiftfabrik A.-G. (Gründung), 1921 r.: Metallwarenfabrik Brüder Deutsch A.-G., Jagdpatronen, Zündhütchen- und Metallwarenfabrik A.-G., Budapest, Adolf Stulz A.-G. für Holzindustrie, Wien «Kamig», österr. Kaolin- und Montanindustrie Linz, Universale Bau A.-G., Wilhelm Kux und Bruder, Schuhfabriks A.-G., Wasserwerke A.-G. «Wag», Melniker Lagerhaus A.-G., Caro und Jellinek, Speditions und Lagerhaus A.-G. (Umwandlung) Oesterr. Bettfedernfabrik A.-G. Franz Liebig, Reichenberg (Umwandlung in eine A.-G.) M. L. Biedermann und Co Bank A.-G., Oskar Schubert und Co, Specialmachinenfabrik A.-G., A.-G. der rumänischen Stanz und Emailierwerke «Westen» 1922 r.: Österr-Zuckerhandls A.-G. (Beteiligung), Vereinigte Spiritus und Ziköninsdustry A.-G., Pressburg Wiener Feldbahnhindustrie A.-G. (Gründung). Titania A.-G. für Haus und Landwirtschaftsgeräte, Martin Müllers Sohn A.-G. (Gründung). «Mjrs» Metallwarenfabrik Joseph Rosenthal (Umwandlung in eine A.-G.) Internationale Spiritus Comp. A.-G., Österr. Nationalbank, Silvana Holz A.-G., Alfac-Schuhart-Ges., Obereggendorfer Papierfabriks A.-G. 1923 r.: Union Schuh A.-G.

Франция. Проводником французского влияния является «Zentral-Europaische Länderbank». Банк был основан в 1880 году под фирмой «Österreichische Länderbank». После войны 1914-1918 г.г. в связи с постановлениями о регулировании взаимоотношений с иностранными контрагентами состоялся переход «Oesterr. Länderbank» к французской банковской группе под руководством «Banque de Paris et des Pays-Bas». Правление банка — в Париже. Акционерный капитал — 100.000.000 французских франков.

Банк теснейшим образом связан с Чехо-Словакией и Венгрией. Согласно постановления чехо-словацкого министерства внутренних дел от 20/VIII—1921 г. — «Zentral-Europaische Länderbank» было дано разрешение совместно в Agrarni Banka, Prag und Banque de Paris et de Pays Bas основать Акционерное общ-во под фирмой «Bank für Handel und Industrie, Ehemalige Länderbank». Вновь организованный банк перенял все отделения бывшего «Oesterr. Länderbank» в Праге, Вайтерте, Шенлинде, Аше, Габлонце, Граслице, Иоахимстале и Кенигсреце. Большинство акций вновь организованного банка в руках «Zentral-Europaische Länderbank». В Венгрии «Länderbank» связан с банком «Ungarisches Escomte und Wechselbank».

Для характеристики сферы влияния банка мы даем список предприятий, с которыми банк связан в форме Beteiligung, Gründung или Finanzierung, начиная лишь с 1900 г.

1900 r.: Universal Edition. 1901 r.: Baubewilligung für die Errichtung eines Brauhaussion Pilsen erteilt (1903 mit Natzen weitergegeben). 1902 r.: Österreichische Dampfturbinen-Gesellschaft. 1903 r.: Zündwaren und Wachsfabriken A.-G. «Solo» (Eu ein) 1904 r.: Erste Wiener Grosschlächterei Aktiengesellschaft (Beteiligung k. 400.00). 1905 r.: Wernsdorfer und Giorer Textil-Industrie Aktiengesellschaft gemeinsam mit der Ungar. Bank und Handels Aktiengesellschaft (Aktien 1912 an die Ungarische Bank verkauft). 1907 6.: Furth und Gellert A.-G. für Papierindustrie, Laurin und Klement A.-G. Motorfahrzeugfabrik in Ungbunzlau, Vereinigte Drogen-Grosshandlungen G. und R. Fritz-Pezoldt und Süss A.-G. 1909 r.: Metallwarenfabrik St. Veita, d. Friesting A.-G. (Beteiligung 1916 abgestossen), Carborundum Werke A.-G., Szegediner Zalyvarenfabrik A.-G., Drava Zündwarenfabrik A.-G. in Essz. 1910 r.: Vereinigte Lederfabriken Flesch, Gerlach, Moritz A.-G., Oberungarische Zuckerindustrie A.-G., Südung. Zuckerindustrie A.-G. mit. Ung. Ess. und Wechselbank (Aktienbesitz 1910 abgestossen), Union miniere et metallurgique de Russie (mit der Societe Generale, Aktien 1910 abgestossen).

Anfang 1913 an der Pariser Borse eingeführt). Münchengrätzer Schuhfabrik A.-G., Serbische Lederfabrik Gyurits und Barlovat, Belgrad, 1911 r.: Galizische Volk bank für Landwirtschaft und Handel, Lemberg. Dampfkessel und Maschinenfabriks — A.-G., vorm. Pauker und Sohn, Drahtstafeten, — Schrauben-, und Stahlindustrie Bechert und C-o, A.-G. (Beteiligung, 1910 abgestossen), Holzindustrie — A.-G., Bucowina (mit Anglobank), Österr. Zuckerfabriken A.-G. (1913 — Aktien an Schonpriesener Zuckerraffinerie zum Seltkostenpreis verkauft). Tiroler Aktion-Brauerei Kunde (Aktien 1918 abgestossen). Vereinigte Bandfabriken A.-G. Carl Stummer Zuckerfabriken (Unterbeteiligung). 1912 r.: Österreichische Immobiliarbank A.-G. (im Vereine mit des Augo-Österr. Bank) «Fistag», Fetindustrie und Stärkefabriken A.-G. Islamistische Zentralbank für Bosnien und Herzegovina (mit Ung. E. comote-un Wechselbank) (Aktienbeitz 1917 abg. st. ssin), Adria-Werke A.-G. für chemische Industrie (Unterbeteiligung), Österreichische Zündhochelchen Verkaufs-Ges. m. d. H. (im Vereine mit Industriebank für Galizien, Livnostenska banka und Galizische Landesbank. 1913: «Centra» Vereinigte Seifen, — Stearinkerzen — und — Fettwaren-Werke A.-G. (option auf einen weiteren Teil der Zentralmährischen Zuckerfabriken und Ökonom. A.-G. (gemeinsam mit Credit-Anstalt). Lipotvarer piritusfabril und Raffinerie (Aktienübernahme gemeinsam mit Ung. Esc. und Wechselbank). 1918 r.: «Märkl» Import- und Exportgesellschaft m. b. H. (Gründung), Thurn und Taix'sche Zuckerfabrik, Regensburg (Beteiligung). 1919 r.: Franz Schmitt A.-D. für Lederindustrie. 1921 r.: Bank für Handel und Industrie, ehem. Länderbank, Prag. 1922 r.: Österr. Nationalbank. Phanix-Film A.-G. 1923 r.: Vorarlberger Stickereifabriks A.-G. Aktien 1916 ausgeübt, 1917 Aktienbesitz abgestossen

Второй банк, при помощи которого действует французский капитал, это — «Niederösterreichische Escompte-Gesellschaft», основанный в 1853 г. Весной 1923 г. состоялось соглашение между «N. E. G.» и французской группой «Union Européenne Industrielle et Financière», в которой главную роль играет фирма Шнейдер-Крезо, относительно совместной работы в Австрии и на Балканах. «Union Européenne» приобрел большой пакет акций австрийского банка и имеет своего представителя в Правлении банка в Вене.

Намечается третий банк, как проводник французского влияния — Union Bank. С недавнего времени один из парижских Grossbank'ов — Credit Mobilier — принимает активное участие в делах Union Bank'a через своего представителя в Правлении. Между банками состоялся обмен акциями. Но Union Bank служит, главным образом, проводником американского влияния.

Америка. Северо-Американские Соединенные Штаты связаны с Австрией и Балканами при посредстве нескольких банков. Персонально агентами американского капитала состоят два австрийских, пожалуй, даже по своему удельному весу, международных «pourveaux riches» Зигмунд Бозель и Камилло Кастильони¹⁾.

Фигура Бозеля настолько характерна, что мы считаем возможным уделить ей несколько слов. До войны Бозель — приказчик в небольшой торговле пряжей. Во время войны — продавец в лавочке, обслуживающей военноопленных. Отсюда связи с интендантскими сферами, военные поставки, чрезвычайно стремительное «первоначальное накопление». После войны — удачная спекуляция в связи с инфляцией. В настоящее время Бозель — агент Рокфеллерского треста в Европе, председатель Правления Union Bank'a, основатель в Триесте первого австрийского морского пароходного общества (как известно, все австрийские морские суда после войны отошли к Италии). В своем распоряжении он имеет целый ряд газет: В Вене — «Die Börse», «Die Stunde», «Der Tag», в Берлине — «Der Montag-Morgen». Бозель — еврей — взял на себя покрытие дефицита в бюджете Венского университета, находящегося в руках антисемитов-христианских социалистов. Пикантно, что до последнего времени Бозель числился в рядах социал-демократической партии Австрии и теперь еще он состоит членом Правления (социал-демокр.) предприятия «Hammerbrotfabrik».

В начале 1923 г. произошло генеральное биржевое сражение между «Банкирским Домом З. Бозель» и консорциумом «Dresdner Bank-Castiglionii-Bohmische Union Bank u. Italienische Bank» из-за обладания австрийским Union Bank'ом. Скупив свыше 900.000 акций, Бозель вышел победителем и оказался владельцем одного из крупнейших банков. С этого времени начинается «Drang nach Osten».

В Правление Union Bank'a Бозель втянул чешского угольного короля из Ауссига — Weinmann'a, имеющего связи в Силезии и Польше. Сообщество овладели одним из крупнейших предприятий В. Силезии — «Vereinigte Konigs u. Laurahütte». В 1923 г. Union

¹⁾ Cp. P. Ufermann. «Könige der Inflation» (Arbeit und Wirtschaft, 1924 r. 15/I. № 2).

Bank основывает в Польше акционерное предприятие под фирмой «Bank Unij W Polsc» который должен выполнять здесь поручения своего шефа. Устанавливаются тесные связи, с Корфанди. Летом 1923 г. Union Bank приобретает большинство акций «Societe des Petroles de Dabrowa», Paris. «Dabrowa» контролирует 17 предприятий нефтяной промышленности и среди них: Galizische Karpathen Gesellschaft die Schödnicza, die Petroleumraffinerie Apollo) die Vaterländische Mineral Ig-s-Gesellschaft Budapest, Petroleumgesellschaft «Nova», Wien, Bohm. Erdölproductengesellschaft Prag, Raffinerien in Dzieditz Dobrauer Ges. Wien, Dabrowa Ges. Danzig. «Dabrowa» Paris само по себе большое промышленное предприятие, владеющее нефтегенными землями площадью в 13.000 гект.

Сфера влияния Union Bank'a на основании его участия в различных предприятиях определяется следующим образом:

1889 г.: Internationale Elektrisitäts Gesellschaft. Erste Österr. Aktiengesellschaft für öffentliche Lagerhäuser. 1892 г.: Вместе с Ungarisch-u Hypoteken-Bank Ungarischen Escompte und Wechselbank die Croatisch-slawonische Landes-Hypoteken-Bank in Agram. 1895 г.: Ungarische Agrar-und Rentenbank-Aktiengesellschaft in Budapest. 1898 г.: Österreichische Aktiengesellschaft für Gummi-Industrie. 1899 г.: Veitscher Magnesitwerke von Karl Spaeter in Koblenz. 1900 г.: Holz-Handels Aktiengesellschaft. 1905 г.: Vereinigte Telephon- und Telegraphen Fabrik Czeija, Nissl Co. 1907 г.: Wiener Automobilfabrik A.-G., vorm. Gräf & Stift. 1910 г.: «Szolyva», ungar. Holzverkohlungs A.-G. unter Mitwirkung der Société Industrielle de Celluloid in Paris; die Österr. A.-G. für Celluloidfabrikation. 1911 г.: Österr. A.-G. für Banunternehmungen, «Vila» Krenzenfabrik A.-G., Sarajewo, Wolfsegg-Traunthaler Kohlenwerks A.-G. 1912 г.: Österr. Bosnische Bank (mit Boden-Credit-Anstalt). 1916 г.: «Phoniz» Bau u. Industrie-Gesellschaft m. b. H. (Beteiligung), Bulgarische Nationale Bergwerksgesellschaft. 1917 г.: Oderberger chemische Werke A.-G. 1918 г.: Kroatische Handelsbank A.-G. (Beteiligung). 1920 г.: Steirerbank A.-G., Graz, «Timber» Holdinggesellschaft für Werte der Holzindustrie. 1921 г.: Wiener Allgemeine Handels A.-G. (mit Pester Umg. Commercialbank), Ölind. A.-G., Glarus, Allgemeine Versicherungs-Gesellschaft «Heimat» in Wien (mit Boden-Credit-Anstalt und Commercialbank), Braubank A.-G. (mit Boden-Credit-Anstalt und Bank für Oberösterreich u. Salzburg). 1922 г. t Centralspeditionen A.-G., Au Micado Kolonialwaren A.-G. Österr. Nationalbank (Beteiligung) 1233 г.: Union - Bank in Polen.

Второй банк, через который действуют американцы, это—«Allgemeine Österreichische Boden-Kredit-Anstalt». В 1922 году Т. Д. А. J. P. Morgan в С-о приобрел большой пакет акций этого банка и тем самым получил возможность использовать связи его в своих интересах. Банк теснейшим образом связан с Чехо-Словакией, Юго-Славией, Польшей и Болгарией. Его участие в жизни Австрии выражается 50 случаями.

Банкирский Дом «Kuhn Loeb, & Co New-York» и Garanty Trust Company of New-York действуют через «Österreichische Credit Anstalt für Handel und Gewerbe»—Ротшильдовский банк.

1867 г.: Siebenburger Bahn, Franz-Joseph Bahn, Fünfkirchen Barczer Bahn, Alfölder-Bahn-Ungar. Allgem. Creditbank. 1868 г.: Österr. Nordwestbahn, Arad-Temesvarer, St. uhlweissenburg-Raab-Grazer Bahn, Innerberger Gewerkschaft, Pester-Kohlen-und Ziegelgewerkschaft, Linz-Budweis. 1869 г.: Dux-Bodenbücher, Vorarlberger, Ung.-Galiz. Bahn, Austro-Egyptische Bank, Brünner Wasserleitung. 1871 г.: Austro-Ottomannische Bank, Gotthardbahn, Süddeutsche Bodenkreditbank, Ams terdamer Bank (Gründerrechte 1910 verkauft) Laurahütte. 1872 г.: Gottesberger, Oberschles. Aktiengesellschaft für Kohlenbergbau, «Union», Bergbau, Eisen und Stahlindustrie, Judenburger Eisenwerke. 1873 г.: Verkehrsbank, Deutsch-Lothringen Eisenwerke in Ars. 1875 г.: Sigl Lokomotivfabrik. 1880 г.: Banque Russe et Francaise, Münchener Rückversicherungs-Gesellschaft. 1881 г.: Budapest-Fünfkirchner Bahn (gem. mit Ungar. Allgem. Creditbank). 1882 г.: Mineralöl-Raffinerie-Gesellschaft, Fiume. 1883 г.: Türkische-Tabak-Regie-Gesellschaft (gem. mit Banque Imp. Ottoman und S. Bleichreder). 1890 г.: Localbahn-Postscharrad-Wuzzmes (Erwerb auf Grund einer Vorschussgeschäfte mit den Concessionären). 1892 г.: Brünner Steinkohlen und Seifen fabrik. 1894 г.: Aktiengesellschaft für Mühlen- und Holzindustrie, Erste Österr. Linoleumfabrik. Banka Commerciale Italiana. 1896 г.: Ostrauer-Bergbau-Aktiengesellschaft vorm. Fürst Salm in Brünn (Beteiligung—in 1916 verkauft), Hirtenberger Patronen-Zündbrüten-und Metallwarenfabrik vormalis Keller & Co. 1897 г.: Aktiengesellschaft für Naphtha Industrie. Nestomitzer Zuckerraffinerie (beteiligt mit einem grösseren Betrage von Prioritäts-Aktien, Aktienbesitz 1910 vermehrt). Providentia, allgem. Versicherungs-Gesellschaft in Wien. 1898 г.: Banque Internationale de Bruxelles. Alleanza Società di Assicurazioni in Genua. C. Stölzle Söhne A.-G. für Glasfabrikation, Brünner Lederfabrik vorm. Maxim. Grünfeld. 1899 г.: Aktiengesellschaft der Öster. T. fabriken, Tanner, Laetsch & Comp. (1909 abgestossen). Skodawerke, Pilzen. 1901 г.: N. Heid, Maschinenfabrik Akt.-Ges. Sockerau. 1905 г.: Webstuhl und Weberei Maschinenfabriks A.-G., Troppau, Gebrüder Rosenthal Aktiengesellschaft

für Textilindustrie, Hohenems. Öster. Chemische Werke, A.-G. Wien. Papier-Industrie A.-G. Of leschau. 1906 г.: Banca di Pirano. Banca di Ravigno, Vereinigte Färberei-A.-G., Guntramsdorfer Druckfabriks A.-G., Anglo-Continentale Kondensmilch A.-G., Nord-Mährische Brauerei A.-G. Marokanische Staatsbank. Maschinenfabrik L. Zieleniewski in Krakau A.-G. Vereinigte Maschinenfabriken Pusch-Ganahl A.-G., «Adriatica» Speditions A.-G. 1907 г.: Kaliwerke A.-G., «Mundus» A.-G. der vereinigten österr. Bugholzmöbel-fabriken, Rohöl-Handels-Ges. m. b. H. (Anteil 1911 verkauft), Austro-Orientalische Handels A.-G. (1917 in die Intern. Exp. u. Imp. A.-G. aufgegangen). G. Roth A.-G. 1908 г.: Schellpressen-Fabrik vorm. L. Kaisers Söhne, A.-G. Könighofer Kattundruck A.-G. Mitterberger Kupfer A.-G., Spiritus Industrie A.-G., Steinwerke H. Kulka & Co (Beteiligung verkauft). Chemische Fabrik Wagenmann, Seybel & Co. 1909 г.: Eisenwerk Rothau A.-G. (1910 Option auf Aktienbezug ausgeübt). Brauerei Union Laibach. 1910 г.: Zuckerfabrik Wegstädt, «Hercig. Bosna» Landesvers.- Gesellsch. (Beteiligung), Radziwill, Vimmer & Zelenay A.-G. (Erzeugung von Ton- und Sandfabrikaten), Mittalwabahn, Koliner Spiritus A.-G. (Aktienerwerb), Kaadener Zuckarfabrik G. m. b. H. 1911 г.: Österr. Elektrizitäts-Lieferungsgesellschaft (Beteiligung 1919 an ein tschechoslowakisches Konsortium abgetreten), Umwandlung der Ringhofferschen Maschinenfabrik (mit Boden-Kredit-Anstalt), Umwandlung son Alois Schweiger, Umwandlung der österr. u. ungar. Deckert- u. Homolka Werke in A.-Gesellschaften, Adriawerke A.-G. für chemische Industrie, A.-G. (Umwandlung), Terrain—Ges m. b. H. Strasshof, Wien. Mährische Zuckerindustrie A.-G., Grusbach (Umwandlung), Carl Stummer Zuckerfabriken A.-G. (Aktienerwerb mit Boden-Credit-Anstalt und Ungar. Credit-Anst). 1912 г.: Franz Xaver Brosche A.-G. Zündwaren A.-G. «Helios». Mürzthaler Holzstoff- und Papierfabriken M. Diamant & Co (Umhandlung mit Wiener Bank-Verein). 1913 г.: Zentralmährische Zuckerfabriken u. Ökonomien A.-G. (Beteiligung). Berndorfer Metallwarenfabrik Arthur Krupp A.-G. (Umwandlung) 1915 г.: Vom k. k. Ministerium des Innern legitimierte Einkaufsstelle («Miles») Gesellschaft m. b. H. (Beteiligung), Österr. Fruhgzeugfabrik (mit Skoda werke). Finanzierung der Ungar. allgem. Maschinenfabriks A.-G. (Anlässlich der Aufnahme des Baues von Flugzeugen), Fusion der Vaterländ. Maschinen-fabrik L. Lang, Bau und Rekonstruktionen G. m. b. H. 1916 г.: Bulgarische Nationale Bergwerks—G., Ungar. Stickstoffdünger Industrei A.-G. Landes-Bauges. m. b. H. (Kapital K. 2.000.000), Umwandlung der Österr. Zentraleinkaufs-Gesellschaft A.-G. (liquidiert) «Mittropas», Mitteleuropäische Schlafwagen und Speisewagen-A.-G. (Beteiligung), Ungar. Erdgas—A.-G. (Beteiligung). 1917 г.: Nationale Aktiengesellschaft für Zuckerindustrie, Solfia (Beteiligung), Deutsche Industrie A.-G. Belgrad (Beteiligung) Metall- und Erz-gesellschafts m. b. H., Wien (Beteiligung), Pulverfabrik Skoda werke, Wetzler A.-G. (Beteiligung), Fischersche Weicheisen- u. Stahlgiesserei—Ges. (Umwandlung) 1918 г.: Internationale Export- und Import A.-G. Wien, Perseveranza Seeschiffahrts A.-G., Sascha Film Industrie A.-G. (Umwandlung) 1919 г.: Marswerke A.-G. (Gründung), Schiffswerke A.-G., Linz (Gründung) Julius Meinl A.-G. (Beteiligung). 1920 г.: Kreditanstalt für Handel u. Industrie, Leibach, Erdölindustriebank A.-G., steirische Holzverwertungs A.-G., «Mundus» Allgem. Handels- u. Industrie A.-G. Zürich, Tarbouches Trust Soc. An. Amstelbank, Amsterdam. 1921 г.: Wasserkraftwerke A.-G. («Wag»), Jagdpatronen-Zündhutchen- und Metallwarenfabrik A.-G. Budapest, Allgemeine Wollhandels—A.-G., Holzindustrie Hugo Forchheimer A.-G., Österr. Rhederei A.-G., Brauerei Zipf A.-G. vorm. Wm. Schaup, Steirische Holzverwertung A.-G. Schlesische Creditanstalt Bielitz, Slowakische Allgemeine Creditbank Bratislava, Julius Meinl A.-G., Prag, Zuckerfabrik Chybi (Polen). 1922 г.: Wöllersdorfer Werke A.-G., Österr. Nationalbank, Allgemeine Nationalbank.

Наряду с перечисленными, проводником имперского влияния является также «Export und Industrie Bank», основанный «Allgemeine Depositen Bank» совместно с Кастильони, который состоит вице-председателем банка.

Помимо финансирования торговых и промышленных предприятий, банк имеет представительства разных иностранных фирм, главным образом, а м е р и к а н с к и х. Центр тяжести в работе «Export. u. Industrie Bank'a» — торговые операции. Кроме отделов «Экспортного» и «Русского», — «E. u. I. B.» связан с Госбанком СССР — имеются еще следующие специальные отделы: хлебный, масляный, отдел жиров, химический, текстильный, отделы по продаже дерева, стекла, фарфоровой и эмалированной посуды.

Италия. В австрийской народно-хозяйственной жизни Италия участвует прежде всего при посредстве «Società Italiana di Credito Commerciale», имеющего Правление в Милане и отделение в Вене. Вице-председателем этого банка является Камилло Кастильони, работающий одновременно, как мы видели, и в качестве агента Америки.

Сын триестского равина, до войны—средний торговец автомобильными шинами, Кастильони, так же, как и Бозель сумел использовать военную и послевоенную «инфляционную» конъюнктуру. Разбогатев на военных поставках, Кастильони приобрел ряд автомобильных и связанных с автомобильным производством предприятий, в том числе крупнейшую фабрику резиновых изделий и автомобильных шин «Semperit Werke».

В дальнейшем прибрал к рукам самое крупное автомобильное предприятие в Австрии — «Daimler Automobil Werke», и, наконец, стал во главе итальянской фирмы «Fiat», которая представляет группу итальянских финансистов во главе с банком «Credito Italiano». В 1919 г. группа «Fiat» приобретает пакет в 200.000 акций концерна «Alpine Montangesellschaft». Кастильони в союзе с другим банком «Banca Commerciale Italiana» приобретает еще 50.000 акций. В 1921 г. пакет акций группы «Fiat» переуступается Стиннесу, с которым заключено соглашение о поставке кокса и угля. Стиннесовский концерн, а с ним и Кастильони, финансируемый итальянским капиталом, в союзе с Англо-Венгерским банком, проникают в Венгрию, на Балканы и в Турцию. Нет почти ни одной области хозяйственной жизни, с которой Кастильони не был бы так или иначе связан: в железной и стальной отрасли — он проник в предприятия «Stahlwerken-Schöller» и «Leobersdorfer-Trainen»; в электротехнической — в «Felsen-Guilleaume Werke» и в «Tochtergesellschaft», швейцарской фирмы «Brown.-Bovari-Gesellschaft»; в бумажной отрасли он наложил руку на предприятия «Leykam-Josefstal-Elbemühl» и т. д. С одной итальянской группой он проник в штирийские «Elektrizitätswerke» (Stewag) и тем самым поставил в зависимость от себя — путем тарифных наложений — целую группу предприятий, питающихся электрической энергией «Stewag'a».

Поле действия Кастильони¹⁾ не ограничивается, само собой разумеется, Австрией и Италией. Пустив глубоко корни в Австрии, он в настоящее время имеет участие, либо контролирует, целый ряд предприятий в Юго-Славии, Венгрии, Румынии, Чехо-Словакии, Польше и Германии. Сфера его влияния в последней — аэропланный и автомобильный промышленности.

Кроме Кастильони и «Società Italiana di Credito Commerciale», итальянский капитал имеет еще к своим услугам «Allgemeine Depositen Bank». В силу соглашения, состоявшегося после окончания войны между «Allgemeine Depositen Bank» и финансовой группой «Banka Commerciale Italiana», между обоими институтами установлена самая тесная связь, и при содействии итальянцев акционерный капитал Бенского банка увеличен был в короткое время в несколько раз. В настоящее время он равен 12.500.000.000 крон. «Allgemeine Depositen Bank»—банк позже других вступивший на путь установления тесных связей с промышленностью; но за промежуток времени с 1910 г. он успел связаться с огромным числом предприятий. По подсчетам «Compass'a», к этому концу 1914 г. принадлежат не меньше ста предприятий.

Швейцария. Швейцарское влияние осуществляется через посредство «Wiener Bank Verein». В 1922 г. «Basler Handelsbank» приобрел 250.000 акций «Bank Verein» и тем самым вступил с ним в тесные взаимоотношения. Акционерный капитал банка равен 21.000.000.000 крон. К концу 1922 г. «W. B. V.» принадлежат свыше 90 предприятий из них в сферу влияния банка втунты, начиная лишь с 1918 г., следующие:

1918 r.: «Fluvia» Ungar. Schiffsbau u. Reparaturanstalt A.-G. (Beteiligung) Öster.-Ungar. Spanische Bank in Madrid (Beteiligung), Ferdinand Süss Präzisions-mech. A.-G. (Umwandlung Banque Generale de Turquie (Beteiligung), Ebreichsdorfer Filzhutfabrik S. u. J. Fränkel A.-G. (Umwandlung); 1920 r.: A. Herm. Frankl u. Sohne A.-G., 1921 r.: Österreichische Telephonfabriks A.-G. formerly J. Berliner, Teodor Etti u. W. Bergel A.-G. Statzendorfer Kohlenwerk, «Ziegler-schächte» A.-G. Mannesmann Röhren u. Eisenhandels—A.-G., Budapest, «Ost» Export u. Import A.-G., Wiener Leiderindustrie A.-G., Wasserkraftwerke A.-G. (Beteiligung), Steirische Wasserkraft u. Elektrizitäts A.-G. (Beteiligung), Allgemeine Automobil A.-G. 1922 r.: Österreichische Nationalbank (Beteiligung), Allgemeine Bankverein in Polen (mit der Banque pour l' Etranger, Bruxelles), Waggon u. Maschinenbanstalt A.-G. in Görlitz (Beteiligung) Joseph Voigt u. Co «Zum schwarzen Hund» A.-G. (Umwandlung), Hermann Herz Söhne, Salamifabrik A.-G. (Umwandlung) Vereinigte Gummwaren-Fabriken Harburg Wien, vormals Menier—J. N. Reithoffer A.-G. (Umwandlung), Österr. Zucker-handels A.-G., «H. A. Hedding» Maschinennaraturen u. Werkzeugfabrik A.-G., Erwin Koppl Handels A.-G., Brauerei Jedlesse Rudolf Dengler A.-G., Allgemeine Lagerhäuser A.-G. Lemberg.

Лица, близко стоящие к банковым кругам Австрии и знакомые с ее хозяйственной жизнью, так приблизительно намечают сферу влияния отдельных иностранных государств: Англия—в области химико-металлургической промышленности (концерн

¹⁾ По газетным сведениям, положение К. Кастильони во время последнего австрийского кризиса сильно пошатнулось.

Noel-Dynamit) и водный транспорт — дувайские пароходства почти целиком в ее руках; Франция — в области машиностроительной промышленности и вместе с американским капиталом — в нефтяной (Société Dabrowa); Америка господствует в сфере так наз. «Rüstungsindustrie» и металлической промышленности и, наконец, сфера швейцарского влияния — текстильная промышленность. Кроме перечисленных, имеет свои интересы в Австрии также голландский капитал, бельгийский и т. д.

На этом мы кончаем далеко не полную зарисовку картины проникновения банков в австрийскую народно-хозяйственную жизнь.

Характерная особенность хозяйственной ткани Австрии — в строении отдельных ее ячеек: стержнем концентрационных процессов являются банки. Далее, Австрия — колонизированная индустриальная страна. Анализ ее экономической структуры выявляет формы, вырабатываемые капитализмом, когда перед частно-хозяйственными объединениями возникают наряду с экономическими задачами также и специфически политические задачи. Банки в контексте австрийской хозяйственной жизни — организующие центры и проводники иностранного влияния в масштабе целых секторов народного хозяйства.

III

«Банковый» тип народно-хозяйственной структуры и организационная проблема в условиях переходного периода.

Форму, которую приняло в своем развитии капиталистическое хозяйство в Австрии ставит принципиальный вопрос о различении двух форм финансового капитала. Трактовка финансового капитала, как органического единства, в котором сливаются банковый капитал и промышленный, не предрещает еще вопроса о соотношении элементов, составляющих единство. Факты реальной жизни говорят о том, что «срачивание» бывает разных типов с перевесом того или другого из двух входящих в единство элементов.

Так, если грубо-схематически намечать этапы экономического развития Германии, то можно различить на протяжении последних 30—40 лет следующие стадии. До 900-х годов — господство промышленного капитала. С начала столетия до послевоенного периода — финансово-капиталистическая стадия с явным перевесом в пользу *Grossbank'ов*. И, наконец, послевоенный период, когда намечается процесс вытеснения концернов из-под господства банков и явный перевес начинает получать промышленный капитал¹⁾.

Если мы от сравнения этапов в развитии отдельного хозяйственного организма перейдем к сравнению хозяйственных форм существующих организмов современных Австрии и Германии, то здесь мы еще нагляднее можем констатировать наличие двух форм.

Имеет ли какое-нибудь практическое значение отмечаемое нами различие форм? Простое констатирование параллелизма между заострением классовой борьбы в периоды преобладания промышленного капитала и относительного смягчения ее в период преобладания банковской формы, параллелизм, который особенно ярко бросается в глаза в истории развития классовой борьбы в Германии, уже это одно следствие в социально-политической сфере бросает некоторый свет на интересующее нас явление.

С частно-хозяйственной точки зрения не представляется существенным, тот или иной элемент имеет перевес в финансовом капитале. С этой точки зрения концерн, трест, синдикат или т. п. капиталистическое образование имеет своей целью получение прибыли. Та форма организации, которая дает максимум прибыли и есть лучшая, при чем совершенно безразлично, какой элемент при этом преобладает. В самом деле, не все или равно Кастильони, в каком соотношении находятся в концерне — «Alpine Montfange-

¹⁾ Ср. «Вообще влияние банковского капитала уменьшилось; промышленный капитал экономически (wirtschaftlich) господствует (Konzern der Metallindustrie). 1923, стр. 58.

«Тяжелое положение в банкном деле уже началось, ср. жалобы из южно-германских банковских кругов на эмансипацию прежних клиентов» (*Kölnische Zeitung*, 20/III—1924 г.) или известия относительно дальнейшего проникновения (Eindringen) промышленности в банки. W. Mahlberg «Zum Neubau des Credits». 1924, стр. 15.

sellschaft» банк и промышленное предприятие, и то, и другое в его руках, и он лишь стремится привести их в такое соотношение друг к другу, чтобы концерн давал побольше прибыли.

Частно-хозайственная точка зрения в качестве критерия при оценке разных форм финансового капитала для нас, разумеется, неприемлема. Финансово-капиталистическая форма хозяйства — предсоциалистическая формация капитализма. Критерием могут служить лишь требования, предъявляемые к организационным формам хозяйства условиями переходного периода.

Мы говорим о переходном периоде, а не о социализме под всякого рода соображениям. В социалистическом хозяйстве даже самой проблемы в ее настоящей постановке не может быть. Социализм — плановое хозяйство, которому чужд рынок и его отношения. Структура хозяйства в условиях социализма коренным образом отличается от капиталистической, рыночной структуры. В то же время «другой день после социальной революции», как показывает опыт СССР, растягивается в изрядно длинный промежуток времени. В какой бы из современных, даже самых развитых экономически странни развернулась социальная революция, наличие большого разнообразия хозяйственных форм во всех без исключения странах, наличие мелкого и среднего производства и особенно современная структура сельского хозяйства делает совершенно неизбежной промежуточную — для разных стран разной продолжительности — стадию «переходного периода».

Основной смысл переходного периода — в использовании капиталистических форм в интересах социалистического строительства: характерной чертой его является сознательное внедрение планового начала в народно-хозайственном масштабе; в этом его отличительная особенность по сравнению со стадией монополистических образований финансового капитала, когда рационализация имеет место в пределах отдельных монополистических частно-хозайственных образований.

При оценке намеченных нами форм финансового капитала критерием могут служить лишь соображения о степени совершенства (целесообразности) этих форм с точки зрения требований переходного периода. Внедрение планового начала в ход хозяйственной жизни состоит в координировании различных сторон хозяйственного процесса. Координация предполагает двоякого рода возможности: либо вмешательство посредством приказа, декрета, либо оперативное вмешательство путем давления через систему рыночных связей. По характеру своему первая форма выше. Она, несомненно, будет иметь место в условиях развернутого социалистического хозяйства в виде планов, обязательных к исполнению. Имеет она также место и в настоящее время в более узких пределах хозяйства отдельных трестов, синдикатов и т. п. Но на первых ступенях переходного периода, когда власть рыночных отношений еще весьма велика, регулирование хозяйственных процессов в народно-хозайственном масштабе может быть успешно лишь в форме не декретного, а оперативного вмешательства. Болты или меньшая приспособленность к задачам и условиям маневрирования в народно-хозайственном масштабе в условиях переходного периода — критерий для оценки развивающихся в пределах капитализма хозяйственных форм.

Не предполагая давать здесь развернутую характеристику обеих форм финансового капитала, мы отметим лишь наиболее существенные и характерные моменты с точки зрения нашего критерия.

Оставляем в стороне, как не существенный в данной связи вопрос о мощности об'единений: теоретически мыслимы и фактически существуют одинаковые по мощности об'единения, независимо от того, как они организованы: с перевесом на стороне банковского капитала или промышленного. Для Австрии типичен средний размер предприятий. Но это не исключает сильных концентрационных тенденций. По данным обследованиям 1912 г. в Австрии насчитывалось свыше 200 картелей и среди них такие мощные, как железный, Австрия дала один из крупнейших — даже по германскому масштабу — концернов «Alpine Montangesellschaft», который с точки зрения монополистических возможностей по отношению к внутреннему рынку является, нужно думать, единственным в мире. Особенность австрийских объединений состоит в том, что концентрационным

процессом захвачена не только тяжелая индустрия, но также и легкая. Так, например, в самое недавнее время организовался так наз. «Wetzler'овский» концерн в пищевой промышленности с «Lombard u. Escompte Bank'ом» в центре, Wetzler'овскими консервными фабриками в Австрии и за границей и обществом потребителей (государственных служащих —Staatengesellschaft) «Stafa» с 46 торговыми отделениями.

Вторая и главная особенность, как мы уже упоминали, состоит в том, что инициативным и организующим началом в процессах концентрации являются банки¹⁾; при чем при сращивании (банков и промышленных предприятий) перевес остается на стороне банковского капитала. Подчеркиваем — налицо не господство чистого банковского капитала, а финансовый капитал — сросшийся банковский и промышленный, уния персональная и материальная, но внутренняя структура отдельных объединений, или вернее, структура отношений внутри объединений такова, что после организации концерна инициатива роль банка не только не сводится на нет, но даже еще возрастает.

Представим себе развертывание концентрационных процессов в двух существующих экономических единствах по двум намеченным нами типам. Допустим, что процесс концентрациишел так далеко, что охватывает всю или почти всю промышленность. В одном случае мы имеем хозяйственную ткань, клеточками которой являются концерны; в последних банки не играют никакой роли или в лучшем случае являются счетными аппаратами, вспомогательными бюро; в другом — целая сеть объединений, ими руководства которыми сходятся в узловых пунктах — банках.

Какая из этих формаций представляет преимущества с точки зрения нашего критерия. Вопрос не только абстрактно-теоретический. Он вполне конкретно стоит перед нами в СССР.

Во избежание пелены мы должны оговориться, что отнюдь не думаем ставить знака равенства между СССР'овскими объединениями и капиталистическими. Социальное содержание и социальная природа их совершенно различны. Общее — только в форме, во внешней организационной структуре.

В СССР пролетариат впервые в истории сознательно строит социалистическое хозяйство. Изучение процессов, происходящих в капиталистическом окружении, необходимо не только в интересах самозащиты. Все, что нами может быть заимствовано из капиталистических форм, должно быть заимствовано и использовано в интересах социалистического строительства. В такой именно связи ставится нами вопрос о том, на какой тип структуры народно-хозайственной ткани — из двух намеченных — держать курс.

В первом случае — при относительно незначительной роли банков — мы имеем народное хозяйство, расчлененное на секторы. Каждый сектор имеет свои специфические интересы, определяемые характером и условиями соответствующего производства. В каждом имеется своя «изюминка», вокруг которой концентрируются эти интересы. У участников, и особенно руководителей, вырабатывается цеховая психология. Явление вполне нормальное и с точки зрения интересов как отдельного объединения, так и общегосударственных вполне желательное, ибо лишь при специализации, при углублении в интересы «своего» дела возможен рост этого дела и его прогресс.

Лимитируются объединения в своем «самодовлеющем» развитии возможностями, предоставляемыми рынком и планами центральных регулирующих учреждений. В интересах внедрения планового начала — сокращение влияния рынка и возрастание влияния регулирующих органов. Между тем, при предполагаемой нами структуре, при явной недостаточности приказо-планов, не хватает рычагов, при помощи которых можно было бы оказывать соответствующее давление. Всякий знакомый с практикой хозяйственной жизни СССР знает, что мы не теоретизируем, а констатируем факты.

¹⁾ Австрийские отношения мы противопоставляем современной германской системе, главным образом, в тяжелой индустрии, — в химической, например, дело обстоит иначе — где банк играет вспомогательную роль. Прекрасные иллюстрации этой системы см. в книге «Die Konzerne der Metallindustrie» herausgegeben vom Vorstand des Deutschen Metallarbeiter-Verbandes, 1923. Весьма характерно для германских отношений такое сообщение в «Deutsche Allgemeine Zeitung» от 31/V-1924 г.: «Фирма Гуго Стиннес, которая, как известно, давно уже заинтересована в «Вагнеровском Банковом союзе», расширила свои отношения к этому банковскому институту, поручив ему свои финансовые операции».

При строении народно-хозяйственной ткани по второму типу мы имеем на-ряду со всеми плюсами первой формы, на ряду со всеми преимуществами организационного единства, которое дается синдикатской, трестовой и т. п. формами, еще и плюс в виде банковых связей, узел которых, в условиях переходного периода, при диктатуре пролетариата — в руках государства. Распоряжения планирующего центра могут предстать перед тем или иным об'единением уже не только в виде приказа, но и в виде весьма чувствительного кредитного наряда. При наличии рынка и товарного оборота сохраняются предпосылки периодического высвобождения определенных масс капитала и, тем самым на-лицо предпосылки организации кредитной системы. Возможность распоряжения амортизационным фондом создает совершенно исключительные условия для рационализации хозяйственного процесса путем перераспределения капитала между отдельными отраслями согласно определенного плана.

Практика нашей советской действительности как будто бы складывается по «банковому» варианту. Отдельные сферы народного хозяйства связываются с отдельными банками, —ср. Промышленный банк, Кооперативный банк, Сельско-Хозяйственный и т. д. Госбанк, от которого все эти банки находятся в зависимости, и Комитет банков и есть тот рычаг, при помощи которого может осуществляться оперативное вмешательство центрального планового органа в народно-хозяйственную жизнь для коордирования отдельных сфер ее в государственном масштабе. Нужно только более четко выявить данную структуру и смелее пойти по этому пути. Предпосылкой идеи национализации банков в начале революции был тезис о роли банков в современном хозяйстве. В настоящее время мы осуществляем этот план путем реконструкции соответствующих взаимоотношений на основе национализированной промышленности и возрождающихся банков.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что мы констатируем некоторую общность между организационными формами экономики переходного периода СССР и австрийскими. Задумывать в области форм мы должны лишь наиболее совершенное из того, что создано капитализмом. С этой точки зрения за образцами, казалось бы, нужно обращаться не к слабому карлику Австрии, а к колоссам современного капитализма — Англии или Северо-Американским Соединенным Штатам. Но в экономике этих гигантов есть особенности, которые в значительной мере ослабляют показательность существующих там форм или во всяком случае приводят к тому, что эти формы нуждаются в существенном коррективе. Первая особенность в том, что и Северо-Американские Соединенные Штаты и особенно Англия — страны больших аккумулированных капиталов. Это обстоятельство предрешает весьма многое в развитии их хозяйственных форм. Нам приходится считаться с фактом недостаточности капиталов. Во вторых, не нужно забывать, что и в Англии, и в Соединенных Штатах хозяйственныe формы вырабатывались десятилетиями, и над ними тяготеет традиция шедшего в гору капитализма, имевшего задачей выработку наиболее совершенных способов выкачивания прибавочной стоимости в интересах отдельных капиталистов. Интересы народного хозяйства в целом никогда не привлекали да по существу и не могут привлекать внимания руководителей капиталистического хозяйства. Концерны и тресты, создающиеся при таких условиях могут представлять многое поучительного лишь в техническом и внутриорганизационном отношении.

Что же касается Австрии, то если ее рассматривать, как экономическое единство, она представляет зрелище весьма жалкое. Оторванная от с.-х. и угольной базы, поделенная между «великими» державами, она, как экономический организм, никакой ценности не имеет. Но именно в силу того, что она стала добычей иностранного капитала, мы имеем возможность наблюдать там формы, которые создает мощный капитал — американский, английский, французский, — когда он не связан традициями, как, например, английский, и когда к основной его задаче — выжиманию прибавочной стоимости — присоединяется в своеобразной специфической обстановке современной австрийской жизни вторая злата — управлять целыми отраслями народного хозяйства.

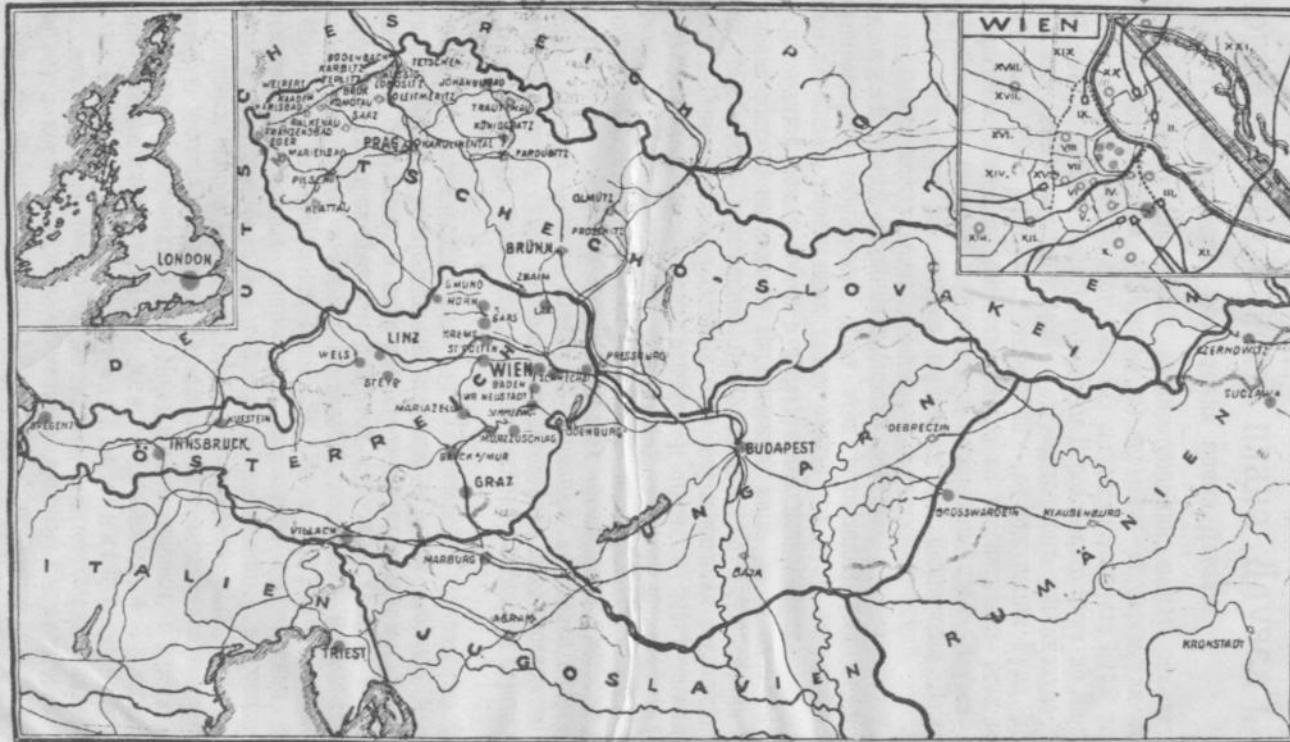
Резюмируем: в развитии финансового капитала совершенно отчетливо намечаются две формы: в одном случае развитие идет под знаком промышленного капитала, во втором — под знаком банкового. Если с частно-хозяйственной точки зрения эти формы не представляют никакой разницы, то с точки зрения задач экономики переходного периода, все преимущества на стороне «банковой» формы.

ANGLO-AUSTRIAN BANK LIMITED¹⁾

24/28, LOMBARD STREET, LONDON E.C.3

NIEDERLASSUNG WIEN, I., STRAUCHGASSE 1

КАРТА ОТДЕЛЕНИЙ И СВЯЗАННЫХ С БАНКОМ ИНСТИТУТОВ

) „Wochenbericht der Anglo-Austrian Bank Limited“ 13 bis 19 oktober 1923.

Экономические основы плана Дауэса¹⁾.

1. Историческая подготовка плана Дауэса.

Историю послевоенных финансовых взаимоотношений между победителями и Германией можно разделить на 4 периода: а) первый — от перемирия 9 ноября 1918 года до Версальского мира, который был подписан в августе 1919 г. и ратифицирован 10 января 1920 года; б) второй — от Версальского мира до Лондонского ультиматума 5 мая 1921 года; в) третий — от Лондонского ультиматума до оккупации Рура в январе 1923 года, и г) четвертый — от оккупации Рура до плана Дауэса. Нам придется совсем кратко остановиться на рассмотрении этих периодов, дабы понять финансовую историю подготовки и содержание плана Дауэса.

а) Первый период от заключения перемирия до подписания Версальского мира — это в отношении международных финансовых взаимоотношений, эпоха военных реквизиций, когда союзники забирали себе все, что попадалось им под руку на оккупированной территории. Учет этих реквизиций был очень слаб, и поэтому оценки ценностей, перешедших таким образом в руки союзников, чрезвычайно сильно расходятся между собою в последующих исчислениях.

б) В течение второго периода от Версальского мира до Лондонского ультиматума 5 мая 1921 года реквизиции продолжались, но одновременно с ними началась поставка Германией материальных благ, обусловленная соглашением с победителями — угля, кокса, химических веществ и проч. и зачитываемая в счет грядущих reparаций. Дело в том, что Версальский договор не заключал точной суммы финансовых обязательств и reparационных платежей Германии. Договор, ввиду сложности этого вопроса и трудности всех исчислений, указывал только категории ущерба, которые обязана возместить Германия, но точное цифровое исчисление соответствующих им сумм Версальским договором было возложено на так называемую „репарационную комиссию“, в руки которой фактически перешло командование Германией.

Весь период от Версальского мира до Лондонского ультиматума заполнен беспрерывными заседаниями reparационной комиссии с одной стороны и специальными конференциями союзников в лице министров-президентов и министров иностранных дел четырех крупнейших стран Антанты с другой стороны. Только в 1920 году в течение нескольких месяцев, с апреля по декабрь, состоялось 6 различных конференций (в Сан-Ремо, Хите, Булони, Брюсселе, Спа и еще раз в Брюсселе). Но методика рассмотрения основных вопросов и результаты конференции сводились всегда к одному и тому же: решались вопросы второстепенные, а основные после долгих и безуспешных споров откладывались до следующего раза. Вопрос о сумме reparаций, которую должна выплатить Германия, все откладывался ввиду невозможности притти к какому-либо соглашению. Но, с другой стороны, с течением времени совершенно ясно обозначился процесс все большего и большего сокращения суммы reparаций, предложеной первоначально. Первая цифра, которая была названа в английском комитете лорда Кэмлайфа (Lord Camliffe-Committee) и которая стала избирательным лозунгом консерваторов в Англии, давшим им победу по выборам в конце 1918 года, была сумма в 480 миллиардов золотых марок, т.-е. почти 130% всего довоенного национального имущества Германии, равнявшегося 350 миллиардам. Это соответствовало годичным платежам

¹⁾ Некоторых положений политического анализа автора редакция не разделяет.

(при процентировании долга в 5% и погашении в 1% в год), в 28,8 миллиардов золотых марок. Тогда как весь национальный доход Германии перед войной составлял 42—43 миллиарда. Таким образом эта сумма должна была составить более половины национального дохода.

Однако, по мере того, как увеличивалось число конференций и заседаний репарационной комиссии, которые безуспешно пытались найти какой-нибудь компромисс с Германией, эта цифра репараций все больше и больше понижается. Французский министр финансов Клотц в конце 1919 г. называет цифру ежегодных платежей в 19 миллиардов, т.е. приблизительно на одну треть меньше суммы лорда Кэмлайфа.

Заслуживает внимания более детальный проект, который был выработан Парижской конференцией в январе 1921 г. Этот проект, представленный ультимативно со стороны конференции союзников в лице Ллойд-Джорджа, Бриана и др., разделял платежи Германии на два разряда: на твердые и меняющиеся. Твердые платежи Германии были установлены в 226 миллиардов зол. марок. Эта сумма должна была выплачиваться ежегодными взносами от 2 до 6 миллиардов с постепенным повышением их через каждые 2—3 года. Шестимилиардные платежи повторялись в течение 31 года. Сверх того, Германия обязывалась выплачивать ежегодно меняющуюся сумму, которая определялась в 12% ценности годового экспорта Германии. Общая сумма годовых платежей, при условии, если бы экспорт равнялся довоенному, составила бы 8 миллиардов.

С этим интересно сопоставить последнюю оценку предельной платежеспособности Германии, произведенную ею самой в докладе германского министра иностранных дел Симонса за несколько дней до Лондонского ультиматума. Она составляла 50 миллиардов марок, при чем эту сумму предлагалось процентировать 4-мя процентами ежегодно и погашать ее в соответствии с наличными ресурсами. Кроме того, эти 50 миллиардов марок не включали тех натуральных поставок и выплат, которые были совершены Германией до этого и которые Симонсом оценивались в 20 миллиардов. Нужно сказать, что это предложение, скомбинированное вместе с проектом международного займа, который должен был оплачиваться, по крайней мере, 8%, создавал для Германии годовой платеж, примерно, в 2.200 миллионов ежегодно, не считая погашения. Как мы увидим, цифра плана Дауэса оказалась весьма близка к этой последней самооценке платежеспособности Германии.

Однако в то время аппетиты союзников были столь значительны, что предложения Симонса даже не были подвергнуты обсуждению. Обсуждались лишь изложенные выше требования союзников, и, хотя они были предъявлены ультимативно, явная неосуществимость их вынудила еще раз отложить окончательное решение, которое и было принято лишь на второй Лондонской конференции, которая состоялась в мае 1921 г. и которая выработала в конце концов ультиматум, именуемый Лондонским ультиматумом 5 мая 1921 г.

в) Довольно неожиданно и для общественного мнения тех стран, которые собирались получить эти суммы, и для экспертов, которые исчисляли возможные получение с Германии, в последний момент, сумма репараций еще раз была весьма значительно уменьшена и определена в 132 миллиарда марок. Правда, если бы оплата этой суммы обусловливалась ежегодным процентированием всего долга и хотя бы небольшим погашением его, то и тогда сумма репараций составила бы 8.280 миллионов марок в год. Но Лондонская конференция в последнюю минуту под давлением Ллойд-Джорджа нашла выход в оплате лишь части основной суммы долга, а именно: она разделила сумму в 132 миллиарда зол. мар. на 3 серии облигаций: А, В и С, по которым должны были оплачиваться определенные годовые проценты и некоторое погашение основного долга. Но до тех пор, пока ресурсы Германии не позволят ей оплачивать всю сумму в 132 миллиарда, ей было предписано выплачивать проценты только по первым 2-м сериям, которые составляли по серии А—12 миллиардов и по серии В—38 миллиардов, итого 50 миллиардов. В соответствии с этими капитальными суммами была установлена следующая схема

платежей: твердые платежи в 2 миллиарда марок ежегодно и изменчивые в 26% ценности германского экспорта, который при нормальных условиях составлял 10 миллиардов с небольшим, так что общая сумма платежей должна была составить 4.600 миллионов марок.

Под весьма сильным давлением и угрозой оккупации Рура, Германия вынуждена была принять Лондонский ультиматум, но фактически дело свелось к следующему. По самому проекту платежей, согласно Лондонскому ультиматуму, в течение первого года Германия должна была платить значительно меньше, чем в последующее время, ибо 2 из 4-х важнейших платежей отпадали и оставалась сумма, которую Германия, несомненно, могла уплатить. Если мы проследим эволюцию платежей Германии в этот третий период от Лондонского ультиматума до оккупации Рура, то увидим, что Германия выплатила по плану только 2 основных платежа, а когда наступил срок третьего, она вынуждена была просить моратория. Кейнсу удалось с удивительной определенностью предсказать, что между февралем и августом 1922 г. Германия вынуждена будет отказаться от дальнейших платежей. В самом деле, уже в начале января 1922 г. Германия вынуждена была просить пощады. Так как было совершенно ясно, что Германия третьего платежа внести не может, то Каннская конференция союзников постановила 13 января 1922 г. вновь отсрочить платежи Германии и разделить их на ряд более мелких взносов. Весь 1922 год, это—период все большего и большего сокращения платежей по репарациям. Германия поставляет натуральные поставки, обусловленные договором с союзниками, но денежные платежи ее систематически уменьшаются. В конце 1922 г. создается такое положение, которое заставляет Францию искать какого-нибудь выхода. Франция принимает решение оккупировать Рурскую область, дабы побудить силу Германию выплачивать ее долги.

г) Борьба за Рур нанесла огромный ущерб хозяйству Германии. Те 8 месяцев, в течение которых велилась борьба за Рур, стоили Германии полного крушения ее валюты, стоили огромной растраты имеющихся запасов материальных ценностей и человеческих сил. В конце концов в августе 1922 г. Германия должна была капитулировать. Она согласилась принять любые условия, которые предпишут ей союзники, и тотчас же возобновила натуральные поставки, прекращенные со времени оккупации Рура. Однако понадобилось еще много месяцев для того, чтобы выработать новый, на этот раз как будто более или менее долговременный план платежей. Все попытки союзников договориться между собою ни к чему не привели. Поэтому решено было составить комиссию экспертов во главе с каким-нибудь крупным американским деятелем и поручить ей выработать этот план. Америка до сих пор систематически уклонялась от вмешательства в репарационный вопрос, ибо ее сепаратный мир с Германией не требовал от Германии платежей, кроме сравнительно небольшой суммы по уплате содержания оккупационных войск. Поэтому все официальные приглашения прислать своего представителя на эти конференции Америка систематически отклоняла.

Тогда был найден такой выход. Решено было привлечь какого-нибудь дельца, который по роду своей деятельности был бы непосредственно заинтересован в возобновлении хозяйственных сношений с Европой, а значит и в том или ином благополучном разрешении репарационного вопроса. Этот делец был найден в лице директора одного из 12 федеральных резервных банков Соединенных Штатов, расположенного на крайнем западе Америки в области чисто аграрной, которая привыкла за последние годы поставлять свою сельско-хозяйственную продукцию Европе и которая стало быть терпела большой ущерб от сокращения покупательной способности Европы и невозможности сбыта излишков, имеющихся в этой области. Комиссия экспертов была составлена, главным образом, из банковских финансистов по 2 человека от каждой крупной страны, под председательством Дауэса. Самый план, носящий имя плана Дауэса, был в действительности выработан вторым представителем Америки Юнгом, который и был назначен первым агентом по репарационным платежам после последней Лондонской конференции. После выработки плана

Лондонская конференция союзников в августе 1924 г. санкционировала его основные положения (с очень небольшими изменениями) и приглашенные в Лондон представители Германии также согласились принять его к осуществлению.

Но, прежде чем перейти к изложению экономического содержания плана Дауэса, нужно остановиться в нескольких словах на вопросе о том, какая сумма репараций была выплачена Германией до наступления этого момента, до принятия плана Дауэса. Нужно сказать, что здесь мы находим совершенно фантастические расхождения в отдельных оценках. Вот краткий список важнейших из них. Официальная оценка репарационной комиссии дает цифру в 7 миллиардов 940 миллионов, т.-е. меньше 8 миллиардов марок.

Исчисление известного французского экономиста Шарля Жида дает 14 миллиардов марок.

Корреспондент американской газеты „New-York Times“ Грести—15.500 миллионов.

Исчисление ньюйоркского института экономики, которым руководит известный американский финансист Гарольд Мультон,— 25,8 миллиардов марок.

Но все это оценки, сделанные за пределами самой Германии. Если же обратиться к германским оценкам, то мы увидим гораздо более высокие цифры, но также сильно расходящиеся друг с другом. Первая оценка на 1 сентября 1921 г., сделанная двумя частными экономистами, Бензеном и Генцмером, дает сумму в 28.800 миллионов. Официальный подсчет, который был доложен рейхстагу в речи В. Ратенау 29 марта 1922 г., дает сумму в 44.300 миллионов. Другой официальный подсчет, опубликованный в августе 1922 г. в „Deutsche Allgemeine Zeitung“, дает меньшую цифру—в 35 миллиардов. Но затем исчисления начинают снова повышаться. Одно из последних исчислений Л. Брентано дает сумму в 41,6 миллиарда. Другие оценки поднимаются до 45 и до 55 миллиардов марок.

При таком огромном расхождении отдельных оценок довольно трудно себе представить, чтò в действительности было уплачено. Отчасти эти расхождения объясняются двумя моментами. Во-первых, тем, что подсчеты репарационной комиссии и французских экономистов не включают весьма крупной суммы, которая была уплачена Германией в форме натуральных поставок в самый первый период после войны. При этом они не учитывают стоимости флота, исчисленного в 3.500—4.500 миллионов, не учитывая всей стоимости германского имущества, которое осталось в отошедших от Германии областях, и того огромного имущества, которое было реквизировано и присвоено союзниками во время войны и довольно единодушно оцениваемое исследователями в 11,7 миллиардов. С другой стороны, некоторые элементы подсчета действительно давали возможность весьма различной оценки. Возьмем ту же самую стоимость германского торгового флота, который по Версальскому миру почти полностью перешел к союзникам. Ценность его как в тот момент, когда он перешел к союзникам, так еще через несколько месяцев после этого, была колоссальна. Это было время тоннажного голода, когда за каждую тонну платили в 8—9 раз выше довоенной цены. Однако несколько позднее цена на него резко понизилась, так как мировой тоннажный голод был быстро утешен новым строительством, и если исчислять по ценам несколько более позднего времени, то стоимость его окажется значительно меньше.

Вот в такой обстановке, при столь различных оценках платежных возможностей Германии, а равно и тех сумм, которые уже были ею уплачены в денежной и натуральной форме, работала комиссия Дауэса.

2. Экономические принципы плана Дауэса.

План Дауэса вместе с приложенными к нему материалами, несмотря на его крайнюю несистематичность, можно по его логическому содержанию разбить на 5 элементов: 1) исследование положения некоторых отраслей народного хозяйства Германии; 2) план платежей Германии для покрытия ее репарационных обязательств;

3) план организационных новообразований, имеющих целью обеспечить поступление платежей; 4) план использования этих платежей, и 5) то, что в плане прямо не содержится, но то, что, несомненно, в нем подразумевается,—план контроля всего германского народного хозяйства, излагаемый в форме контроля за поступлением репарационных платежей. Я не буду останавливаться на первой группе, которая оценивает современное положение Германии. Нужно, однако, отметить, что комиссия Дауэса вместе с другой комиссией, заседавшей под председательством Мак-Кенна, не обследовала всего народного хозяйства Германии, а только некоторые специальные отрасли его, к которым должны быть прикреплены репарационные платежи. Так, было обследовано положение железных дорог, утечка капиталов из Германии за границу и денежное обращение, но этим собственно и ограничивается все существенное из области обследования, что дает план Дауэса.

Приступая к рассмотрению системы платежей, как она выработана этим планом, можно указать 3 существенных черты финансово-технического характера, которые проводятся здесь. Это: 1) постепенное повышение в течение весьма продолжительного периода времени намеченных платежей; 2) раздробление их на ряд специальных платежей, получаемых из особых источников дохода, выделяемых и закладываемых для этой цели германским государством; 3) выражение и закрепление уже в настоящее время значительной части общей суммы обязательств Германии в определенных бумажных ценностях, в облигациях, по отношению к которым репарационные платежи должны являться ежегодными процентами и частичным погашением¹⁾. Таковы характерные технические черты, которые можно выделить из рассмотрения всех материалов плана Дауэса.

Что касается руководящих принципов общего экономического значения, то здесь тоже можно выделить 3 идеи. Первый принцип, который план Дауэса проводит безусловно, это—принцип сохранения устойчивости германской валюты при всех возможных платежах. Второй и третий принципы словесно провозглашаются планом, но пока довольно трудно решить, насколько предложенные им мероприятия соответствуют этим принципам. Это—принцип равенства налогового обложения Германии, даже несущей репарационные платежи, налоговым обложением в других крупнейших странах Антанты и принцип равенства условий промышленной конкуренции между Германией и этими странами. Но если последние два принципа весьма часто подчеркиваются на словах, наряду с большим количеством моральных санкций, которыми полны планы Дауэса, то довольно трудно решить, насколько они соответствуют действительности.

Самую систему платежей можно разделить во времени на 3 основных периода. В первое пятилетие сумма платежей, которую должна уплатить Германия, фиксируется точно самой комиссией экспертов. Она составляет на первый год 1 миллиард, на второй—1.220 миллионов, на третий 1.200 миллионов, на четвертый—1.750 миллионов и на пятый—2.500 миллионов. Последняя сумма в 2.500 миллионов считается условно нормальной и служит основанием для исчисления всех дальнейших платежей, которые определяются для каждого данного года в зависимости от роста благосостояния Германии, показываемого особым, специально установленным комиссией экспертов индексом благосостояния.

Этот индекс благосостояния строится из 6 основных показателей. Это: 1) общая сумма германского вывоза и ввоза; 2) общая сумма доходов и расходов по государственному бюджету, включая бюджеты Пруссии, Саксонии, Баварии; 3) величина железнодорожного грузооборота; 4) общая ценность потребления сахара, табака, пива и алкоголя в Германии; 5) общая величина народонаселения Германии и 6) потребление угля (включая бурый уголь, перечисленный в каменный) на душу населения.

¹⁾ Последнее явно рассчитано на возможность реализации этих облигаций странами Антанты на частном рынке и получения ими таким путем части капитальных сумм в ближайшее же время.

Этот индекс, исчисляемый с целым рядом довольно сложных оговорок относительно базиса для отдельных показателей, должен определять собою величину платежей Германии после первого пятилетия. Но весь период его применения делится в свою очередь на два периода. Во второе пятилетие перечисляется по индексу только половина платежей нормального года, т.-е. 1 250 миллионов, тогда как другая половина остается неизменной; в последующее же время (т.-е. с 1934 года) по индексу перечисляется вся сумма платежей.

Можно произвести некоторые подсчеты для того, чтобы определить возможное реальное значение этого индекса для повышения репарационных платежей Германии. А именно, можно исчислить, каким темпом повышался построенный таким образом индекс благосостояния в довоенное время. Тогда мы получим следующий ряд, в котором данные 1900 г. приняты за 100¹⁾:

1900 г.	100,0	1906 г.	133,7
1901 "	103,8	1907 "	136,7
1902 "	102,1	1908 "	139,5
1903 "	112,1	1909 "	139,8
1904 "	117,0	1910 "	142,9
1905 "	122,6		

Таким образом за десятилетие с 1900 по 1910 год индекс благосостояния повысился на 42,9%. Удержание того же темпа экономического развития (или, вернее, темпа роста данного индекса благосостояния, ибо вряд ли можно думать, что он точно отражает собою процесс экономического развития), даст повышение индекса на 100% или период удвоения его в 23,3 года. Это значит, что если темп роста входящих в состав индекса показателей будет в развитии Германии, начиная с 1928/29 г., таким же, как и в первое десятилетие XX века, то систематическое повышение репарационных платежей приведет к их удвоению через 23,3 года, т.-е. к 1952 году. К этому времени ее платежи должны будут составить вместо $2\frac{1}{2}$ миллиардов — 5 миллиардов. Если темп развития будет медленнее, то и платежи будут повышаться меньше, а если темп будет быстрее, то и платежи будут повышаться быстрее, но это исчисление все же дает нам общую ориентировку относительно возможного процесса повышения платежей.

Теперь необходимо остановиться несколько детальнее на внутреннем распределении этих платежей. Прежде всего нужно указать, что план Дауса вводит организационные новообразования в хозяйственную жизнь Германии, имеющие огромное значение. Так как одним из принципов плана является устойчивость германской валюты (ибо при неустойчивости ее Германия просто не сможет выплачивать предписанные суммы), то весь аппарат денежного обращения изъемляется из рук германского правительства и переходит в ведение нового эмиссионного банка, которому дается привилегия на 50 лет и который выпускает банкноты по своему усмотрению, руководствуясь чисто банковскими принципами и оставаясь независимым от какого бы то ни было давления или пожелания Германского государства. Этот эмиссионный банк организуется таким образом, что в состав правления и директоров его входят немцы, но генеральный совет, который, в сущности, направляет все дело, составляет наполовину из немцев и наполовину из иностранцев. Из 14 директоров 7 членов являются немцами и 7 — иностранцами. Но характерно, что для того, чтобы обеспечить иностранцам во всяком случае влияние на все решения совета эмиссионного банка, вводится постановление, что все решения принимаются квалифицированным большинством 10 голосов из 14, это значит, что 3 иностранца во всяком случае должны голосовать за данное постановление для того, чтобы оно было осуществлено.

¹⁾ E. Schuster. Wohlstandsindex im Sachverständigengutachten, — „Die Wirtschaftskurve mit Indexzahlen der Frankfurter Zeitung“, August 1924.

Другое организационное нововведение заключается в передаче всей системы железных дорог в руки акционерного общества, получающего от государства концессию на заведывание железнодорожной сетью и расширение ее. Совет этого железнодорожного общества (18 директоров) также составляется по принципу представительства половины членов (9) от Германии и половины (9) от держателей облигаций этого общества, т.-е. от стран Антанты. Но здесь введена оговорка, смягчающая несколько это постановление в пользу Германии. Из числа 9 директоров, являющихся представителями держателей облигаций, 5 могут быть немцами. Таким образом 14 директоров могут быть немцами и только 4 иностранцами. Это имеет, однако, лишь формальное значение, ибо поскольку немецкие директора выдвигаются странами Антанты, постольку совершенно очевидно, что их решения и суждения будут склоняться в пользу максимального фаворизирования интересов Антанты.

Значение, которое придается планом Дауса эксплоатации железных дорог, в значительной степени объясняется их высокой объективной ценностью.

Нужно сказать, что обследование положения железных дорог в Германии, произведенное комиссией, показало исключительно блестящее состояние их в настоящее время. Достаточно указать, что $\frac{2}{3}$ подвижного состава, 18.000 локомотивов и 500.000 товарных и пассажирских вагонов, поставлены на работу лишь в самое последнее время после войны, т.-е. является совершенно новым, и только $\frac{1}{3}$ осталась старого состава. Достаточно привести суждение экспертов, обследовавших положение железных дорог, которое гласит, что их современное положение на много превосходит не только их довоенное состояние, но и современное положение железнодорожной сети во всех странах мира. При таких условиях нужно оценивать очень высоко возможность получения крупных доходов от германской железнодорожной сети. Эксперты даже упрекают Германию за то, что она слишком много тратит на роскошные основные сооружения и распределительные пункты, хотя в довоенное время и при этих крупных основных затратах Германия имела ежегодно чистого дохода от железных дорог 1 миллиард марок золотом.

Передача этих железных дорог акционерному обществу сопровождается следующими постановлениями об его акционерном и облигационном капитале. Общая ценность современного железнодорожного имущества определена в 26 миллиардов марок. За его счет выпускаются бумажные ценности, которые распределяются следующим образом: 11 миллиардов выпускается в облигациях, которые передаются союзникам в уплату репараций. Половина основного капитала, т.-е. 13 миллиардов, выпускается в обыкновенных акциях, которые переходят германскому правительству. Наконец, на 2 миллиарда выпускается привилегированных акций, из которых $\frac{3}{4}$ передаются самому акционерному обществу железных дорог, повидимому, для того, чтобы создать оборотный капитал в его руках, а $\frac{1}{4}$ (500 миллионов) — германскому правительству, которое должно половину этой суммы продать, дабы выплатить в течение 2-го года должный репарационный платеж союзникам.

Кроме этой передачи почти всего чистого дохода железных дорог союзникам в целях процентирования облигаций, союзники получают также всю сумму основного налога на транспорт, который не может быть ни уменьшен, ни увеличен. Эта сумма повышается с 250 милл. марок в первый до 290 милл. марок в последний год первого пятилетия. Чистый доход от германских дорог в ближайшие годы исчислен в 330—660 миллионов в год.

Далее: наряду с обложением железных дорог облагается также и промышленность. Промышленность выпускает облигации на общую сумму 5 миллиардов; эта сумма распределяется между отдельными предприятиями германской промышленности, которые выпускают облигации от своего имени и обязаны выплачивать проценты по ним из своих доходов. В качестве одного из мотивов этого мероприятия комиссия экспертов указывает, что в силу обесценения марки германская промышленность освободилась почти от всех своих долгов, и для того, чтобы создать равное положение при ее конкуренции с другими странами, справедливо обложить ее, по крайней мере, 5-миллиардным обязательством. Ежегодные

платежи промышленности по этим облигациям повышаются в течение первого пятилетия с 135 до 300 миллионов марок в год. Начиная с нормального года, они составляют 5% годовых и 1% погашения капитальной суммы.

Наконец, союзники получают под свой непосредственный контроль значительную часть бюджетных поступлений. Эти бюджетные поступления составляются из налогов на сахар, табак, пиво и алкоголь, которые до определенной суммы непосредственно передаются комиссару и субкомиссарам, назначаемым репарационной комиссией. В совокупности они должны нормально давать 1.250 милл. в год, т.-е. для нормального года половину всей суммы репараций. Но ввиду скверного положения германского бюджета план Дауэса предусматривает для них двухлетний мораторий: они начинаются лишь с третьего года, когда дают 110 милл. марок, в четвертом году—500 милл. и только на пятый год повышаются до 1.250 милл.; последняя сумма повторяется и в последние годы.

Наконец, для того, чтобы сделать возможной уплату репараций уже в настоящее время, когда германское хозяйство еще сильно расстроено, план Дауэса предусматривает 800-миллионный международный заем (который ныне уже и осуществлен), так что фактически Германия платит в первый год лишь 200 миллионов из железнодорожных доходов, а 800 миллионов идет за счет этого займа.

Такова довольно сложная схема платежей, которые предусматриваются планом Дауэса. Соотношение и последовательность их видны из следующей таблицы:

Порядок репарационных платежей по плану Дауэса.

(В миллионах золотых марок.)

Г О Д Ы .	Бюджет- ные по- ступления	Жел. дороги		Привилег. акции.	% по про- мышленн. облигаци.	Внешний заём.	Общая сумма.
		% по облигациям	налог за транспорт.				
1924/25	—	200	—	—	—	800	1.000
1925/26	—	130+465	250	250	125	—	1.220
1926/27	110	550	290	—	250	—	1.200
1927/28	500	660	290	—	300	—	1.750
1928/29	1.250	660	290	—	300	—	2.500

Однако, еще более своеобразна система использования этих платежей, которые вначале поступают на счет агента по репарациям и держатся на текущем счету в новом эмиссионном банке. План Дауэса справедливо говорит, что одно дело — получить от Германии определенные суммы и совсем другое дело — передать их союзникам. Между этими актами находится весьма сложный момент конвертирования германской валюты в иностранную, которое возможно без снижения курса конвертируемой валюты лишь при определенных условиях международного платежного баланса. План Дауэса предусматривает возможность значительных затруднений при этом конвертировании, ибо если сумма, конвертируемая в одну сторону, в сторону иностранной валюты, будет превышать сумму, конвертируемую в обратном направлении в силу каких бы то ни было операций (по экспорту товаров из Германии или по каким-нибудь другим поводам), то германская марка, несомненно, упадет. А так как план Дауэса считает ультимативным, категорическим условием всего построения полную неприкосновенность германской марки, то он

вводит весьма важное постановление, что платежи, внесенные Германией на текущий счет агента по репарациям, могут быть извлечены странами Антанты лишь постольку, поскольку это не поколеблет устойчивости германской валюты.

Но что делать, если платежи нельзя будет конвертировать? Здесь план Дауэса предусматривает следующий порядок: 2 миллиарда марок считаются нормальной суммой, которая может лежать на текущем счету агента по репарациям. Эти 2 миллиарда, поскольку они лежат в банке, используются, очевидно, как все банковские суммы для краткосрочных ссуд отдельным германским клиентам. Но если эти суммы будут накапливаться все больше и больше, то до определенного момента возможно более долгосрочное кредитование ими германской промышленности, возможна покупка на них германских займов или долговременных обязательств отдельных промышленных предприятий¹⁾. Предельной суммой, до которой совершается это кредитование, являются 5 миллиардов золотых марок. Если на текущем счету накапливается больше этой суммы, то план Дауэса довольно неожиданно предусматривает прекращение дальнейшего извлечения платежей из бюджета и транспорта до тех пор, пока сумма, накопившаяся на текущем счету, может быть конвертирована и передана за границу.

Только если в дальнейшем представится возможность конвертирования более крупных сумм, то извлекаются задним числом все те суммы, которые раньше не были получены.

Наконец, есть еще одно постановление, которое предусматривает возможные осложнения в будущем. Комитет при агенте по репарациям, который ведает конвертированием и переводом платежей и состоит из представителей 5 союзных стран, может большинством $\frac{2}{3}$ голосов приостанавливать извлечение платежей, даже если накопившаяся сумма не достигает 5 миллиардов. Мотивируется это тем, что могут быть случаи, когда дальнейшее извлечение платежей будет угрожать интересам стран Антанты. Но конкретно эта угроза может проявиться только в том случае, если это угрожает непосредственно Германии и путем дезорганизации германского хозяйства угрожает дальнейшим поступлениям репарационных платежей.

Изложенная выше система контроля за поступлениями платежей из разных источников по существу является совершенно неприкрытым планом контроля германского народного хозяйства. Помимо введения половины членов, назначаемых иностранцами в совет эмиссионного банка и в совет акционерного общества железных дорог, при каждом из этих органов учреждается должность комиссаров (и при железных дорогах и при банке), на обязанность которых возлагается следить за тем, чтобы ни одно мероприятие этих органов не нарушало интересов держателей облигаций, т.-е. стран Антанты. А так как в конечном счете любое мероприятие можно подвести под эту формулу и сказать, что оно нарушает интересы стран Антанты, то эти комиссары делаются, в сущности, полновластными, если не распорядителями, то руководителями политики эмиссионного банка и железных дорог. Кроме этих двух комиссаров, учреждается комиссар по промышленным облигациям, на которого возлагаются функции контроля всех поступлений от промышленности, и весьма важная должность комиссара по бюджетным поступлениям. Но контроль этого комиссара, который имеет у себя целый большой штат субкомиссаров, контролирующих отдельные отрасли поступлений, приостанавливается в тот момент, когда сумма поступлений из этих источников оказывается соответствующей цифрой плана Дауэса. Все остатки этих источников, т.-е. вся сумма сборов сверх указанной величины, передается комиссарам германского правительства.

¹⁾ Лондонская конференция еще больше расширила возможности использования этих сумм, предоставив комитету, в ведении которого они находятся, право приобретать на них целые германские предприятия.

В заключение интересно остановиться на вопросе о сроке действия плана Даусса и длительности выплаты Германией репараций. Вопрос этот является в настоящее время весьма туманным.

Общая сумма платежей была установлена Лондонским ультиматумом в 132 миллиарда. Комиссия Даусса не имела полномочий решать политические вопросы и тщательно уклонялась поэтому от всех суждений и оценок общего характера. К последним был отнесен и вопрос об общей длительности, об общем количестве платежей, которые должны быть выплачены; таким образом из сочетания этих двух фактов нужно заключить, что платежи должны продолжаться до тех пор, пока не будут выплачены 132 миллиарда, потому что эта сумма отменена не была. Но в самом плане Даусса есть некоторые указания на сроки, которые по существу противоречат указанному выводу.

Так, например, новый эмиссионный банк получает привилегию от государства на 50 лет. Далее платежи, которые возлагаются на железные дороги, как гласит текст, должны производиться до тех пор, пока не будет погашена капитальная сумма облигаций, т.-е. 11 миллиардов марок. Третья группа платежей, это—платежи по индустриальным обязательствам на общую сумму в 5 миллиардов. Они составляют 5% годовых и 1% погашения капитальной суммы. Так что при удержании таких цифр нужно 100 лет для погашения облигаций. Это относится и к железнодорожным, если применить к ним тот же расчет, который в тексте плана почему-то отсутствует, хотя он соответствует существу дела, ибо ж.-д. платежи составляют 6% на сумму облигаций.

Если капитализировать всю сумму репарационных платежей нормального года ($2\frac{1}{2}$ миллиарда) из того же расчета, который применен к индустриальным облигациям (5% годовых и 1% погашения), то мы получим общую сумму германского репарационного долга в $41.666 \frac{2}{3}$ миллиона марок. Это и есть та цифра, которая противостоит 480 миллиардам лорда Кэнлайфа и 317 миллиардам Клотца. Правда, она еще может повыситься в силу увеличения ежегодных платежей при применении индекса благосостояния.

Но это уже вопрос жизнеспособности всего плана Даусса.

3. Грядущие судьбы плана Даусса.

Теперь перед нами вопрос о том, каковы перспективы осуществления плана Даусса, каковы его грядущие судьбы. Этот вопрос разлагается на целый ряд частных вопросов, из которых важнейшие суть: 1) вопрос об экономической выполнимости определенных планом Даусса платежей и их трансфера; 2) вопрос об экономических последствиях осуществления плана Даусса в случае его выполнения;—особенно важны: а) влияние на заработную плату германского пролетариата и б) влияние на организационную структуру народного хозяйства Германии; 3) вопрос о политической вероятности осуществления плана, зависящий от скрещения линий интересов Германии и стран Антанты—с одной стороны, и отдельных стран победительниц между собою—с другой.

Экономическая выполнимость для Германии установленных планом платежей определяется в общей форме отношением суммы платежей к сумме национального дохода современной Германии.

Для установления этого отношения нужно считаться со следующими данными. Национальный доход Германии накануне войны исчислялся К. Гельферихом (и это исчисление не было никем оспорено) в 42—43 миллиарда зол. марок ¹⁾.

Для определения ее современного дохода нужно определить: А) сокращение его в силу: а) отхода от Германии ряда областей; б) перехода к союзникам ценностей, не связанных с чисто территориальным делением (германские капиталы за границей,

¹⁾ К. Гельферих, Развитие народного хозяйства Германии с 1888 по 1913 г.г. Перевод под ред. и с предисловием С. А. Фалькнера, Москва 1920.

торговый флот); с) функционального расстройства народного хозяйства Германии после пережитых годов войны, инфляции и борьбы за Рур; и Б) повышение денежного выражения национального дохода Германии в силу обесценения золота (ибо репарационные платежи фиксированы также в современном, обесцененном золоте).

А. а) Исчисление процента сокращения германского национального имущества и дохода в силу утраты ряда областей было уже произведено нами в другом месте ¹⁾. Оно дало сумму в 12% на ближайшее десятилетие (т.-е. на время нахождения в распоряжении союзников и Саарской области) и 11% после 1934 г. (т.-е. после возвращения ее Германии) ²⁾.

К этим цифрам мы приходим по следующим соображениям. Отшедшие от Германии области составляют 13% всей ее территории (с Саарой— $13\frac{1}{2}\%$) и 10% всего ее населения (с Саарой—около 11%).

Уже соотношение этих цифр показывает, что Германия потеряла больше территории, чем населения, и значит больше аграрных, чем индустриальных областей.

Правда, потенциальное значение некоторых из этих областей огромно. Стоит только вспомнить о залежах железной руды в Лотарингии, цинковой руды и угля—в Верхней Силезии. Эти потенциальные, т.-е. не разработанные, ценности имели бы через несколько десятилетий огромную эффективную ценность. Но если брать только то, что имеется уже в настоящее время, только реальные и совершенно конкретные элементы национального дохода, которые и были включены в довоенное исчисление, то хозяйственная ценность отошедших областей во всяком случае не превысит процента отошедшего населения, а по всей вероятности расположится между процентом отхода территории—с одной стороны и населения—с другой.

В доказательство можно привести следующий факт. Полтора года тому назад германская статистика опубликовала точные данные о количестве рабочих по всем отраслям промышленности, имеющимся в этих областях ³⁾. По ним можно судить о ценности промышленного имущества, которое имеется в этих областях по сравнению с основным имуществом, оставшимся в Германии. Если посмотреть ряд этих цифр, то мы увидим, что они в сумме составляют лишь 7,3%, а с Саарской областью—8,5% всего числа индустриального пролетариата Германии. В целом ряде весьма важных отраслей они составляют 3—4%, и только горная промышленность в порядке исключения дает 12,5%.

Между тем, из числа рабочих, занятых в сельском хозяйстве (т.-е. в сфере менее доходной), Германия потеряла на отошедших областях около 13%, а с Саарской областью—около 14%.

При таком соотношении цифр—8,5% всех индустриальных рабочих и 14% сельско-хозяйственных рабочих—можно считать довольно очевидным, что доля национального дохода, приходящаяся на эти области (считая лишь эффективные, а не потенциальные ценности), не может превышать 12% ⁴⁾.

Сокращая довоенный доход в 42,5 миллиарда зол. марок, на эти 12% мы получим современный доход в довоенных ценах в 37,3 миллиарда.

б) Его нужно далее уменьшить за счет ликвидации германских капиталов за границей и конфискации торгового флота.

¹⁾ С. А. Фалькнер, Национальное имущество и доход современной Германии. Журнал „Внешняя Торговля“ №№ 9 и 10 за 1923 г.

²⁾ Согласно Версальскому договору, Саарская область передана Франции на 15 лет в целях компенсации сокращения добычи угля в ее Северных департаментах. Дальнейшая судьба Саары должна быть решена в 1934 г. народным голосованием, исход которого, в силу чисто немецкого состава населения области, не вызывает никаких сомнений.

³⁾ Все дальнейшие цифры из „Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich“. Jahrgang 1921/22, §§ 19—25.

⁴⁾ Кейнс, оценивая сокращение национального дохода в силу территориальных потерь на глаз в то время, когда приведенные в тексте цифры еще не были опубликованы, говорил о 15%. Эту цифру нужно считать несколько преувеличенной. См. J. M. Keynes. A revision of the treaty, London 1922.

По подсчетам комиссии экспертов под председ. Мак-Кенна¹⁾, довоенные капиталы Германии за границей составляли 28 миллиардов. В конце 1923 года они были определены в сумме от 5,7 до 7,8 миллиардов, что дает среднюю в $6\frac{3}{4}$ миллиарда. К этому нужно прибавить иностранные банкноты, находящиеся в Германии на 1.200 миллионов.

Таким образом, вся сумма иностранных ценностей во владении составит 8 миллиардов, а потери за время войны—20 миллиардов марок.

Значительно меньше потеря германского торгового флота, оценки которого весьма различны. Гельферих оценивал его накануне войны в 1 миллиард марок, послевоенные оценки достигали 6 миллиардов, новейшая оценка Брентано дает (вместе с новыми постройками судов, переданных затем союзникам и некоторыми материалами) цифру в 4.644 миллиона.

Однако уже в середине 1923 г. тоннаж вновь построенного германского флота достигал (по регистрам английского Ллойда) 52% довоенного; в настоящее время его можно оценить в $\frac{2}{3}$ довоенного.

Суммарно сокращение дохода по обеим этим рубрикам мы, вероятно, переоценим, если определим в 2 миллиарда марок.

с) Наконец, остается вопрос о функциональном расстройстве германского хозяйства в настоящее время, в силу которого часть производственного аппарата остается неиспользованной и продукция его отстает от нормальной (довоенной). Что это функциональное расстройство не велико, видно из того высокого уровня заработной платы, о котором мы будем подробнее говорить ниже. Реальная плата неквалифицированного труда достигает в последние месяцы 100%, а квалифицированного—91% довоенного уровня, и лишь оплата служащих заметно отстает от довоенной нормы. При этих условиях и продукция хозяйства в целом не может значительно отставать от нее. Но как бы ни оценивать эту последнюю—в 80%, 85% или 90% довоенной нормы, мы можем отказаться от более детальных расчетов. Ибо для нас важно определить продукцию не настоящего времени, не 1924 года, а лишь того периода, когда платежи по плану Даусса должны будут достигнуть „нормальной“ величины, т.-е. 2.500 милл. Это будет лишь через 5 лет, т.-е. в 1928/29 г. Между тем, можно не сомневаться, что к этому времени продукция германского хозяйства достигнет по меньшей мере 100% довоенной. Какую бы из приведенных выше современных оценок ни брать за основу, достаточно ежегодного темпа повышения ее в 3—5%, чтобы достигнуть и даже превысить к указанному времени 100%.

д) Что же касается коэффициента повышения довоенных ценностей для перевода их в современные, в соответствии с обесценением золота, то таковой нужно принять по крайней мере в 40%. Американский индекс оптовых цен Bradsreef'a (наиболее низкий из всех) составлял в среднем за 1923 г. 145,2. В 1924 г. он несколько ниже и держится около 140. Другие американские индексы стоят на 10—15 пунктов выше. Еще выше стоят индексы золотых цен всех остальных стран.

К мировому уровню цен быстро приближаются и германские цены. Так, индекс германской государственной статистики составлял:

В июле 1924 г.	115,0
„августе	120,4
„сентябре	126,9
„октябре	131,2

Поэтому определение мирового уровня цен в 140% довоенного является минимальным.

¹⁾ Комиссия под председ. Мак-Кенна работала параллельно с комиссией Даусса специально для выработки мер по борьбе с утечкой германских капиталов за границу.

Пользуясь этими цифрами, мы получим сопоставление (в миллиардах зол. марок):

а) национальный доход Германии до войны	42,5
б) сокращение на 12% за счет отошедших областей	5,2
в) сокращение за счет потерь германских капиталов за границей и торгового флота	2,0
г) современный национальный доход в довоенных ценах	35,3
д) современный национальный доход в современных ценах (40%)	49,42

Таким образом мы получаем, что современный национальный доход Германии равняется 49,020 миллионам золотых марок, или в круглых цифрах 50 миллиардов.

По отношению к этой сумме 2,5 миллиарда „нормальных“ платежей по плану Даусса составляют лишь 5%. Отсюда приходится сделать вывод, что эти платежи для Германии экономически безусловно выполнимы, без существенного ущерба для ее народного хозяйства.

Но если таким образом репарационные платежи являются экономически выполнимыми, то нужно считаться с тем, какие последствия будут иметь для германского народного хозяйства как самый факт выплаты их, так и та организация контроля, которая вводится планом Даусса.

По первому вопросу наибольшее значение имеет возможное влияние платежей на уровень заработной платы. Из предыдущих цифр видно, что при равномерном распределении платежей на все социальные слои, заработка плата понизилась бы также на 5%. Однако, не подлежит сомнению, что имущие слои попытаются переложить всю или большую часть тяжести платежей на пролетариат. В этом случае заработка плата должна будет снизиться на 8—9%. Нужно считаться с тем, однако, что за последние месяцы реальная заработка плата в Германии весьма значительно повысилась. Ввиду чрезвычайной важности этого вопроса мы приводим здесь таблицу движения реальной оплаты труда германских рабочих и служащих, исчисленную нами на основании официальных данных германской статистики (см. таблицу стр. 14).

Если верить показаниям этой последней (а преувеличения здесь если и возможны, то лишь очень небольшие, в противном случае они были бы немедленно вскрыты критикой), то оказывается, что за последние 3—4 месяца (июнь—сентябрь 1924 года) заработка плата необученных работ достигла уже довоенного уровня, колеблясь в пределах 97,8—101,1% довоенной нормы. По мере повышения квалификации труда, мера приближения к довоенному уровню понижается. Так, плата обученных рабочих составляет около 91%, плата низших служащих—около 94%, средних служащих—около 88% и высших служащих—около 79,5%. Несмотря на то, что плата неквалифицированного труда (и рабочих и служащих) стоит уже довольно высоко, предстоящее снижение ее на 8—9% неизбежно должно вызвать решительное сопротивление германского пролетариата, для которого решительную роль будет играть не столько единовременное снижение заработной платы, сколько предстоящая длительная закрепленность на этом уровне. Поэтому, если нормы репарационных платежей останутся неизменными, Германии предстоит пережить длительный период напряженной социальной борьбы.

Вторым последствием осуществления плана Даусса, имеющим большое значение, является та интернационализация Германии, которая вводится под флагом контроля за поступлением репарационных платежей. Применяя старую формулу, можно сказать, что Германия из суб'екта международной (а в значительной степени и внутренней) политики превращается в об'ект ее. В самом деле, 4 важнейшие сферы германского хозяйства оказываются под прямым контролем и управлением союзников: а) система денежного обращения и, что еще важнее, система

Движение реальной заработной платы в Германии по месяцам 1924 г.
по отдельным группам рабочих и служащих.

Показатели. Сроки.	Средняя заработная плата ¹⁾ .						Индексы номинальной заработной платы в % % к 1913 г.						Индексы реальной заработной платы в % % к 1913 г.																																												
	Недельная.			Месячная.			В зол. марках.			Недобучен. рабочих. (а)			Обученных рабочих.			Низших служащих.			Средних служащих.			Высших служащих.			Недобучен. рабочих.			Обученных рабочих.			Низших служащих.			Средних служащих.			Высших служащих.			Индекс стоимости жизни в германской статистики ¹⁾ .			Недобучен. рабочих.			Обученных рабочих.			Низших служащих.			Средних служащих.			Высших служащих.		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17																																								
	1913 г.																																																								
(Месячная средняя)	24,00	34,35	157(б)	342	608	100	100	100	100	100	100(в)	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100																								
1924 г.																																																									
Январь	22,87	27,31	115,26	209,50	310,75	95,3	79,5	73,4	61,3	51,1	110,0	86,6	72,3	66,7	55,7	46,5																																									
Февраль	23,08	28,12	115,26	209,50	310,75	96,2	81,9	73,4	61,3	51,1	104,0	92,5	78,8	70,6	58,9	49,1																																									
Март	23,42	29,56	115,25	209,50	310,75	97,6	86,1	73,4	61,3	51,1	107,0	91,2	80,1	68,6	57,3	47,8																																									
Апрель	24,43	31,54	143,75	263,50	388,25	101,8	91,8	91,6	77,1	63,9	112,0	90,9	82,0	81,8	68,8	57,1																																									
Май	26,16	33,75	143,75	263,50	388,25	109,0	98,3	91,6	77,1	63,9	115,0	94,8	85,5	79,7	67,0	55,6																																									
Июнь	27,16	35,52	169,50	344,00	547,50	113,2	103,4	108,0	100,6	90,1	112,0	101,1	92,3	96,4	89,8	80,4																																									
Июль	27,24	35,63	169,50	344,00	547,50	113,5	103,7	108,0	100,6	90,1	116,0	97,8	89,4	93,1	86,7	77,7																																									
Август	27,35	35,76	169,50	344,00	547,50	114,0	104,1	108,0	100,6	90,1	114,0	100,0	91,3	94,7	88,2	79,0																																									
Сентябрь	—	—	169,50	344,00	547,50	—	—	108,0	100,6	90,1	116,0	—	—	93,1	86,7	77,7																																									

Примечания: а) Взвешенная средняя для рабочих горной, строительной, деревообрабатывающей, металлической, текстильной, химической, бумажной, типографской промышленности и железнодорожн. рабочих.
б) Вознаграждение железнодорожных кондукторов.
в) Основание—1913/1914 г.

) По официальным данным германской государственной статистики.

кредита, б) система транспорта, с) значительная часть государственного бюджета и д) значительная часть промышленности. Только сельское хозяйство и водный транспорт остаются вне непосредственного воздействия союзников.

При этом в руках контролирующих держав оказываются оба возможные метода воздействия на народное хозяйство Германии. С одной стороны—метод непосредственного администрирования и надзора в лице комиссаров эмиссионного банка, железных дорог, бюджета и промышленности, а равно и иностранных членов Совета эмиссионного банка и правления общества железных дорог. С другой стороны—косвенный метод пополнения капиталов германского хозяйства в форме кредитования как за счет репарационных сумм, остающихся неиспользованными для трансфера, так и, главным образом, за счет всех капиталов эмиссионного банка, который по статуту является банком банков, т.е. переучитывает векселя всех кредитных учреждений страны, направляя таким образом по своему усмотрению капиталы в ту или иную сферу, или отрасль хозяйства. Этот второй метод является, в сущности, еще более сильным, чем первый, для подчинения германского хозяйства интересам победителей, ибо во всех крупно-капиталистических странах кредит является основным жизненным центром системы, подчинающим себе все отдельные хозяйствственные звенья ее.

Посмотрим, однако, как обстоит дело с экономической выполнимостью третьего элемента плана Даэса (если считать первыми двумя систему платежей и систему контроля) с системой трансфериования получаемых от Германии платежей. Здесь мы имеем дело с самой сложной и вызывающей наибольшие сомнения частью всего построения.

По вопросу о возможности трансфера имеются различные подсчеты различных экономистов, но основной вопрос все же остается окончательно не разрешенным. Здесь имеются факторы, развитие которых трудно предугадать. Самая простая возможность трансфериования платежей заключается в создании такого соотношения ввоза и вывоза в германской внешней торговле, при котором вывоз превышал бы ввоз на всю сумму репарационных платежей. Тогда устойчивость валюты обеспечена, ибо вывозимые товары компенсируют те иностранные ценности, которые Германия должна приобрести в обмен на свою валюту для передачи союзникам. Как же дело обстоит в Германии с ввозом и вывозом? До войны Германия имела постоянный пассивный баланс 600 миллионов марок; вывоз составлял 10.500—10.700 миллионов, а ввоз—10 миллиардов с небольшим. В настоящее время положение значительно ухудшилось. За последние 3—4 года реальная ценность германского экспорта не превышала 5 миллиардов зол. марок, а ввоз 6 миллиардов с небольшим. Пассив германского торгового баланса составляет таким образом 1 миллиард слишком. Текущий 1924 г. даст, повидимому, большие цифры: импорт, повидимому, достигнет 8 миллиардов марок, а экспорт—6 миллиардов, благодаря чему дефицит торгового баланса повысится до 2 миллиардов.

Если считать, что для трансфериования платежей необходима полная компенсация соответствующих сумм германским экспортом, то положение получится почти безнадежное. По исчислению американского экономиста Гарольда Мултона, для восстановления жизнеспособности Германии с ее избыточным, по отношению к сельско-хозяйственному производству, населением, по крайней мере в 20%, ввоз Германии (главным образом, продовольствия и сырья) должен достигать 14 миллиардов. Таким образом для того, чтобы покрыть основные жизненные нужды, ей нужно экспортировать те же 14 миллиардов, и только после этого может начаться экспорт, который должен покрыть репарационные платежи¹⁾. Но чтобы экспортировать сверх того товаров на 2.500 миллионов, ей нужен соответствующий ввоз сырья, ибо Германия своего сырья не имеет. По некоторым подсчетам, германский экспорт должен увеличиться в силу этого на 6 миллиардов. Считая все эти подсчеты весьма

¹⁾ H. G. Moulton and C. E. McGuire, Germany's Capacity to Pay, New-York 1923.

спорными и даже значительно уменьшают их, во всяком случае нужно признать, что весьма крупная сумма товаров должна экспортirоваться сверх нормального торгового баланса и сверх той суммы, которая будет вывозиться Германией в виде обработанных изделий в качестве компенсации платежей.

При этом нужно считаться с двумя фактами. Мировая внешняя торговля, как известно, весьма существенно сократилась после войны. Причин было много, но наряду с понижением платежеспособности крупнейших стран нужно считаться и с другим процессом,—с автаркизацией основных концентров мирового хозяйства, которая начала проявляться уже во время мировой войны. В процессе войны, когда страны оказались отрезанными друг от друга, и мировой обмен почеволе был очень сильно сжат для удовлетворения целого ряда важнейших нужд, покрывавшихся раньше импортируемыми товарами, все страны стали развивать у себя те отрасли промышленности, которых раньше не хватало. Это развитие новых отраслей промышленности во время войны, которые не могли быть уничтожены и после ее окончания, этот процесс автаркизации отдельных стран неизбежно должен был сузить международный обмен. Несмотря на трудности исчисления норм международного обмена, можно считать, что в настоящее время мировая торговля колеблется в пределах 80—90% довоенной. При уменьшении этого общего обмена мировой торговли и борьба за рынки экспортirующих стран стала тем более напряженной. Поскольку Германии придется выступать в этой борьбе в качестве страны победившей и контролируемой победителями в основных отраслях ее народного хозяйства, постольку перспективы ее торговой экспансии на ближайший период по крайней мере достаточно неблагоприятны. Поэтому можно утверждать, что если германские репарационные платежи должны компенсироваться соответствующим расширением экспорта, то положение получится безнадежное, и должна будет вступить в силу та оговорка, которая имеется в плане Дауса о сокращении репарационных платежей в случае невозможности трансфера.

Но здесь есть еще один момент, о котором необходимо помнить. Международный платежный баланс покрывается не только экспортом товаров данной страны, но и импортом капиталов из других стран. План Дауса глухо в некоторых придаточных предложениях говорит, что одной из существенных задач нынешнего международного займа Германии является укрепление международного доверия к платежеспособности Германии, на основе которого в дальнейшем могли бы притекать новые капиталы в Германию. Если в Германию будут импортироваться крупные суммы капиталов, то трансферирование станет возможным и формального повода для сокращения репарационных платежей не будет. Но предвидеть возможный масштаб этих платежей крайне трудно. Здесь нужно иметь в виду следующее. Основным экспортёром капиталов во всю ближайшую эпоху будут Соединенные Штаты. Но С. Штаты привыкли к необычайно высокому процентированию своих капиталов. Это объясняется чрезвычайно высокой доходностью предприятий в самой Америке (высокая техника, высокое органическое строение капитала, высокая производительность труда)—с одной стороны и крайней боязливостью выступлений американского капитала за пределами своей страны, куда он начал проникать лишь после войны, и где он требует весьма высокой платы за риск,—с другой. Ныне, при почти монопольном положении Америки как экспортёра капиталов, мы имеем международное признание права американцев получать больше за свои капиталы, чем получают европейцы, несмотря на помещение в совершенно одинаковых условиях.

Так, нынешний 800-миллионный заем для Германии был реализован двумя различными нормами оплаты американского и европейского капитала. Условия этого займа таковы: 7% при выпускной цене 92 за 100, но 100% за 100 Германия выплачивает по этому заему европейскому капиталу (английскому, голландскому, шведскому и французскому), а американскому капиталу по этому же заему ей приходится выплачивать 105 за 100. Разница весьма существенная, которая ста-

вит Америку в весьма привилегированное положение, и введение которой встречается здесь едва ли не впервые в международной практике.

Каковы же перспективы Германии в отношении возможности прибыльного помещения капиталов?

Трудно предвидеть точно, но весьма возможно такое положение, что инвестиция в Германии будет менее прибыльна, чем инвестиция в Китае, Индии или странах Западной Европы, которые будут свободны от бремени репарационных платежей, лежащем на всей промышленности и на всем рабочем классе Германии, повышающем издержки производства, поникающем производительность труда и т. д. Поэтому к вопросу об импорте капиталов в Германию, как форме компенсации и обеспечения возможности трансферирования репарационных платежей, нужно относиться весьма осторожно. Здесь возможны многие варианты, и во всяком случае не исключено, что американский капитал не захочет идти в ближайший период крупными массами в Германию, а тогда международный платежный баланс Германии будет неизбежно дефицитен и репарационные платежи должны будут быть сокращены.

Но, помимо этих трудностей чисто экономического порядка, судьба плана Дауса не в меньшей, а может быть, в еще большей степени зависит от условий политических—от грядущего соотношения сил Германии с силами ее союзников, от степени заинтересованности различных стран Антанты в получении репарационных платежей и от скрещения их интересов между собой.

Дело в том, что направление интересов нынешнего концерта держав в весьма различны и часто скрещиваются между собою.

Франция, являющаяся лидером всех послевоенных выступлений союзников против Германии и мечтавшая прежде об универсальных достижениях: о полном обессилении Германии и сведении ее к положению третьестепенной державы, об аннексии Рура и левого берега Рейна, об обогащении за счет репарационных платежей,—за последний год явно вынуждена была поступиться первыми двумя целями и сосредоточить свое внимание и свою волю на последней. Финансовая неурядица является самым уязвимым местом французского империализма и вынуждала ее уже не раз отказываться от ряда притязаний и идти на существенные уступки в переговорах с союзниками. При невозможности дальнейших территориальных приобретений и дальнейшего обескровливания Германии, репарационные платежи имеют для Франции тем большее значение, что она получает из них большую часть (52%) всей суммы.

Англия—гораздо меньше заинтересована финансовой стороной вопроса как потому, что ее бюджет уже давно бездефицитен и даже дает излишки (несмотря на огромные платежи Америке), так и потому, что ее доли в репарациях гораздо меньше (22%). Ее больным местом является разрушение ее экспортной торговли в результате обеднения Европы и появления сильных конкурентов. Если второй момент (процесс автаркизации) в нынешних условиях неустраним, то первый (объединение Европы) гораздо легче поддается воздействию разумной восстановительной политики.

Но для восстановления спроса на английские товары нужен не подъем какой-либо одной страны, а восстановление всего мирового хозяйственного круговорота, возрождение и подъем всех крупных стран. Говоря конкретно, Германия была до войны самым крупным покупателем и потребителем английских товаров. Уже по этому одному Англия не может допустить полного подавления Германии, все равно—будет ли это проводиться политическими или финансовыми методами.

С другой стороны, на арене мировой политики в борьбе за завоевание возможно лучшего места под солнцем и возможно более широкой сферы влияния, Англии все время приходится сталкиваться с Францией. До войны наиболее крупным соперником Англии была не Франция, а Германия, темп экономического развития которой значительно опережал развитие ее соседки. Но в настоящее время положение резко изменилось: Германия выбыла из ряда борцов за мировую гегемонию.

монию, Франция же сильно расширила свои возможности и осталась единственной соперницей Англии в Европе. Моментами ее влияние на мировую политику оказывалось, несомненно, более сильным, чем влияние Англии. При таких условиях Англия сознательно должна стремиться к созданию сил, противодействующих Франции и связывающих тем самым силы последней. И с этой точки зрения Германии обеспечена определенная поддержка со стороны Англии.

Положение Италии с ее разожженными мировой войной империалистическими желаниями и малыми возможностями толкает ее в вопросах среднеевропейской политики на постоянную поддержку Англии. Финансовое положение ее также далеко не благополучно и, несмотря на небольшую долю участия в репарационных платежах (10%), они имеют серьезное значение для укрепления ее государственного хозяйства. Тем не менее вопросы „высокой политики“ заставляют ее уделять своим финансовым интересам второе место. После крушения двух больших империй Центральной Европы—Германии и Австро-Венгрии—Италия осталась с глазу на глаз со своими двумя неизмеримо более могущественными союзниками—Англией и Францией. Увеличение мировой мощи этих последних заставляет Италию явно бояться того, что она будет оттеснена со второго плана на третий. Поэтому создание всякой силы, независимой от этих двух стран и противостоящей этим последним, она неизбежно должна поддерживать—так было с ее союзом с Венгрией, так было с ее стремлением признать СССР первой, так было и с ее политикой противодействия Франции в стремлениях последней окончательно разрушить Германию.

Теперь остается решающая сила современной политики—Соединенные Штаты. Соединенные Штаты после падения Вильсона и возвращения к власти республиканской партии отказались ратифицировать Версальский договор, заключили сепаратный мир с Германией и оставили пустым место своего представителя в репарационной комиссии. Доктрина Монро „Америка для американцев“ была в последние годы дополнена не провозглашенным, но осуществленным на деле лозунгом—„Европа не для американцев“. Вплоть до самого последнего времени Америка категорически отказывалась принимать хоть какое-нибудь участие в решении европейских дел, хоть бы и ни к чему ее не обязывающее. Несмотря на все просьбы и приглашения со стороны европейских держав, постоянно резервировавших ей место на всех международных конференциях, в основе ее политики невмешательства лежала боязнь американского капитала, впервые выступившего на мировой арене, рисковать своим достоинством и причаститься к европейским неурядицам и смутам. И если именно Америка оказалась в конечном счете инициатором хотя бы временного умиротворения Европы, создательницей плана Даусса, то на это ее толкнули два обстоятельства, которые еще недавно не предвидели американские политики.

Первым фактором было неожиданное сокращение европейского спроса на американский хлеб, который Америка за последние десятилетия уже привыкла поставлять в Европу и производство которого она колоссально расширила применительно к экспортным возможностям. Обеднение фермеров, систематическое увеличение запасов непроданных хлебов, массовое банкротство сельскохозяйственных банков—все это толкало американскую политику принять участие в восстановлении Европы, ибо только этим путем можно было найти новый рынок сбыта сельскохозяйственным продуктам. Огромное значение тяги сельскохозяйственных территорий Соединенных Штатов к соглашению с Европой проявилось в том факте, что первым американским деятелем, на котором и остановился выбор европейских политиков и который не отверг их приглашения и приехал в Европу для участия в решении репарационного вопроса, был Даусс, председатель одного из западных (т.-е. находящихся в центре сельскохозяйственного производства) федеральных резервных банков, которые тяжело ощущали на себе влияние аграрного кризиса.

Но аграрный кризис в Америке длится уже три года. Давление фермеров на правительство в целях соглашения с Европой в предшествовавшие годы было гораздо сильнее, чем теперь, и все же оно не смогло достигнуть своей цели, ибо

центр хозяйственной жизни Америки как раз за время войны окончательно переместился в промышленность, ибо накопление и инвестиция индустриальных капиталов уже давно стали основным двигателем первом этой страны. И поэтому только тогда, когда индустриальный и разрастающийся на его основе финансовый капитал осознали полезность вмешательства в европейские дела, основное направление американской политики претерпело решительные изменения. Соединенные Штаты на наших глазах превращаются в страну экспортного капитализма, экспортный же капитализм имеет свои законы, которые не только не допускают изолированности данной страны, но, наоборот, настоятельно требуют активного вмешательства ее во все вопросы мировой политики.

Впрочем, этот поворот формально еще не завершен. Даусс и Юнг были приглашены европейскими державами в качестве простых экспертов, ни чем не связанных с официальной политикой своего государства. Лишь после того как деятельность этих добровольных пионеров американского капитала оказалась столь успешной, важнейшие финансовые группы Соединенных Штатов, и прежде всего группа Моргана, приняли неофициальное участие в закулисных переговорах во время Лондонской конференции и быстро заставили принять подсказываемые ими решения. Не случайно, однако, это решение американских финансистов принять на свою ответственность и активно поддержать план Даусса пришло именно на середину 1924 года. Именно в это время тот второй фактор общего значения, о котором мы говорили выше—потребность в экспорте капиталов, сказался в Америке с неожиданной силой благодаря начавшемуся с апреля новому промышленному кризису. Кризис оказался кратковременным, но свою историческую роль он сыграл. Избыток денежных средств, обнаружившийся в течение следующих месяцев,— вот что послужило в конечном счете решающим моментом для отказа Америки от принципа невмешательства в европейские дела.

Тем не менее и до сих пор Соединенные Штаты, как государство, никакого отношения к репарационному вопросу и плану Даусса не имеют. Они и ныне не имеют своего представителя в репарационной комиссии, и даже генеральный агент по репарациям¹⁾ является частным американским гражданином, удостоенным доверия европейских держав и принявшим на себя выполнение столь ответственных обязанностей. Однако, если проанализировать линии интересов Соединенных Штатов, как страны, независимо от ее формального невмешательства в репарационный вопрос, как государства²⁾, то легко увидеть, что направление ее политики должно быть весьма близким к политике Англии. Ибо с финансовой стороны Соединенные Штаты в решении репарационного вопроса непосредственно мало заинтересованы. Напротив, интересы экспортного капитала, потребность в создании возможностей доходного помещения своих капиталов заставляют их стремиться к установлению в Европе некоего равновесия и к умиротворению враждующих национальностей.

Столь различное отношение отдельных участников кратковременного объединения, которое мы называем „Антантой“, в известной мере предрешает и грядущие судьбы плана Даусса.

Представителями двух направлений политики в репарационном вопросе и вместе с тем двумя наиболее заинтересованными в его решении странами являются Франция—с одной стороны и Англия—с другой. Все остальные страны лишь

¹⁾ Место генерального агента по репарациям занимал первое время истинный автор плана Даусса—Юнг, а недавно он был заменен прямым ставленником Моргана—Патриком Джильбетом.

²⁾ Факт этого невмешательства не изменился даже с избранием Даусса вице-президентом Соединенных Штатов при последних выборах в ноябре 1924 г. Громко имя, которое он себе составил благодаря участию в комиссии экспертов, может побудить его, однако, к воздействию на иностранную политику в ином направлении.

поддерживают либо одну, либо другую линию политики. Поэтому, рассматривая существующие между ними разноречия, можно найти опорную точку для предви-дения судеб плана Дауэса.

Согласно межсоюзному договору, который был заключен на конференции в Спа в 1920 г., всевозможные поступления от Германии репарационных сумм делятся согласно твердо фиксированному проценту, установленному в этом отно-шении. Франция получает 52%, Англия 22%, Италия 10%, Бельгия 8%. Таким образом эти четыре страны в совокупности получают 92%. Дальше идут мелкие суммы: Япония и Португалия — три четверти процента и остальные распределяются между Румынией, Юго-Славией, Грецией и др. С. Штаты в получении репарационных платежей не участвуют, кроме сравнительно небольшой суммы за содержание оккупационных войск. Эта сумма не входит в состав репарационных платежей и оговорена особо в Версальском договоре¹⁾.

Но такое распределение платежей явно не соответствует ущербу, понесенному отдельными странами; и наиболее крупное несоответствие имеется в распределении платежей Англии и Франции. Как всем в настоящее время известно, понесенный ущерб исчислен Францией на основании совершенно фантастических расчетов. Те комиссии, которым было поручено оценить ущерб в разрушенных областях, соста-влялись из самих владельцев разрушенных строений, фабрик, заводов, ценность которых и нужно было определить. Совершенно естественно, и об этом даже говорилось во французском парламенте, что все эти суммы оказались увеличеными в 3—5—10 раз и больше. Поэтому репарационный счет Франции является ко-лоссально преувеличенным. Если Англия согласилась на такое неравномерное распре-деление платежей, то только потому, что у нее не было иного выхода. Поскольку для нее наиболее важным было восстановление всего хозяйства Европы в целом, ибо только при этих условиях ее экспорт мог достигнуть довоенных сумм, поскольку она должна была либо найти какой-нибудь компромисс в переговорах с Францией, либо пожертвовать значительной частью своего экспортного хозяй-ства. Естественно, что она предпочла первое. Но при нынешнем соотношении сил и явно назревающем конфликте (если и не в близком будущем) между Англией и Францией может возникнуть положение, когда от каждого данного репарацион-ного платежа бюджет и политическая сила Франции будут выигрывать неизмеримо больше, чем бюджет Англии. Тогда Англия, быть может, предпочтет пойти на со-кращение своих репарационных поступлений для того, чтобы Франция получила возможно меньше, ибо финансовый вопрос обезоруживает в настоящее время миро-вую империалистическую политику Франции. Поэтому, рассматривая возможные перспективы репарационных платежей и возможность осуществления или трансфор-мации плана Дауэса, можно предвидеть, что Англия в нужный момент может вы-ступить сторонницей понижения репарационных платежей.

Но инициатива при этом должна исходить от Германии. Можно ли ожидать этого? Захочет ли Германия нести то огромное бремя, которое на нее возложено? В бли-жайшее время не захочет этого она не может. Первые три года репарационные платежи составляют столь умеренные суммы, что отказаться от уплаты их она не в состоянии. В течение первых трех лет в основе платежей лежит внешний заем, продажа привилегированных акций железных дорог германским правитель-ством и доходы от железных дорог. Выплат из бюджета первые два года совсем нет, в третий год они составляют 100 миллионов и только на 4-й и 5-й год

¹⁾ Последние телеграммы показывают, что Соед. Штаты предъявили тре-бование о выплате им их из текущих репарационных платежей, поступающих в осущество-вление плана Дауэса не только сумм за содержание оккупационных войск, но и собственно репараций, о которых не было речи со времени их спаренного мира с Германией. Несмотря на полную неожиданность и с точки зрения союз-ников „неправомерность“ этого требования они вынуждены были удовлетворить это и выделить Соединенным Штатам право на получение 2^{1/4}% всех репарацион-ных платежей Германии.

они достигают 500 и 1.250 миллионов, т.-е. довольно существенной величины. Поэтому можно думать, что в течение трех лет план Дауэса во всяком случае никаким пересмотром и изменениям подвер-гаться не будет. Но 4-й и 5-й годы будут критическими. Ибо вряд ли можно полагать, что Германия, которая в настоящее время приняла эти репара-ционные условия только потому, что в ближайшее время ей придется платить очень мало, и согласилась бы и дальше безропотно нести это бремя. Через 4—5 лет соотношение сил отдельных стран на международной арене значительно изменится, и нужно счи-тать вероятным, что эти годы будут критическими. Германия выступит с каким-нибудь новым мотивом невозможности столь высоких платежей и, вероятно, найдет поддержку Англии.

Нельзя думать, однако, что это весьма вероятное снижение платежей будет означать собою ликвидацию плана Дауэса. Платежи, это — только один из элементов плана, а высота их — даже одно из второстепенных его определений. Другой, в сущ-ности, гораздо более существенный элемент его — контроль всего хозяйства — вряд ли может быть так же быстро изменен или устранен. Ибо в контроле заинтересованы все страны-победители и прежде всего наиболее сильные из них — Англия и Аме-рика. Поэтому без новой войны или революции Германии вряд ли удастся осво-бодиться от него. Но самая эта система контроля в сочетании с неизбежным разно-речием интересов контролирующих может привести к тому, что Германия станет ареной мировой борьбы крупнейших империалистических держав.

Таковы многозначительные перспективы, подаренные миру планом Дауэса.

14 декабря 1924 г.

Хроника мирового хозяйства.

КОНЦЕНТРАЦИЯ КАПИТАЛА.

Концентрация текстильной промышленности.

„Берлинер Берзен Курьер“ 16/XI—1924 г. В статье „Концентрация текстильной промышленности“ отмечается рост этой концентрации, как в вертикальном, так и горизонтальном направлении. В вертикальном направлении внутри Германии достигнуто объединение следующих предприятий:

Акц. Об-во „Лесница-Текстиль“—„Блюменштейн Концерн“, „Плюшкиммер унд Теникерке“—Акц. Об-во „Леман“, Вольккемерей унд Шпиннерей Гезельшафт Гейнихен—Норд-дайтше Вольккемерей, Нейе Аугсбургер Катунфабрик—Гаммерсен-Концерн.

Состоялось также слияние общества джутовых, ткацких и пряжильных фабрик с джутовыми, льняными и хлопчато-бумажными ткацкими фабриками Гейпих.

В направлении вертикального объединения с иностранными предприятиями имели место следующие комбинации: Акционерное общество Позен (Берлин) и фирма „Меллиш“ (Лондон) объединились под фирмой „Меллиш и Позен“, фирма „Герринг“ (Хемниц), приобретшая большинство акций Адриатического текстильного общества, основала Акционерное общество для производства искусственного шелка в венгерском Альтенбурге, при ближайшем участии двух крупных венгерских банков и Венгерского дисконтного об-ва.

Говоря о концентрации горизонтальной, следует упомянуть об объединении 25 союзов шерстеборабатывающей промышленности в единый германский центр потребителей шерстяной пряжи.

Концентрация в германском судоходстве.

Берлинер-Берзен-Курьер Все три газеты помещают статьи, посвященные концентрации в германском судоходстве.
6/XII—24.

Берлинер-Тагеблатт Как до войны, так и в настоящее время наиболее распространенной ее формой являются объединения для 6/XII—24.

Бергверксцейтунг совместной эксплоатации определенных пароходных линий, 22/XII—24. организованные наподобие картелей (Бетрибсгемейншафтен).

Так все судоходные общества, обслуживающие сообщение с Африкой (Гапаг, Ворманская линия, Германско-Восточно-Африканская линия и Бременско-Африканская линия) еще в 1920 г. образовали объединение наподобие того, какое они составляли с 1907 г. Подобным же образом объединились в 1923 г. общества, обслуживающие сообщение с западно-американским побережьем (Гапаг, Космос, Роланд, Лайеш). Осенью 1924 г. „Гапаг“ и океанская линия „Фленсбург“ условились о совместной эксплоатации путей в Мексику. На линии Гамбург-Бремен-Западная Америка, объединившиеся „Гапаг“, „Космос“ и „Роланд“ вошли, кроме того, в связь с „Юнайтед Американ Лайнс“ (Гарриман).

Произошло также объединение и с другой иностранной фирмой: Северо-Германский Ллойд и Германско-Австрийская пароходная компания в 1923 г. заключили договор об обслуживании сообщения с Австралией с английской фирмой—Альфред Холт.

Между германскими фирмами заключен также ряд договоров относительно судоходства на европейских линиях. Осенью 1924 г. произошло грандиозное объединение германских пароходных обществ, под названием „Дайчер Левант унд Ориент-Динст“. В него вошли германские „Левант-Линиес“, „Ориент-Линиес“, общество „Атлас“ и „Арго“. Все они объединились для обслуживания сообщения с Северной Африкой, Адриатикой и Левантом.

Картеллизование германских пароходных обществ охватывает все большее их число, что происходит, главным образом вследствие стремления избежать конкуренции и рационализировать постановку дела. Интересно отметить, однако, что пароходства, основанные Стиннесом, решительно остаются в стороне от этого движения. Исключение составляет только „Акц. Об-ство Гуго Стиннес для океанского плавания и заокеанской торговли“, заключившее тарифную картель относительно тарифов в Буэнос-Айрес с Гамбургско-Южно-Американским пароходством, а с „Гапаг“ и Северо-Германским Ллойдом—относительно тарифов для сообщения с Кубой.

Случаев полного слияния пароходных обществ было очень мало, так как большинство их основано задолго до войны и пользуется определенной репутацией, виду чего не хотят терять своей индивидуальности. Кроме того, при слияниях приходится уплачивать очень большой налог.

Проектировавшееся недавно объединение линий, поддерживающих сообщение с Южной Америкой (Гапаг, Северо-Германский Ллойд, Гамбург-Южная Америка, линия Гуго Стиннеса) не состоялось. Вследствие этого потерпел крушение план установления единобразия в условиях транспорта между Европой, Бразилией и Ла-Платой. Но, во всяком случае, германские пароходные общества проявляют определенную тенденцию ко всякого рода объединениям, что, по мнению германских газет, должно благотворно повлиять на дело развития германского судоходства.

Слияние австрийских банков.

„Берзен Курьер“ от 26/XI: „Венский Меркантль-Банк“ сливается с „Феркерс-Кредит-Банк“.

„Компасс-Банк“, который проводит ликвидацию „Винер Банк“ и „Винер Кауфманс Банк“ ведет переговоры с англо-австрийским банком и с „Австрийским ипотечным банком“ об объединении.

Слияние германских банков.

„Финишел Ньюс“ от 26/XI сообщают о слиянии „Дайче Банк“ с „Вюртемберг Ферейнс Банком“.

МИГРАЦИЯ КАПИТАЛА.

Иностранные займы Америки.

„Стэтист“ от 1/XI—24 г. В статье „Иностранные займы“ в С.-А. С. Ш. отмечается рост популярности иностранных ценностей в С.-А. С. Ш. Так, членами „Инвестмен Бенкерс Ассесейшн“ размещено за первое полугодие т. г. на 320.940.000 долларов иностранных правительственные ценностей, против 242.845.000 долларов за весь 1923 г., 431.305.000 долл. за 1922 г. и 379.270.000 за 1921 г. Соответственные цифры для иностранных промышленных ценностей составляют: 19.800.000 долл., 21.100.000 долл., 81.695.000 долл. и 15.150.000 долл. Если размещение иностранных правительственные ценностей будет ити тем же темпом и во втором полугодии, то за весь 1924 год мы получим солидную цифру в 210.575 тыс. долл. Спрос на иностранные правительственные ценные отнюдь не

сопровождался сокращением спроса на выпуски отечественных ценностей, которых в первом полугодии 1924 г. размещено не менее, чем на 3.215.430.852 долл. и против 4.986.474.692 долл. за весь 1923 г., 5.244.862.294 за 1922 г. и 4.203.793.085 за 1921 г.

Интересно отметить, что покупателями иностранных бумаг являлись главным образом мелкие вкладчики, а не богатые лица или крупные учреждения. Так, австрийские долговые облигации на сумму в 2.500.000 долл. были распределены в С.-А. С. Ш. между 9.000 покупателей. В покупке японского займа на сумму в 150.000.000 долл. участвовало 44.000 лиц.

Рост популярности иностранных ценностей объясняется отчасти некоторым затишьем в американской промышленной жизни, очевидным для всех американцев быстрым процессом восстановления разрушенных областей Франции и Бельгии, успехами финансовой реформы в Польше, Венгрии, Австрии и, особенно, участием Франции в проведении плана Дауса.

Неоднократно отмечалось уже стремление американских финансистов победить английскую конкуренцию в деле кредитования различных европейских стран. Фунт стерлингов уже до некоторой степени заменен долларом в международных коммерческих сделках, и американцы все более начинают сознавать значение Европы для внешней торговли С.-А. С. Ш.

Экспансия американского капитала.

За 10 месяцев по 31-е октября 1924 г. американский капитал, инвестированный в иностранные займы, достиг общей суммы в 1.035.260.000 долл. по данным „Нью-Йорк Трест Компани“. Указанная сумма в три раза превышает сумму эмитированного капитала за весь 1923 г. и на 200.000.000 долл. больше суммы эмитированного капитала в 1924 г. („Авиалист“, 24/XI—24 г.).

По странам эмиссия распределяется следующим образом:

Аргентина	40.000.000	долл.
"	20.000.000	"
"	20.000.000	"
Буэнос-Айрес.	8.490.000	"
Бельгия.	10.000.000	"
"	30.000.000	"
Япония	150.000.000	"
Карлсбад	1.500.000	"
Нидерланды.	40.000.000	"
Роттердам.	6.000.000	"
Швейцария	30.000.000	"
Чехо-Словакия.	9.250.000	"
Аргентина	10.000.000	"
Британская Колумбия.	6.000.000	"
Онтарио.	20.000.000	"
Финляндия.	12.000.000	"
Венгрия.	7.500.000	"
Канад. Пасиф.	10.000.000	"
Канада.	90.000.000	"
"	50.000.000	"
Канадская ж. д.	9.375.000	"
Норвегия	25.000.000	"
Германия (междунар. заем)	110.000.000	"
Мексика.	50.000.000	"
Париж-Лион жел. дор.	20.000.000	"
(„Виртшафтдинст“, 28/X—24 г.).		

Французский заем.

„Экономист“ от 29/XI—24 г. Парижский корреспондент считает крупным успехом правительства Эррио заключение в Америке при посредстве группы Моргана 7% займа на сумму в 100 милл. долл., сроком на 25 лет. Этот заем, как известно, является прямым последствием полученного прошлой весной при посредстве той же группы для банка Франции кредита, имевшего целью улучшение курса франка. При помощи 55 милл. долл., взятых из этого кредита, курс франка менее чем в неделю был поднят с 120 до 80 за фунт стерлингов. Ввиду огромного значения для поддержания курса франка, этот кредит был возобновлен в апреле на 6 месяцев, а в октябре во время переговоров о превращении кредита в правительственный французский заем—еще на 3 месяца. Гарантией для кредита служил золотой запас банка Франции. Целью превращения кредита в 25-летний правительственный заем было освобождение банковского запаса от этого отягощения и замена банковского личного кредита правительственным. Цель эта была блестяще достигнута.

Заем Греции.

„Экономист“ от 29/XI—24 г. Афинский корреспондент сообщает, что ведущиеся в Лондоне Национальным Банком Греции переговоры о займе близятся к благополучному окончанию. Заем разрешен Лигой Наций в размере 10 милл. ф. ст. и деятельно поддерживается Английским Банком. Ввиду интернационального характера займа, облигации его будут одновременно выпущены на английском, американском и некоторых других рынках. Процент уплаты и эмиссионная цена еще не установлены. Срок уплаты—40 лет. Цель займа—устройство в Греции малоазиатских беженцев, снабжение их землей, инвентарем и машинами.

Заем Швеции.

„Виртшафтдинст“ от 21/XI—24 г. Вопрос об экспорте шведского капитала привлекает к себе некоторое внимание. На ненормальность положения указывает то, что Швеция подписалась на германский заем Дауса в размере 25 милл. крон и в то же время заключила в С.-А. Соединенных Штатах заем в 30 милл. долл.

„Таймс“ от 13/XI—24 г. Европейская континентальная сталепромышленность ищет кредита на Нью-Йоркском денежном рынке. Так, шведский консорциум ведет в настоящее время переговоры с одним из концернов, руководимых Интернационалом Акцентас Корпорейшн, переговоры о займе не менее чем в 5 милл. долл.

Американские займы и кредиты Чехо-Словакии.

„Финэшель Ньюс“ 17/XI. „Ведутся переговоры с американской группой о займе для эксплуатации в Прикарпатской Руси. Лес Восточной части Чехо-Словакии не может конкурировать на Богемском рынке, вследствие больших накладных расходов. Для того, чтобы снизить эти расходы, необходимо инвестировать в лесной промышленности 100 миллионов чехо-словацких крон. Правительство получило четыре предложения, из которых одно—от американской группы, предлагающей 6.500.000 долларов, является наиболее подходящим“.

Английские займы и кредиты Германии и Румынии.

„Берзен-Курьер“ 21/XI: „Барон Фридрих Ренц, уполномоченный „Имперского Земельного Союза“, находится в настоящее время в Лондоне, чтобы вести переговоры о предоставлении займа для немецкой сельско-хозяйственной промышленности“.

„Нейе Фрейе Прессе“ 21/XI: „Переговоры о предоставлении займа Румынии принимают реальную форму 15 сего месяца директор Румынского Национального Банка отправляется в Лондон, чтобы там выработать условия займа. Сумма займа определяется в 30 милл. фунт. стерлингов; из них половина Румыния получает наличными, а другую половину машинами, ж.-д. материалом и материалом для телефонных и телеграфных установок“.

Голландские кредиты.

„Индустри унд Хандельсцейтунг“ 19/XI: Общая сумма кредитов, предоставленных за последнее время за границу, равняется 220,28 милл. гульденов. Из них на долю:

Германии	125,66	милл. гульд.
Франции	24,5	" "
Бельгии	40,0	" "
Австрии	16,78	" "
Польши	12,3	" "

Американские займы.

Г. Дрезден. „Индустри унд Хандельсцейтунг“ 18/XI: „Город Дрезден по договору с американским банкирским домом „Аллен Уид и К°“ Нью-Йорк получает 15 милл. долларов сроком на 25 лет из 8% годовых. Заем выплачивается в долларах немецкому банку „Дейче Банк“, который, в свою очередь, выплачивает г. Дрездену в имперской валюте. В обеспечение займа выпускаются в Нью-Йорке облигации по золотому паритету сроком на 25 лет. Эмиссионный курс этих облигаций на 20% ниже эмиссионного курса обязательств международного займа, предоставленного Германии. Кроме того, устанавливается размер единовременных эмиссионных из расчета 7%.

Швеции. „Ажанс-Экономик э Финансъер“ 14/XI: „Шведские сталепромышленники ведут переговоры с „Интернейшнел Аксентенс Корпорейшн“ о предоставлении им кредита в 5 милл. долл.“.

Польше. „Нейе Фрейе Прессе“ 13/XI: „Польские города Домбров, Ченстохов и Кельцы получили от одного американского банкирского дома кредит в 10 милл. долл.“.

Английские кредиты Венгрии.

„Нейе Фрейе Прессе“ 8/XI: „Как сообщают в биржевых кругах, мукомольные предприятия Будапешта получили от одной английской группы крупный заем в долларах из 10—12% годовых. Представителем английской группы является лондонский банкир Гинес.

Лондонская фирма „Тильден Смит“ по поручению английских машиностроительных заводов, совместно с венским промышленником „Аугуст Лэдэрер“, сделала крупным венгерским собственникам предложение о поставке им в кредит сельскохозяйственных машин на большую сумму.

ХРОНИКА ПЛАНА ДАУЭСА.

Дейче Банк и англо-американский капитал.

„Энформасьон“ от 27/XI: „Дейче Банк“ переходит на золотое исчисление и делает конверсию капитала в полтора миллиарда бумажных марок в 150 милл. зол. марок, что составляет сокращение в пропорции 10:1. Кроме того, создается резервный фонд в 50 милл. зол. марок, и, таким образом, весь капитал достигает суммы в 200 милл. марок. В то же время сообщают, что привилегированные акции на сумму 40 милл. зол. марок, которые сохранились в портфеле банка, проданы группе иностранных банков.

„Ажанс Экономик э Финансъер“ от 26/XI: „Привилегированные акции на 40 милл. зол. марок переданы англо-американской группе, во главе которой стоит банк „Шредер“ в Лондоне и „Шпейер и Шредер Бенкинг Корпорешн“ в Нью-Йорке“.

„Бергверкс Цейтунг“ от 27/XI: „По поводу перехода акций „Дейче Банк“ англо-американскому синдикату, Нью-Йоркский Банкирский Дом „Шпейер“ сообщает, что эта операция носит долгосрочный характер. Операция „Дейче Банк“ вызывает такой большой интерес потому, что переходу на баланс по золотому исчислению придают большое значение. В том случае, если акции „Дейче Банк“ будут иметь успех, можно ожидать и в дальнейшем изменения основного капитала немецких банков с помощью американского капитала“.

„Ажанс Экономик э Финансъер“ от 27/XI: „Принимая во внимание большое значение, которое имеет для Германии „Дейче Банк“, следует признать, что продажа акций иностранной группе могла произойти только с разрешения министра финансов, со стороны которого не встретится возражений для подобных же операций и других банков“.

„Франкфуртер Цейтунг“ от 26/XI: „Дейче Банк“ первый из крупных немецких банков продал англо-американскому консорциуму пакет новых акций на 40 милл. зол. марок. В данном случае немецкий банк следует примеру крупных австрийских банков, которые поступили точно так же после стабилизации кроны. Это только первое звено в длинной цепи явлений, которые найдут свое завершение только спустя много лет. Многочисленные торговые и промышленные предприятия уже получили в этом году иностранные кредиты или иностранное участие в своих делах; но еще большее число тех, которые стремятся получить этот иностранный капитал; муниципальные и другие общественные учреждения шли по тому же пути привлечения иностранного капитала; в последнее время и сельское хозяйство стало усердным конкурентом на этом поприще, не без надежды на большой успех. Принятие плана Дауэса дало Германии возможность получить, кроме займа по плану Дауэса, еще частные иностранные капиталы. Германия становится иностранным должником, в широких кругах немецкого хозяйства господствует страх перед чужеземным засилием. Несомненно, что участие иностранного капитала в немецких предприятиях может иметь вредные и нежелательные последствия, но, с другой стороны, исчезла слепая боязнь. Следует считаться с тем обстоятельством, что финансовая заинтересованность иностранных государств в нашем благополучии представляет для нас и политический фактор. Иностранный капитал имеет огромное значение для восстановления нашего хозяйства. Иностранный капитал—это тяжелое вынужденное средство, но, правильно употребленное, оно может быть средством, которое выведет нас из нужды“.

„Морнинг Пост“ от 26/XI: „Говоря об операции „Дейче Банк“, сообщает, что эта операция носит международный характер, так как, кроме Лондона и Нью-Йорка, в этом деле заинтересованы и другие центры“.

Переговоры о займе Саксонскому банку.

„Финеншл Ньюс“ от 25/XI: „Акционерное Об-во „Саксонский Банк“, акции которого принадлежат Саксонскому правительству, ведет переговоры с американской группой о предоставлении займа в 50 милл. зол. марок“.

Англо-американский кредит для германских имперских ж. д.

„Берзен Курьер“ от 28/XI: „Между Об-вом германских имперских железных дорог“ и Банковским Консорциумом, во главе которого стоит Нью-Йоркский Банкирский Дом „Шпейер и К°“ и в который входят „Чейс Секюритис Корпорейшн“, „Блер энд Компани“, „Эквитебль Трест Компани“, „Банк оф Манхатан Компани“, „Генри Шредер Бенкинг Корпорешн“ и Лондонской Банковской группой во главе с „Генри Шредер и К°“, заключено соглашение, по которому указанные банки предоставляют „Об-ву имперских железных дорог“ право получить кредит в 15 милл. долл., частью в долларах, частью в фунтах стерлингов, сроком до 31 января 1926 года.

МИРОВАЯ ПРОДУКЦИЯ ХЛЕБОВ В 1923 и 1924 ГОДАХ:

	Площадь посева в 1.000 акр.		Сбор в милл. центнеров.	
	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
Пшеница.				
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА.				
Англия и Уэльс	1.740	1.545	34,1	30,4
Франция	13.673	13.412	165,3	169,4
Германия	3.653	3.624	62,2	55,9
Италия	11.554	11.317	134,9	102,6
Испания	10.489	9.612	94,3	75,6
ЮЖНАЯ ЕВРОПА.				
Болгария	2.303	2.159	21,7	22,8
Венгрия	3.320	3.499	40,6	30,2
Польша	2.514	2.658	29,8	19,7
Румыния	6.648	7.839	61,3	—
Юго-Славия	3.843	4.071	36,6	42,0
АМЕРИКА И ИНДИЯ.				
Канада	22.672	22.505	285,0	175,0
С.-А. Штаты	58.308	53.818	471,4	513,5
Индия	30.844	31.178	223,6	218,5
Ячмень.				
Англия и Уэльс	1.327	1.314	21,6	22,4
Франция	1.684	1.634	21,6	—
Германия	3.214	3.571	52,5	52,8
Испания	4.540	2.886	53,7	28,6
Венгрия	1.137	1.081	13,7	7,2
Польша	2.964	3.011	36,5	27,5
Румыния	4.642	4.573	29,2	—
Канада	2.785	3.408	37,0	43,6
С.-А. Штаты	7.905	7.558	95,1	96,5
Овес.				
Англия и Уэльс	1.978	2.037	30,3	31,5
Франция	8.457	8.600	107,8	—
Германия	8.262	8.713	131,7	135,2
Польша	6.215	6.388	77,7	56,7
Румыния	3.325	3.056	20,1	—
Канада	14.388	14.481	191,8	157,7
С.-А. Штаты	40.833	41.625	415,9	483,0

МИРОВЫЕ РЕССУРСЫ САХАРА.

Мировое производство сахара определяется в наступающем году в 22.467.000 тонн. Общее производство сахара как тростникового, так и свекловичного увеличивается и приближается к среднему за три года, непосредственно предшествовавших войне.

Германский статистик Лихт дает следующие сравнительные данные о мировом производстве сахара по странам (в тоннах):

	1924—25	1923—24	1922—23
Германия	1.640.000	1.132.000	1.463.000
Чехо-Словакия	1.450.000	998.000	726.472
Франция	800.000	490.850	492.705
Польша	450.000	389.995	301.890
СССР	430.000	360.000	220.000
Бельгия	375.000	300.121	268.928
Италия	360.000	351.102	297.280
Голландия	330.000	231.923	255.592
Испания	255.000	185.063	170.000
Венгрия	200.000	125.000	82.000
Швеция	143.000	149.427	71.790
Дания	140.000	109.000	90.000
Австрия	68.000	47.000	24.468
Другие страны	320.000	188.280	110.000
Всего в Европе	6.961.000	5.057.761	4.574.325

Урожай тростникового сахара на о. Кубе определяется приблизительно в 4.500.000 тонн. Сведения из других стран тоже указывают на рост производства тростникового сахара; несмотря на значительный рост производства, мировое потребление превысит производство приблизительно на 3.000.000 тонн.

Цены довольно высоки, чтобы стимулировать производство и сокращать потребление, тем не менее нужен по крайней мере пятилетний срок, чтобы уравновесить потребление с производством.

(„Манчестер Гардиэн“, от 13/XI—24 г.)
(„Уол Стрит Джорнел“ 11/X—24 года).

ДОБЫЧА ЧУГУНА И СТАЛИ ВО ФРАНЦИИ.

Добыча чугуна и стали достигла за октябрь месяц пебывалой высоты, что видно из приводимой ниже таблицы (в тоннах):

	Добыча чугуна	— из них в Эльз.-Лот.	Производство стали.	— из них в Эльз.-Лот.
Средняя в один м-ц 1913 г. (без Эльз.-Лотарингии) . . .	434.000	322.000	390.000	188.000
Средняя в один м-ц 1923 г. (включая Эльз.-Лотарингию)	750.000	—	582.000	—
1921 г.	280.000	120.000	253.000	96.000
1922 "	427.000	188.300	372.000	140.000
1923 "	441.000	155.580	414.000	131.000
Сентябрь 1924 г. . .	631.000	243.274	564.901	191.211
Июль "	636.168	252.080	564.876	194.808
Август "	655.829	257.480	581.713	198.721
Сентябрь "	641.453	254.620	698.327	208.315
Октябрь "	659.926	257.084	609.122	206.207
За 10 мес. "	6.357.821	2.487.907	2.480.907	1.955.382

Добыча чугуна за октябрь увеличилась на 18.473 тонн по сравнению с сентябрем, а производство стали на 10.795 тонн. За весь послевоенный период добыча чугуна и стали достигают таких размеров впервые. Такое увеличение продукции нельзя отнести за счет укрепления рынка. Скорее это вызвано тем, что путем усиления продукции имеется в виду снижение стоимости производства, что, с другой стороны, представляет известную опасность для дальнейшей конъюнктуры железного рынка, особенно ввиду того, что и прочие страны показывают увеличение продукции за октябрь месяц. Несмотря на большую продукцию, добыча железа еще не достигла уровня 1913 г. Что же касается стали, то производство ее превысило производство дооценного времени.

(„Франкфуртер Цайтунг“, 7/XII—24 г.)

ДОБЫЧА УГЛЯ ВО ФРАНЦИИ.

За октябрь месяц текущего года во Франции было добыто всего 4.103.516 тонн угля за 27 рабочих дней. Эта цифра является рекордной за все время существования угольной промышленности во Франции.

Приводимая ниже таблица наглядно показывает рост добычи угля, кокса и рабочих рук за соответствующие периоды времени:

Средняя добыча в день.

ВРЕМЯ.	Общая добыча	Средний рабочий день.		Занято рабочими
		угля	кокса	
1913 г.	—	136.147	—	203.208
Январь 1923 г.	—	121.064	131.000	242.566
Октябрь	—	136.661	—	271.166
Январь 1924 г.	3.761.000	144.650	196.000	286.804
Октябрь "	4.103.516	151.932	230.694	302.771

Эта таблица показывает неуклонный рост добычи. Если принять октябрьскую добычу за основу для расчета годичной добычи, то эта последняя должна выражаться в цифре в 49 милл. с лишним; между тем как добыча текущего года рассчитана на 45 милл.

(„Энформасьон“, 3/XII—24 г.)

БЕЗРАБОТИЦА.

Последние статистические данные о безработице в различных странах представляют очень интересный материал для сравнения.

Число безработных в конце октября в разных странах:

	Октябрь.	Сентябрь.	% к общему числу рабочих.
Англия	1.247.000	1.243.000	11,1
Германия	473.000	588.485	—
Австрия	—	77.969	—
Голландия	17.099	—	—
Швеция	12.352	—	6,4
Швейцария	—	8.718	—
Франция	10.483	11.223	—

ОТДЕЛ IV

По районам

С. И. Шаров.

К вопросу о губернских хозяйственных планах¹⁾.

(В порядке постановки вопроса).

1. О неясности в вопросе.

«Положение» о губернских плановых комиссиях вменяет им в обязанность разработка губернских перспективных и годичных планов народного хозяйства. Но содержание этих планов и порядок их составления до сего времени не указаны то чно какими-либо инструкциями и служат поводом для разногласий и споров. И фактически такие планы не составляются, или в крайнем случае остается под сомнением, являются ли те планы, которые составляются, именно теми хозяйственно-административными актами, которые требуются. Для характеристики наличного положения с данным вопросом весьма интересным представляется пример из работы Московской областной плановой комиссии.

Областной план уделяет вопросу составления как областных, так и губернских хозяйственных планов очень много внимания. Впрос этот подвергся специальному обсуждению. 19 июля 1924 года на совещании предгубисполкомов Центрально-Промышленной области, созданному при организационном бюро области, — совещанию представлены были два доклада на эту тему — доклад самого бюро «Основные положения к составлению единого губернского плана народного хозяйства на 1924/25 год» и доклад Наркомфина — «О местном бюджете», при чем оба доклада посвящены были в просу о хозяйственном плане и его взаимоотношениях с бюджетом. И вот, в то время, как оргбюро выдвигало в числе своих положений тезис о том, что «правильное построение губернского операционного плана народного хозяйства на предстоящий год возможно лишь при наличии губернского перспективного плана народного хозяйства», доклад Наркомфина утверждал, что «хозяйственный план является одной из основных предпосылок составления правильного и реального местного бюджета» и в качестве такой предпосылки «хозяйственный план должен строиться не в виде перспективного плана, а в виде совершенно точного определенного кратким сроком (1 год) плана производственных мероприятий на основе совершенно точного объективного учета материальных возможностей его проведения». Таким образом оба доклада подошли к вопросу о хозяйственном плане с противоположных точек зрения и поняли его по разному. То же самое оказалось и в их представлении об единстве плана. Оргбюро говорит: «единый организационный план народного хозяйства составляется в целях установления органической связи между отдельными категориями хозяйства, установления соразмерности этих категорий в народном хозяйстве губернии и согласования их на основе местных и государственных интересов и бюджетно-финансовых возможностей». НКФ же говорит: «построенный на принципе дифференциации — по отдельным отраслям местного хозяйства, с учетом

¹⁾ Помещая статью работника Рязанского губплана тов. Шарова о построении губ. хоз. планов, редакция считает свое временным открыть обмен мнений по данному вопросу, надеясь, что местные плановые органы поделятся на страницах нашего журнала конкретным опытом построения губ. хоз. планов как оперативных, так и перспективных, по всем отраслям народного хозяйства своего района.

Редакция.

территориального признака—губернского, городского, уездного и волостного хозяйства—хозяйственный план губернии должен быть сведен в единый план губернии». Таким образом оргбюро говорит о единстве плана, как о выражении органической целостности всего народного хозяйства в широком смысле этого слова. НКФ же понимает это единство, как сводку данных из местных территориальных дифференцированных бюджетов.

Разногласие, обнаружившееся в докладах руководящих органов, и при том в докладах, предложенных вниманию ответственных местных работников, заставляет опасаться, что работы по составлению губернских хозяйственных планов, возложенные на губернские плановые комиссии, пойдут в разных губерниях к разным целям и разными путями. И хотя у нас многие смотрят на хозяйственное планирование, как на дело «академическое» в плохом значении этого слова, т.-е. как на дело, далекое от жизни,— все же затрата труда и времени и ее результат — вопрос для нас не безразличный. Поэтому необходимо попробовать предупредить разнобой и внести согласованность в эту работу.

2. О генеральном плане народного хозяйства Советского союза.

Если обратиться к вопросу о губернских хозяйственных планах, то надо ясно ставить себе вопрос, о каких именно планах ставится вопрос. Если ставить вопрос о генеральных планах народного хозяйства по губерниям, то, очевидно, эти планы должны быть составной частью генерального плана народного хозяйства всего Советского союза, должны быть развитием для данных местных условий тех оснований, на которых строится все народное хозяйство страны. Единство плана требует, чтобы губернские планы вытекали из общегосударственного плана, чтобы они были распространенной редакцией тех положений, которые содержит относительно данной губернии общегосударственный план, с более полными и законченными расчетами. Но, при наличии определенных руководящих указаний и при наличии достаточных местных материалов, можно начинать работу по составлению местных генеральных планов, не выжидая подробной разработки общего-государственного плана, а базируясь на основных его наметках.

Вопрос для нас теперь в том, имеется ли у нас общегосударственный генеральный план народного хозяйства или имеются ли такие наметки в направлении его составления, которые могли бы служить руководящей нитью для приступа к работе над генеральными планами губерний на местах.

На первый вопрос ответ мы имеем отрицательный, на второй — положительный.

Т.в. Кржижановский в общем обзоре работы Госплана за 1921—23 г. пишет: «то плановое хозяйство, к которому мы стремимся, является таким хозяйством, в котором в максимальной степени должны быть выражены учет, предвидение и сознательная воля всего коллектива, интересы которого мы представляем. В борьбе за плановое хозяйство мы, во-первых, стремимся к такому построению народного хозяйства, при котором, благодаря соразмерности частей и научной выработанности методов производства и распределения, при правильном согласовании с объективными материальными ресурсами и наличной рабочей силой, достигается максимальный производственный успех с минимумом затрат и в минимальные сроки; во-вторых — вся хозяйственная система конструируется, таким образом, благодаря гармоничности своих частей, что обеспечивает плавный ход всего механизма, без кризисов и срывов, при чем весь трудающийся коллектив является сознательным участником общественного производства в целом, ясно отдающим себя отчет в методах и степенях возможности подчинения мертвой природы его нуждам. Ясно, что в этом направлении перед нами развертывается длинный путь. Мы в его первоначальном этапе».

Рассчитаны ли все этапы нашего дальнейшего движения по данному пути? Несомненно, нет. Т.в. Рыков на XIII партконференции говорил: «Наш Госплан сможет составить общий баланс хозяйственный за прошлый год, а на наступающий составить не может. И если он не сможет составить его на основе учета реальных сил и организационных предпосылок, которые у нас имеются, то что остается кроме этого? — Конечно,

плохо, что у нас нет возможности составить такой план,— это указывает на отсутствие учета, на отсутствие организационной подготовки, на отсталость хозяйства. Конечно, это плохо, но тогда, когда мы сможем составить с вами общий план всего хозяйства для всего Союза, когда мы сможем, опираясь на единую организацию всего хозяйства, этот план проводить в жизнь, тогда будет не переходный порядок, а социалистический, во время которого будет и данная система, и всеобщий учет, и единая организация хозяйства. Мы должны этого добиться на продолжении ряда лет».

Констатируя отсутствие исчерпывающего плана народного хозяйства страны и указывая на необходимость добиться его усилением учета и организации, тов. Рыков отметил, что общая основа плана у нас есть «план, утвержденный VIII съездом Советов», т.-е. план электрификации. По вопросу об этом плане тов. Кржижановский в том же отчете писал, что Госплан считал «необходимым связать план переустройства всего нашего народного хозяйства с переносом его базы хозяйства чисто парового на хозяйства пара и электрической энергии», и тов. Кржижановский правильно утверждает, что «техническая база нашего перспективного хозяйственного плана несокрушима».

В статье Ленина «Об едином хозяйственном плане» мы читаем по поводу этого плана электрификации: «конечно, это план лишь приблизительный, первоначальный, грубый, с ошибками, план «в порядке первого приближения», но это настоящий научный план».

Таким образом план в смысле установления основной технической базы и основных заданий расширения этой базы мы имеем.

Но и Соединенные Штаты — буржуазное государство! — имеют уже план электрификации.

Для генерального плана народного хозяйства Советского Союза обязательным представляется вопрос, какой комплекс производственных и имущественных отношений в стране ставит себе этот план целью в ближайшем этапе ее хозяйственного развития.

На этот вопрос мы находим совершенно определенный ответ у Ленина. Тот строй народного хозяйства, осуществление которого стоит в 1-м этапе переживаемого нами периода нэпа, есть государственный капитализм. В 1918 году Ленин совершенно ясно формулировал эту цель и в 1921 г. совершенно ясно подтвердил ее. Перечислив в 1918 г. в брошюре «О современной экономике России» основные элементы различных общественно-экономических укладов, имеющихся в России — 1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство, 2) мелкое товарное производство, 3) частично хозяйственный капитализм, 4) государственный капитализм, 5) социализм, — Ленин писал: «Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитал борются вместе заодно и против государственного капитализма, и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против всякого государственного вмешательства, учета и контроля, как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического». «Государственный капитализм экономически несравненно выше, чем наша теперешняя экономика». В «Грозящей катастрофе» в 1917 г. Ленин писал: «Попробуйте представить вместо юнкерско-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства — государство революционно-демократическое. Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму». «Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии». «Государственно-монополистический капитализм есть полная материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет».

В 1921 г. («О продохольственном налоге») Ленин, подтверждая правильность своего анализа, писал: «Как же быть? Либо пытаться запретить, запереть совершенно развитие всякого частного, негосударственного обмена, т.-е. торговли, т.-е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством партии, которая испробовала бы ее. Либо — по-

следняя возможная и единственная разумная политика — не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло государства единого капитализма.

«Весь вопрос — как теоретический, так и практический — состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный период) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм».

Установление в народном хозяйстве монополии государственного капитала — вот та экономическая цель, которую должен ставить себе план народного хозяйства и которой, по предвидению Ленина, осуществить в очень короткий срок нельзя, цель, для достижения которой прочной технической базой должна явиться электрификация. Но таким образом должно быть организовано пользование со стороны населения электроэнергией и каким порядком хозяйство отдельных лиц должно быть втянуто в русло государственного монопольного капитала?

И на этот вопрос ответ дан Лениным: «Раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, — у нас задачей осталось только кооперирование населения». «Власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата с многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из коопераций, из одной только кооперации, разве это не все необходимое для построения социалистического общества? — Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» (ст. «О кооперации», 1923 г.).

Таким образом задачи генерального плана выясняются с достаточной определенностью в смысле своих технических и социальных моментов.

Но остаются гео-физические условия, которые в разных местах отмечаются своеобразием. И это своеобразие, конечно, приведет к тому, что хозяйственная картина каждого района, как на путях к осуществлению поставленной цели, так и по достижении ее будет своеобразна. Генеральный план должен проследить эти пути и должен набросить ту картину хозяйственного состояния района, к которой в данном периоде развития народного хозяйства мы стремимся.

И не только в разнородных гео-физических условиях, но и в однородных, — этапы развития народного хозяйства по пути к поставленной цели будут различными, потому что в исходном моменте мы имеем в разных местах, даже и одинакового гео-физического устройства, элементы различных общественно-экономических укладов.

3. О генеральных губернских планах народного хозяйства.

Таким образом из общих плановых задач советского строя вытекает задача построить для каждой административно-хозяйственной территории, а беря существующее административное территориальное деление — для каждой губернии, такой план развития народного хозяйства, при выполнении которого (плана) это хозяйство было бы на технической базе электрификации — охвачено во всех своих отраслях монопольным государственным капиталом при максимальном кооперировании населения, и который обрисовал бы состав, размер, взаимоотношение этих отраслей при таком охвате и в отдельных стадиях продвижения к нему, с возможностью полным учетом гео-физических моментов края с возможностью полным рациональным использованием природных его богатств.

Такой генеральный план народного хозяйства губернии представляет в смысле работы по его составлению очень большие трудности.

План этот должен прежде всего в подробности установить предпосылки хозяйственного развития района губернии.

Эти предпосылки состоят в данных разного порядка, и все такие данные должны быть основательно изучены и ясно систематизированы и изложены.

Первый вопрос здесь о гео-физических данных губернии — о строении в ней земной коры и о содержании ее недр — о ее ископаемых богатствах, о ее почвах, о климате, о состоянии ее поверхности, о водах, о растительности, о животном мире. Только зная основательно эти данные, можно правильно наметить пути продуктивного хозяйственного развития района. Состав ископаемых и богатство им покажет, какие виды добывающей промышленности имеют свои собственные прочные корни в районе, почва и климат укажут возможные задачи для сельского хозяйства, состояние поверхности и поверхности вод послужит определенным условием для устройства путей сообщения и для тех или иных мелиоративных работ.

Вторым вопросом после данных гео-физических являются данные экономического быта населения. При хозяйственном планировании приходится считаться с тем, какими в исходный момент представляются экономические достижения населения, каков его культурный уровень, какова его социальная расслойка, каков его достаток, какова техническая организация его труда, насколько в нем сильны те или иные хозяйственные традиции и какие сдвиги наблюдаются в них.

Наряду с этим, тщательного изучения требуют особенности географического положения района. Ни один район в настоящее время не живет изолированной жизнью.

Только после составления такого описания района можно выбрать основное направление, по которому следует привести развитие народного хозяйства на его территории.

Этот выбор общего направления для народного хозяйства, этот волевой акт руководителей является существеннейшей частью плана. От знания, предвидения, умения, вложенного в этот выбор, больше всего зависит жизненность плана. А затем должны быть намечены — состав, размер, взаимоотношение всех отраслей народного хозяйства, как они должны сложиться при охвате их монопольным государственным капиталом.

Но для плановой работы мало установить цель, хотя бы жизненно, хотя бы и подробно: необходимо предусмотреть последовательные стадии развития хозяйства в сторону намеченной цели, и необходимо рас считать силы, средства, сроки, необходимые для прохождения этих стадий. Для вовлечения в русло монополистически-государственного капитализма всех отраслей народного хозяйства — этим отраслям придется пройти несколько этапов, а этапы эти будут различного характера.

Также и для охвата всех частных хозяйств кооперацией, кооперирование разных видов — потребительское, производственное — должно пройти ряд определенных стадий.

И надо тщательно взвесить, что именно может быть сделано непосредственно включением частей народного хозяйства в государственное хозяйство, что может быть сделано прямым государственным принуждением, что обдуманной системой поощрительных мер, что кредитом, что пропагандой и агитацией и так далее, и как формы того или иного вмешательства должны быть приспособлены к данному общему экономическому положению населения.

Таким образом генеральный план народного хозяйства губернии должен ответить на четыре капитальных вопроса: во-первых, что имеется в данное исходное время в губернии, в смысле природных данных и в смысле фактического состояния народного хозяйства, во-вторых, в какой вид хочет привести народное хозяйство губернии руководящая власть, охватывая его государственным капиталом и кооперируя население и электрифицируя производство, в-третьих, через какие этапы она предполагает привести народное хозяйство в разных его отраслях по пути к монополистически-государственному капитализму и, в-четвертых, в какие сроки она предполагает пройти эти этапы, с какой затратой сил и средств и с какими видоизменениями в приемах воздействия и содействия.

Такой генеральный план народного хозяйства обладал бы действительно единством. На нем бы строились, не рискуя разойтись между собою, специальные планы по отдельным отраслям народного хозяйства. И на нем базировались бы и местные бюджеты, и по нему эти местные бюджеты увязывались бы с бюджетом общегосударственным, которые в части, касающейся губернии, опиралася бы на него.

Этот генеральный план, как единый, должен вытечь из единой мысли и единой воли, и этим определяется роль органов, которые должны участвовать в его составлении и порядок их работы: в основу такого плана должны быть положены директивы центральной власти, указывающей данному его району его правильное хозяйственное положение в общей экономике страны и его правильные экономические взаимоотношения с другими районами, и единственным правильным методом является построение этого плана в его основных чертах центральным для данного района плановым органом, с тем, чтобы эти основы развивались в местных ведомственных аппаратах и потом проверялись и укладывались на свое место опять-таки плановым органом. Центральный губернский плановый орган должен дать определенные указания о намечаемых путях развития каждой главной отрасли народного хозяйства, и ведомственные органы должны разработать подробности, а не просто центральный плановый орган должен заказать ведомственным органам их планы.

Генеральный план народного хозяйства губернии должен быть развитием, частью генерального плана хозяйства страны. Без такой увязки губернский план даже при тщательной разработке может быть опрокинут мероприятиями обще-государственной экономической политики.

Прежде же всего, для того, чтобы приступить вплотную к составлению таких губернских или окружных планов, необходимо окончательное проведение районирования. Строить план можно, лишь точно зная границы территории, для которой он строится.

Но действительно ли необходимы такие генеральные планы народного хозяйства губернии? Оправдают ли они необходимый для них очень большой труд? «Когда появляются большие планы, находятся нередко скептики, которые говорят: где уж там на много лет рассчитывать, — дай бог сделать и то, что нужно сейчас. Товарищи, нужно уметь соединять и то, и другое; нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьезный успех»¹⁾.

Если же такие генеральные планы и не смогут быть построены с правильностью, позволяющей повести по ним в точности хозяйственное развитие, то те переделки и добавки в плане, которые потребуются в процессе выполнения, не помешают их огромной ценности в смысле планового подхода к руководству народным хозяйством, в смысле установления единой хозяйственной доктрины и в смысле реального учета народно-хозяйственных предпосылок и ресурсов.

И к работе над составлением генеральных планов народного хозяйства губернии должны приступить немедленно. Но, приходится повторить, вплотную подойти к работе можно лишь по завершении экономико-территориального районирования.

В настоящее время приходится заниматься только подготовительными работами — выработкой схем, собираением материалов.

4. О годичных хозяйственных планах при отсутствии генеральных.

Не имея генерального плана, нельзя составить, конечно, годичного единого общего плана народного хозяйства, который только и мыслим, как развитие тех предположений генерального плана, которые должны быть приняты в программу данного года.

Внести планомерность в деятельность по регулированию народного хозяйства губернии, заранее определить моменты, требующие регулирующего вмешательства и наметить будущие мероприятия в этом смысле и систематизировать предложения о них,

конечно, можно, и не имея генерального плана. Такие плановые предположения по вопросам регулирования народного хозяйства губернии, далеко не составляя единого плана этого народного хозяйства, но входя в состав хозяйственных планов местной власти, несомненно могут принести существенную практическую пользу, а вместе с тем будет иметь и большое значение для подготовки генерального плана народного хозяйства.

Такие плановые предположения в известной мере найдут себе отражение в местном бюджете, но значительная часть их останется не увязанной с ним, именем потому, что народное хозяйство много шире местного государственного хозяйства. В некоторой степени эти плановые предположения увязнутся с государственным бюджетом, но тоже лишь в некоторой степени. Эти плановые предположения должны быть, конечно, осуществимыми, реальными. Для этого они должны иметь в виду только главные отрасли народного хозяйства и только наиболее важные из них, и наметить они должны только главнейшие мероприятия и при том мероприятия, действительно, для местной власти посильные, действительно находящиеся у нее в руках.

Предположения эти, этот народно-хозяйственный план губисполкома, должны базироваться на обзоре тех отраслей и моментов народного хозяйства, которые требуют наибольшего внимания. Сюда приходится отнести сельское хозяйство, промышленность фабрично-заводскую, кустарную, торговлю, пути сообщения и транспорт, кооперацию, кредит, народное здравие и здравоохранение, жилищное положение, народное просвещение. Дав обзор их состояния, необходимо выяснить перспективы их самотечного развития, предусмотреть статистически вероятное самостоятельное их движение, наблюсти и зафиксировать намечающиеся уклоны в землеустройстве, ожидаемый рост или уменьшение посевных площадей, ожидаемый рост производительности промышленности, торговых оборотов, безработицы, развитие или сокращение заболеваемости и смертности и т. д. Такой учет статистически вероятных перспектив, который, повторяем, еще ни в какой мере не составит плана, необходим для того, чтобы наметить задачи планового вмешательства в стихийный ход дела.

Предлагаемый годичный народно-хозяйственный план, охватывающий лишь некоторые части народного хозяйства и охватывающий частично, не может обладать единством; он неизбежно будет только объединенным, или по термину Московского Общеплан «синтетическим», внеся только известную согласованность в предположения по отдельным отраслям хозяйства, но не выводя мероприятия по ним из единой общей цели. Этот годичный хозяйственный план может, конечно, наметить расширение отдельных производств местной государственной промышленности в губернии, может расширить программу землеустройства, усилить определенные уклоны в агрономической работе, может наметить расширение сети потребительских кооперативов, может выказаться за организацию госорганами закупки в губернию определенного количества хлебных продуктов, за доставку в губернию в определенные сроки определенных количеств соли, сахара, керосина соответствующими синдикатами и т. д., но такие предположения и такое согласование не могут быть проведены по всем отраслям народного хозяйства; эти отрасли останутся в большинстве случаев самостоятельными и обособленными в своем развитии и во многих случаях нельзя будет предпринять никаких шагов в смысле втягивания их в единство хозяйственного направления. Да и в делах, непосредственно входящих в состав местного государственного хозяйства и местного бюджета, годичные предположения не могут ставить задачи полного их согласования между собой: нельзя высказаться за то или иное изменение учебных программ и методов на один год, за то или иное изменение административного аппарата, — тут надо исходить из расчетов на длительный период.

Такие плановые предположения, не составляя еще плана народного хозяйства, но составляя план деятельности по регулированию народного хозяйства, могут быть названы годичным народно-хозяйственным планом губисполкома.

¹⁾ Ленин на VIII Съезде Советов 22 декабря 1920 года.

Вот в каком виде приходится мыслить годичный народно-хозяйственный план губисполкома, пока не имеется генерального плана народного хозяйства губернии; этот народно-хозяйственный план приходится мыслить в виде не единого, охватывающего все народное хозяйство плана, а в виде отдельных плановых предложений, по отдельным отраслям народного хозяйства, предложений, объединенных в общем изложении и по возможности согласованных между собою и увязанных в своих отдельных частях с местным бюджетом.

5. О бюджетном плане.

Сам по себе бюджет, конечно, тоже является годичным планом, но он представляет собою план не народного, в широком смысле слова, хозяйства, а только план той части государственного хозяйства, который обслуживается местными и финансами.

Годы чисто эмиссионного финансирования были связаны со слабостью планового начала в бюджете: на расходные сметы создался взгляд просто, как на заявки об отпуске определенного или неопределенного количества денежных знаков, а доходные сметы исчезли совершенно из поля внимания. Теперь бюджет быстро восстанавливает свое плановое назначение. Но, конечно, как в общегосударственном, так и в местном бюджете, плановое начало должно быть еще усилено, и при том как в отношении составления бюджета, так и в отношении его последующего выполнения. Вопросы составления бюджета и его выполнения представляются более ясными, чем вопросы о хозяйственных планах другого порядка. Здесь достаточно только отметить, что предпосылкой правильного составления бюджета является точная дифференциация нужд, требующих расхода, источников, дающих доход и что в работу по составлению бюджета входит — обсуждение и точное установление перечня учреждений, предприятий, имуществ, начинаний по каждому бюджету и их годовой программы, обсуждение и точное установление штата рабочников в каждом из них, точный расчет состава, количества и цен и стоимости материальных ценностей, необходимых для каждого из них, точный расчет всех доходных статей. Что касается плана выполнения бюджета, то в него должны войти календарные *и* писания кассовых денежных поступлений по бюджету, календарные *и* писания главнейших хозяйственных заготовительных и производственных операций, календарное *и* писание кассовых денежных расходов по бюджету, ясное распределение полномочий и ответственности по распоряжению хозяйственными операциями, ведение не запаздывающей обстоятельной и правильной сметно-кассовой и сметно-хозяйственной отчетности.

6. Итоги.

Таким образом пять форм общих хозяйственных планов рассмотрели мы для губернии:

- 1) Единый генеральный план народного хозяйства.
- 2) Единый план народного хозяйства на определенные сроки, в том числе имеющий наибольшее практическое значение — годичный план.
- 3) Народно-хозяйственный годичный план и полков, приемлемый для того периода, пока еще не составлено генеральных планов.
- 4) Бюджет.
- 5) План выполнения бюджетов.

Независимо от этих планов могут быть и должны, конечно, строиться специальные оперативные планы. Ища для указанных общих планов аналогию в прошлом, которое часто служит к пояснению настоящего, мы находим, что бюджет сохраняет те же черты, как и в дореволюционное время, потому что уже и тогда, как отметил Г. М. Кржижановский в своей «Юбилейной» статье с Госплане, статье, имеющей основное значение, «бюджеты в высокой степени отвечали требованиям планности и далеко выходили за пределы бухгалтерской сводки цифр, ставя хозяйствственно-финансовую деятельность

государственных органов на основу определенного охвата народно-хозяйственных нужд».

Что касается генеральных планов и вытекающих из них единых годичных планов народного хозяйства, то, как упоминалось, приближение к ним в виде отдельных исключительных случаев можно найти в дореволюционном прошлом, но в целом своем виде их идея выдвинута только революцией.

Очередной задачей в настоящее время является выработка согласованного единобразного содержания и метода составления для всех этих планов общего характера и создания на основе такой согласованности руководящих схем и инструкций.

В совершенно таком же положении находится и вопрос о планах выполнения бюджетов.

Что касается генеральных планов народного хозяйства губерний и годичных народно-хозяйственных планов, губисполкомов, то общие инструкции для них могут и должны пойти только от обще-государственных плановых органов и настоящая статья имеет своей задачей, как это сказано в ее начале, попытку установить основы для таких инструкций, без которых вопрос опять утонет в бесконечных дискуссиях.

M. B. Гольман.

Плановые вопросы местного (областного) хозяйства.

Современное местное хозяйство значительно отличается и по масштабу, и по своим задачам, и по конечным целям от того земско-городского хозяйства, которое, будучи заключено в оправу буржуазных реформ Александра II, росло и развивалось в течение полувека. В лице «хозяев и отцов» городов того времени, торгово-промышленная буржуазия в земско-городских самоуправлениях получила ту причитающуюся ей долю власти и право на извлечение и охрану прибавочной стоимости, которую в состоянии были уступить ей помещики, дворянство в порядке дележа общей добычи и компромисса. Городские самоуправления и земства, выполняя всю положительную работу, совершенную ими в области благоустройства, насаждения школ, санитарной, медицинской и благотворительной помощи — были верными служебными органами для усиления экономической мощи торгово-промышленной, а потом и финансовой буржуазии, а в хозяйственном отсталых губерниях и областях и разоряющегося помещичьего дворянства.

После Октября советская власть получила все это огромнейшее материальное наследство из рук городских и земских самоуправлений и хотя империалистическая и гражданская война значительно сузила инвентарь этого материального богатства, тем не менее и на сегодняшний день местное хозяйство представляет собой наиболее восстановленный участок всего хозяйственного фронта, взятого в целом. По характеру своему местное хозяйство в настоящее время есть та часть руководимого пролетариатом общегосударственного хозяйства, которая не входит составными частями в государственный бюджет и может управляться на местах без ущерба для интересов СССР в целом. Если вдобавок в диапазоне местного хозяйства включить и те элементы народного хозяйства, над которыми наше воздействие и руководство пока далеко не простираются (например, местная частная торговля, частная промышленность, промыслы и т. д.), то тогда, пожалуй, вернее было бы называть это хозяйство не местным, а областным или даже районным, особенно, если иметь в виду, что начатое районирование вводит определенную и, в достаточной степени, устойчивую территориально-экономическую единицу.

Плановые задачи местного (районного) хозяйства, рассчитанные на целый ряд лет, не могут быть другими, чем те, которые имеются у пролетариата, сознательно взявшего курс на социализм.

В основе же построения длительного перспективного плана государственного и народного хозяйства, т.-е. продвижения к социализму, является: 1) необходимость создания высокого технического уровня производства, реконструкция, главным образом, нашей промышленности на энергетической основе, 2) обобществление производства там, где оно еще до сих пор носит индивидуальный, частный характер (сел.-хоз.), 3) увязка первого со вторым и со всесоюзным планом электрификации, поставив их в прямую зависимость с объективными возможностями темпа осуществления такой программы, определяемого необходимостью соразмерить темп социалистического накопления с сохранением экономико-политического союза пролетариата и трудящихся крестьян, и 4) кооперирование распределения. Решение первой задачи о создании высокого технического уровня производства, хотя бы в малой степени, бесконечно ускорит завершение 2, 3 и 4 задач, как производных от первой. По отношению к местному хозяйству речь идет, главным образом, о темпе, об увязке его с общегосударственными планами и выполнением тех плановых проблем, которые являются первоочередными на первые десять лет после

Октябрьской революции. Таких задач для областного хозяйства мы имеем: 1) местная электрификация, 2) районирование с укреплением и приближением советского аппарата к деревне, 3) народное просвещение, 4) организация местного гос. и кооп. кредита, 5) жилищный вопрос, 6) организация государственного кооперативного опта и оптозницы, 7) связь и транспорт.

Мы здесь нарочито обошли вопрос о коммунальном хозяйстве, о благоустройстве городов, о метрополитенах, о водопроводе и о целом ряде других санитарно-гигиенических мероприятий для городов. Эта часть местного хозяйства имеет наименьшее значение для того лозунга, который проводится по всем направлениям нами сейчас, для лозунга «лицом к деревне». Только для промышленных городов, центров и населенных мест все эти вопросы, включая, в особенности, жилищный, имеют первостепенное значение. Эта часть хозяйства в других местностях должна и может нас интересовать в особенности в той мере, в какой они являются бездефицитными или даже рентабельными, чтобы все доходное сальдо от них могло бы быть использовано для других указанных выше более неотложных нужд.

Местная промышленность, находящаяся в руках советов, не имеет других задач, как тех, которые начертаны для всей государственной промышленности, взятой в целом: оправившись быстрее общегосударственной промышленности, местная промышленность только раньше своей старшей сестры — государственной промышленности — упирается в проблему производительности труда, т.-е., главным образом, в проблему восстановления основного капитала на основе реконструкции его.

Важность той или другой из перечисленных задач увеличивается в зависимости от характера того или другого экономического района. Имеются ли достаточные экономические предпосылки для того, чтобы теперь уже подойти к выполнению этих задач.

Если обратиться к состоянию местного хозяйства и, в особенности, к его финансовому выражению, то перед нами будет следующая картина (в миллионах рублей):

	Местный бюджет.	Расходы по доходы.	расходы. госбюджету.	Расх. местн. бюдж. в-%-х к расх. госб.
1922/23 б. г.	335,7	384,7	1.433,2	26,8
1923/24 б. г.	577,0	630,0	1.795,4	35,1
1924/25 б. г.	729,0	729,0	2.100,0	34,7 ¹⁾

Уже из этой таблицы можно судить о том, что темп восстановительного процесса в местном хозяйстве идет гораздо быстрее государственной промышленности и государственного хозяйства в целом. Те же выводы налицо, особенно, если принять во внимание следующий вариант тех же цифр («Бюджет и валюта» — Г. Сокольников, изд. «Экономическая Жизнь»).

	1913 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
(В круглых цифрах).				
Госбюджет	3.250 м.	1.300 м.	1.900 м.	2.100 м.
Местн. бюджет	775 м.	360 м.	522 м.	705 м.

С поправкой на территорию и валюту можно утверждать, что состояние местного хозяйства в 8-м хозяйственном году достигнет 100% своего дооцененного уровня. Отсюда уже можно заключить, что мы подходим к вышеуказанным плановым перспективам развития местного хозяйства и можем сосредоточить свои материальные ресурсы, главным образом, для перечисленных выше неотложных задач первого десятилетия после Октябрьской революции. Вот почему для осуществления этих целей особенную роль должно сыграть правильное построение (на реальной экономической основе и в полном соответствии с общими и ближайшими задачами всего и местного хозяйства) местного финансового плана и местного бюджета в целом.

¹⁾ «Вестник Финансов» № 11.

Чтобы уяснить исключительную важность проблемы местных финансов следует вкратце представить задачи финансовой системы СССР в эпоху переходную от капитализма к социализму.

Эти задачи определяются основными целями плана государственного и народного хозяйства, направленного к осуществлению социализма в стране с преобладанием мелкобуржуазных форм хозяйства.

Таковыми задачами являются: а) общественное присвоение прибавочного продукта, сосредоточиваемого в процессе экономических отношений в руках буржуазии мелкой и средней (промышленный налог, подоходный налог с максимальной дифференциацией ставок), б) борьба за производительное применение того прибавочного продукта, который так или иначе остается в руках этой буржуазии, в) перераспределение производительных сил и их реконструкция в обобществленной форме (социалистической), имеющие своей целью индустриализацию промышленности на высокой энергетической основе и интенсификацию сельского хозяйства, и г) кооперирование сельского хозяйства и процессов обращения. Орудием перераспределения и реконструкции, помимо системы налогов (в том числе и сел. хоз.), является государственный и кооперативный кредит.

Методы финансовой системы, в виде прямого и косвенного обложения, в общем не меняют своей основной формы в нашу переходную эпоху. Наиболее экономический эффект с сохранением классовой сущности нашей финансовой системы достигается, как это проверено опытом, следующим сочетанием прямого и косвенного обложений: а) высокое обложение прибавочного продукта, попадающего в руки буржуазных классов как в косвенной форме (налоги на имущество и роскошь), так и прямой, подоходный, промышленный, поимущественный, наследный, на возмездный переход имущества, на роскошь; б) прямое обложение подоходно-прогрессивное трудящихся слоев крестьян, и в) преимущественно косвенное обложение мелких бюджетов городских трудящихся. К этому еще следует добавить неналоговые доходы от предприятий, госимущества и кредитных операций. Вот почему одной из важнейших задач финансового плана является выражение всех этих целей в определенной системе и сочетании финансовых мероприятий денежных поступлений и затрат, которые в общей сумме и разном образе направляли бы стихийные процессы экономического развития в желательное для нас русло. Причем сочетание всех этих финансовых мероприятий в годовых оперативных планах должно быть таково, чтобы преодолеть всяческие препятствия и опасности, возникающие в связи с неизбежным частичным восстановлением частно-хозяйственного капитализма, не разрушить укрепления нашего союза с трудящимся крестьянством на основе обеспечения доступных цен на промышленные товары и кредитования сельского хозяйства, не суживать емкости районного рынка и гарантировать рост материальных ресурсов и резервов, необходимых для энергетической и экономической реконструкции народного хозяйства и для мероприятий культурного развития и улучшения советского аппарата. Сочетание всех этих элементов в финансовых годовых планах и бюджетах представляет собой, при сохранении твердого руководства в руках пролетарского авангарда РКП, едину из основных плановых проблем для развития производительных сил данного района в направлении к социализму.

Таковы особенности построения нашей финансовой системы.

Отсюда совершенно очевидна та роль и то значение, которое призвана сыграть финансовая система в нашу переходную эпоху, как один из важнейших рычагов планирования и регулирования государственного народного хозяйства.

В силу этого построение финансовых планов, будучи поставлено в прямое соответствие и зависимость с нашими перспективными и оперативными планами народного хозяйства в целом, представляет особую трудность там, где нужно увязать общие задачи социалистического преобразования хозяйства с основными условиями, главным образом политическими, необходимыми для нормального темпа осуществления этих задач.

Здесь же своевременно указать на ту особенно исклучительную роль, которую должен иметь районно-волостной бюджет как для оживления деятельности местных советов, так и в смысле экономического нашего воздействия на стихийно-возрастающую экономическую консолидацию кулацких элементов деревни. Опыт Украины, где по данным по 1923/24 г. роль волостного бюджета возросла до 23—24% (по РСФСР она осталась на уровне 8—9%), должен убедить нас в том, что районно-волостные бюджеты—это есть такой способ перераспределения и использования материальных ресурсов в наших интересах, который, при правильном употреблении его, явится тем материальным рычагом, посредством которого можно будет способствовать не только оживлению советов¹⁾; кооперированию и электрификации сельского хозяйства, используя, по мере возможности, для этого помочь всесоюзного, областного и районного центра в форме общесоюзного и, главным образом, местного государственного и кооперативного кредита. Районно-волостной бюджет не только создаст материальную базу для финансирования той «культурной революции», о которой говорил Ильин, как об условии успешного кооперирования населения, но и послужит исходным пунктом для установления решающего преобразования сельского хозяйства на основе интенсификации, машинизации и, наконец, электрификации его.

Такова общая постановка вопроса о плановых проблемах областного хозяйства и их выражении в системе финансовых планов и местных бюджетов. Исходя из такой единственно-правильной постановки вопроса, можно подойти к определению направления деятельности плановых органов по местным финансам в обстановке намечающихся задач и перспектив экономического развития в наступающем ходу году.

Истекший хозяйственный год и фактически сложившаяся экономическая обстановка к началу наступающего года дает возможность определить основные линии развития народного хозяйства на ближайший период. Наиболее удачно они характеризованы в первых трех статьях этого номера «Планового Хозяйства».

Указанное в этих статьях направление в применении к плановой деятельности в области местных финансов выразится на ближайшие годы в следующем виде:

1) Исследовательская работа (работа обобщения).

Изучение и оценка складывающейся районной конъюнктуры (в данной области и губернии) и поквартальных данных по финансовому положению, определение реальности местного финансового плана и учет экономических последствий его выполнения. Определение типового финансового плана и бюджета среднего для характерных губерний и областей (примерно):

сельскохозяйственные—Тамбовская, Ульяновская, Полтавская;

промышленные—Донбасс, Иваново-Вознесенск, Урал;

смешанные—Тульская, Рязанская, Юго-Восток;

национальные республики—Татарская, Грузинская, Белорусская и Киргизская.

Источники для изучения: 1) непосредственный опыт работы местных работников, 2) литературные источники, общесоюзные сводки годовые и поквартальные; экономические и финансовые журналы; издания губисполкомов (доклады облпланов по отдельным заданиям—конъюнктурные обзоры, материалы фин-бюдж. и эк.-стат. секций, данные о земских и городских бюджетах и пр.).

2) Инструктирование облпланов по методологии составления годовых и перспективных финансовых планов и местных бюджетов.

Бездефицитность при условии экономического обоснования бюджета в сочетании его с областными и хозяйственными планами; доходная и расходная часть, налоговые и

¹⁾ В этом смысле интересны результаты совещания при ВЦИКе о деятельности местных советов.

неналоговые доходы, надбавки и отчисления; расходы на народное образование, на аппарат, на восстановление местного хозяйства; отчисления на кредиты и субвенционный фонд местной промышленности, кооперации и сельского хозяйства и фонд энергетической реконструкции — местная электрификация; местные страховые фонды.

3) Разработка вопросов, связанных с созданием районного-волосного бюджета.

Учет опыта, методология, проверка экономического значения типовых волостных бюджетов (на конкретных материалах УССР) ¹⁾.

Вопрос об источниках волостного бюджета, насколько эти источники переплетаются с общегосударственными; какое разграничение по доходным источникам существует между центральными финансапаратами по местным финансам и волостными органами; вопрос о возможных источниках увеличения волостных бюджетов в связи с вопросом об уменьшении размеров единого с.-х. налога и передаче большей его части на меле.

4) Разработка вопросов, связанных с кредитом, субвенциями и другими формами финансирования местного (областного) хозяйства (коммунальный банк, местные банки, формы кредитования и кредитные товарищества, увязка их задач с общими планами кредитного хозяйства и пр.).

Таковы четыре основных направления деятельности плановых органов по вопросам местных финансов на ближайшие годы.

В дополнение к ним, в прямой зависимости от них, стоит текущая плановая работа по всем отраслям местного хозяйства в их финансовом выражении: экономический анализ и визирование проходящих через НКФ и Губбо местных бюджетов и финансовых мероприятий с заключением облпланов и увязкой их с контрольными цифрами общеюзовых бюджетов и финансовых планов. Здесь не указывается и целый ряд других мелких и мельчайших вопросов и «вершины», связанных с ведомственной деятельностью НКФ, ГУКХа и проч.

К текущей плановой работе в областях относится также дальнейшее урегулирование местных бюджетов в целях — А) сведения их без дефицита, как правило, Б) выявления нормального соотношения между налоговыми и неналоговыми поступлениями:

1) Установление норм расходов по содержанию аппаратов и, так называемых, производительных затрат, — по районам и отраслям.

2) Установление нормального обслуживания, — опять-таки по районам, — населения различными учреждениями (больничные койки, школы 1-й и 2-й ступени, лик-пункты, библиотеки, избы-читальни, агрономические и ветеринарные участки и т. д.).

3) Пересмотр норм хозяйственных расходов (на отопление, на содержание одного призреваемого, на одну версту полотна шоссейной дороги и проч.).

4) Проверка оснований для исчисления по районам фонда зарплаты.

5) Установление нормального соотношения между бюджетам губисполкома, уисполкома и волисполкома.

6) Выявление нормального волостного бюджета по районам ²⁾.

7) Рассмотрение местных бюджетов по СССР и представление по ним своего заключения в СНК.

8) Рассмотрение систем государственного воспособления местам по СССР, субвенции, дотации, отчисления от госналогов и т. д. (и вообще всех законопроектов, касающихся изменения Положения о местных финансах в тех или иных его частях).

9) Обсуждение представляемых центральным жилищным и коммунальным банком планов кредитования мест.

¹⁾ Создание примерной по бюджету волости, района и области было бы большим достижением для плановых органов и «наглядным пособием» для отстающих областей.

²⁾ Помимо этих задач, для Союзного Госплана выдвигаются: 1) основная задача проверки на основании опыта текущего года, распределения субвенционного фонда между республиками, а внутри их между губерниями и областями и 2) проведение в жизнь положения о центральном банке коммунального кредита и жилищного строительства.

10) Установление разграничений сферы государственных и местных финансов по доходной и расходной части.

Для своевременного выполнения этого минимума работ, который гарантировал бы Госплану и плановым органам на местах руководство планированием и регулированием местного хозяйства, особенно местных финансов, совершенно необходимо привлечь управление местных финансов, Госпланы союзных, автономных республик и областей принять участие в выполнении этих работ.

Опыт же междуведомственных совещаний или заседаний при отдельных наркоматах по делам местного хозяйства говорит за то, что планирование и регулирование местного (областного) хозяйства может быть сосредоточено только в Госплане и плановых органах республик и областей (с ударением на последних). Для этой цели нет вовсе никакой надобности создавать такой организационный ублодок, как Совет по делам местного хозяйства ¹⁾ или специальный наркомат.

¹⁾ См. статью В. А. Ржевского: «Местные финансы, их развитие и очредные нужды», — «Вестник Финансов» № 11.

C. K.

Конъюнктура народного хозяйства в районах.

Октябрьская районная конъюнктура¹⁾.

При всем разнообразии хозяйственных условий отдельных районов, октябрьская конъюнктура их характеризуется преимущественно одинаки и теми же совпадающими моментами.

Состояние озимых посевов.

Прежде всего, следует отметить некоторое ухудшение состояния озимых в течение октября по некоторым районам. Так, по Западному району одна Смоленская губерния дает незначительное улучшение озимых всходов (с 2,6 балла 1 октября на 2,7 балла 1 ноября), в Брянской же губернии (ухудшение с 3,0 до 2,8) и особенно в Гомельской (с 2,5 до 2,0) состояние озимой изменилось за месяц в неблагоприятном направлении. По БССР состояние озимых посевов расценивалось на 1 ноября в 2,7 балла. На Украине озимые рожь и пшеница на 1 ноября по сравнению с 1 октября также качественно изменились к худшему (с 3,8 до 3,2 балла). По Среднему Поволжью, в Самарской губернии оценка озимой снизилась с 3,2 до 2,9, а по Пензенской губернии упала за октябрь до 1,4 балла (только по Ульяновской губернии она осталась без изменений, как средняя).

По другим районам состояние озимых оставалось устойчивым и расценивалось, как среднее: Центрально-Промышленный и Уральский районы по 3,1 балла; однако следует отметить, что по первому району по производящим губерниям — Рязанской (1,7 балла), Тульской (2,7 балла) за октябрь имело место некоторое падение оценки. По Северо-Кавказскому району (Юго-Восток) в течение второй половины октября произошло, наоборот, некоторое улучшение состояния посевов, страдавших от недостатка влаги, но зато остаются в силе опасения за яровые посевы ввиду плохого качества семенного материала. Наконец, по Северо-Западному району отмечается вполне благоприятная картина положения посевов в Ленинградской губ. (3,5 балла) и Новгородской (3,2 балла), только в Череповецкой губернии оценка озимой продолжала оставаться ниже средней (2,9 балла). При этом Западный, Центрально-Промышленный район и Украина отмечают понижение состояния посевов на 1 ноября и по сравнению с данными на тот же срок прошлого операционного года.

Хлебозаготовки.

Недород в ряде производящих районов в истекшем хозяйственном году, среднее и во многих районах несколько изменившееся к худшему за октябрь состояние озимых посевов, общая повышательная тенденция хлебных цен в октябре и, наконец, наступившая к концу месяца в большинстве случаев распутица оказали в общем сдерживающее влияние на ход октябрьских хлебозаготовок. Сельхозналог, повидимому, оказал на ход хлебозаготовительной кампании известное влияние только в районах, где не существовало сколько-нибудь значительного отрыва цен от фактических

¹⁾ Сводка дается по следующим районам, представившим до 9 декабря свои октябрьские обзоры: Северо-Западному, Западному, БССР, ЦПО, Украине, Юго-Востоку, Среднему Поволжью, Уралу, Закавказью и Туркестанской.

рыночных (Северо-Запад, Урал, Сибирь), но и тут отмечается тенденция крестьянства к удержанию хлеба в своем хозяйстве и оплате сел.-хоз. налога за счет прочей продукции (Урал). В остальных районах крестьяне реализовали преимущественно второстепенные продукты животноводства, скот, птицу, овощи и т. д., сокращая предложение хлеба, при чем и то ограниченное количество хлеба, которое поступало на рынок, скупалось преимущественно частными заготовителями.

Приведем несколько характерных районных сведений о ходе хлебозаготовок. На Северо-Западе хлебные заготовкишли успешно и за октябрь дали 560 тыс. пуд. или 42% в его годового плана.

Заготовлено в октябре по Западной области зернопродуктов 1.376 тыс. пуд., на 52% больше сентябрь, в том числе ржи 111 тыс. пуд. или на 66% менее предыдущего месяца.

В Белоруссии за октябрь заготовлено 968 тыс. пудов (65% плана), в том числе ржи 275 тыс. пудов, против 339 тыс. пудов заготовки ржи в сентябре.

По Украине, хотя в абсолютных цифрах общая сумма хлебозаготовок в октябре по сравнению с сентябрем несколько усилилась (10,9 милл. пудов против 9,6 милл. пуд.), но по отношению к плану процент выполнения снизился с 74% до 47%; что касается заготовок ржи и пшеницы, то и в абсолютных цифрах, и по отношению к плану октябрь дает значительное падение: ржи заготовлено в октябре 10,5% плана, а пшеницы — 16,5% планового задания. Всего ржи и пшеницы государственными и кооперативными заготовителями заготовлено в октябре немногим более 2 милл. пуд.¹⁾.

В Среднем Поволжье, Самарская губерния с отменой твердых заготовительных цен отмечает усиление общего базарного привоза на 55% и привоза пшеницы на 28%; общее количество хлебозаготовок поднялось за месяц с 250 тыс. пудов в сентябре до 1.100 тыс. пуд. в октябре, в том числе ржи с 75 тыс. пудов до 261 тыс. пуд. и пшеницы с 118 до 228 тыс. пуд. В Ульяновске привозы повысились на 62% (в том числе ржи на 49%); имеющиеся сведения о ходе хлебозаготовок здесь Хлебопродукта, повысившихся с 49 тыс. пуд. в сентябре до 163 тыс. пуд., указывают на известное общее оживление заготовительных операций. Наоборот, с ухудшением состояния озимых посевов в Пензенской губернии заготовки с 117 тыс. пуд. падают до 106 тыс. пуд., при чем вместе 56 тыс. пуд. сентябрьской заготовки ржи было заготовлено в октябре всего 1 тыс. пуд., ввиду отсутствия на рынке ее предложения.

По Уралу хлебный привоз на базары за октябрь поднялся почти втрое: с 509 тыс. пудов в сентябре до 1.555 тыс. пудов в октябре. Заготовки дали за октябрь около 6,4 милл. пудов (около 60% плана на 1 ноября).

На Северном Кавказе в октябре заготовлено всего 8,6 милл. пуд. (пшеницы — 2,4 милл. пуд.), против 16,8 милл. пуд. (пшеницы — 7,8 милл. пуд.) в сентябре.

Хлебные и мясные цены.

В связи с общей конъюнктурой хлебного рынка, октябрь в области хлебных цен дает почти повсеместно картину сдвига в сторону повышательного настроения хлебного рынка: рост цен на рожь отмечает Северо-Запад (с 95 коп. до 1 р. 05 к.—1 р. 20 к.); по Западному району базарные рожаные цены в среднем поднялись с 79 коп. до 90 коп. (на 14%); Украина средние цены с возов на рожь изменились за октябрь с 80 до 85 коп. (на 6,2%) и на пшеницу — с 1 р. 27 коп. до 1 р. 37 коп. (на 7,8%). В Среднем Поволжье цены на пшеницу по Самарской губернии к концу месяца дали повышение 5,6%, а по Пензенской губернии на 34%, и только в Ульяновской губернии наблюдалась слабая понижательная тенденция. Некоторое повышение рожаных цен (около 4%) отмечается и в Центрально-Черноземном районе. В Северо-Кавказском районе и на Урале хлебные цены начали и конца месяца сколько нибудь значительно между собой не разнятся, но, повидимому, и здесь, правда, уже в ноябре, намечается некоторый перелом в сторону их повышения.

¹⁾ Частная заготовка к 1 ноября составила по расчету НКВнутторга УССР около 18 милл. п.

В противоположность хлебному рынку обратные тенденции продолжали наблюдаться на мясном рынке: повсеместно реализация крестьянского скота в октябре увеличилась, предложение превышало спрос, и цены продолжали падать. Например, с 25 коп. за фунт в мае на Урале мясо в ноябрешло до 13 коп., по Пензенской губ. средняя губернская цена была уже 8 коп. за фунт, на Северном Кавказе — 7,5 коп., на Украине — до 12 коп., в Белоруссии фунт говядины с 16 коп. на 1 октября снизился до 14 коп. на 1 ноября (на 12%) и т. д. Вопрос об организации мясных заготовок продолжал привлекать к себе внимание районов.

Заготовка сырья.

На Северо-Западе, несмотря на благоприятные условия, в течение октября заготовлено льна около 212 тыс. пуд., что дает 22% выполнения плана (969 тыс. пуд.). В Белоруссии, заготовка льна только начинает развиваться (в Витебском округе выполнено пока лишь 6% плана заготовки льна). В Западном и Центральном-Промышленном районах отмечается в октябре усиление заготовок льна, пеньки и кожсырья; Юго-Восток сообщает об увеличении заготовок шерсти на 51% (и кожсырья на 34%).

В Закавказье¹⁾ за октябрь заготовлено 991 тыс. пудов хлопка (на 3,2 м. р.) или 70% месячного плана.

В Туркестане к 1 ноября закуплено около 2,7 млн. пуд. хлопка.

Несмотря на указанное расширение в октябре заготовок сырья по сравнению с сентябрем, отсюда почти идут указания на недостаточный охват заготовительным аппаратом наличного предложения сырья.

Промышленная продукция.

Данные о состоянии промышленности за октябрь имеются не по всем районам; однако, как имеющиеся сведения в центре, так и поступившие местные сообщения позволяют вывести заключение о повсеместном росте промышленной продукции, при чем в ряде районов (Украина, Урал) это не сопровождалось увеличением числа рабочих, т. е., другими словами, рост продукции шел за счет интенсификации производства.

Вместе с тем, также почти повсеместно, отмечается продолжающееся усиление финансовой напряженности промышленности. Центрально-Промышленный район указывает, что в таком важнейшем промышленном центре, как Иваново-Вознесенск, в сентябре отпущено промышленности банковского кредита 2,3 м. р. против 4,3 м. р. кредитного плана, а в октябре 1,5 м. р. против 2,9 м. р. плана.

Наконец, весьма ценный анализ состояния промышленности имеется в октябрьском обзоре Украины. Общая ценность промышленной продукции Украины в октябре возросла по сравнению с сентябрем на 12%, при снижении на 3,2% списочного состава рабочих; индекс цен промтоваров дал в октябре снижение на 2,7%, задолженность по кредиту Госбанку и Промбанку увеличилась с 47 до 51 м. р., — и несмотря на все это, финансовое положение промышленности признается крайне тяжелым. По трестам, подведомственным УСНХ, ожидается кассовый дефицит в октябре около 2,9 м. р. и в ноябре — 4,6 м. р., а общесоюзные тресты дают дефицит в октябре 11,7 м. р. и в ноябре 5,5 м. р.; задолженность украинских трестов по зарплате одновременно возрастет за ноябрь на 21,5%. Причина этого заключается в отставании темпа сбыта от развития продукции: так, за октябрь, общий размер сбыта промпродукции уменьшился на 0,2% против сентября, хотя в структуре сделок тресты пошли на новые уступки, усилив товарный кредит с 90,8% в сентябре до 97,5% в октябре и во многих случаях удлинив кредит с 6 мес. до 9 мес.

¹⁾ И в Закавказье, и в Туркестане условия погоды в октябре уменьшили виды на урожай хлопка, в частности, в Туркестане хлопка первого сорта ожидается не более 40%.

Товарооборот.
Данные о состоянии товарооборота, по донесениям с мест, рисуются, примерно, в следующем виде:

Прирост оборотов в октябре против сентября %.

	Сев. Зап.	Западный.	БССР.	ЦПО.	Украина.	Сев. Кавк.	Урал.	Закавказье.	Турк. респ.
Биржи	13	33	32	22	45	-8	15	59	45
Тресты	15	--	—	—	-0,2	—	172	—	—
Госорганы (опт.). . . .	—	46	36	—	32	—	—	29	—
Госрозница	—	21	—	—	36	—	32	—	—
Коопер. объед.	17	9	25	—	19	14	—	—	—
Коопрозница	30	16	15	—	46	23	42	-2	—
Первич. сел. кооп.	—	от -3 до +28	—	—	—	4 ¹⁾	18	—	—
Части. торг.	—	13	—	—	—	—	79	—	—

Таким образом мы имеем, повидимому, в октябре известное оживление по всей товаропроводящей сети.

К характеристике товарооборота следует добавить продолжающиеся указания на недостаток на рынке сахара, мануфактуры, растительного масла, а в некоторых местностях кожевенных и железных товаров.

Кредит и денежное обращение.

В области кредита районные конъюнктурные обзоры отмечают всюду более или менее значительное развитие как активных, так и пассивных²⁾ операций. Однако ни развитие хлебных и сырьевых заготовок, ни увеличение остатков задолженности банкам промышленности и торговли не вызвали достаточного насыщения товарооборота денежными средствами, и те же обзоры отмечают почти повсеместно продолжающееся финансовое напряжение как в области промышленного производства, так и товарооборота. Выше были отмечены те высокие нормы кредитных сделок, по которым шла на Украине и на Урале³⁾ реализация продукции трестов. Одновременно отмечается по большинству районов рост суммы протестованных векселей. Так, на Украине по Госбанку и Промбанку сумма октябрьских протестов составила 3,2 м. р. против 1,7 м. р. в сентябре, в Среднем Поволжье она возросла с 63 тыс. руб. до 123 тыс. руб., на Урале с 684 тыс. руб. до 858 тыс. руб., а Юго-Восток отмечает особорезкий рост протестов векселей союзной кооперации с 180 тыс. руб. до 437 тыс. руб. и первичной комбинации с 445 до 502 тыс. руб., а всего с 819 тыс. руб. протестов в сентябре до 1.123 тыс. руб. протестов в октябре (на 34%) и т. д.

Только Северо-Запад отмечает, в связи с получением кредитов на ликвидацию последствий наводнения в Ленинграде, уменьшение напряжения на денежном рынке, выразившееся в уменьшении суммы протестов с 1.048 тыс. руб. в сентябре до 750 тыс. руб. в октябре (на 25%).

¹⁾ По продаже.

²⁾ Только по одному Закавказью остаток вкладов и текущих счетов дает некоторое понижение.

³⁾ Хотя на Урале, повидимому, имело место некоторое сокращение сроков кредита.

Ноябрьская конъюнктура.

В ноябре, по данным местных конъюнктурных обзоров, намечаются три характерные группы районов: 1) неурожайные районы: Центрально-Земледельческий, Украина, Юго-Восток, Пензенская губ. Среднего Поволжья и Нижнее Поволжье; 2) районы — Северо-Западный, Западный, Белоруссия и Центр.-Промышленный, хотя имеющие удовлетворительный сбор хлебов, но не обладающие значительными товарными хлебными излишками в силу ограниченности зернового хозяйства и нуждающиеся в завозе хлебов и 3) Ульяновская и часть Самарской губ. Среднего Поволжья, Татарстан, Башкортостан, урожайные губернии Киргизии, Урал и Сибирь, где в настоящее время сосредоточены, главным образом, свободные хлебные излишки, подлежащие дальнейшей реализации.

Хлебный рынок.

По первой группе районов ноябрь дает общее падение хлебозаготовок и довольно значительный подъем рыночных хлебных цен; последние по Украине возрастают по ржи до 1 р. 14 к. и по пшенице до 1 р. 75 к., причем прирост за месяц выражается для ржи в 34% и для пшеницы в 29%; по Северо-Кавказскому району рыночные цены на пшеницу поднимаются с 1 руб. 07 коп. до 1 руб. 13 коп., а по оптовым сделкам с 1 р. 11 к. до 1 р. 33 к.; в Центрально-Земледельческом районе цены на рожь повышаются с 90 к. до 1 р. 03 к., а по пшенице с 1 р. 13 к. до 1 р. 55 к. и, наконец, в Нижнем Поволжье цена на пшеницу с 1 р. 30 к. дошла до 2 р. 10 к.

Хлебопродуктные заготовки (в тыс. пудов).

Заготовлено всего.		В том числе ржи и пшеницы.	
Октябрь.	Ноябрь.	Октябрь.	Ноябрь.
1 группа:			
Украина	10.879	7.450	2.000 1.600
Северный Кавказ	8.600	4.800	2.400 1.100
Центр.-Землед. р.	2.900	2.100	сведений нет.
Нижнее Поволжье	244	219	сведений нет.
2 группа:			
Северо-Западный р.	560	50	сведений нет.
Западный	1.420	674	113 37
Б. С. С. Р.	486	483	275 207
Центр.-Промышленный р.	368	336	135 56
3 группа:			
Татарстан	1.975	2.038	сведений нет.
Башкортостан	3.822	4.145	1.488 1.257
Урал	6.000	14.300	4.500 6.900
Сибирь	1.300	2.700	— 2.100
Среднее Поволжье (Самарская и Ульяновская губ.)	—	прирост на 16—17 %	—

Во второй группе районов мы имеем также в ноябре картину роста цен и снижения хлебозаготовок, хотя и менее резкие по темпу, чем это мы наблюдаем в первой группе. Так, по Центрально-Промышленному району рыночные цены на рожь поднялись при этом с 67 к. до 73 к.; в Западной Области цены на рожь поднялись с 79 к. до 97 к.;

по Белоруссии в ноябре имеется подъем рыночных цен на рожь в среднем по БССР с 72 к. до 78 к. и, наконец, по Северо-Западной области цены остаются стабильными при почти прекращающихся в ноябре заготовках за отсутствием крестьянского подвоза.

По третьей группе районов мы имеем обратную картину роста хлебозаготовок, особенно резко по Уралу и Сибири; рыночные цены за ноябрь по Татарстану изменились — для ржи с 42 коп. до 45 коп. за пуд; по Башкортостану с 48 коп. до 55 коп.; по Уралу с 50 коп. до 52 коп., а по пшенице с 79 коп. до 80 коп.; в Сибири цены остались в среднем приблизительно стабильными и составляли для ржи 50 коп. и пшеницы 75 коп.; в Самарской и Ульяновской губ. Среднего Поволжья цены на рожь также не дали значительных изменений и лишь по пшенице имел место прирост около 5%.

Приведенные данные о состоянии хлебного рынка дают таким образом довольно характерную картину строения рыночных цен по трем указанным группам районов, причем максимальной абсолютной величины они достигают в первом районе и минимальной в третьем районе, вторая же группа по высоте хлебных цен занимает промежуточное положение; одновременно наиболее значительный темп прироста в ноябре хлебных цен отмечается по первым двум группам, тогда как по третьей цены продолжали оставаться стабильными или же дали за месяц лишь незначительное повышение.

Общий ход хлебозаготовок по районам в ноябре по сравнению с октябрем представлен таблицей на стр. 259.

Сыревой рынок.

В области сырьевого рынка наибольшее оживление дали в общем районы второй группы; так, заготовка льна на Северо-Западе составила в ноябре около 109 т. п. (против 112 т. п. в октябре) и на первое декабря здесь выполнено почти 43% годового задания; явления увоза с рынка непроданного крестьянского льна, отмечавшиеся в октябре, теперь прекратились; Центрально-Промышленный район сообщает, что в ноябре заготовлено здесь льна 357 т. п. против 374 т. п. в октябре, кожсыря 45 т. п. против 30 т. п. и шерсти 3,8 т. п. против 0,5 т. п. (данные предварительные); оживление заготовок отмечает также Западный район (льна с 97 до 194 т. п. и пеньки с 15 до 24 т. п., кожсыря — по Смоленской губ. с 14,5 т. штук до 18 т. штук и по Брянской с 7 до 11 т. пуд.); Белоруссия сообщает о заготовке 73 т. штук кожсыря и сравнительно успешном развитии льняных заготовок, составивших в ноябре 66,6 т. п. против 16,9 т. п. в октябре; тоже самое имеем на Урале, где количество заготовленных в ноябре кож поднялось на 134% (44 тыс. штук против 18 т. шт. в октябре); напротив, Северный Кавказ сообщает об уменьшении заготовок кожсыря на 6,4% и шерсти — 44,7%.

Мясной рынок.

На мясном рынке в Западном районе и Белоруссии, при значительном предложении скота и слабом рыночном спросе (по Белоруссии с августа по декабрь заготовлено всего лишь 19% плана мясных заготовок), продолжалось дальнейшее, хотя и замедленное, падение цен; из Украины рыночные цены на скот кормленый несколько поднялись и продолжали падать на скот худшего качества, сбываемый маломощным крестьянством (в частности рабочая лошадь с 77 руб. в начале месяца упала в цене к концу его до 65 руб.); вообще реализация скота дала к ноябрю сокращение крупного рогатого скота по всей Украине, за исключением Екатеринославской губ., и рабочего скота по всей лесостепной полосе, при некотором увеличении его по степной полосе. На Северном Кавказе условия реализации мясной продукции, особенно свинины и баранины, ввиду отсутствия спроса, продолжали оставаться неблагоприятными. На Урале также продолжалось в ноябре падение мясных цен. Только в Северо-Западном и Центрально-Промышленном районе и частично в Среднем Поволжье начинается в ноябре отмечаться тенденция к повышению мясных цен.

Биржевой оборот.

В отношении биржевого оборота ноябрь дает более разнообразную картину, причем увеличение общего итога оборотов отмечают, главным образом, наши районы третьей

группы: по Татарской бирже общая сумма биржевого оборота повысилась с 3,8 м. руб. в октябре до 4,2 м. руб. в ноябре (или на 10%), по Башкирской бирже с 2,4 м. р. до 2,7 м. р. (на 11%), по Сибири с 11,2 м. р. до 13,6 м. р. (на 12%), по Киргизии отмечается также некоторое повышение биржевых оборотов с 2,6 м. р. до 2,8 м. р. (что касается Урала, то в хлебопроизводящих губ. здесь также имело место усиление биржевого оборота при общем снижении такового по области, равным образом в Среднем Поволжье отмечается рост оборотов Самарской биржи при общем понижении биржевого оборота по области). Из других районов, ноябрьский биржевой оборот превысил октябрьский только по Западному району (с 5,5 м. р. до 6,3 м. р.) и ДВО (с 4,2 м. р. до 4,6 м. р.); незначительный прирост имел также место по Украине, где сумма биржевых оборотов с 69,1 м. р. в октябре увеличилась до 69,5 м. р. в ноябре (на 0,6%). Всех прочих районах показывают снижение биржевых оборотов, которое особенно резко обнаружилось в Центрально-Промышленном районе с 268 м. р. до 203 м. р. (или же менее на 24,1%); на Урале с 22,9 м. р. до 13,6 м. р.¹⁾; в Центрально-Земледельческом районе с 8,7 м. р. до 6,4 м. р. и на Северном Кавказе с 23,8 м. р. до 21,4 м. р. (уменьшение на 19,4%); уменьшились также биржевые обороты на Северо-Западе с 38,3 м. р. до 36,1 м. р., по Белоруссии с 5,4 м. р. до 3,6 м. р., по Среднему Поволжью с 7,3 м. р. до 6,7 м. р., в Нижнем, Поволжье с 5,8 до 3,9 м. р. и по Закавказью с 15,5 до 12,7 м. р. В частности, рост оборота с хлебоффутажем дают все районы третьей группы, за исключением Урала¹⁾, а из районов второй группы Центрально-Промышленный (без Москвы), Западный район и Белоруссия, при стационарности оборотов с сельско-хозяйственными товарами на Северо-Западе; по первой группе неурожайных районов мы имеем, наоборот, почти повсеместное сокращение биржевых оборотов с хлебоффутажем за исключением Украины, где они могут рассматриваться как стационарные, причем, если принять во внимание значительный рост хлебных цен в ноябре, то по отношению к количеству реализованного на бирже хлебоффутажа мы будем иметь и здесь определенное снижение товарной массы; из прочих районов некоторое повышение оборотов с сельско-хозяйственными товарами отмечается по ДВО и наоборот значительно сокращается оборот с этими товарами в Закавказье. В отношении группы промышленных товаров, увеличение оборотов с ними, в общем незначительное, отмечается лишь по Западному району, Сибири и в Киргизии.

В отношении формы расчета по биржевому обороту Северный Кавказ дает в общем стабильный процент отношения суммы сделок за наличные к общему итогу (38%), повышение доли за наличные биржевых операций указывается Белоруссией (с 16 до 29%), Сибирью (на 12%) и по Татарской бирже (на 17%) и в Среднем Поволжье; наоборот, сокращение сделок за наличные имело место в ноябре в Западном районе (с 32 до 27%); по Центрально-Промышленному району сделки за наличные дают в ноябре, по сравнению с октябрем, ту же абсолютную сумму при уменьшении почти вдвое сделок в кредит и значительном росте сделок в смешанной форме.

Наконец, любопытно отметить, что большинство районов констатирует сокращение в ноябре биржевых оборотов с текстилем: Северо-Западный на 23%, Западный на 16%, Белоруссия на 47%, Центрально-Промышленный на 18%, Украина на 24%, Среднее Поволжье на 36%, Башкирская биржа на 2%, Урал на 18%, и только Сибирь указывает на прирост оборотов с 2,8 м. р. до 3,1 м. р., причем районы третьей группы (Среднее Поволжье, Башкирская биржа, Урал, а также Сибирь) подчеркивают, что размеры биржевых оборотов с текстилем зависели здесь не от размера спроса, а от наличия (сокращенного) предложения товара и более твердых форм расчета.

О п т о в ы й и р о з п и ч н ы й о б о р о т .

Переходя к характеристике ноябрьских оборотов в государственной и кооперативной оптовой торговле и рознице, мы можем сгруппировать имеющиеся показатели в следующую таблицу по районам.

¹⁾ За счет уменьшения контрактовых сделок.

Изменение оборотов в ноябре в процентах.

	З а п а д .	Б С С Р .	Московский губ. ЦПО,	Украина,	Северный Кавказ ¹⁾ ,	Самарская Ульянов. г. Ср. Поволж.	У р а л .	Центрально-земледельч. район.
Государственные оптовики . . .	+ 22	- 5	- 10	-22	-13	-	-	-19,4
Кооперативные союзы . . .	-12	-	-	-18	-19	+ 2	-	-
Гор. коопер. розница . . .	- 8	- 4	-	-10	-15	от -23 до +56	+ 8	+ 1,7
Сельское ЕПО	+24	-17	Некоторое увелич.	от +25 до -13	-3,5	от +24 до +39	+33	-

Эти данные подтверждают общую тенденцию к некоторому снижению товарооборота, отмечавшуюся еще в октябре по районам первой группы при оживлении оборота в районах третьей группы и в общем стационарном состоянии товарооборота в районах второй группы (некоторое увеличение позовогого оборота в Западном и Центр. Промышленном районах при затишье в БССР и на Северо-Западе).

С б ы т ь т р е с т о в .

Наконец, в отношении сбыта продукции трестированной промышленности в ноябре по главнейшим районам мы имеем следующие цифры: на Северо-Западе продано трестами на 14,6 м. р. против 15,1 м. р. проданной продукции в октябре, или на 3% менее. Это сокращение в значительной мере стоит в связи с тенденцией сжатия отпускаемых товаров трестами в кредит: по кожевенной промышленности, например, процент сделок в кредит упал с 99% в октябре до 71% в ноябре, по пищевой промышленности с 91% до 41%, в спичечной с 97% до 88%, в жировой с 98% до 45%, в бумажной с 78% до 69%, по текстилю с 84% до 83% и только табачная промышленность дает увеличение товарного кредита с 84% до 94%, и по тремассу кредит возрастает с 46% до 87%. По Белоруссии реализация трестами своего производства также дает понижение с 798 т. р. до 722 т. р. (или на 10%), причем здесь наблюдается обратное явление роста сделок в кредит с 79% до 96%. На Украине продано трестами в ноябре на 24,5 м. р. против 27,6 м. р. в октябре (или на 11% меньше), при уменьшении сделок в кредит с 97% до 91%. При этом по тяжелой индустрии сбыт упал на 14,5% и по легкой на 10%. По тяжелой индустрии сокращение реализации дает Донуголь (на 10%), Югосталь (на 24%) и Юмт (на 17%); по легкой индустрии — пищевая, химическая, фарфоровая промышленности и Укрсельмаштрест дают увеличение сбыта, реализация текстильного треста стационарна, понижение же отмечается по Госспирту, табактресту и некоторым другим. Наоборот, на Урале сбыт возрос с 17,1 м. р. до 21,5 м. р. (или на 25%); причем запродаажа изделий металло-промышленности поднялась с 13,5 м. р. до 18 м. р. (в связи с улучшением сбыта отмечается одновременно некоторое улучшение и ее финансового положения).

Г р у з о о б о р о т .

Грузооборот дает в ноябре снижение коньюнктурных показателей по районам и первой и второй группам¹⁾: на Северо-Западе прибытие грузов с 19,6 м. п. понизилось

¹⁾ Сев. Кавказ указывает на усиление снабжения рынка фабрикатами, что при сокращении спроса приводит к некоторому затавливанию торгового аппарата

до 14,6 м. п. (на 25%), а отправление с 1,7 м. п. сократилось до 1,3 м. п. (на 20%); в Западном районе прибытие грузов в октябре составило 4,4 м. п., а в ноябре 4,3 м. п. (1,2%), отправление же упало с 1,6 м. п. до 1,4 м. п. (15%); по Белоруссии прибытие грузов в октябре дало 2,8 м. п., а в ноябре 2,7 м. п. (3,5%) и отправление в октябре составило 1,3 м. п., а в ноябре 1,1 м. п. (16%); на Украине ноябрьская погрузка составила около 84% октябрьской нормы (в октябре 5,7 т. вагонов и в ноябре 4,8 т. ваг.); на Северном Кавказе вся работа грузооборота сократилась за месяц на 8,9%; наоборот, третья группа — Башреспублика, Урал и Сибирь имеют в общем рост ноябрьского грузооборота, причем по Башреспублике месячная погрузка увеличилась с 1,6 т. в. в октябре до 2,2 т. ваг. в ноябре, а по Уралу средняя суточная погрузка составила в октябре 663 ваг., а в ноябре 669 ваг. (+0,8%) и, наконец, по Сибири вся работа железных дорог увеличилась на 19%.

Промышленность.

К сожалению сведения о состоянии промышленности за ноябрь имеются не по всем районам. Западный район определяет стоимость продукции по главнейшим отраслям в сентябре в 5,8 м. р. и в 6,2 м. р. в октябре (+7%). В Белоруссии валовая выработка в ноябре оценивалась в 1,1 м. р. (на 2% менее октября), при приросте выработки на один человеко-день на 13,4%. В Центр.-Промышленном районе металло-промышленность сокращает продукцию на 13,6% (в октябре 8,3 м. черв. р., а в ноябре 7,2 м. р.), причем выработка на один человеко-день падает с 11,90 руб. до 11,86 р.; продукция хлопчатобумажной промышленности также снижается на 13,7% против октября; льняная промышленность сокращается на 12,6% и шерстяная на 11,5%. По Украине продукция централизованной промышленности дает в ноябре снижение на 7% (с 27,8 м. р. до 25,9 м. р.); местная же промышленность сокращает продукцию на 16% (с 2,6 м. р. до 2,2 м. р.). По централизованной промышленности наибольшего снижения достигает продукция тяжелой индустрии (с 20,4 м. р. до 18,9 м. р., или на 7%), легкая же индустрия уменьшает выработку на 5% (с 7,4 м. р. до 7 м. р.), причем, однако, при расчете на один день общая выработка дает повышение суточного производства на 9% против октября (виду более значительного в ноябре количества нерабочих дней). По отдельным отраслям промышленности особенно резкое снижение выработки имеется по каменноугольной промышленности, где добыча сократилась с 1.224 тыс. тонн в октябре до 975 т. тонн в ноябре, или же на 21%; по металлургической промышленности производство чугуна увеличивается на 11% (с 43,7 т. т. до 48,5 т. т.). На Северном Кавказе общая валовая выработка с 5,8 м. р. в октябре повысилась до 5,9 м. р., в ноябре (в довоенных ценах) или же на 1,6%. На Урале стоимость валовой продукции изменилась крайне незначительно — с 7,9 м. р., в октябре до 7,8 м. р. в ноябре или же на 1,7%; увеличение в ноябре дала выработка оцинкованного железа (+48%), меди (+13%), жести (+13%), соли (+22%), соды (+14%), серной кислоты (+6%), медной руды (+6%) и каменного угля (+8%); сокращение производства имело место в отношении выработки азотной кислоты, динамита и пиленого леса. В Сибири общее сокращение производства за ноябрь выражлось в 7,4% против октября, при чем уменьшение дала кожевенная промышленность (на 15%), льняная (на 10%), металлообрабатывающая (на 19%), стекольная (на 25%), фарфоро-фаянсовая (на 29%) и спичечная (на 12%).

Труд.

Сведения о движении труда и безработицы получены не от всех районов, по тем данные, которые поступили, свидетельствуют, по-видимому, о росте в ноябре числа безработных: по Белоруссии на 5,8%, по Центр.-Промышленному району на 3%, Среднему Поволжью на 12%, Татарстане на 11%; рост безработицы констатируют также обзоры Украины и Северного Кавказа. Только Западный район указывает на сокращение (на 4%) числа зарегистрированных безработных и Башреспублика показывает также уменьшение безработицы на 3,2%.

¹⁾ По Центрально-Промышленной области сведений нет.

Индексы.

Как и по прочим показателям, изменения в области индексов дают в ноябре противоположные данные по первой и второй группе районов с одной стороны и по третьей — с другой: индексы дают прирост в Западном районе (бюджетный) на 3,5%, по БССР на 3%, по Центрально-Промышленному району 1,4%, по Украине — индекс Госплана на 9,8%, а бюджетный — на 5,6% и на Северном Кавказе (бюджетный) на 4,4%; на Северо-Западе состояние индекса (оптового) близко к стабильному (1,84 на 1 ноября, 1,85 на 1 декабря). При этом, как общее явление рост индекса идет за счет группы сельхоз товаров, при некотором уменьшении промышленных цен: в частности на Северо-Западе индекс сельско-хозяйственных товаров повысился на 3%, на Западе на 9,1%, по БССР на 8%, Центр.-Промышленном районе на 3,3%, на Украине — по индексу Госплана на 16,9%, по бюджетному — на 14,6% и по Север. Кавказу на 10,1%; промышленный же индекс понижается на Сев. Западе на 1%, на Западе на 1,9%, по БССР на 2,5%, по Центр.-Промышленному району на 0,7%, по Украине на 0,6% и по Сев. Кавказу на 1,2%. Наоборот, в Среднем Поволжье индекс (ЦСУ) дает снижение на 7,4%, по Башреспублике на 2,8%, по Татарстане на 2,3% и индексы стационарны на Урале и в Сибири; имеющееся снижение индексов в Среднем Поволжье, Татарстане и Башреспублике шло также за счет промышленных цен, индекс которых упал за месяц по Сред. Поволжью на 14,5%, по Башреспублике на 1,7% и Татарстане на 6%; сельско-хозяйственный же индекс дает и здесь повышение: по Сред. Поволжью на 10%, по Башреспублике на 1% и Татарстане на 3,5%.

Наконец, в области конкретных цен надлежит отметить наблюдаемое по некоторым районам схождение оптово-розничных позиций, что с одной стороны объясняется улучшившимися снабжением местных рынков фабрикатами (например, на Сев. Кавказе начинает наблюдаваться даже «как будто» затоваривание торговых предприятий), мероприятиями по более организованному снабжению частной розницы, а с другой некоторым ослаблением или вернее более плавным характером спроса после сентябрь-октябрьского резкого подъема; наконец, известное оздоровляющее влияние на торговый спрос оказалось несомненно и более сдержанное кредитование товарооборота со стороны ощущивших и госпромышленности, хотя здесь наблюдается часто и обратный перегиб, вредно отражающийся на рынке.

1. Центрально-Пром. район (% розничной накидки).

	Ситец.	Гвозди.	Сах.	пес.	Керосин.	Соль.
1/XI	22,4	42,6	21,1	35,5	68,4	
1/XII	26,2	39,2	20,5	28,0	66,2	

2. Украина (по 8 товарам).

	1/XI	11/XI	21/XI	1/XII
По дан. ЦСУ	22,0	26,3	27,3	25,5
По дан. Укр. НКВторга	23,4	27,4	25,2	23,9

3. Сев. Кавказ (% накидка частной розницы к гос. оптов. ценам).

	Масло.	Соль.	Сахар.	п. Мыло.	Ситец.	Керосин.	Железо.	Гвозди.
1/XI	11,2	50	32,1	11	18,8	18	11,7	14,1
1/XII	6,8	33,3	23,8	14,6	26,7	18,9	9,3	19,3

Повышение по Сев. Кавказу % накидки на ряд товаров объясняется исключительно уменьшением в ноябре отпускных цен, что еще не успело вызвать соответствующую перестройку розницы.

Кредит.

Ноябрь в области кредита отмечается почти повсеместным отливом денежных знаков из касс кредитных учреждений в оборот: за исключением Белоруссии, Урала и Киргизии, где имел место рост кассовой наличности, и Украины с стационарным состоянием

касс кредитных учреждений, все остальные районы отмечают сокращение банковских касс.

В отношении вкладов и текущих счетов увеличение общего из остатка за ноябрь дают преимущественно районы третьей и второй группы (кроме Сев. Запада и Татарской Республики), а из прочих районов — Украина и Закавказье, в остальных районах шел отлив вкладов, наиболее значительный по Сев. Кавказу (18%) и Ниж. Поволжью.

Кредит в ноябре (в тысячах рублей).

	Остаток вкладов и текущих счетов.			Задолженность по учетно-судным операциям.			Изменение кассовой отчетн.
	Ноябрь.	Октябрь.	% % ноября к окт.	Ноябрь.	Октябрь.	% % ноября к окт.	
1 группа.							
Украина . . .	64.396	62.822	102	153.251	143.537	107	+ 33
Сев. Кавказ . . .	22.000	27.000	81	47.700	49.000	97	-1660
Центр.—Землед. р.	5.646	5.666	99	13.524	12.886	104	-244
2 группа.							
Северо-Запад . . .	27.260	27.780	98	75.370	65.980	115	-1790
Запад	3.720	2.926	131	5.631	5.099	110	-240
БССР	2.325	2.143	108	4.869	4.703	103	+ 100
Центр. Пром. район (по фил. Гос. бан.)	44.490	38.870	94	68.520	67.030	93	-800
3 группа.							
Среднее Поволжье .	—	—	—	—	—	—	—
Татарская Республика .	2.732	2.920	93	8.403	8.002	105	-523
Башкортостан . . .	1.099	934	117	1.115	1.137	98	-67
Киргизская Республика .	—	—	—	—	—	—	—
Сибирь	17.416	15.685	110	39.188	35.888	109	-1120
Урал	18.553	13.677	136	34.681	32.227	107	+1378

Что касается учетно-судных операций, то по большинству районов, кроме Сев. Кавказа, Нижнего Поволжья, Башкортостана и Киргизии, в ноябре шло развитие остатка задолженности по ним, при чем одновременно некоторыми районами отмечается, одновременное сокращение кредитования промышленности (по Западному району в Смоленске на 48%, по БССР, на 6,5%, по Сев. Кавказу на 7,5%) отчасти за счет некоторого увеличения кредитования торгового оборота. Сокращение ноябрьских кредитов на хлебозаготовки против октября отмечается по Башкортостане (с 1989 т. р. до 1088 т. р.) и по Татарской Республике (на 14%), а Украина обращает внимание на недовыполнение плана целевых кредитов на сырьевые заготовки (по маслоторгу на 27%, махортству — 69%, табакторту — 20%, текстильторту — 87% и кожторту — 38%).

Наконец, в отношении суммы протестованных в ноябре векселей, почти все районы отмечают значительное ее сокращение: Сев. Западный на 24%, Запад. на 32%, Центрально-Промышленный район на 13%, Украина на 58%, Среднее Поволжье на 27%, по Сибири на 40% и Уралу на 34%.

Сельскохозяйственный палог.

Поступления сельскохозяйственного налога в ноябре дали прирост по сравнению с октябрьем только по Северо-Западу, Татарской Республике, Башкортостане и Среднему Поволжью, что впрочем не характерно, так как по большинству районов копечный момент текущих срочных взносов налога падает на конец декабря.

О Т Д Е Л V

Критика и библиография

Открывая отдел критики и библиографии, редакция предполагает использовать его для обмена мнений по вопросам экономики, затрагиваемым нашей литературой. Редакция будет помещать здесь не только критические статьи и заметки руководящего характера, но и дискуссионные, представляя в соответствующих случаях авторам рецензируемых работ, равно как и другим товарищам место для ответа.

Редакция.

Незамеченная декларация.

Обозревая то, что имеется у русского пролетариата, проф. Озеров пригляделся к одному лакомому куску, который ему сильно понравился. Из всего чем мы богаты, он облюбовал советскую промышленность, а в последней—и наиболее доходные предприятия. В своих заботах об интересах пролетариата при виде столь жирного куска, (а может быть и с иной целью)—он решил «посоветовать» этому глупому и неопытному хозяину призвать варягов от спекуляции и разделить с ними власть над наиболее доходными предприятиями. Это бесспорное лаконическое предложение не нуждалось бы в особой аргументации и получило бы осуществление даже в большей мере, чем предлагает «по скромности своей» профессор Озеров, если бы не стояла по пути неприятная вещь, которая называется «Советской властью». Но так как факт остается фактом, а власть остается властью, то почтеннейший профессор вынужден был предположить своему гениальному предложению целую статью, которая носит весьма невинное заглавие «О накоплении капиталов внутри страны и их помещениях» и напечатана в еще более невинном журнале «Жилищное Товарищество»¹). Задача статьи—скрыть классовую сущность автора. Но так как шила в мешке не утаишь, то мы никого не станем винить в том, что статья справилась с задачей весьма неудовлетворительно, и обратимся к ее содержанию.

Профессор Озеров строит свои рассуждения на двух китах: первый—«нам нужно думать о создании своими собственными силами капиталов внутри страны» (курсив автора)²; второй—в стране существуют такие условия, которые «всех заставляют искать повышенных источников дохода» (курсив наш. Р. В.).

Исходя из интересов тех, которые ищут повышенных источников дохода, профессор советует дать им право на участие в самых доходных предприятиях. Он предлагает «участие» «в управлении»; но, испугавшись своей собственной храбости, тут же добавляет: «лучше (участие) в контроле за предприятием»³.

Кто же эти искатели жемчуга, с которыми необходимо делить советское добро? И как все это устроить под видом советской легальности?

По первому вопросу мы не находим исчерпывающего ответа у мудрого старика, а по второму он дает целую «программу действий». Программа не отличается оригинальностью и списана с английской и американской практики. Ничего предосудительного в этом, конечно, нет, ибо нам не

¹⁾ См. «Жилищное Т-во», июньская книжка 1924 г., № 6.

²⁾ Там же, стр. 14.

³⁾ Там же, стр. 15.

вредно поучиться у буржуазных стран хорошим вещам, в особенности тому, что полезно для пролетариата в данных конкретных условиях.

Озеровская программа сводится к тому, чтобы на доходные предприятия (и обязательно на доходные, это у него несколько раз оговаривается) учредить акции, которые и будут распределяться среди ищущей наживы части населения.

Для этого нужно только выбрать «некоторые наиболее рентабельные в финансовом отношении тресты и создать из части акций, взятых в известной пропорции между собою, особый пакет. Выгода (для кого? Р. В.) образования такого пакета состоит в том, что бумагам, выпущенным под этот пакет, будет придана известная устойчивость»¹⁾.

Добрейший Озеров не желает, конечно, никакого зла государству. «Совсем наоборот», он только о государственных интересах и заботится: «государственная власть не должна выпускать из своих рук большинства, а может уделять акции из того и другого общества примерно 15—20—30%»²⁾.

Речь идет таким образом только о том, чтобы создать новый тип «смешанного общества» для использования в государственных интересах находящихся внутри страны капиталов.

Далеко не случайно то, что вся статья Озерова изобилует такими перлами, как «вкус... к дивидендным бумагам»³⁾, «психологические предпосылки для экономического творчества»⁴⁾, наставлениями о том, как «брать в плен мозг и волю»⁵⁾ обывателя и т. д. Напускав туману этими выражениями, профессор получает возможность увиливнуть от важнейшего вопроса: кто именно, какие социальные слои будут держать акции и будут на основании этого управлять, или «лучше» (выражаясь по озеровскому) контролировать, наши лучшие предприятия?

Сколько это ни неприятно для Озерова, но попытаемся все-таки не обойти молчанием этот первостепенной важности вопрос. Держателями акций могут быть: 1) либо рабочие и служащие, 2) либо неимущие крестьяне, 3) либо городская и сельская буржуазия.

Одно из трех. Четвертого не дано. Примеры из английской кооперации и из американских страховых обществ, приводимые Озеровым, могут создать иллюзию, будто и у нас держателями акций будут рабочие и служащие, будто эти слои могут быть вовлечены в процесс принудительного накопления. Для того, чтобы накоплять (принудительно или непринудительно), надо иметь, что накоплять. Конечно, во имя Советской власти русский рабочий достаточно жертвоспособен. Но то немногое, что он, понатужась, может внести в фонд нашей промышленности, «сберегая» на своей заработной плате (г.-е. урывая кусок хлеба от себя и своих детей), довольно мизерно. Или, быть может, рабочий согласится голодать, прельщаясь перспективой контроля и даже «управления» промышленностью, как это предлагает изобретательный Озеров? Но, ведь, такие вещи можно всерьез говорить только людям, которые, мягко выражаясь, с луны свалились и не успели узнать, что в Советской России рабочий класс вот уже восьмой год имеет в своих руках и контроль и управление над промышленностью. Знает ли просвещеннейший проф. Озеров, что такое РКИ, из кого состоят наши фабзавкомы, производственные совещания, заводо-

¹⁾ Там же, стр. 15.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же, стр. 15—16.

⁵⁾ Там же.

управления? Если не знает,— надо бы узнать. Пора, наконец! Если же знает,— кому же собирается он «очки втирать»?

Если внутри страны и имеются свободные капиталы, которые могут быть пущены в промышленность, то они находятся в руках деревенского купечества и городской инновской буржуазии. Эта торгово-спекулянтская часть города и деревни и накапливает в настоящее время. Она-то и доставляет невиннейший кадр людей, который «ищет повышенных источников дохода» по причине «дороговизны жизни», и потому еще, видите ли, что «в настоящее время начинается вновь расслоение населения по группам, по их материальному положению»¹⁾.

Продолжая мягко увещевать, что этим элементам необходимо дать управление или лучше контроль, профессор становится на юридическую точку зрения: «... акции... не означают право собственности на предприятия, а лишь право на дивиденд от этих предприятий, и, следовательно, распространение их вовсе не становится в конфликт с нашим социальным строем»²⁾.

Хорошенькая формула: владей, считайся хозяином, а прибыли дели со мной. Впрочем, и на счет «хозяина» говорится дальше уже совершенно не двусмысленно: «определенное количество членов правления может избираться только от держателей этих акций, точно также количество членов ревизионной комиссии и т. п.»³⁾. Да не посетует на нас почтеннейший профессор за то, что мы подчеркнули этот его пример, скромно заключенный им в скобочки (этак, знаете, шопотком, но достаточно внятно); уж коли говорить, так давайте до конца договаривать, господин профессор!

Итак, рабочий не будет держателем акций, так как материально он не в состоянии накапливать, а политически — он не станет платить за приобретение того, что он уже имеет. Значит, акции проникнут в карманы инновской буржуазии, мародерствующих элементов. Им-то и следует дать места в руководящих, управляющих и контролирующих органах. Это, конечно, не «юридическое право» на дивиденд. Это право людей, ищущих наживы, распоряжаться государственной собственностью (участие в управлении).

Хватает же после этого смелости у нашего автора «скромно» заявить: «этим самым мы лишим акцию ее конфликтного характера с нашим существующим строем»⁴⁾.

Неужели никакие конфликты не возможны? А положение, примерно, рабочих в производстве? Известно ли проф. Озерову, что в СССР кодекс труда действует с максимальной пользой для рабочих? Известно ли, что у нас профсоюзы пользуются большим влиянием в вопросах управления промышленностью? Что меньше всего (в сравнении с другими странами) у нас имеется трений между профсоюзом и «предпринимателем»? Что « капитал» представлен у нас рабочим государством? Как относится к этой области вопросов «15—20—30%» — «людей, ищущих наживы», которых вы, профессор Озеров, предполагаете «для начала» включить в наши органы управления и контроля? Неужели они и слова не пикнут по вопросу о влиянии профсоюзов на хозяйственную работу, об экономическом положении рабочих, об отчислениях от прибылей на культурные и т. д.? Неужели они не будут защищать своих частно-собственнических интересов? Для чего же

¹⁾ Там же, стр. 16.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же.

им тогда «представительствовать»? Можно было бы указать целый ряд примеров, говорящих о том, что проникновение буржуазии в наши органы управления и контроля во всех отношениях противоречит основным тенденциям развития нашего «существующего строя» (каким, между прочим, «душком» отдает от этих двух слов, совсем как в старое, недобро время!). А в первую голову такой «маленький почин» должен быть клин между органами управления промышленностью и рабочими массами.

Что же означает Озеровская мистификация?

Дело в том, что за годы нэпа окрепла государственная промышленность, а рядом крепнет и нэповская буржуазия. Последняя, однако, слишком ничтожна, чтобы быть в состоянии противостоять нам, как сила политическая. Она засела в сфере торговли и спекуляции, а здесь простор для расправления крыльев не безбрежный. Спекулянтский капитал ищет частичного выхода в сферу промышленности. Он не стремится превратиться в промышленный капитал, не собирается засесть в ней, а ищет только спекулянтских барышей.

Озеров предлагает не просто привлечение частного капитала в промышленность; его программа сводится к организации частных капиталов и капиталистов, которые теперь противостоят нам в дезорганизованной форме.

Для этого ему нужно, чтобы именно организованный капитал пустил корни в государственные, доходные предприятия. А корни, как известно, тем более хорошо организованные, имеют тенденцию расти и развиваться (об этом профессор умалчивает).

Выступая (сознательно или бессознательно) глашатаем спекулянтских капиталов, профессор Озеров недурно усваивает дух этого капитала и бойко выкликает цену: «дай место в управлении предприятием» и тут же, не дождавшись ответа, спускает с разбойничьей цены: «согласен и на контролль».

«Мы индустриализируем — заявляет проф. Озеров — характер нашего населения, связывая его реальными узами с промышленностью». Мой друг, не говори красиво, а скажи попроще: спекулянтский капитал ищет путей к наживе на промышленности и обращается к советскому государству за содействием в этом деле. Слишком наивен, должно быть, тот человек вчерашнего дня, который взял на себя роль генерал-реднера от буржуазии, если он думает, что русский пролетариат так-таки ровнемонько ничего не понимает в этом деле.

Оставляя в стороне вопрос о роли частного капитала, следует все же заметить, что социальный смысл Озеровского выступления достаточно ясен. Совершенно естественно, что в настоящее время буржуазия всех рангов и направлений ищет выхода для своих идеологических воззрений и настроений. Она стремится проникнуть на страницы советских издательств,

Удивляться следует только тому, что «Жилищное Товарищество», журнал, занимающийся и обязанный заниматься жилищными вопросами, без всяких видимых причин помещает Озеровскую декларацию, никакого отношения не имеющую к жилищным вопросам, вместо того, чтобы сказать по ее адресу — «без тебя большевики обойдутся».

R. Вайсберг.

„Внеклассовый“ профессор И. Г. Александров.

Советская редакция («Экономической библиотеки», в главе которой стоит проф. С. А. Фалькнер), название книжки («Основы хозяйственного районирования СССР»),¹⁾ наконец, «революционная» внешность обложки — все это говорит за то, что читатель найдет в книжке вполне советское содержание. Последнее, однако, не соответствует обманчивой внешности.

Следует отдать справедливость проф. Александрову: он не чужд задач экономической политики. В одном месте, говоря о «построении районов», он сам курсивом подчеркивает, что это построение должно носить «не только объективно-политический, но и телеологический характер» (стр. 55).

Жаль только, что автор отказывается расшифровать в этом месте социальный смысл своей телеологии и трактует проблему исключительно в плоскости технических вопросов. Но как раз в этом (бессознательном или осознанном — не беремся судить) отказе и кроется своеобразная Александровская телеология.

Александров посвящает целую главу «историческому очерку» идеи районирования. Эта глава блещет, однако, отсутствием исторического анализа затрагиваемых эпох. Законы исторического материализма, очевидно, не существуют для профессора, поэтому он имеет возможность, без дальнейших оговорок, провести прямую линию от Петра Великого, который пробивал дорогу торговому капиталу, к Советскому правительству, пробивающему путь к социализму.

Безо всяких видимых оснований профессор отбрасывает в сторону то своеобразно-социальное, что отличает Советское государство от всех предшествовавших ему на территории Союза наших Республики политических формаций и от существующих буржуазных государств. На «свободном» от классовых призраков пути негрудно установить, что идея районирования восходит к Екатерине II и к губернской реформе Петра I (стр. 7 и далее), что она жила вплоть до 1917 г. сперва в умах благородных дворян, а затем — городской буржуазии.

Автор всей «истории» сразу поднимается, таким образом, на тот Монблан, где нет никакой ограниченности эпохи и классовых интересов. Идея районирования оказывается надклассовой надвременной, и... исконно-русской. Однако в надклассовых высотах встречаются такие вещи, как «военный коммунизм», гражданская война в России и т. д., которые назойливо требуют объяснения. Но это только минутные «затруднения». Москва опять берет на себя роль собирательницы, как за 400 лет до периода его и других (великолепное надклассовое объяснение), а период гражданской войны целиком объясняется тем, что в 1917 г. «территориальная структура России подверглась значительной переделке под влиянием разнообразных течений, возникших на местах» (стр. 11). Читателю остается только догадываться о «течениях», которые взяли Россию в территориальную переделку. Что же касается периода т. н. «военного коммунизма», то о нем высокостоящий над социальными отношениями профессор весьма низкого мнения. Этот период, который отождествляется у него с «системой главков», является чем-то в роде системы совершенно безответственной хозяйственной политики. Зато при нэпе мы имеем дело с «более ответственной в хозяйственном отношении работой, чем это было при системе главков» (стр. 19). Что же такое нэп? Александров дает определение, которое стоит «выше» всяких коммунистических толкований (как известно, последние сильно страдают «классовой ограниченностью»). Оказывается, что с весны 1921 г. у нас «основной хозяйственной формой явился государственный капитал, известный больше под сокращенным наименованием нэп» (стр. 18). Итак, государственный капитал олицетворяется нэпом. Объяснение гениальное и всеобъемлющее, только оно немного с политограмой расходится.

¹⁾ „Экономическая Библиотека“ под ред. проф. С. А. Фалькнера. Проф. И. Г. Александров. „Основы Хозяйственного Районирования СССР“. Из-в. „Экономическая Жизнь“. Москва—Ленинград. 1924 г.

Ларчик открывается. нэп есть государственный капитализм. Никаких специфических признаков СССР государство, в отличие от буржуазных государств, не имеет, мы стоим перед самым обыкновенным буржуазным государственным капитализмом. Но над этим самым нэп'ом, или, как было бы «правильнее», государственным капитализмом, господствуют такие силы, которые не дают возможности «восстановливать хозяйство в той форме, как это было бы желательно» (стр. 18). Виной тому просто то, что из гражданской войны «Россия» вышла «в значительной степени с новыми людьми во главе» (стр. 11). Классы тут, конечно, не при чем. Вывод: следует, приспособляясь к этим новым людям, двинуть хозяйство так, как это было бы желательно.

Для этой цели Александров с точки зрения своеобразного понимания нэпа, строит свою программу «внеклассовой» политики. Так, касаясь всеобщего избирательного права, автор пишет: «здравая в корне идея, однако, не могла получить своего завершения в дореволюционной структуре русского общества» (стр. 14). Ну, а в революционной структуре идея остается столь же здоровой, или нет? Вопрос этот совершенно естественно возникает в связи с тем, что, как мы видели, вся русская история движется у Александрова по одной прямой, и «здравая идея» XVIII столетия столь же здоровая для XX столетия.

Сильное недовольство вызывает у «внеклассового» профессора национальная политика Советской власти. Она, как и вся конституция СССР, представляется ему продуктом стихийного развития: «На этом пути стихийного развития форм получился ряд нерациональных группировок» (стр. 15). В чем заключается «нерациональная группировка»? — Это такой же секрет изобретателя, как и вопрос о применимости основ буржуазной демократии в настоящее время. Во всяком случае «национальный вопрос еще не нашел практически своего разрешения» (стр. 16). А мы, грешным делом, думали, что на основе конституции СССР и партийной практики вопрос этот нашел во стократ больше разрешения, чем в буржуазных странах. В дальнейшем рассуждения проф. Александрова становятся еще более ямыми и еще более «странными». Оказывается у нас «в особенности страдает правовая конструкция». Затем начинается старая песенка о том, что «советское государственное строительство, которое совпадает у профессора со стихийными процессами», порождает огромную массу бюрократии и в конечном счете тяжелым бременем лежит на трудовое население» (стр. 16). «Трудовому населению» остается только пожалеть о том, что его защитник столь скончался и рекомендует слишком мало рецептов.

Так что же нам делать? — Конечно, изменить «правовую конструкцию» упразднить на что негодные тресты, дать широкую дорогу частной инициативе и т. д. Это частности. А в основном проф. Александров торжественно вещает: «логика жизни и организованная воля — вот два элемента всякого плана хозяйства страны» (стр. 70). Хотя формулировка эта довольно спорная, однако не будем вступать в пререкания с проф. Александровым. Следует только отметить, что исходящий «исключительно» из предпосылок «технического прогресса» проф. Александров вынужден, наконец, учесть и человеческую организованную волю. Однако, по страшной манере не договаривать в самых интересных местах, проф. Александров и здесь оставляет нас в неведении относительно того, каково должно быть политическое направление этой организованной человеческой воли. Из других мест работы Александрова мы узнаем только, кем должна быть представлена «организованная воля». Наш автор не забывает упомянуть о том, какую положительную роль играла техническая интеллигенция при царизме: «только упорная работа так называемого «третьего элемента», т.-е. служащей интеллигенции, — врачей, статистиков, агрономов, инженеров, до известной степени толкала местные органы на более широкую и демократическую форму деятельности» (стр. 43). Других сил революции проф. Александров не знает.

Труден путь к коммунизму для «внеклассового профессора! Но что же поделаешь. Еще Владимир Ильич говорил: «Инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел Лод. Олсци, пролагандист-литератор, а через дань своей науки; по своему прийдет к признанию коммунизма агроном, по своему — лесовод и т. д...».

И все-таки, несмотря на все трудности пути интеллигента-профессора к коммунизму, мы имеем все основания ожидать, что профессор И. Г. Александров больше успел пройти и ближе стоит к нам, чем то оказывается в действительности судя по его брошюре.

Р. Ефимов.

Альберт Л. Вайнштейн. «Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время». (Изд. кн. скл. «Экономист». ИКФ Москва, 1924).

Интересная работа. Цель — «исчисление платежей крестьянства», чтобы определить тот фонд, из которого может черпаться современное прямое обложение. Так сказать, «величину потенциальной платежной силы крестьянства». Отсюда «сознательное ограничение области «своей работы очень узкими рамками»: «суммой довоенного прямого обложения и тех обязательных платежей, которые в настоящее время от крестьянства отпали». Среди последних первенствующую роль, как справедливо замечает автор, играют довоенные платежи за землю. Поэтому автором не рассматривается и не анализируется вопрос, «как и куда расходовались средства, ранее поступавшие государству, и как они расходуются в настоящее время». Причины такого отношения к своей задаче: «все эти вопросы относятся к гораздо более широкой проблеме».

В результате сравнения — крестьянское обложение во время революции оказалось ничуть не меньше, а даже как-будто бы и больше довоенного времени.

Задавшись благородным намерением доказать, что фонд обложения, который мог бы служить единственным источником обложения, почти исчерпан, — автор всякий раз спешит оговориться и в заключение «еще раз подчеркивает», что «всё не ставит «задачу решения более общего вопроса — о материальном выигрыше деревни за революционное время. Для этого должен был бы быть принят, — говорит он, — еще целый ряд других моментов».

Относительно слабым учетом «ряда других моментов», нам кажется, и грешат многие из выводов автора.

К недостаткам работы надо прежде всего отнести некоторую методологическую невыдержанность, на что, впрочем, указано автору в предисловии проф. Кондратьевым. Излишнее доверие к бюджетным и некоторое недоверие к массовым данным. Впрочем, это происходит не всегда, — смотря по усмотрению. Принят слишком высокий тип хозяйственного бюджета для довоенного времени (900 р. валовой, вместо среднего 300) и преуменьшен крестьянский бюджет революционного времени. Непринятие этого во внимание слишком снижает величину довоенного обложения и преувеличивает ее в эпоху революции.

Надо считать не совсем верным и преувеличенным мнение автора о тяжести тружениковинности, которую особенно в первые годы Советской власти лишь формально можно считать обременительной. Надо вспомнить, как крестьянством иногда только по счету выполнялась она, ча то фактически в половинном размере.

Если даже признать вместе с автором, что цифра арендной до революции земли была до его исчислений преувеличена другими исследователями, то никак нельзя согласиться с ним по вопросу о величине арендной платы. Средняя плата 5 р. на душу аренды за землю была отнюдь не преувеличена тов. Ларином и признана правильной таким знаком и, как А. И. Чупров и другими. Между прочим, ее мы находим в том же сборнике, из которого приводятся для сравнения цифры и самим Вайнштейном. Нетиличны цифры арендной платы, приводимые и самим исследователем; они взяты как раз после бурных годов революции 1905 г.

Наконец, надо же принять во внимание и ту «невесомую» величину дохода, которая попала в руки крестьянства в виде, приблизительно, 50 милл. (вместо 27 милл. аренды земельной площади). Мы не знаем, как сложились бы после войны арендные отношения, вообще, разрешен был бы земельный вопрос, если бы не произошла Октябрьская революция. Если французский крестьянин после великой своей революции почти ничего не получил

и, сидя на своем жалком куске земли, вправе был сказать солдату: «вам придется отдавать вашу жизнь сразу, наша уходит капля за каплей»—то этих слов русский крестьянин сказать не сможет: вся земля фактически принадлежит ему целиком.

Повторяем, работа автора интересна и важна. Но требует тщательно-осторожного к себе подхода. Автор слишком категоричен местами в своих утверждениях. Проверкой приводимых им данных следует заняться.

Нельзя не согласиться с профессором Кондратьевым, который пишет в предисловии, что «гораздо более существенным упущением в работе А. Л. Вайнштейна мы считаем то, что он ограничился, главным образом, лишь средними величинами обложения». Представлялось бы весьма интересным произвести детальный и последовательный анализ тяжести обложения по экономическим группам крестьянства, а не ограничиваться отдельными замечаниями и цифрами (хотя бы очень интересными), разбросанными к тому же в разных местах книги».

Нам думается, это замечание справедливо. Такой анализ действительно скорее вскрыло бы то отличие революционного обложения от обложения до революционного.

Признавая должное за работой, как таковой, мы не можем однако не признать ее несколько тенденциозной.

Я. Мирошник.

Н. Макаров. Зерновое хозяйство Сев. Америки. Из-во «Новая Деревня». 1924 г.

Книга состоит из коротенького вступления и двух частей: 1-й части, трактующей о производстве зерна в Сев. Америке, и 2-й—об организации сбыта зерна.

В предисловии автор сам признается, что «он перегрузил свою работу материалом и, в ущерб теоретическому анализу, сделал работу более описательного характера». Вряд ли приходится сожалеть об этом. Главы описательного характера, а из них состоит вся книга, исключая вступление, представляют наибольший интерес. С неослабевающим вниманием читается вторая часть книги, в особенности главы об элеваторах, зерновых рынках, биржах и финансировании зернового оборота. Это доподлинно «Наука о рынке», достигшая в Соед. Штатах высокой степени совершенства и познакомиться с которой русскому читателю вообще, а практику-хозяйственнику в особенности весьма и весьма не мешает.

Организация сбыта зерновых хлебов носит резко выраженный капиталистический характер. Элеваторы концентрируются в руках немногих фирм. «Правительственное исследование в Соед. Штатах нашло, что наибольшее число местных элеваторов, находящихся в руках одной торговой фирмы—177. В Канаде есть предприятие, владеющее свыше 200 местн. элеваторов. Обычно же это число колеблется между 36—150 элеваторами» (стр. 129).

Современная система финансирования хлебного оборота сделала возможной только при наличии элеваторного метода.

Книга нужная и полезная. Однако в теоретическом вступлении автор дает схему развития зернового хозяйства, с которой согласиться нельзя.

Каким образом происходит превращение натурального хозяйства в денежное? Мыслимы три основных типа: во-первых, это рост населения. Возрастающее народонаселение вынуждает натуральное хозяйство нарушить свою организационно-производственную систему и перейти к интенсификации производства, а затем и к улучшению техники. Таким образом основным фактором эволюционного процесса является рост населения, улучшение техники есть фактор производный. «Инициатива эволюции принадлежит растущей плотности. Таково должно быть представление о нормальном мыслимом эволюционном процессе». Остальные два типа нас в этой связи не интересуют, тем более, что первый, изложенный нами, есть «нормально-мыслимый эволюционный процесс». Это, так сказать, теория.

Такова концепция нашего автора, изложенная им в первом томе его работы «Крестьянское хозяйство и его эволюция» (Москва 1920 г., стр. 150).

Эта же концепция легла в основу его схемы развития зернового хозяйства и мирового рынка зерна. Характерно для этой схемы теснейшая связь между количеством народонаселения и размерами производства зерна.

Схема насчитывает пять периодов:

Первый период—производство зерна растет быстрее, чем население.

Второй период—производство зерна обгоняет рост населения. Имеются избытки для экспорта. Накануне мировой войны во 2-м периоде находились Канада, Аргентина, Австралия.

Третий период—население достигает значительной густоты. Избытки для экспорта имеются, но они все время убывают (Соед. Штаты, Россия и др. страны).

Четвертый период—виду возросшей плотности населения, страны, вышедшие в 3-м периоде, переходят к ввозу зерна, но ввозимая доля составляет незначительный процент всего потребляющегося в стране зерна.

Пятый и последний период—страна живет на привозном зерне (Великобритания, Бельгия).

Все страны культурного мира находятся на различных ступенях этой схемы, но ни одной из них не удается избежнуть своей судьбы. «Каждая страна начинает свою экономическую историю в свое время и переживает ее со своей скоростью» (стр. 5).

Что же грозит будущем человечеству? Быть может, развитие производительных сил, улучшение техники земледелия в состоянии повысить урожайность, «но не надолго—сокрушенно замечает автор,— дальний рост населения все же не может довольствоваться полученным количеством зерна, несмотря на увеличенные урожаи» (стр. 10).

Автор пришел к таким выводам, положив в основу эволюционного процесса излюбленный мелко-буржуазными экономистами «могучий инстинкт размножения».

Четвертый и пятый периоды характеризуются высокой урожайностью и сокращением посевных площадей под зерновыми культурами. Сокращение это происходит в следствие двух причин: 1) развития городов, 2) вытеснения зерновых культур незерновыми, преимущественно, огородным хозяйством.

Почему же происходит вытеснение зерновых культур незерновыми? Не потому ли, что это выгоднее, приносит больший доход? Ведь речь идет о капиталистическом обществе. Этот вопрос находится вне сферы внимания автора. Он только констатирует факт, не объясняя его.

Каковы же перспективы, кто будет снабжать хлебом современные культурные страны, или им в будущем придется питаться одними овощами? Автор вполне благородно замечает, что в его задачи не входит «обсуждение здесь вопроса о дальнейшем будущем производства и потребления зерна на земном шаре» (стр. 13). А напрасно, ведь это очень любопытно! Схема прямо лбом упирается в этот вопрос.

Посоветуем читателю приступить к чтению книги прямо со 2-й главы, минуя «географическое» вступление.

Книга издана хорошо и содержит много иллюстраций.

Л.—ин.

Союзная промышленность в изображении центрального статистического управления.

(Ф. Дубовиков. Промышленность Союза ССР за 1924 хоз. год. Выпуск 1—Бюллетень ЦСУ № 90.)

До сих пор мы обладали только данными о работе государственной промышленности, да и то не всей, а только около $\frac{3}{4}$ ее, считая по количеству занятых рабочих. Данные эти, хотя и со значительным опозданием, публикуются ВСНХ в ежемесячных бюллетенях.

Об остальной же промышленности (мелкой государственной, всей кооперативной и частной) нам приходилось судить по косвенным показателям и всякого рода исчислениям, в достаточной мере приблизительным.

На днях, наконец, ЦСУ приступило к восполнению этого пробела. Только что появился № 90 «Бюллетень ЦСУ», датированный 15 сентября 1924 года, посвященный данным текущей промышленной статистики за 1-й квартал 1923/24 (октябрь—декабрь 1923 г.). Этот 1-й выпуск является началом серии квартальных сводок материалов Губстатбюро о всей цензовой промышленности, учитываемой на основании постановления СТО от 7/III 1922 г., т.-е. о всех промышленных предприятиях (государственных, кооперативных и частных) с механическим двигателем и имеющих не менее 16 рабочих или без механического двигателя, но с 30 и более рабочими. Кроме того, этому учету подлежит также ряд отраслей промышленности целиком, хотя бы отдельные предприятия и не обладали этими признаками (горная и горно-заводская промышленность, подъакцизные производства и др.).

Следовательно, за пределами этого учета может оставаться почти только кустарная и ремесленная промышленность.

Но, обращаясь к содержанию обзора ЦСУ, становишься в тупик. Оказывается, что по истечении года после окончания отчетного периода ЦСУ публикует данные по текущей статистике по 41 случайным административно-территориальным единицам, из общего числа их выше 80, т.-е. только по половине территории СССР. Совершенно нет здесь Украины, Крыма, Закавказья, Туркестана, Дальнего Востока. Почти не представлена Киргизия; по Сибири, Юго-Востоку и остальным районам РСФСР нет ряда наиболее промышленных губерний, как, например, Ленинградской, Тверской губерний, вовсе не представлен Урал.

Очень часто нам приходится прибегать к неполным данным. Современные формы регулирования хозяйственной жизни вынуждают нас во многих случаях отказаться заранее от исчерпывающей полноты данных, только бы они были срочно получены. Но при этом они, понятно, должны представлять определенную экономическую совокупность. Этого безусловно требуют как практические цели, так и научный анализ. Какую ценность представляют данные настоящего обзора ЦСУ, для чего они могут быть использованы? Кому могут понадобиться «итоги» по каменноугольной промышленности без Донбасса, Кузбасса, Урала и Подмосковного бассейна? Нефтяная промышленность—без Баку, Грозного, Эмбы? Металлическая промышленность—без Юга и Урала? Сахарная промышленность—без Украины? Соляная промышленность без Баскунчака, Бахмута и др. соляных районов? Эти вопросы можно было бы продолжить по всему списку отраслей промышленности. А ведь «итоги» занимают 64 страницы из 73.

Если таковы данные по отдельным отраслям, то общие итоги по этому случайному набору губерний и областей тем более не имеют никакого смысла и значения. Их нельзя сопоставлять ни с данными о всей государственной промышленности, регистрируемой ВСНХ, ни с другими данными того же ЦСУ о работе промышленности, так как нет никакого критерия для определения относительного веса этого (лучшего), зависящего от дееспособности того или другого органа ЦСУ, конгломерата цифр.

Тов. Ф. Дубовиков в своем введении к таблицам обещает и в дальнейшем выдерживать эту территориальную группировку, «чтобы иметь сизмеримые данные», для чего в последующих выпусках будут даваться сводные данные по дополнительным губерниям за предыдущий квартал. Иными словами, и впредь ЦСУ намерено давать случайные, ни с чем не связанные, никому не нужные наборы цифр.

Но может быть данные по отдельным губерниям, приведенные в обзоре, представляют интерес сами по себе? Ведь данных об этом у нас других почти нет. К сожалению, и этого нет. По губерниям мы имеем только разбивку по формам эксплоатации промышленных предприятий. Нет ни выделения, хотя бы важнейших для данной губернии, отраслей промышленности, ни выделения предприятий общесоюзных и местных.

Поэтому дать сколько-нибудь ясную картину промышленной жизни данной губернии эти цифры не могут.

После сказанного можно было бы закончить рассмотрение этого нового труда ЦСУ и не останавливаться на самом содержании его. Но сделанная тов. Ф. Дубовиковым обработка итогов и некоторые его выводы вынуждают нас обратиться к этим цифрам.

Сводка обнимает собой данные о числе заведений рабочих, проработанных дней, мощности механических двигателей и валовой продукции. Последняя исчислена в червонных рублях с расценкой по месту производства, которая большей частью давалась самим заводоуправлением и в редких случаях (курсив наш) исчислялась в Губстатбюро по рыночным ценам с поправками, которые вводились в целях получения однородных цен по месту производства. «Стоимость табачных изделий, нефтепродуктов, спичек, сахара и продуктов пивоваренно-водочного производства (кроме спирта) взята с акцизом». (стр. 2).

Мотивы включения акциза, и при том только по части подъакцизных товаров (нет соли, патоки и др.), тов. Ф. Дубовиков не указаны. Не останавливаясь на этом крайне странном приеме определения стоимости продукции, отметим только, что регистрация охватила как государственную, так и кооперативную и частную промышленность. При этих условиях, раз Губстатбюро только в редких случаях вносило поправки в оценку продукции, даваемую заводоуправлением, есть основания опасаться, что характер этой оценки может сильно различаться по отдельным видам промышленности.

За отсутствием каких-либо указаний по этим вопросам в введении к обзору, обратимся к данным анализа тов. Ф. Дубовикова.

Из общего итога по учитываемой им совокупности он исключает те группы производств, в которых имеются только государственные промышленные заведения и нет ни кооперативных, ни частных заведений. Полученные новые итоги тов. Дубовиков считает вполне сизмеримыми для характеристики работы промышленных заведений различных эксплоатационных групп и ко всей промышленности в целом.

Свою сводку, где, как мы видели, промышленность в исключительно своеобразном составе, и которая в совокупности ничего не отображает, тов. Дубовиков считает необходимым подвергнуть довольно сложной статистической обработке. Он исчисляет, кроме обычных средних величин, еще и индексы производительности труда, обеспеченности предприятий механической силой и т. д., которые служат ему основанием для выводов об относительной продуктивности кооперативной и частной промышленности по отношению к государственной.

Но стоит только просмотреть его же цифры по отдельным группам производств, чтобы убедиться, что мы здесь имеем дело с совершенно несопоставимыми величинами. Классификация по отдельным группам настолько велики и разнообразны, что не может быть никаких сомнений в совершенно различной природе самих предприятий в разных группах.

Возьмем для примера только несколько мест. По подгруппе «разные химические производства» валовая продукция на одного рабочего за квартал в государственной промышленности равна 1.019 руб., в кооперативной—186, а в частной 1.333 руб.; но другой подгруппе—«парфюмерное и косметическое пр-во»—соответствующие цифры равны: 1.123, 2.504 и 1.865 руб., и по подгруппе «кожанная обувь»—1.527, 837 и 722 руб.

Поскольку каждая такая группа включает совершенно различные предприятия, от починочной мастерской до высокоорганизованных крупных заводов, другого результата получиться и не могло. Классификационная схема, распределяющая отдельные предприятия по группам и отраслям производства, имеет свои особые задачи.

Изучать же такие сложные вопросы, как производительность труда, влияние той или иной социальной формы эксплоатации по группам предприятий, которые по формальному признаку отнесены в общую классификационную рубрику—это значит оперировать цифрами без малейшего понимания их содержания.

Эти вопросы могут разрешаться только при сопоставлении действительного и нородных предприятий. И выведение средних величин, какими бы сложными приемами они бы производились, не может дать ничего для нашего познания.

Все индексы, исчисленные тов. Ф. Дубовиковым, все сложные тонипуляции, проделанные над этим материалом, в результате представляют такую же ценность, как и весь приведенный материал: они ничего не отображают.

В общем и целом новое произведение ЦСУ, на сотворение которого потребовался целый год, представляет по своей бессмыслице и никчемности еще, вероятно, непревзойденное даже в наших печальных анналах государственной статистики событие.

Не пора ли уже ЦСУ хоть немного серьезнее отнести к своим собственным работам и к интересам нашего народного хозяйства нуждающегося в строгом и точном учете.

Г. Шуб.

В. Сарабьянов. Экономика и экономическая политика СССР. (Изд. «Красная Невь» ГПП Москва 1924 г. Учебники и учебные пособия).

У нас до сих пор нет еще удовлетворительного учебника по экономической политике. Книжка Л. Крицмана «Три года новой экономической политики», при всех ее достоинствах, не является учебником. «Курс политической грамоты» Бердникова и Светлова ни по количеству охватываемых вопросов, ни по своему назначению не может быть назван курсом экономической политики. Потребность в таком отдельном курсе давно назрела. Следует поэтому всемерно приветствовать попытку тов. Сарабьянова дать такой курс.

В книге собран богатый материал: цифры, резолюции съездов, речи Ленина, декреты и т. д. и т. п. Книга Сарабьянова — обильный и любопытный справочник. Она дает любопытные и подчас полезные цитаты и цифры, но ни один вопрос ею не исчерпывается и теоретически не окружается.

Порядку и системы в ней мало.

Почему получилось так... негладко?

Автор подошел к делу не с точки зрения отдельных проблем экономической политики, а с точки зрения того хаоса материалов, который дается в газетах и журналах хронологически.

«Я — говорит тов. Сарабьянов, — подошел к делу как бы формально, погодно». Не книга, но календарь: в начале бе 1890-ые годы, затем 1914 г., затем лето 1917 г., зима 1918 г. и вдруг... электрификация. В лето от Р. Х. 1920-ое было такое время года, которое называется... «электрификация».

Изменницы-ложницы! Думал автор, что они дадут ему все «погодно», а «электрификацию» они почему-то выдернули из общей системы. В общем построении книги «электрификация» не увязывается с задачей перевода промышленности и сельского хозяйства на высшие технические рельсы. Такой смысл ее выявился бы, если бы автор располагал материал по проблемам. Но от такого изложения его отпугивает дух... «Лиги Наций, в которой роль последних выполняли бы формально связанные, но фактически самостоятельные, промышленность, транспорт, торговля...» «Лига Наций» — страшный чорт, однако зачем же столь неуместно пугать ею читателя? В том-то и вся шутка, что отдельные проблемы хозяйства тесно связаны между собою, а задача заключается в том, чтобы, излагая проблемы порознь, выявить и ярко оттенить эту связь. Эта задача осталась нерешенной даже при более легком «погодном» изложении, о котором предупреждает автор в предисловии.

Так пишется в предисловии, а в тексте мы находим следующее: «гл. XIX — Экономика в 1921—1923 г.г. А — сельское хозяйство (стр. 371), Б — промышленность (стр. 386), В — Торговля (стр. 721) и т. д. Что представляет собой это изложение отдельных отраслей хозяйства с 1921 по 1923 г.г., обобщающего без социалист-экономического анализа их, как не «Лигу Наций», ту самую, которой страшится тов. Сарабьянов? Каждый раз эта часть, противоречащая общему плану книги, является наиболее удачной с точки зрения всей сарабьяновской системы изложения.

Тов. Сарабьянов уделяет целых две главы довоенной России. Но об экономической политике в царской России у него почти ничего нет (исключение составляет 28 стр., где вскользь упоминается о столыпинской политике в деревне). А было бы очень полезно показать экономическую политику царизма, в связи с хозяйственным развитием страны, а затем сопоставить ее с нашей экономической политикой. Особенно нужно это сделать в учебнике для молодого поколения.

Тов. Сарабьянов берет на себя роль «советского Иловайского», старается не говорить об ошибках Советской власти и представить свою книгу в виде учебника некоего «официозного благополучия». К счастью, он и этого своего обещания не сдерживает. Полезы получается, однако, не много, ибо из его изложения ошибок (например, политики главкизма, цен в 1923 г. и т. п.) не вытекает диалектический переход к новым моментам и приемам хозяйствования. Много моментов, по существу крайне важных в книге упущено. Так, например, по вопросу о сельском хозяйстве и политике в деревне весь опыт XIII партийного съезда и резолюции последнего испаряются неведомо куда.

Провискам сельского хозяйства и нашей политики в деревне поставления XIII съезда партии не существуют для рассматриваемой книжки.

Много бессистемности и противоречий. И сам автор говорит о том, что «логическая неувязка на лицо» (стр. 4). Но все это погрызется «авторитетным» заявлением: «в деле архитекторами книги решающее слово было за мною, как.... педагогом» (курсив автора. M.).

Конечно, смелость не только города, но и доверчивого читателя берет. Однако в этой богатейшей куче материалов педагогическими приемами, ей-ей, не пахнет.

Несмотря на все недостатки книги тов. Сарабьянова, ее приходится рекомендовать, так как более богатого собрания сырых материалов (если не говорить о толстых справочниках хозяйственных органов, недоступных широкому читателю) — у нас нет в настоящее время. На безрыби — и рак рыба. Книге обеспечен сбыт, — на обложке ее имеется штамп следующего содержания: «Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета допущено и рекомендовано в качестве пособия для совпаршкол и учебника для комвузов».

Учебником его книга не является, но на основании тех библиографических указаний, какие в ней даны, можно было бы взяться за составление партийно-выдержанного и педагогически-систематизированного учебного пособия.

Пора таким делом заняться!

R. Миссин.

Я. А. Пилецкий. Две теории империализма (марксистская легенда и возврат к Марксу). Харьков, 1924 г. Изд. «Пролетарий» Стр. 200.

«Марксистская легенда», которую автор считает необходимым разрушить «до основания», заключается в построениях «Финансового капитала» Гильфердинга; «возвратом к Марксу» автор считает теорию Р. Люксембург. Теоретическое наездничество, питаемое большой самоуверенностью автора при очень скромных объективных предпосылках к этому, в соединении с довольно популярным языком и очень уж вольным обращением с предметом и с авторами, — может запутать и сбить с толку не одного доверчивого читателя.

Неискушенного читателя автор может, пожалуй, расположить в свою пользу тем, что совершенно справедливо ставит Гильфердинга на одну доску с другим ренегатом от марксизма — П. Струве. Верна и далеко не оригинальная мысль автора, что внимательный анализ может раскрыть корни ренегатства еще задолго до его открытого проявления. По отношению к П. Струве это было сделано, как известно, В. И. Лениным, по отношению к Гильфердингу эту честь автор хочет взять на себя. Нам сдается, что автор немного опоздал: важнейшее, что надо было сказать по этому поводу, уже сказано не кем иным, как Лениным: на первой же странице своего «Империализма» Ленин, признавая «Финансовый капитал» в высшей степени «ценным теоретическим анализом новейшей фазы в развитии капитализма», отмечает «известную салонность к примирению мар-

ксизма с оппортунизмом». Даже по многим конкретным пунктам т. Ленин не соглашается с Гильфердингом. Нет сомнения, что внимательный кропотливый анализ нашел бы у Гильфердинга еще много ошибочных отдельных положений, вытекающих из его оппортунистического уклона еще во время написания «Ф. К.»—Но Я. А. Пиленский идет не этой скучной дорогой кропотливого (и добросовестного) изыскания; ему представляется гораздо более интересным произвести отчаянный кавалерийский набег. Конечный приговор автора гласит: «Оказывается, что действительно только немногое из «Ф. К.» современный марксизм может принять в своей инвентарь. Анализ акций и акционерного капитала (основные мысли этого анализа даны целиком в III томе «Капитала», так что Гильфердинг их только несколько развел и дополнил), кое-что из анализа биржи, кое-что из рассмотрения заработной платы — вот кажется и все, что можно принять из изложенной теории современного капитализма, данного Гильфердингом» (стр. 119—120). Маловато, что и говорить!

К этому выводу автор приходит на основании разбора теории Гильфердинга в следующих вопросах: 1) цена и ценность, 2) банки и финансовый капитал, 3) капиталистические организации, 4) кризисы и 5) империализм. Насколько грамотно производится этот анализ, видно хотя бы из следующего примера. Автор берет под сильнейшее подозрение утверждение Гильфердинга о том, что «цена и ценность в общем для всего хозяйства должны совпадать». На ряде страниц (25—31) автор излагает свои сомнения по этому поводу, очевидно, не подозревая, что имеет многих предшественников на этой стезе (хотя бы в лице Евгения Бем Баверка, опровергаемого Гильфердингом в специальной работе). Рассуждения автора по всяким другим вопросам стоят на таком же уровне теоретической наивности.

При расправе с теорией Гильфердинга одна деталь беспокоит автора: ведь Ленин, как известно, для своей теории империализма основные элементы взял именно у Гильфердинга. В начале книжки автор отбояривается от этой неприятной мысли явно неприличным образом: «Нередко, мол, приходится слышать и читать о «теории империализма Гильфердинга и Ленина». Наша Маргарита, подобно Маргарите из Фауста, держится одинакового мнения: «наши пастор говорит то же самое, но только другими словами» (стр. 14). Упокоив таким образом коммунистическую совесть своих читателей, автор дает полный ход своим полемическим талантам и уничтожает Гильфердинга, что называется, до основания.

Еще хуже обстоит дело, когда через полтораста страничек своей книжки автору приходится формулировать свои положительные выводы. Тут, оказывается, он вполне согласен с теми основными признаками империализма, которые сформулированы Лениным: 1) монополистическое перерождение, 2) слияние банковского капитала с промышленным, 3) вывоз капиталов и т. д. Мало-мальски знакомый с предметом читатель будет изумлен до крайности: ведь при определении этих признаков Ленин считал возможным использовать многие из тех выводов, к которым пришел в своей работе Гильфердинг; неоднократно Ленин цитирует его вполне сочувственно. Разумеется, Ленин заострил, отточил, превратил в стройную теоретическую систему все то, что у Гильфердинга (и у некоторых других авторов) намечено лишь подчас в расплывчатом виде. Поэтому сейчас, когда мы имеем стройную теорию империализма Ленина (интересно бы знать, куда ее девал автор, рассуждающий о том, что существуют лишь две теории империализма: Гильфердинга и Р. Люксембург, составляющую основную теоретическую базу деятельности Коминтерна, нет смысла возвращаться к отдельным теоретическим элементам Гильфердинга. Но огульное отрицание, «опровержение» этих элементов не может считаться чем-либо иным, как выпадом против теории Ленина, использовавшей эти элементы в значительной степени.

Впрочем автор, лишь в не большой степени отдает себе отчет в том, куда его увлекает полемический задор, подогреваемый в целне законным (хотя запоздалым) презрением к Гильфердингу и симпатией к Р. Люксембург. Так, наш автор считает ошибочным понимание империализма и ряда основных вопросов Розой Люксембург, и после всего этого он имеет... скажем, мужество, видеть в «теории» Р. Люксембург... «возврат к Марксу».

Получается так: Ленин не Ленин, Роза не Роза, «Финансовый капитал» не «Финансовый капитал». Просто «было чорт знает что такое», говоря в стиле Гоголевского героя. Интересно лишь знать, зачем парт. издательство выпускает в кол. 7.000 экз. такого рода «мартобря»?

А. Леонтьев.

Н. Ванаг. *Финансовый капитал в России накануне мировой войны* (Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в России). Изд. Свердловского у-та. Москва 1925 г.

Книга тов. Ванага представляет собой большой интерес не только потому, что она затрагивает эпоху, мало освещенную в экономической литературе вообще и в марксистской в частности. Книга ценна еще тем, что она представляет собой, насколько нам известно, первую попытку дать с цифрами в руках на основании тщательного кропотливого исследования (по отдельным предприятиям), картину структурного изменения русского капитала, рисуя попутно с этим и роль иностранного капитала в этой перестройке.

Не соглашаясь с расширительным толкованием империализма, данным т. М. Покровским в его последней работе: «Очерки по истории революционного движения в России в XIX и XX вв.» т. Ванаг опровергает его положение, будто для России уже «с конца 80-х годов XIX века наступила эра империализма». Прослеживая процесс концентрации производства, капитала и банковских операций до конца XIX века, автор приходит к выводу, что в этот период о системе финансового капитала, а, следовательно, об империализме, говорить еще преждевременно.

«Установление... этой эпохи, — говорит Ванаг, — приходится отнести к исторически несколько более позднему времени, к периоду после революции 1905 года» (стр. 16).

Шаг за шагом прослеживая основной процесс, характеризующий переход к системе финансового капитала — сравнение промышленного капитала с банковским, — автор устанавливает как начало этого процесса (относящееся, как мы уже указывали, к эпохе промышленной депрессии), так и его причины, лежавшие в потребности промышленности, в долгосрочном кредите. Основной формой этого сравнения была система «финансовой реорганизации». Указав на то, что путем массовой реорганизации единоличных предприятий в акционерные промышленности не удалось стянуть достаточных капиталов, автор продолжает: «В поисках долгосрочного кредита русские промышленные предприятия останавливаются на «финансовой реорганизации» через банковые учреждения. Эта «финансовая реорганизация», которой не избегло почти ни одно акционерное общество в дореволюционной России, состояло обыкновенно в том, что со счетов (с основного капитала) общества списывались все убытки, и, под гарантию (за 5—10% комиссионных) банка, или их объединений, выпускались на известную сумму новые акции, обыкновенно привилегированные, гарантировавшие твердых 6—7% годового дивиденда.

Этим промышленный капитал обеспечивался долгосрочным кредитом, но, заметим, при условии уплаты высокого процента и при условии превращения кредитора (банка) в одного из крупных и, главное, влиятельных акционеров предприятия (как мы увидим из дальнейшего, гарантия выпуска акций фактически превращалась во владение выпускавшим) (стр. 23).

Мы не будем следовать за автором в документальных и цифровых доказательствах его положений и остановимся лишь на его выводах. Накануне войны в распоряжении банковского капитала находилось (в % к основному капиталу всех обществ):

В металлургической промышленности	87,9%
» паровоэнергетии	100,0%
» судостроении	96,0%
» вагоностроении	81,2%
» машиностроении	63,8%
» каменноугольной промышленности	75,0%
» нефтяной	85,9% и т. д.

Таким образом в области основных отраслей промышленности банковский капитал был господином.

Несколько слабее разработана у т. Ванага легкая индустрия, что объясняется, однако, тем обстоятельством, что в эту область банковский капитал не успел проникнуть в такой же мере.

Во всяком случае в работе Ванага мы имеем почти полную и, надо полагать, относительно точную картину овладения промышленностью со стороны банковского капитала. Несомненно, что дальнейшие исследования внесут известные корректизы в его цифры. При применявшихся Ванагом системы определения роли банковского капитала путем установления держателей контрольных пакетов акций ошибки неизбежны, ибо в качестве таковых банки выступали не непосредственно, а через подставных лиц и агентов, «хозяева» которых не всегда могут быть точно определены. Однако мы полагаем, что при дальнейшем уточнении цифр речь может ити лишь о 3—4% в ту или другую сторону, что общей картины, конечно, изменить не может. В частности, автор этих строк при изучении им роли банковского капитала в металлургии пришел к выводам, количественно, очень незначительно различимым от выводов т. Ванага.

Другой, заслуживающей большого внимания, стороной книги т. Ванага является установление им роли иностранного капитала в системе финансового капитала России.

В результате этого исследования автор приходит к выводу, что «систему русского монополистического капитала... нельзя рассматривать, как самостоятельную систему, ее следует рассматривать, как звено в цепи более могущественной системы — англо-франко-белгийского финансового капитала» (стр. 26), разрушая тем самым легенду о «национализации» русской промышленности накануне войны, получившую распространение, если мы не ошибаемся, с легкой руки проф. Кафенгауза.

Нужно подметить интересный подход т. Ванага к вопросу о роли иностранного капитала. Он не ставит себе цели, выяснить, сколько вложено иностранцами капитала в русскую промышленность и банки, он старается установить, каким капиталом они распоряжались. Именно последнее и определяет их роль в системе народного хозяйства. Вычисление первого рода иногда и нужно для определенных целей, какие себеставил, например, П. Оль в своей известной работе, но его, конечно, мало для определения влияния и роли иностранцев в хозяйственной жизни довоенной России, ибо специфическая особенность системы финансового капитала как раз в том и заключается, что она дает возможность крупным капиталистическим группам распоряжаться большим капиталом, чем ими непосредственно вложено. Этим, к слову сказать, и объясняется исключительно враждебное отношение капиталистической Франции к СССР, где она потеряла не только вложенные ее капиталы, возвращения которых она все время требовала, но и громадное влияние на всю систему хозяйственной жизни страны, счет на которое предъявлен быть не может. Тов. Ванаг очень тщательно исследует методы, применявшиеся иностранным и, в частности, французским капиталом для превращения русского капитализма в подчиненную ему систему, методы, заключавшиеся в превращении русских банков в своих агентов, через которые он и действовал.

И эта сторона работы т. Ванага с большой обстоятельностью обоснована документальными доказательствами. Можно полагать, что дальнейшее исследование этой стороны вопроса сможет внести большие поправки в цифры т. Ванага, но и они, однако, вряд ли смогут сильно изменить общую картину.

Уже из сказанного нами ясно, что работа Н. Ванага, если в ней даже и имеются кое-какие погрешности в смысле цифровых результатов, представляет собой ценное исследование, большой вклад в экономическую литературу о довоенной России и может стать исходным пунктом ряда дальнейших исследований.

Е. Солнцев.

Проф. В. Н. Шретер. Система промышленного права СССР
Изд. «Экономическая Жизнь», 1924 год.

Книга дает краткое систематическое построение основных правовых норм существования нашей промышленности, частной и государственной. Автор избрал метод сопоставления правовых принципов нашего хозяйства с формами обычного капиталистического государства. Такой метод удобен для выявления всего своеобразия нашей экономической и социальной системы, хотя далеко не все явления нашей практики поддаются обычной классификации буржуазного права. Достаточно характерен в этом отношении спорный вопрос о частном или публично-правовом характере обязательств, налагаемых государством на арендаторов предприятий в смысле выполнения определения производственных минимумов и т. п. Природе буржуазных государств совершенно чуждо это вмешательство государства в священную область «экономической свободы», как и вся идея планового регулирования хозяйства государством в целом. Поэтому здесь неизбежна известная условность классификаций и определений.

Анализируя правовые рамки существования нашей государственной промышленности, автор уделяет мало внимания совершенно чуждой буржуазному праву, но имеющей громаднейшее значение для нашего экономического развития, стороне производственного регулирования и производственных обязательств гос. хоз. органов.

Спорным представляется тезис автора, что «изъятие из оборота основного производительного капитала (промышленности) резко меняет реальную базу ее кредитования, делая неизбежным применение и бюджетного дотирования, и казенных ссуд. Практика подтверждает полную возможность кредитования роста, рентабельность и, тем самым, снятия с госбюджета нап.ей государственной промышленности».

Здесь стоит по существу вопрос уже не столько о правовых, сколько о специфических и экономических основах нашей промышленности.

Автор не отмечает важный в практическом и экономическом смысле вопрос о правовых установлениях в случае замены арендатором элементов арендованного основного капитала по причине их физической или моральной сношенности.

Работа в целом носит кодификационный характер и мало освещает специфически экономическую сторону проблемы и роль и значение всех отмеченных правовых норм для экономической жизни страны.

При отсутствии экономических работ в этой области книжка несомненно окажется полезной как для учащегося, так и для практика.

Е. Х.

Крупно-капиталистические объединения.

Р. Лифман. Формы предприятий. Пер. с нем. под ред. проф. Членова. Изд. ВСНХ. М. 1924 г.

П. Уфлерман и К. Хюглин. Современный концерн. Всеобщая компания электричества. Пер. с нем. С. И. Цедербаум. Изд. «Книга», Л.—М. 1924 г.

П. Уфлерман и К. Хюглин. Стингес и его концерны. Со вступительной статьей К. Радека. Изд. «Эконом. Жизнь». М. 1924 г.

М. Иэльсон. Крупно-капиталистические объединения в современном мировом хозяйстве. Изд. «Красная Нояь». М. 1924 г.

П. Парфаньян. Картели, концерны и тресты. Изд. «Коопер. Издательство». М. 1923 г.

Все эти книжки, появившиеся на нашем книжном рынке за последнее время, с разных сторон освещают одну и ту же проблему — морфологию, если можно так выражаться, современного капитализма. В европейской экономической литературе, особенно в немецкой, этому вопросу посвящено несколько работ, журнальных статей и т. п., носящих преимущественно описательный характер. Из перечисленных книжек первые три представляют собою переводы немецких работ, а последние две принадлежат русским авторам.

Работа Лифмана «Unters Mungsformen» появилась впервые в 1913 году. Она логически связана с двумя большими работами того же автора «Kartelle und Grusls» и «Beteiligungs und Fusionsvertragsschäften», составляя в известном смысле введение к этим более конкретным и богатым описательным материалам трудам. Редактор русского перевода проф. Членов совершенно справедливо указывает, что «способность проникновения в глубину явлений капиталистической экономики, в законы жизни и развития капитализма дана проф. Лифману в весьма ограниченной степени». Тем не менее редактор считает, что книжка принесет пользу нашему читателю, ибо в ней дается «жалкое и грамотное описание тех форм, которые принимают отдельные предприятия в ходе развития капитализма».

Описание форм предприятий, действительно, в книжке содержится, но, во-первых, оно едва ли может быть названо особенно кратким, во-вторых, главную и наиболее ценную часть этого описания составляет характеристика и классификация и, в-третьих, везде почти, где автор подходит к экономическим проблемам, читатель действительно с досадой утверждает, что проф. Лифману дана «в весьма ограниченной степени» способность понимания тенденций развития новейшего капитализма. Далее, несмотря, на то, что редактор выбросил «с десяток страниц, посвященных невыносимо пресным и предельно бесполезным рассуждениям о капитализме и социализме», в книге не пайдется почти ни одного десятка страниц, где автор не возвращался бы к этой «излюбленной теме». Это обстоятельство, разумеется, не может повысить ценности книжки в глазах советского читателя. Если к этому добавить, что перевод сделан достаточно сухоньким языком, то сам собой напрашивается вывод, что 1) стоило бы лучше перевести хотя бы в сокращенном изложении, одну из описательных работ Лифмана вместо этой «систематической»; 2) если уже решено было издать эту последнюю, то полезнее было бы дать ее не в полном и дословном переводе, а скорее в реферированном виде; 3) книжка несомненно выиграла бы сильно и скорее могла бы быть использована, хотя бы учащимся в Вузах молодежью, если бы она была снабжена не только несколькими сопутствующими словами, но и подробным, марксистским выдержаным предисловием.

Две книжки о Всеобщей Компании Электричества и о Стингесовских концернах, написанные с.-д. литераторами из германского проф. союза металлистов показывают, что этим якобы - марксистам «способность понимания законов жизни и развития капитализма» дана едва ли не в большей степени, чем откровенному апологету капитализма Лифману. Приведя классическое место из Маркса об экспроприации экспроприаторов, эти господ элегически вздыхают по поводу того, что «час капитализма еще далеко не пробит», что «капиталистическое хозяйство, как ни странно (действительно «странно»!) это звучит, вновь упрочилось благодаря войне и ее следствиям» («ВКЭ» стр. 126—127). Свою марксистскую совесть они успокаивают по соц.-дем. ратицески, обыкновенно ссылкой на Маркса: «Но и Маркс, если он находился бы среди нас, не мог бы не дооценить трудности, стоящие на пути экспроприации немногих узурпаторов народными массами» (там же).

Этих немногих «перлов» достаточно, чтобы понять, что сила авторов и ценность их работ может заключаться в чем угодно, но никак не в четкости и чеканности теоретического анализа экономических явлений. Действительно, центр тяжести лежит здесь в описательной стороне дела. И с этой точки зрения обе книжки несомненно представляют большой интерес.

Самый выбор описываемых концернов нельзя не признать удачным. Стингес и Ратенау — это не только два антиподы, два антигониста, непримиримых врага, как по происхождению своему, так и по путям и объектам своей экономической деятельности. Стингес и Ратенау — это два лика современного капиталистического Я Гуса. Пути образования и роста их концернов — это два важных варианта концентрационного процесса в новейшем капитализме.

По всеобщей кампании электричества материалов больше, чем по Стингесовскому концерну, где авторы в значительной мере пользуются сведениями «придворного» биографа Стингеса — Бринкмейра. Перед глазами читателя проходит процесс чудовищного роста гигантских промышленных, торговых и финансовых организаций под дiktатурой короля электричества — в одном случае, короля железа и угля — в другом. Мелкие

предприятия «объединяются» с растущим концерном-гигантом под давлением железной необходимости; это «объединение» сплошь и рядом является вежливой формой простого присоединения. Крупные концерны, напротив, объединяются в еще более крупные союзы и издают при этом ноты в стиле официальных заявлений суверенных государств.

Чтение обеих книжек несколько затрудняется известной беспорядочностью в расположении материала (особенно в книжке о «ВКЭ»), а еще более — совершенно недопустимым (по степени безграмотности) переводом. Трудно сказать, которая из этих книжек переведена хуже. Такие перлы, как «бороугольные интересы Стингеса», «облагораживание угля», «Стингес имел под собой уголь и руду» и т. д. в книжке о Стингесе находят себе достаточный эквивалент в книжке о «ВКЭ», в виде «старейшей немецкой общности» и т. п.

Наиболее ценной частью небольшой книжки Иоэльсона является конкретное описание хода концентрационного процесса в послевоенном капитализме. В кратких чертах характеризует он влияние войны на концентрационное движение в промышленности, совершенно справедливо отмечая толчек, который был дан войной победному распространению типизации, стандартизации и массового производства. Достаточно освещенная послевоенная конкуренция германской промышленности, менее подробно английской, остальным странам посвящены лишь небольшие замечания. Попытка автора объяснить малую распространенность крупно-капиталистических форм в Англии должна быть признана совершенно неудачной: наряду с действительно реальными причинами, как влияние обширного экспорта английских фабрикатов (ледственно бы оттенить также характер английского экспорта, см. хотя бы Леви «Основы мирового хозяйства»), мы здесь имеем ссылку на пресловутую «природу человека» в виде «индивидуализма английских промышленников» и перечень ничего не говорящих или сомнительных причин: «разбросанность и многочисленность мелких отдельных предприятий», «отсутствие охранительных пошлин» и т. п. От внимания автора ускользнула самая сильная причина: особенность истерического развития Англии, то обстоятельство, что эта первая капиталистическая страна, дающая классическую картину развития промышленного капитализма, в следующую эпоху финансового капитализма уступает свое пионерское место молодым капиталистическим странам — Германии и С.-А. С. Ш.

Весь первый отдел книжки, носящий ответственное заглавие «Теория крупных капиталистических объединений», ни в коем случае не может служить украшением этой работы. Теории там никакой нет, если не считать глубоко вымыселных изречений, как, например, следующее: «Рассматривая процесс развития хозяйственных форм, мы видим, как постепенно одни хоз. формы сменяются другими, при чем каждая последующая форма производительнее предыдущей». Далее перечисляются общеизвестные суждения о выгодности концентрации, зачем-то приводится пара ссылок на Маркса и Гильфердинга и автор благополучно переходит к «классификации» крупно-капиталистических объединений, где он повторяет общераспространенные в немецкой литературе взгляды.

Гораздо более самостоятельно и серьезно пытается подойти к вопросу Парфельяк в своей книжке «Картели, концерны, тресты». Книжка вообще заслуживает особого внимания хотя бы по тому обилию материалов, главным образом, из немецкой литературы, которая в ней используется. Автор называл свою книжку вышеуказанным образом вместо обычного «Картели, синдикаты, тресты», так как он выдвигает новый принцип классификации этих концентрационных форм; он предлагает принять в основу ту сторону хозяйственной деятельности, которая подвергается концентрации: коммерческая, финансовая или производственная концентрация. Помимо всю условность и приблизительность всякой вообще попытки классификации местных явлений быстротекущей хозяйственной деятельности, следует все же, с марксистской точки зрения, отдать предпочтение выдвинутому автором принципу по сравнению с обычными и, кладущими в основу второстепенный признак, а именно: правовые формы. Далее, книжка рассматривает довольно подробно картели, их структуру, политику, тенденции их развития, затем автор переходит к финансовой концентрации, посвящая особое внимание значению акционерной форме предприятий и роли банков, и, наконец, сравнительно

кратко останавливается на трестах. В качестве работы, которая в сравнительно сжатом виде дает довольно много материала, эта книжка безусловно может принести свою пользу.

Из нашего обзора видно, что задача теоретического и систематического исследования интереснейшего вопроса о формах современной капиталистической промышленности остается в значительной степени открытой. Если в области чисто-описательной литературы мы еще долго сможем пользоваться переводами, то задача теоретического марксистского анализа может быть выполнена лишь собственными коллективными усилиями.

С-ан.

М. Рубинштейн. Очерки по организации труда в переходный период. Изд. «Московский Рабочий». 1924. Стр. 106. Цена 75 к.

«Настоящая книга,—говорит автор в своем предисловии,—является непосредственным продолжением предыдущей работы его: «Современный капитализм и организация труда». Но, добавим мы, «продолжение» далеко не равнозначно «началу». В самом деле, в первой книге автора мы имели богатый ценный материал, хорошо систематизированный, рисующий картину капиталистической организации труда во всем ее многообразии и, вместе с тем, с выделением основных типичных ее черт и тенденций ее развития. Ценность этой книги увеличивалась особенно в связи с тем, что автор довел свое исследование до последних лет, использовав богатую западно-европейскую литературу по этому вопросу, мало известную у нас. И этого было достаточно, чтобы сделать из этой книги хорошее пособие.

Но этого нельзя сказать о второй книге, посвященной вопросу об организации труда в переходный период. На кого рассчитана данная книга и какую цель она преследует? Есть ли это новая попытка самостоятельного обобщения опыта Советской России или это — популяризация уже известных, данных нам нашими партийными теоретиками, обобщений? В пользу последнего говорит тот факт, что в этой работе нет ничего нового, неизвестного, кроме слишком большой категоричности в отдельных заключениях и обобщениях. Если автор хотел поделиться результатами своего самостоятельного исследования, приведшего его к выводам, известным нам от других теоретиков, то он должен был ознакомить нас и с материалом этого исследования. От этой обязанности не освобождает наличие в заголовке книги слова: «очерки», ибо, при отсутствии этого материала, «Очерки» превращаются просто в «беглые заметки», ценность которых, при отсутствии в них всякой оригинальности, становится сомнительной.

Но, может быть, эта книга представляет собой опыт популяризации господствующих в настоящее время у нас представлений о сущности и формах переходного периода? Помимо того, что автор этого не оговаривает, а, наоборот, подчеркивает в предисловии несколько раз факт самостоятельно произведенного им анализа тенденций развития — популяризация не выражается в том, чтобы только иностранные слова разъяснять в поставленных после них скобках. Популяризация научной проблемы сводится, в первую очередь, к тому, чтобы такое изложение проблемы, которое соответствовало бы логическому развитию мысли читателя, обращающегося к такого рода литературе. В рецензируемой книге целый ряд чрезвычайно важных проблем затронут лишь мимоходом, в одной-двух фразах, на полстранице, и поэтому ускользнут от внимания такого читателя, а, следовательно, приведут к непониманию вопросов, более обстоятельно трактуемых в книге.

Попытаемся в таком случае предъявить Рубинштейну более серьезные требования.

Автор принимает положение, что «организация труда есть по существу организация нового общества». Казалось бы, мы вправе ожидать от него характеристики общественных отношений тех двух общественных формаций, переходный период между которыми мы переживаем. Автор сам это понимает и пытается такую характеристику дать. Однако дает ли он ее? — Нет. Его 1-я глава: «Остатки капиталистических отношений при пролетарской диктатуре» содержит лишь важные и интересные выдержки из Маркса и Ленина, которые, однако, не связываются у него ни с каким описанием

характерных черт и категорий тех социально-экономических структур, к которым содержание этих цитат относится. Автор ограничивается в основном агитаторскими фразами, должностными комментировать эти цитаты и разъяснить их. Вопрос же об основных регуляторах товарно-капиталистического хозяйства, и х/хозяйства переходного периода, — совершенно обходит. При объяснении явлений заработной платы автор исходит исключительно из моментов целесообразности той или иной политики и народно-хозяйственной возможности, совершенно игнорируя экономическую необходи́мость, проявляющуюся в существовании и господстве даже закона стоимости рабочей силы, как основы уровня заработной платы, и это, несмотря на то, что в другом месте он мельком сам отмечает «сохранение товарного характера рабочей силы» (стр. 44).

С другой стороны — мало внимания уделяется автором вопросу о социальной сущности рыночных отношений, которые в переходный период, по существу являются уже отношениями иного типа, чем при капитализме. Противоречия, между капиталистической формой дохода рабочего класса и отсутствием капиталистического содержания в нем на советских предприятиях (классовой эксплуатации), во-первых, а, во-вторых, между плановым и рыночным регуляторами уровня заработной платы, смазаны автором вместо того, чтобы их особенно отчетливо и даже в обостренной форме выявить.

Автор, конечно, говорит о противоречиях эпохи переходного периода. Мало того, заключительная глава рецензируемой книги (гл. X) специально посвящена различию между капиталистическими противоречиями и противоречиями переходного периода. Но по существу об этом различии сказано лишь несколько слов в том смысле, что капиталистические противоречия непреодолимы, беспрерывно растут и воспроизводятся, а противоречия переходного периода являются лишь постепенно изживавшимися остатками прошлого. Это, несомненно, верное положение все же не исчерпывает вопроса, ибо задачей автора было очертить хотя бы в общей форме суть основных социально-экономических противоречий и показать различие их сущности от сущности капиталистических противоречий.

Из отдельных моментов необходимо отметить слишком уж беглые замечания по вопросу о рационализации производства (гл. VII) и о системах заработной платы (часть гл. III). По последнему вопросу, автор, между прочим, совершенно не касается такого, например, явления, как потеря сдельщины характера стимула к повышению интенсивности труда при автоматизации производства (пример, завод Форда в Америке). Это чрезвычайно важный момент, вносящий определенные ограничения в совершенно верное положение о том, что пролетарской власти придется во всех странах с целью сохранения высокой интенсивности труда допускать сдельную систему оплаты труда.

Мы остановились лишь на некоторых основных чертах этой книги. Но и этого достаточно, чтобы указать автору на необходимость переработки книги. Судя по всему, автор имеет данные для того, чтобы дать читателям более или менее солидно проработанный материал по этому вопросу.

Б. Л.

Тэйлор Фредрик Уинслоу. Научная организация труда. С предисловием П. М. Керженцева. НКПС. Транспечать. Москва.

Страной, у которой мы должны больше всего и прежде всего учиться, это — Соединенные Штаты Америки. Причины понятны. Здесь в первую очередь колossalная, прямо сказочная производительность труда, превосходящая в несколько раз даже производительность той передовой страны, как Англия. Средняя производительность одного рабочего в американских шахтах почти в три раза превышает производительность опытного английского углекопа. В телефонном деле один работник в Англии обслуживает 18,6 станции, в Америке — 45 станций. Один американский строительный рабочий укладывает 200 кирпичей в час, английский — 350 в день.

Стандартизация продукта, нормализация частей, непрерывность производственных процессов, быстрота движения частей между станками нигде не достигли таких размеров и совершенства, как в Америке.

Достижения эти в области организации труда в Америке у нас принято связывать с именем Тэйлора, отца научной организации труда, которую часто прямо отождествляют с тайлеризмом.

Сущность тайлеризма получила у нас достаточную научную и критическую оценку и вряд ли есть надобность еще раз останавливаться на отрицательных сторонах тайлеризма, они в достаточной мере вскрыты и разоблачены.

Богатое положительное содержание тайлеризма вполне оправдывает новое издание Транспечатъя двух наиболее известных работ Тэйлора, объединенных в одну книгу. С этой книгой должны познакомиться все интересующиеся вопросами НОТ. При этом, однако, не надо забывать, что тайлеризм и НОТ это—различные вещи. В тайлеризме имеются элементы НОТ, но еще больше элементов, ничего общего не имеющих с наукой и действительно рациональной организацией производства.

Вряд ли у нас есть сейчас скрытые тайлеристы, принимающие и защищающие тайлеризм целиком, со всем ее «утонченным зверством буржуазной эксплуатации» (Ленин), однако скрытых тайлеристов у нас среди практиков-специалистов безусловно много. Для неопытного читателя не мешало бы предпослать произведениям Тэйлора критический очерк, который подробно останавливался бы на пресловутом «научно»-выработанном уроке Тэйлора, на его методах изучения времени и т. д. Предисловие Керженцева нам кажется в этом отношении недостаточным. Здесь дан только социологический анализ тайлеризма, вскрыта его «архи-буржуазная» сущность, но нет оценки тайлеризма с точки зрения научных принципов организации труда.

Несмотря на это и на некоторую устарелость тайлеризма, оттесненного гораздо более богатым в научном отношении фордизмом, эту книгу можно рекомендовать нашим работникам по НОТ, которые, однако не должны забывать формулу, выдвинутую на Всероссийской конференции по НОТ: «не тайлеризм, а научная организация».

Г. Б.

Рабоческий. Принципы Форда. Гос. Техническое Издательство. Москва 1924 г. Рабочая библиотека № XIV—3.

Александр Фридрих. Генри Форд. Изд. «Московский Рабочий». 1925 год.

За последнее время появилось довольно большое количество работ, знакомящее нас с тайла и могущества современного американского «властителя дум», автомобильного короля — Генри Форда. Обе рецензируемые брошюры посвящены тому же вопросу и предназначены для широкого круга рабочих читателей.

Однако брошюра Рабчинского мало удовлетворительно справляется с задачей сжатого, грамотного и популярного изложения основных принципов новоявленного «благодетеля» и, главное, критического разоблачения истинной природы их. Автор дает в начале краткую, но достаточно сбивчивую и неясную оценку социального значения фордизма. Секрет успехов Форда — доведенный до максимума, до логического предела принцип массового производства, нормализации и стандартизации. В этом смысле Форд интересен для нас как наиболее яркое проявление общей тенденции современного капитализма.

В «популярном» изложении Рабчинского на передний план выдвигается личность Форда, поразительные результаты его производства приписываются ему как результат исключительной гениальности Форда. Между тем для широкого круга рабочих читателей представляет интерес именно эта сторона вопроса. Вместе с тем автор не избегнул и излишних «супрещений» и вульгаризации в освещении столь любопытного вопроса, как тенденция послевоенного капитализма, освободителя от гнета банков, финансовой олигархии, чтобы самому занять ее место.

В lead за этим общим введением автор приводит и основные принципы Форда, но без всякого намека на некоторую классификацию их выделение общего, наиболее важного и интересного от пусторождных «фасций», в роде рассуждения о вреде больших городов о высоких принципах морали и честности и т. п., которые нестроят книги Форда.

Автору следовало подойти к этим принципам более критически выделить лишь наиболее интересное для нашего читателя.

Брошюра нашего немецкого товарища, Александра Фридриха, выгодно отличается в этом отношении от распространенной выше. В достаточно яркой и популярной форме автор дает нам образ этого «фабриканта дура» на службе капитала. Форд рассматривается не как умник, нечто специфически американское, а как «вериенно реальное», закономерное проявление тенденций современного капитализма. Брошюра — остается полно продуманный и яркий материал и вполне годный для того круга читателей, на которого он рассчитан.

Лин.

Потуги планирования английской буржуазии.

Несмотря на все попытки буржуазии наладить мировое хозяйство, оно продолжает переживать глубочайший кризис. Этот кризис чувствуется во всей системе производственных отношений и соответствующих им отношениях обмена в мировом масштабе и в масштабе отдельных национальных хозяйств. Уменьшение реального развития производства или в лучшем случае темпа этого развития, разрыв целого ряда связей в мировом товарообороте, падение реального и относительного участия отдельных национальных хозяйств в мировом товарообороте и, наконец, грозное „Memento mori“ капитализма — безработица, свирепствующая в целом ряде государств — составляют главные элементы современного кризиса мирового хозяйства.

Понятно, что мировая буржуазия озабочена как фактом существования самого кризиса, так и тщетностью всех попыток ликвидировать его.

Одной из таких попыток в масштабе национального хозяйства является проект „плановости“, выдвигаемый английскими либералами.

„Wirtschaftsdienst“ от 21 ноября помещает по этому поводу любопытную статью Вальтера Грейлинга под весьма широковещательным заголовком: „Социализация в Англии как либеральная программа“.

В этой статье Грейлинг останавливается на общей депрессии в Англии, на одной из попыток „разрешить проблему хозяйственного застоя“, выразившейся „в допущении к власти Рабочей партии, желании увидеть новые методы и в надежде на разрешение Германского и Русского вопроса, которое повлечет за собой восстановление Европейского рынка“. Между тем, замечает автор: „Макдональд сосредоточил свое внимание на внешне-политической стороне дела и временное господство Рабочей партии не произвело никакого поворота в хозяйственной политике“.

Буржуазия, однако, обратила свое внимание на экономические вопросы, так как „положение хозяйства властно требовало радикального разрыва с привычными методами и диктовало необходимость конструктивного и организационного вмешательства“. Летом этого года либеральная партия Англии выделила специальную комиссию, во главе с Ллойд-Джорджем, которая выработала программу, „позаимствованную у социализма“, как замечает Грейлинг. Эта программа сводилась к следующему: промышленность сможет снова получить работу лишь при новой волне экспансии на внешний рынок. Для этого следует, однако, перейти к квалифицированной продукции, к новым формам промышленного развития.

„Автоматическое саморегулирование“ хозяйства не может вызвать такого развития. Эту „вторую промышленную революцию“ может произвести только планомерное соединение источников промышленной энергии, в первую очередь, угля и электричества, поскольку они являются ключами к социализму.

Либеральная партия не ограничилась только прокламированием общей программы.

„Не прошло и 14-ти дней,— пишет Грейлинг,— после отклонения английским парламентом выработанного союзом горнорабочих проекта о национализации горнопромышленных предприятий, в поддержке которого Рабочая партия не принимала особого участия, как либеральная партия внесла предложение о регулировании угольного и электрического хозяйства, весьма близкое к планам социализации“.

В чем заключается основа этого предложения? По мнению Грейлинга, „проект либералов делает попытку отделить производственное и техническое улучшение, которое влечет за собой социализацию и связанная с ней плановость и централизация от социального переворота“.

Таким образом, при сохранении всей общественной надстройки сил, „частно-предпринимательской инициативы“ и „современной системы прибылей“, либералы пытаются изменить положение базиса в отношении технического и организационного усовершенствований. Конечно, тут же говорится и о необходимости существенного улучшения положения горнорабочих и об их участии „в разрешении некоторых вопросов промышленности“.

Центром всего предложения является момент электрификации страны. „Замена угля электричеством должна изменить промышленную структуру всей страны“.

Далее Грейлинг рисует положение угольной промышленности в Англии.

Углеродная промышленность составляет основу английской хозяйственной жизни, на которой построены промышленность, судоходство и экспорт. В ней занято 1.200 тыс. рабочих. Добыча угля в 1923 г. составляла 276 млн. тонн, из коих экспортировано 38%. Независимо от политических намерений, дело слагалось так, что горная промышленность в Англии всегда служила главным объектом „социалистических“ устремлений. Ее тяжелое положение явственно и очевидно вызвало распределением ее между различными собственниками. Еще в 1919 г. Комитет Санкса установил: английская угольная промышленность раздроблена между 1.500 отдельными предприятиями, часть которых плохо управляется и недостаточно обеспечена капиталом. Оборудование их несовременное. Это удостоверено Комиссией либералов в 1924 г. По мнению экспертов, техническая организация английской углеродной промышленности отстала от современных требований на 20—50 лет. Лошадиная тяга подземных тачек, а также слишком малые пятитонные вагоны для отвоза угля еще широко распространены. Несмотря на удвоение довоенных цен, предпринимательская прибыль значительно ниже. Уровень зарплаты не единобразен, а колеблется в зависимости от финансового положения копей. В Шотландии и Иоркшире зарплата составляет 10 шилл. 10 пенс., в Ланкашире 8 шилл. 10 пенс., в Южном Стаффордшире 7 шилл. 8 пенс. за пласти. Соответственно этому, выработка отдельного рабочего составляет в Шотландии 19,3 центнеров, а в Бристоле 11,9. Главное внимание обращает Комиссия либералов на то обстоятельство, что 4.000 собственников угленосных земель получают от копей арендную плату и часть прибыли и, вследствие своей арендной политики и дробления владений, мешают их рациональному использованию. В то время, как средняя предпринимательская прибыль составляет 1 шилл. 11,5 п. с тонны собственникам, так наз., „Royalties“ (ренты) приходится выплачивать в среднем от 6 шилл. 9 п. с тонны. Главная часть этих чудовищных сумм идет в пользу нескольких земельных собственников. Один из них получает 423.000 ф. ст. в год.

В настоящее время английская горнопромышленность переживает особенно тяжелый кризис, вследствие дешевых германских reparационных поставок Франции и возобновления конкуренции с Рурским углем в Голландии, Скандинавии и на германском побережье. За первые 7 месяцев 1924 г. вывоз английского угля сократился, против предыдущего года, на 10 млн. тонн. Средний месячный экспорт английского угля составлял в 1913 г. 6,1 млн. тонн, в 1922 г.—5,3, в 1923 г.—6,6 и в первом полугодии 1924 г. 5,2 млн. пуд. Несмотря на благоприятную разработку и вывоз, цены на английский уголь выше мировых.

Английское правительство бессильно, однако, что-либо предпринять в отношении организации угольной промышленности. Лишь тогда, когда напор рабочих становился особенно ощущительным, английское правительство открывает предохранительные клапаны, возвещая о своем намерении национализировать угольные копи. Так это случилось в 1919 г., когда была образована Комиссия Санкса. Но, как только волна рабочего движения немного спала, английское правительство

отказывается от своих обещаний с тем, чтобы снова вернуться к ним во время тяжелого кризиса 1920 г. Но в следующие годы оно опять отказывается от прокламированных обещаний, равно как и тогда, как мы указывали выше, когда союз горнорабочих внес скромный проект о „создании шахтовых советов, окружных советов и Национального Горнопромышленного Совета, составленного на паритетных началах из представителей правительства и союза горнорабочих“. По этому проекту Совет скупает все горнопромышленные предприятия и связанные с ним права, „в случае необходимости это может произойти и на началах отчуждения“. „Роялти“ (ренты) должны быть отменены без компенсаций. Выкупная плата за копи должна быть установлена в 12 шилл. с тонны при добыче ниже 100.000 тонн и 10 шилл. при большей добыче. Уплата должна производиться государственными долговыми обязательствами.

Проект либералов отличается от проекта союза горнорабочих. Он облеченный, конечно, в пышную мантию фразеологии о сокращении рабочего времени, каникулах, выдаче угля для домашнего отопления и других замечательных вещах. Проект снабжен фотографическими снимками, свидетельствующими о жилищной нужде горнорабочих.

Конкретные предложения сводятся к следующему:

- 1) отмена „роялти“;
- 2) переход правъ собственности на недра и другие горные права к государству;
- 3) планомерное и непрерывное давление государственной „Роялти-Комисии“ на организационное и техническое развитие горного дела;
- 4) участие рабочих в решении некоторых социально-политических вопросов;
- 5) государственное содействие электрификации путем устройства государственных электропроводок по всей стране, покупки и отчуждения прав на водянную энергию и т. п., оказание кредита электрическим предприятиям, гарантирования процентов и т. п.

Переход прав на угольные и минеральные богатства земных недр от земельных собственников к государству происходит путем выкупа. Начиная с определенного дня „роялти“ выплачиваются государству. Последнее уплачивает прежним владельцам недр компенсацию, но не в полном объеме старых размеров роялти. Кроме того, 10% компенсации отчисляются в благотворительный фонд. Земельные собственники, предполагающие с уверенностью, что в недрах их участков имеются еще неиспользованные богатства, имеют право, в случае разработки, требовать компенсации в течение ближайших 5 лет. Приобретя горные права государство начинает новую сдачу в аренду, происходящую при посредстве 5—7 уполномоченных, назначаемых парламентом и королем (Royalties Committee). Эта Комиссия должна ежегодно представлять отчет о своих действиях парламенту. Во всех остальных отношениях они совершенно независимы и не подчинены министру горного ведомства. Самое важное в проекте, это арендная политика. При помощи арендной политики и мыслят либералы ввести „плановость“ в угольную промышленность. Эта плановость заключается в „группировке на научных основаниях копей и шахт“, объединении копей и контроле над ними рабочих союзов, концентрации добычи на лучших шахтах и т. п.

Однако эта куцая плановость проводится не каким-либо правительственным органом или, как можно было ожидать, „Роялти-Комисии“, а самой горной промышленностью.

„Роялти-Комисия“ имеет только право контроля и работы в направлении установления единобразной зарплаты. По проекту предполагается учреждение Национального Горного Совета, окружных Советов и Советов копей, которые создаются „для установления контакта и обмена мнений между рабочими и предпринимателями“.

Совет не имеет права вмешиваться в деятельность „Роялти-Комисии“, но имеет право большинством двух третей обжаловать мероприятия „Роялти-Комисии“ горному министру, который в таком случае имеет право отменить поста-

новление „Роялти-Комиши“. Характерен следующий момент, намечающийся проектом либералов в отношении Советов. Проект считает ошибочным законодательное определение полномочий Советов. „Влияние Советов будет направляться сообразно соотношению сил в каждый данный момент и содержание их деятельности определяется само собой“. Совет должен состоять из 100 чел., из которых половина от рабочих и половина от предпринимателей, техников и инженеров. Председатель Совета назначается королем.

На таких же началах составляются окружные Советы, в компетенцию которых входят, главным образом, вопросы заработной платы.

Советам копей, составляющимся также на паритетных началах из рабочих и управления, проектом предписываются следующие функции: 1) наблюдение за безопасностью, здоровьем и благополучием рабочих, 2) забота о поддержании добычи на данном уровне и об увеличении ее, 3) представление докладов следственным комиссиям, 4) уложение спорных вопросов об условиях труда и зарплаты, 5) все функции, предоставляемые им правилами о работах.

Значительное внимание проект либералов обращает на электрификацию. Констатируется отсталость Великобритании в области снабжения электрическим светом и энергией. Крупнейшая станция Англии по производительности равняется всего 20% средней продуктивности электростанции Чикаго. До войны Англия в области электрической продукции шла впереди всех стран, за исключением САСШ. В настоящее время Англия оказалась позади Франции.

По сравнению с давленным временем, продукция электричества в Англии возросла на 130%, в то время как во Франции она утроилась, в САСШ увеличилась в пять раз и превосходит Англию в отношении электрической продукции в 9 раз. Только в Германии увеличение составило всего 100%. Зато установки в Германии и в других странах более отвечают новейшим требованиям, чем английские. Либералы настоятельно рекомендуют превратить в Англии уголь в электричество, дабы на его основе возродить английскую промышленность.

В области электрификации либералы намерены сузить влияние государства.

По „электрическому биллю“ 1919 г. были созданы окружные электрические комитеты, которые должны сами основывать, вести или сдавать в аренду электрические станции, контролировать прибыли частных электрических обществ и приобретать и отчуждать противоречие общественным интересам права на водную энергию. По проекту либералов, полномочия этих „электрических комитетов“ сокращаются и их функции уподобляются функциям угольных „Роялти-Комиши“. Для успешного проведения электрификации необходимо объединить мелкие электропредприятия и предоставить государственные кредиты электропромышленности.

Такова в общих чертах та „плановость“, о которой трубят либералы во главе с Ллойд-Джорджем.

Грейлинг, излагая проект либералов, полагает, что весь этот проект имел целью „отвести воду с мельницы Рабочей партии“. Это соображение имеет свой резон, но не только оно является причиной такого радикального, хотя бы и на словах, поворота либеральной партии в экономической политике.

Основная причина этого поворота — промышленный кризис и рост революционных настроений английского пролетариата. Все старые попытки оказались тщетными. Ллойд-Джордж вспоминает „о бурных днях революционной молодости“ и выдвигает проект „плановости“, являющийся сам по себе нагляднейшим документом бессилия буржуазии разрубить Гордиев узел противоречий.

Не говоря уже о путаном разделении функций между „Роялти-Комиши“, Национальным Советом, промышленностью и правительственными ведомствами, вся „плановая“ затея английских либералов не имеет под собой реальной почвы.

В послевоенной промышленности Англии наблюдается сильное концентрационное движение, главным образом, по линии вертикальной концентрации. Железоделательная, сталелитейная, военная и др. отрасли промышленности организованы в нескольких трестах. Между тем добыча угля все еще сосредоточена в руках

целого ряда мелких фирм, что констатировало было, как указывалось выше, еще Комиссией Санкса. Распыленность угольной промышленности объясняется системой частной собственности на недра и арендных договоров на долгие сроки. Понятно, что промышленная буржуазия ведет борьбу с земельной аристократией за раскрытие угольной промышленности. Вырвав почву, в буквальном смысле этого слова, из-под ног феодалов и передав ее в руки государства, сиречь — буржуазии, промышленный капитал сможет втянуть угольную промышленность в орбиту своего влияния. Все разговоры о „плановости“, участие рабочих, заигрывание с „социализацией“ сводятся к тому, как в свое время „социализация“ в Германии, что власть над углем перейдет в руки нескольких крупных промышленных трестов.

Дм. Бухарцев.

Из литературы о плане Дауса.

Harold G. Moulton and Constantine E. McGuire, «Germany's Capacity to Pay. A Study of Reparation Problem» (немецкое издание Deutschlands Zahlungsfähigkeit überetzt und ergänzt von Kuczynski Verlag O Stollberg Co 1924). H G Moulton, «The Reparation Plan» (Der neue Reparationsplan überetzt und ergänzt von Kuczynski Verlag von R L Prager Berlin 1924)

Левая из названных работ, разбирает вопрос о платежеспособности Германии, вторая — критикует план Дауса¹⁾.

Решение о рациональном в прославляется теперь одной из основных проблем хозяйства Европы. Могут кажется, что Комиссии Дауса удалось это решить и «умиротворить» Европу. Однако при более глубоком изучении хозяйственного положения Германии и самой этой проблемы приходит обратному выводу. В этом отношении у нас есть два труда Мультона весьма ценные не только благодаря тому что они собрали до крайней степени в первом, обстоятельный материал для характеристики положения Германии но и благодаря способности анализу всей этой проблемы. С введением спрятанных в них утверждается на то что освой этой проблемы ведется впросе о торговом или платежном балансе Германии. Хотя первая книга была написана еще до того, как стал известен план Дауса, однако в ней уже дается достаточная критика этого плана. «Способность Германии», — говорится в ней — «вызвать больше, чем она ввозит, — вот центральный пункт всей репарационной проблемы». На протяжении времени можно «регулировать» ее путем передачи германских промышленных центров бумаг Англии. Но, как было указано вводной главе, дивиденды и проценты по этим бумагам могут быть превращены в иностранную валюту только путем превышения ввоза над ввозом. В таком превышении ввоза над ввозом геранская промышленность не в состоянии получать необходимые для себя деньги даже в том случае, если она работает с прибылью. Дивиденды и проценты не могут быть выплачены за границей в бумажных марках, а между тем весь золотой запас Германии не превышает одного миллиарда марок.

Этим по существу уже утверждается, что решение Комиссии Дауса не есть решение злополучного в проса, так как по заграницальным займам и по промышленным облигациям Германия придется платить за границе проценты, что возможно только в том случае если германский ввоз превысит ввоз. Между тем в последнее время замечается как раз обратное явление.

В второй из названных работ к этим соображениям прибавляется еще указание на то что Германия не земледельческая страна которая может потреблять иностранный капитал что она, наоборот, насыщена своим капиталом, для которого она не имеет

¹⁾ Краткое содержание этих весьма ценных работ следующее: сущность проблемы расплаты по иностранным долгам, платежный баланс Германии, потребности Германии в иностранных товарах, германские финансовые и денежные обращения, сколько Германия уже уплатила по репарации, как Франция уплатила к интибуза в 1871 г.

В второй книге дается подробное и весьма ясное изложение плана Дауса, затем в двух главах он подвергается спокойной и деловой критике, а в последней отмечается проблемы, оставленные этим планом незатронутым.

достаточного применения. Затем упоминается на то, что целый ряд вопросов, связанных с reparацийной проблемой не разрешен.

Если это добавить, что Кучинский известный германский статистик в примечаниях дополнил эти работы новыми данными, то их ценность станет ясной для всякого интересующегося этой проблемой.

В первой книге которая трактует о германской платежеспособности, значительно усвоена германская точка зрения и на наш взгляд несколько о преувеличены данные относительно разорения Германии. Но этот вопрос существенного значения не имеет. Если принять более оптимистическую оценку чем это делают называющие авторы, следует все же признать, что они делали наиболее исчерпывающую критику платы Дюэса и что их выводы остаются правильными. С этиими книгами не мешало бы широко ознакомить русского читателя.

Спектатор.

«Материалы для изучения мирового хозяйства». Изд. Торгового представительства СССР в Германии. Берлин 1924 г. №№ I—II и III—IV.

Регулярное издание ежемесячного журнала, член, повидимому, являются «Материалы», должно считаться солидным вкладом в нашу экономическую периодику. То обстоятельство, что журнал издается за границей, дает ему преимущество в смысле своевременного собирания материала по вопросам мировой экономики. Если наряду с использованием этого преимущества журнал мог бы привлечь представителей марксистской теоретической мысли из СССР, то он, безусловно, имел бы все шансы превратиться в серьезное и ценное марксистское издание, соединяющее обилие фактического материала, наподобие лучших немецких экономических журналов типа «Weltwirtschaftlicher Archiv», с живым марксистским анализом.

Вышедшие первые два номера не дают еще, разумеется, основания судить, насколько журнал справится с подобной задачей. Вышедшие книжки состоят из 3-х отделов: 1) статьи как по общим важнейшим вопросам мирового хозяйства, так и по более конкретным узким вопросам, 2) текущая экономическая хроника и 3) библиографические очерки. Что касается до первого отдела, то следует отметить помещенную в кни. I—II статью С. Первушкина, дающую в первой своей части очень четкую и ясную картину концентрационных форм в современном капитализме. В статье А. Мендельсона о хозяйственном положении Австрии делается попытка конкретного анализа распада мирового капитализма на этом наиболее слабом его участке. В кни. III—IV стоит отметить статью А. Айзенштадта о reparациях, дающую достаточно полное и ясное представление фактического материала, относящегося к вопросу. Отдел «текущей экономической жизни» составляется из обзоров по отдельным странам, при чем в каждом номере даются обзоры лишь по трем странам. К тому же эти обзоры составлены с различной степенью полноты, содержат в себе различные данные, в разном порядке и т. д. Быть может, для первых книжек журнала такой порядок является наиболее подходящим, ибо таким образом даются некоторые основные данные, по разным странам, — все же не мешало бы в дальнейшем находить в этом Отделе некоторые общие обзоры, составляемые в «стандартизованном» порядке, на основании определенных показателей, приведенных по возможности для всех главнейших стран на каждый месяц и т. д. Библиографический отдел составляется по совершенно правильному принципу обзоров иностранной литературы по определенным проблемам. В кни. I—II даны обзоры литературы по 1) reparациям, 2) современной денежной проблеме и 3) по формам концентрации в современном мировом хозяйстве; в кни. III—IV — 1) статистика колоний, 2) общие вопросы статистики и 3) методы статистики заработной платы. Эти обзоры были бы несравненно ценнее, если бы они, не гоняясь захватом такого обилия проблем, давали бы более исчерпывающий и полный подбор литературы по затрагиваемым ими проблемам: обзоры, помещенные в кни. I—II, далеко не исчерпывают даже важнейшей иностранной литературы по данным вопросам.

R. S. Наша заметка была уже набрана, когда мы получили возможность ознакомиться с последней очередной книжкой журнала (V—VI, за ноябрь — декабрь 1924 г.).

Новая книжка составлена по тому же типу, что и предыдущие номера; она лишь, пожалуй, несколько богаче содержанием. Из статей обращает на себя внимание статья немецкого автора, подписавшегося К. К., посвященная анализу «капиталистического кризиса в Германии». Автор выдвигает несколько необычный подход к вопросу, считая, что главным затруднением германского капитализма является реализация накопленной части прибавочной ценности, которая, по его мнению, в 1922—24 г.г. составляла около 40% всего народного дохода (тогда как в 1913 г. — лишь около 14%). Германия посвящена еще одна статья, трактующая о налоговой политике. Остальные статьи посвящены внешней торговле и отдельным отраслям промышленности (кожевенной и буровогольной).

Обзоры экономической жизни отдельных стран составлены по тому же шаблону, что и в предыдущих номерах Любопытен обзор (к сожалению, слишком беглый) народного хозяйства Испании; об этой стране мы очень мало знаем, между тем в послевоенной Европе этот народно-хозяйственный организм занимает далеко не последнее место. Библиографические очерки настоящего номера посвящены обзорам литературы о народном хозяйстве Франции и С. Ш. С. А. затем даны отзывы о двух работах американцев о России (одна из них, работа Poswolsky и Moulton — «Russian Debts a. Russian Reconstruction» — уже упоминалась у нас в периодической печати, относительно же второй — труда Elsie Terry Blanc, посвященного кооперативному движению в СССР — нам не приходилось встречать указаний.

L. A.

Новые иностранные книги.

1) Deutschlands Wirtschaft. Währung und Finanzen, Berlin. 1924.

Хозяйство Германии, ее валюта и финансы.

Сжатый обзор германского хозяйства, начиная с последнего довоенного года. К книге приложены подробные статистические диаграммы и таблицы.

2) Meyer. Die Deutsche Landwirtschaft während der Inflation und zu Beginn der Deflation. Tübingen, 1924.

Майер, Лотарингия. Германское сельское хозяйство во время инфляции и в начале дефляции. Тюбинген, 1924 г. — Сравнительно благоприятное положение сельского хозяйства в начале инфляции ухудшилось во время чрезмерного роста последней. Дефляция усилила налоговое бремя сельского хозяйства и составляет для него серьезную угрозу.

3) Tanaka Tadao. Промышленность и денежное обращение Китая. Токио, 1921 г., стр. XVIII+487.

Автор дает краткое описание политического, финансового и экономического положения страны. Наиболее ценные главы о стеклянной и чайной промышленности, о новом банковском консорциуме и политике С. Штатов в Китае.

4) Waldemar Henrici. Die Kohlenwirtschaft Russlands in und nach dem Kriege. Berlin, 1924.

Вальдемар Генрихи. Угольное хозяйство России до и после войны, Берлин, 1924 г. Содержание: угольные залежи России. Угольное хозяйство России во время войны. Угольное хозяйство при Советском Правительстве, и в частности при эне.

5) Annaire Financier, France—Extrême Orient, Paris, 1924.

Финансовый ежегодник: Франция — Дальний Восток. Изд. Эрнест Мартин и К°, Банкирами, Париж, 464 стр.

6) Irving Fischer. Der schwankende Geldwert, Berlin, 1924 г.

Ирвинг Фишер. Колеблющаяся ценность денег, причины, последствия и проекты ее устранения.

7) Karl Strasser. Die Deutschen Banken im Ausland.

Карл Штрассер. Германские банки за границей. Мюнхен, 1924 г.

Содержание: германское хозяйство и заграница. Признаки иностранной экспансии. Германские банки в Европе. Германские банки на Востоке, в Южной, Северной и Центральной Америки и в Африканских колониях.

8) British Industry. London, 1924.

Британская индустрия в 1924 г. Лондон, 1924 г., 116 стр. Книга содержит ряд статей о различных отраслях английской промышленности: железоделательной, стальной, машинной, цементной, резиновой и особенно подробный обзор текстильной промышленности.

9) Bertrand Nogaro. *La monnaie et les phénomènes monétaires contemporains*. Paris. Значительная часть книги посвящена критике количественной теории, которую автор принимает лишь с большими оговорками. Рассматривая вопрос о возможности возвращения валют всех стран к степени довесной устойчивости, Ногаро утверждает, что это может быть достигнуто путем перераспределения мирового золотого запаса между всеми нациями, в соответствии с объемом их заграничных сделок до войны. Золото это не должно пускаться в обращение, а служить исключительно для обеспечения внешнего размена данной страны. Распределение золотого запаса должно быть произведено путем международного займа, для осуществления которого будет основан Международный Кредитный Институт (*«Экономист»* от 29/XI—24 г.).

10) Paul de Rousier. *Les grandes industries modernes*. Paris.

Со временем крупная промышленность.

11) Robert Riegel. *Elements of Business Statistics*.

Элементы деловой статистики.

12) Prof. Berliner. *Das Geld ist Kapital*. Stuttgart. 1924.

Деньги — капитал. Штутгарт, 1924 г.

Содержание: что значит платить? Что значит вкладывать капитал? Инфляция капиталов и инфляция доходов, 36 стр.

13) Die Entwicklung der Reparationsfrage.

Развитие репарационного вопроса. Хроника хозяйственного упадка Германии. Берлин, 1924 г.

14) Deutschland und Frankreich. Herausgegeben von Kuczinsky. Berlin, 1924 г.

Германия и Франция. Их хозяйство и политика. 1923—24 г. Изд. Кучинским (сборник статей), Берлин, 1924 г. 411 стр.

15) Oscar Wingen. *Fünf Jahre Reparationspolitik*. Berlin, 1924.

Пять лет репарационной политики, Берлин, 1924 г.

Содержание: до Лондонского ультиматума. Ослабление напряжения. Политика «сильного кулака». Борьба в Руре. Доклад экспертов.

16) Währungsreform in der Tschechoslowakei und im Sovjetrussland. München und Leipzig, 1924.

Валютная реформа в Чехо-Словакии и Советской России, со статьями Альмона из Праги и Д. Бернацкого из Москвы. Мюнхен и Лейпциг, 1924 г.

Содержание: Чехо-Словацкая валюта и валютная политика. Крушение русской валюты и виды на ее восстановление.

17) I. Gordon. *La réforme monétaire dans le Russie des Soviets*, Paris.

Денежная реформа в Советской России, с предисловием Шарля Жида, Париж. Содержание: образование Госбанка. Банковское покрытие червонца. Вопрос об устойчивости червонца. Червонная инфляция.

18) Prokhorowitsch. *Economic conditions of Sowjet Russia*, London, 1924.

Книга дает картину русского народного хозяйства при советском режиме. В первой главе говорится о национализации промышленности, о рабочем контроле, падении производительности труда, плановом хозяйстве и недостатке в капиталах. Вторая глава посвящена проблеме «Советский режим и русский крестьянин» и изображает общеполитическую и аграрно-политические мероприятия советского правительства. В двух последних главах автор говорит о причинах, вызвавших к жизни новую экономическую политику и о результатах ее, а также о денежном хозяйстве и финансовой политике советского правительства.

19) Das neue Russland. Monatschrift. Berlin, 1924.

Новая Россия. Ежемесячный журнал по вопросам культуры и экономики. Издание Об-ва Друзей Новой России в Германии. Берлин, 1924 г. Выпуск 1—2.

Содержание: Внешняя торговля Советской России. Экономический подъем в России. Социальная гигиена и т. д.

20) Schön. *Das Fragezeichen Russland*. Luzern, 1924.

Книга посвящена вопросу, возможно ли и нужно ли Швейцарии возобновление экономических сношений с Россией. Автор настаивает на необходимости их возобновления и говорит: «Конъюнктура будущего находится на Востоке, но только для того, кто поспеет во время».

21) Lehnich. *Währung und Wirtschaft in Polen, Litauen, Lettland und Estland*, Berlin, 1924.

Валюта и хозяйство Польши, Литвы, Латвии и Эстляндии. 356 стр.

Книга содержит ряд монографий, изображающих развитие валют в русских лимитрофах. Особое внимание обращено на соотношение между развитием денежного хозяйства и общей экономической структурой этих молодых государств.

22) Leland Rex Robinson. *Foreign Credit Facilities in the United Kingdom*. New York 1924.

Льготы при иностранных займах в Англии.

Книга дает описание послевоенного развития и современного состояния Британских кредитных учреждений за океаном и анализирует их функции, не вдаваясь, однако, в технические подробности. Особенно подробно рассматриваются вопросы, имеющие

значение для С.-А. С. Ш., — в частности, вопрос о политике и методе, так наз. «инвестментрест».

23) Schulze Gewernitz. *Die englische Kreditpolitik*, 1919—20. Berlin, 1924.

Автор делит кредитную политику Англии на внутреннюю и внешнюю. В первой части он говорит о долгосрочных и краткосрочных кредитах и о явлениях инфляции, вызванных прогрессирующей задолженностью. Во второй части, посвященной внешней кредитной политике, он описывает скупку английским капиталом иностранных акций, помещение английского займа за границей, отношение Англии к проблеме международных долгов и т. д.

24) Paul Ufermann. *Könige der Inflation*, Berlin, 1924.

Короли инфляции. 104 стр.

Гуго Стиннес, Якоб Микоэль, Камилио Кастильон, Фридрих Минд, Альфред Ган, Отто Вольф, Сигизмунд Бойзель, Рудольф Карштадт, Рихард Кан и т. д. Автор фельтонным стилем изображает фактическое возвышение всех этих «королей инфляции», пересыпая свое изложение замечаниями экономико-политического характера.

25) United States and Abroad, Washington, 1924.

Соединенные Штаты и заграница. Цены за 1921—23 г. Индексы цен Федерального Резервного Банка, международные цены, валютные индексы. Издано Федеральным Резервным Банком. 63 стр.

Книга содержит богатейший цифровой материал — индексы оптовых цен по важнейшим группам товаров в ряде стран, вычисление покупательной силы валюты различных государств и т. д.

26) Dr. Dalberg. *Die neue Deutsche Währung nach dem Dawes - Plan*. Berlin, 1924.

Книга содержит подробный очерк валютного законодательства Германии, ряд рассуждений о валютной политике и золотом базисе нового Имперского банка, а также об экономическом значении 800 милл. займа и др. иностранных кредитов. Далее автор говорит о влиянии организации репарации на валюту и особенно внимательно рассматривает позицию Трансфертного Комитета и влияние трансфертной политики на германскую валюту.

27) L'evolution des conditions du travail dans la Russie des Soviets. (Bureau International du Travail Etudes et documents N. 19 Serie B. Genève, 1924.

Книга посвящена эволюции условий труда после перехода от военного коммунизма к нэп'у и сообщает данные, рассчитанные на то, чтобы показать, что в этой области наступило ослабление государственного регулирования.

Письмо в редакцию журнала „Плановое Хозяйство“.

Уважаемые Товарищи!

Позвольте просить вас о напечатании настоящего письма, которое посвящается развернувшимся в прессе дискуссии по вопросам эмиссионных возможностей.

Читатель на литературном диспуте об эмиссионных возможностях.

Прежде всего, с точки зрения рядового читателя, а на него, главным образом, и рассчитывает ежедневная пресса, трактовка этого сложного вопроса в кратких газетных статьях вносит полнейший сумбур. Одни авторы (т. т. Лоевецкий, Штейн, Новожилов, Радецкий и др.) в основу своих рассуждений об эмиссионных возможностях кладут изменения размеров товарооборота; против этого возражает т. Эллисон, оспаривающий, если можно так выразиться, эту товарную теорию денежного обращения. Тов. Железнов признает, что процесс замедления скорости денежного обращения приостановился, а тов. Радецкий доказывает, что он происходит, причем первый констатирует ускорение товарооборота, а второй — его замедление и т. д.

Прочитавши усердно свыше десятка статей, посвященных эмиссионному вопросу, читатель задает себе вопрос, к каким же конкретным выводам приходят их авторы? Только в двух статьях Громуана и Штейна сделана попытка дать ориентировочные цифровые предположения, во всех же прочих этих выводов или совсем не делается, или же вместо них помещаются неясные намеки и общие фразы об осторожности, или же, наконец, скромно предлагается за авторов сделать выводы фактическим руководителям эмиссионной политики. Впрочем, может быть, по ходу дискуссии, участники ее и не считаю-

необходимым поделиться этими соображениями с читателем, давая скрытый ответ наивному обывателю по К. Пруткову: «дурак, никто необъятного обятье не может».

Инфляция и инфляционисты.

Тогда все же интересны цель и причина дискуссии, но и она, надо сознаться, мало понятна. Она очень напоминает театральные постановки былого времени, когда на сцену появлялось войско, размахивало мечами и устремлялось на невидимого врага. Зритель должен был веровать, что этот враг действительно существует где-то за театральными декорациями. Читая шумную дискуссию об эмиссионных возможностях, читатель должен вынести впечатление и верить, что существуют явные инфляционисты, покупающиеся на устойчивость нашей денежной системы (Энгесев, Дезен), а также предприятия, стремящиеся к искусственноому получению незаконных прибылей путем раздувного непропорционального кредита (Новожилов). Очевидно, против этих внутренних врагов нашей валюты и направлена вся эта полемика. Удивляет только одно, что на страницах прессы не встречается почти точек зрения на эмиссию противоположных авторам напечатанных статей. Даже статья тов. Громана, которой как-будто некоторые авторы пытаются придать оттенок инфляционной, требует строгого соответствия эмиссии «с развитием народного хозяйства, зорко следя за эффективным использованием эмитируемых сумм». Опять читатель в недоумении: тов. Сокольникова, в качестве руководителя нашей финансовой политики, говорит, что эмиссия должна, как минимум, дойти к 1-му октября 1925 г. до 1.000 милл. руб., а тов. Громан считает нормальным пределом на тот же срок 1.300 мил.—руб. где тут усмотрели инфляцию и кого считают инфляционистом?

Тов. Энгесев пошел, впрочем, еще дальше и, цитируя выдержку из речи тов. Сокольникова на пленуме ЦК РКП, повидимому, склонен и в ней усмотреть инфляционные тенденции.

Игра с болваном.

Конечно, на все это можно возразить, что дискуссия полезна тем, что она выявляет разность точек зрения, но не надо забывать, что она действительно должна освещать противоположные мнения, а не представлять собой дискуссию с самим собой, ограничиваясь в начале и конце каждого выступления, по Грибоедову, криками «разбой, пожар». И тут уже сами собой напрашиваются по аналогии слова Чацкого Репетилова: «из-за чего стараешься вы столько». А между тем, в иной постановке этот чрезвычайно важный и сложный вопрос, затронутый дискуссией, мог бы быть несомненно более плодотворно и всесторонне дебатирован и не получал бы столь одностороннего и непонятного оттенка.

Недоуменные вопросы.

Подходя с этой точки зрения, взаимная критика высказываемых мнений привела бы, несомненно, к более широкому и глубокому анализу и, действительно, в конечном результате, способствовала бы выявлению некоторого общего взгляда. Я попытаюсь, например, задать в самой краткой форме авторам напечатанных статей ряд недоуменных вопросов, с предложением обменяться письменными ответами на страницах «Планового Хозяйства», если последний согласится предоставить для этого место в своем отделе корреспонденций.

Статья тов. Лоевецкого («Фин. Газ.» № 254). Как оно относится к продолжающемуся до сих пор недостаточному охвату предложения на рынке с.-х. товаров и убыточной реализации продуктов животноводства деревней и т. д? Нужно или не нужно способствовать процессу развития денежного накопления в обороте (и деревне) и насколько удовлетворительным считает он развитие этого процесса в настоящее время.

Статья тов. Энгесева («Фин. Газ.» № 255) не забывает ли старую пословицу, что «волков бояться — в лес не ходить». Невольно напрашивается однако и другой вопрос, как же мы дальше будем бороться с товарным голодом и дальше развивать свое производство? Ведь сомнения автора можно всегда высказать, всегда и всюду, о горючем, о расширении промышленности и т. д. было бы интересно более конкретно наметить условия, допускающие развитие кредитных операций вообще.

Статья тов. Штейна («Фин. Газ.» № 257). Интересно более детальное изложение оснований расчета автора.

Статья тов. Дезена («Эконом. Жизнь» № 342) принадлежит явно перу банковского деятеля, который видит причину всех причин «в неаккуратном возврате» банковских ссуд и слабой вексельной дисциплине. Интересно, есть ли, по его мнению, другие органические моменты, не дающие возможности процветать вексельной дисциплине, и если да, то в чем они заключаются.

Статья Д. Д. («Фин. Газ.» № 263) считает, что должна быть противоположная тенденция не замедления, а ускорения денежного обращения. Интересно, о какой скорости говорит автор и как реально он представляет себе конкретно структуру денежного обращения, например, в довоенное время и сейчас.

Статья т. Новожилова («Фин. Газ.» № 271). Как расценивает автор затруднения сбыта в области с.-х. продукции и что он считает ростом цен (рост вообще или же допускает сезонные колебания), какие пути намечает он к борьбе с частичным бестоварьем.

Статья т. Маслова («Фин. Газ.» № 273) ставит два предела для эмиссии. 1) в меру увеличения оборота с крестьянской продукцией и 2) не свыше 100 милл. руб. на квартал. Как связать эти два предела?

Статья т. Радецкого («Экон. Жизнь» № 344). Если продукция трехсторон запрдана сейчас иногда на несколько месяцев вперед, как расценивает он одновременное усиление оборота в кредит, товарный голод и т. д?

Статья т. Силина («Экон. Жизнь» № 370) выдвигает принцип, что «нелепо заменять разум слепым механизмом» (т. е. цифровым расчетом), предлагая в то же время за 2 и 3 кварталы 1924/25 года на кредитные надобности эмитировать на свыше суммы эмиссии 1 квартала. Интересно, каким методом в данном случае автор сам пользовался для этого конкретного расчета? Далее автор указывает на момент сезоности оборота; учитывает ли он, что в довоенное время с июля по ноябрь выпускалось около 250 милл. руб., или же в настоящих условиях покупной способности денег около 400 мил. черв. руб? ¹⁾

С. М. Киселев.

¹⁾ Когда это письмо было написано, появилась на сбр. «Эконом. Жизни» статья тов. Чалхушьяна, написанная очень резво, при чем автор даже ставит предел эмиссии на 20 милл. руб. выше тов. Сокольникова. Интересно, чтобы автор пояснил свои коэффициенты, которыми он так уверенно оперирует для столь точных расчетов, и способ их получения.

Помещая статью П. Киселева, редакция надеется, что т. т. не оставят ее без ответа.

О Т Д Е Л VI

Хроника и информация

Проблемы текущей плановой работы.

(По работе Президиума Госплана СССР за октябрь—ноябрь.)

Рост восстановительных процессов в народном хозяйстве СССР, рост в связи с этим циркуляции и обмена товаров, рост денежной массы и кредита—все это усложняет дело управления и регулирования народно-хозяйственными процессами.

Соответственно этому росту и усложняется работа Госплана, призванного согласовывать, увязывать и направлять сложную стихию хозяйственных явлений по определено намечаемому руслу.

За отчетный период Президиумом решено, в целях лучшего объединения работ отдельных секций, заслушивать доклады секций о ходе работ и намечаемых линиях дальнейшей работы на пленарных заседаниях Госплана. Той же цели должны служить и заседания руководителей секций по отдельным секторам, где ведется проработка отдельных наиболее сложных плановых проблем.

Первым был заслушан в Президиуме Госплана общий доклад т. Струмилина по вопросу о методах планирования. Исходя из того, что мы живем в условиях товарно-денежного хозяйства, регулируемого механизмом государственного капитализма в интересах рабоче-крестьянских масс, при гегемонии пролетариата, взявшего курс на социалистическое переустройство народного хозяйства, т. Струмилин отсюда делает все основные выводы о задачах и методах перспективного и текущего планирования государственной и частной хозяйственной деятельности. При стремлении к осуществлению социализма в кратчайший срок, необходимо учесть силы пролетариата и мощь крестьянских масс, дабы не только не вызвать опасного перенапряжения сил первых и не причинить сколько-нибудь существенного ущерба хозяйственной мощи других, но, наоборот, содействовать подъему и накоплению сил пролетариата и хозяйственной мощи крестьянства уже на пути к социализму.

Методами переустройства народного хозяйства должны быть признаны, по мнению докладчика, исключительно методы экономического, но не административного воздействия. Эффект таких методов, по мнению т. Струмилина, вполне обеспечен тем, что в руках пролетарского государства сосредоточен громадный производственный фонд и поглощение остальных средств производства, остающихся еще в руках частных и организаций их на новых началах может происходить одними методами экономического устранения конкурентов.

Обращаясь далее к конкретизации отдельных задач плановой работы, т. Струмилин наметил в области промышленности ряд проблем, подлежащих разработке под углом зрения удешевления продукции, и выдвинул вопрос о создании целой системы централизованных, находящихся в ведении ВСНХ, фондов.

В области торговли докладчик, указав на грандиозность плановой задачи косвенного регулирования всей частной торговли в целях подчинения ее общему плану хозяйства и постепенного прямого овладения всем аппаратом распределения, наметил ряд специальных задач, стоящих в настоящее время в этой области (снижение накладных расходов, гармоническое развитие государственного и кооперативного аппаратов, регулирование цен, создание особых фондов и т. д.).

Наконец, в области сельского хозяйства, где вся масса средств производства находится в руках миллионов мелких производителей, т. Струмилин перечисляет ряд косвенных методов экономического и налогового характера, в целях планомерного воздействия в желательном направлении на эту отрасль народного хозяйства. Во главу угла и здесь ставится создание ряда специальных фондов для финансирования отдельных мероприятий.

Организация целой системы фондов для промышленности, торговли и сельского хозяйства наряду с госбюджетом позволит, по мысли докладчика, разрабатывать на каждый год финансовый план использования капитальных фондов Союза, определяющих собой фактически направление всего народного хозяйства страны.

Вся задача планирования при такой системе сводится к нормированию темпа накопления всех капитальных фондов и маневрированию в планах и порядке их использования.

Доклад вызвал довольно оживленные прения. В частности оспаривался тезис об ограничении исключительно методами экономического характера при переустройстве народного хозяйства, при преодолении нэпа. Возражавшие указывали, что, пока в Советской России существуют противоречия между интересами пролетариата, мелкой буржуазией и буржуазией, насилие долго еще будет исторической формой выражения этих противоречий. Поскольку же мы хотим производить накопление не только путем извлечения прибавочной стоимости из промышленности, но и путем изъятия ценностей из сферы частного хозяйства, поскольку нельзя говорить об ограничении одними методами экономического характера, а необходимо будет использовать и политику принудительных цен и налоги и тому подобные мероприятия. Другие из ораторов нашли, что положения доклада слишком общи, не подводят итогов фактически проделанной плановой работе и не указывают конкретных путей для дальнейшей работы. Президиум постановил, с одной стороны, просить тов. Кожиновского выработать другой вариант основных положений и, с другой, — предложить секциям обсудить тезисы Экономико-Статистической Секции по пунктам, касающимся каждой из секций, и представить свои соображения и поправки по ним.

Следующим был заслушан доклад Секции Энергетики о плановой работе в области электрификации.

Докладчик тов. Горев ознакомил подробно с работами по постройке 7 из 30 районных станций, намеченных по плану Гоэдро. Главнейшие из этих станций должны быть закончены постройкой к началу 1926 года, и эффект от них ожидается весьма положительный, открывающий широкие горизонты для промышленности, сельского хозяйства, пригородного сообщения, портовых работ и т. д. Так, в Ленинградском районе ожидается удешевление электрической энергии более чем в 2 раза. Волховстрой не только заменит английский уголь, но в отношении энергии даст сильный толчок вперед к расширению ленинградской промышленности, к электрификации сельского хозяйства и т. д.

Реконструкция электрических станций в Москве и постройка новых станций в Москве и Нижнем позволяет и там снизить стоимость энергии и расширить тем самым ее применение в различных областях народного хозяйства.

Основная плановая проблема в области электрификации сводится, по мнению докладчика, к увязке работы по электро строительству с планами работ в других областях хозяйства, к лучшей организации управления предприятиями, производящими электрическую энергию, и к переходу всего дела электро строительства от бюджетного финансирования к банковскому.

Обращаясь к текущей плановой работе Госплана, приходится констатировать доминирующее влияние финансовых проблем при разрешении почти любого вопроса, рассмотренного Госпланом. В частности, выдвигаются на первый план вопросы банковского кредитования. Наоборот, вопросы бюджетного финансирования играют значительно меньшую роль и, кроме того все, они приурочены к одному определенному моменту — к рассмотрению Госбюджета.

Естественно поэтому, что внимание Госплана особенно сосредоточилось на рассмотрении кредитных планов Госбанка и других банков. Впервые Госплан потребовал,

чтобы кредитные планы банков были увязаны друг с другом, чтобы они были увязаны с планами кредитования наиболее крупных филиалов и чтобы совокупно они были обсуждены предварительно в Комитете банков. Далее Госплан попытался углубить анализ кредитного плана, согласовав его с производственными планами отдельных отраслей промышленности, с планами заготовительных и других торговых операций.

Совокупное рассмотрение потребностей в кредите для различных операций народного хозяйства должно было облегчить решение вопроса о размерах эмиссии, при которой, с одной стороны, были бы удовлетворены насущные нужды производства и товарооборота, а с другой, чтобы этот размер эмиссии не поколебал твердости валюты.

Однако на пути такового планового разрешения вопросов кредитования и эмиссии стояли и стоят огромные трудности.

Представленный кредитный план Госбанка на 1-й квартал 1924/25 г. в начале не удовлетворял предъявленным требованиям, и Госплан вернул его для пересоставления. Переработанный план охватил кредитование Госбанка, как по правлению, так и по крупнейшим филиалам, но все же не был достаточно увязан с планами работ других банков, почему от сводного баланса банков на 1-й квартал пришлось отказаться. Далее, до сих пор в Госплане еще не рассмотрены производственные программы целого ряда отраслей промышленности на текущий 1924/25 год и при определенной потребности в кредите для этих отраслей на 1-й квартал пришлось ограничиться далеко не полными данными. Кроме того, ВСНХ, со своей стороны, не имел сводного плана кредитования для подведомственной ему промышленности в совокупности и это также затрудняло наиболее правильную оценку потребности в кредите. Наконец и по хлебным и сырьевым заготовкам предварительная проработка данных в Наркомвнторге и других органах далеко не была совершенна, чем затруднялась в сильной степени их оценка.

Кредитный план на 1-й квартал все же подвергся углубленной проработке и в конце октября был утвержден Президиумом Госплана. План утвержден под углом зрения более полного удовлетворения кредитами, как на усиление заготовительных операций, так и на увеличение отпуска таковых госпромышленности и госторговле, ввиду роста продукции и товарооборота.

В связи с ростом как товарооборота, так и денежного обращения Госплан считал возможным выпуск эмиссии увеличить в размере большем, чем это предположено было Госбанком и НКФином. Кроме того, на этот квартал предложено увеличить сумму вексельного кредита за счет перехода к более краткосрочному кредитованию.

Настоящим кредитным планом заложено начало более углубленному подходу к плановому началу в области кредита, т. е. той области, которая в сильнейшей мере влияет на размер хозяйственных операций во всех областях народного хозяйства. Это, однако, только первый серьезный шаг в этом направлении, и только устранение указанных выше препятствий для правильного построения реального кредитного плана сможет обеспечить и наиболее верное разрешение вопросов кредитования и, что не менее важно, реальность исполнения таких планов. Не следует забывать, что квартальные кредитные планы намечают лишь основную линию кредитной практики, которая, при неправильной оценке ожидаемой хозяйственной деятельности, может в действительности подвергнуться сильнейшим изменениям.

Некоторые успехи можно за текущие месяцы отметить и в области планирования промышленности. В настоящее время идет усиленно работа по рассмотрению производственно-финансовых планов отдельных отраслей промышленности и связанных с ними вопросов — по определению емкости рынка для отдельных фабрикатов массового потребления, по установлению и удешевлению себестоимости и отпускных цен, по концентрации производства, увеличению производительности труда и т. д. В частности выдвигается во всю ширь проблем амортизации и связанная с ней проблема восстановления основного капитала промышленности.

За отчетный период из наиболее крупных рассмотрены производственно-финансовые планы каменноугольной, нефтяной, металлической и сахарной отраслей промышленности. Однако все проблемы, разрешаемые при рассмотрении производственных программ, ставятся пока разрозненно, и в этом же заключаются основные трудности для их разре-

шения. Так, например, вопрос о емкости рынка рассматривается для каждого продукта в отдельности, при чем в одних случаях эта емкость устанавливается на основании бюджетных исследований, в других — путем опроса производителей или крупных потребителей; в следующих на основе учета потребления последних месяцев и т. д. Между тем несомненно, что основной предпосылкой для общей ориентировки в этом вопросе должны бы служить данные покупательной способности населения страны в целом и только в пределах этой общей покупательной способности следовало бы установить примерные цифры емкости рынка для отдельных продуктов. Между тем намеченная Госпланом такая работа тормозится непредставлением сводки первичных данных, обрабатываемых в недрах ЦСУ, и ряд производственных планов не имеет нужной базы для критической проверки намечаемого размера производства.

Основной осью для всех производственных программ является в настоящих условиях денежно-товарного обращения финансовая часть плана этих программ. Между тем, с одной стороны запоздалое рассмотрение программ и, с другой, — рассмотрение каждой в отдельности заставляет чаще всего этот финансовый план, требующий большей частью фиксирования определенной суммы банковского кредита на год, оставлять открытым или утверждать условно. И это вполне понятно. Нельзя твердо фиксировать определенную сумму кредита для отдельной отрасли, прежде чем не рассмотрена вся промышленность в целом. С особой силой выдвигается поэтому необходимость или в предварительном сводном контрольном производственно-финансовом плане промышленности в целом, на основе которого было бы легче рассматривать планы для отдельных отраслей, или в одновременном совокупном рассмотрении свода и производственно-финансовых планов всех отраслей промышленности. В настоящем году это, однако, является невозможным из-за запоздалого представления отдельных программ. Сейчас уже на исходе первый квартал нового хозяйственного года, а далеко не все производственные планы поступили еще от ВСНХ.

Далее, несогласованность в сроках представления программ, с одной стороны, и рассмотрения госбюджета, с другой, ведут к ряду недоразумений. Так при составлении своей сметы НКПС исходил из сообщенной ему предварительной цены в 16 к. за уголь и 25 к. за топочный мазут, между тем Госплан при утверждении производственных программ по углю и нефти установил отпускные цены для НКПС в 17 $\frac{1}{2}$ к. за уголь и 28 $\frac{1}{2}$ к. за мазут. Это потребует или изменения как расходной, так и доходной сметы НКПС, или отказ в дальнейшем от намеченных в этом постановлении цен.

Госпланом обращено внимание на неувязку в сроках рассмотрения планов по отдельным сторонам народного хозяйства, и несомненно, что для будущего порядок и сроки рассмотрения планов (производственных, кредитных и бюджета) должны будут более увязываться между собой.

Обращаясь к существу рассмотренных программ, следует констатировать большее уточнение всех элементов, составляющих содержание программ работ на текущий год. В частности по каменноугольной промышленности в связи с расширением работ этой отрасли промышленности в истекшем году сверх программы и не в соответствии с потребностями народного хозяйства в каменном угле установлена жесткая программа сужения работ и доведения ее до потребных размеров. Для этого и в целях удешевления себестоимости и разрешения финансового кризиса разработана программа концентрации работ, уменьшения числа рабочих и увеличения производительности труда остающихся.

Большой спор вызвал вопрос о цене на уголь, так же как и на нефть, для так называемых плановых потребителей и других госпотребителей. До самого последнего времени практиковались две цены, более низкая для плановых потребителей и более высокая для остальных. Это различие цен ведет свое начало от периода постепенного перехода на хозяйственный расчет отдельных предприятий. Госплан нашел необходимым покончить с двойными ценами, содержащими скрытый элемент дотации для одних за счет других, и установил единую среднюю продажную цену для всех потребителей, варьируемую лишь по районам. Цена установлена в 18,03 коп. за донуголь и 30,5 к. за топочный мазут.

НКПСУ, как наиболее крупному потребителю, должна быть сделана коммерческая скидка в 1/2 коп. как на уголь и 1 $\frac{1}{2}$ к. на мазут.

Гораздо сложнее оказывается для всех производственных программ вопрос о капитальных ремонтных затратах на восстановительные работы за счет годовых финансовых смет и, следовательно, главным образом, за счет амортизационных отчислений. Общего решения этого капитальнейшего вопроса Госплан еще не вынес. В отдельных же конкретных постановлениях Президиум как бы намечает и принципиальный подход к вопросу. Так при определении для нефтепродуктов себестоимости, заключающей в себе и амортизацию, Президиум принял более высокую себестоимость, предложенную топсекцией, против уменьшенных цифр, предложенных НКФином и НКПСом. Госплан одновременно подтвердил, что нефтяная промышленность должна стать на путь реконструкции своего производства и в связи с этим перейти на эксплоатацию глубокими насосами и применить другие усовершенствования. Фактически более высокая норма амортизации должна дать возможность этой отрасли промышленности не только восстановить технический износ, но и перейти на более высокую технику. Такой же смысл по существу имеет и утверждение капитальных затрат по каменноугольной промышленности и другим отраслям. На очереди, однако, стоит принципиальное разрешение вопроса о нормах амортизации в общем масштабе для всех отраслей промышленности в целом. Вопрос этот поставлен в полном объеме и в ближайшее время должен получить разрешение в Президиуме Госплана. Этим обеспечится плановый подход к проблеме рационализации восстановительных работ в основных отраслях нашей индустрии и выяснится как объем, так и темп этого восстановления.

Наиболее споры по каждой производственной программе вызывает финансовая часть плана. Почти во всем планам предусмотрено расширение производства в сравнении с истекшим годом. Такое расширение требует в отдельных случаях финансирования по бюджету (уголь, металл) во всех отдельных расширениях банковского кредитования. В определении размера такого кредитования неизменно возникают споры между ведомствами, в частности, между ВСНХ и НКФ. При плановом подходе приходится учитывать, что всякое расширение производства не только неизменно ведет к новым затратам на само производство, но и на увеличение склада изделий и к росту кредитования промышленностью торговли. В этой своей части рост производства и товарооборота находит отражение в росте денежного оборота и, следовательно, создает возможность усиления кредитования путем увеличения кредитной эмиссии. Госплан такое обоснованное расширение финансирования большей частью поддерживает. Наряду с этим, однако, Госплану приходится обращать внимание на максимальное использование трестами своих капиталов, на ускорение оборота наличного капитала в промышленности, на сокращение расходов и на другие меры, действующие довести до возможного минимума рост потребности в увеличенных кредитах.

За отчетный период Госплан обратил внимание на вопросы снижения цен в области строительного производства. Страна стоит перед ростом жилищного строительства, переоборудованием ряда предприятий, перед ростом ведомственного строительного и Госпланом намечена, как основная плановая задача в этой области, нормирование и регулирование всего дела строительства в Союзном масштабе. Для этой цели при Госплане создано временное бюро и разработано и представлено на утверждение высших законодательных органов положение о постоянном строительно-техническом комитете при Госплане для общего руководства делом нормирования строительного производства, разработки вопросов рационализации и удешевления его, а равно для согласования ведущихся в этой области работ ведомств.

Временно работы эти ведутся бюро по нормированию, и в частности под углом зрения снижения себестоимости продуктов строительного производства ведется подготовка к пересмотру урочного положения.

В значительно меньшей степени подошел Госплан в своей работе к непосредственным проблемам регулирования рынка. За отчетный период рассматривался лишь вопрос о

хлебозаготовках, о пересмотре первоначального плана размера этих заготовок и установленных лимитных цен. Кроме того, при ежемесячных конъюнктурных обзорах выдвигались отмеченные нами выше проблемы финансирования и связанная с ними проблема эмиссии. Вопросы рационализации торгового аппарата, проблема торгового капитала госорганов и кооперации, вопросы регулирования цен и в частности мероприятия по сближению оптовых и розничных цен и ряд других проблем в этой области стоят на очереди и должны стать предметом обсуждения Госплана в ближайшее время.

3. Миндлин.

Экономико-статистическая секция.

(Сентябрь — октябрь — ноябрь.)

Из многочисленных вопросов, служивших предметом обсуждения экономико-статистич. Секции за указанные три месяца, в настоящий обзор включены лишь самые основные. Расположенные в хронологическом порядке их обсуждения, они представляются в следующем виде:

Размер урожая 1924 г. и предположительный хлебо-фуражный баланс на 1924/25 сел.-хоз. год.

По данному вопросу Секция заслушала доклад представителя ЦСУ т. Дубенецкого. Основные положения доклада таковы:

Предположения об увеличении посевной площади в 1924 г. оправдались. Вся посевная площадь увеличилась по предварительным данным на 6—8%. Сильнее всего увеличились посевы пшеницы, льна, конопли и подсолнухи. Вследствие июньской засухи урожай 1924 г. получился в общем несколько ниже среднего, а для довольно значительного района определенно плохой.

При среднем урожае валовой сбор должен был быть равным 3.200 милл. пудов (без ДВО, Закавказья и Туркестана).

Фактический сбор 1924 г. по данным о состоянии посевной площади, полученным к 1 августа, должен быть в пределах 2.550—2.750 милл. пудов. В своем официальном докладе правительству ЦСУ исходит из сбора в 2.642 милл. пудов. Однако и при таком сборе, меньшем принятого для 1923 г. на 300 милл. пуд., не исключена возможность экспорта хлеба, если в расчет ввести остатки от урожая 1923 г. Позднее полученные данные заставляют думать, что фактически сбор 1924 г. будет ближе к минимальному пределу (2.550 милл. пуд.), а не средним между минимумом и максимумом.

Далее, исходя из общей цифры урожая в 2.642 милл. пудов, докладчик представил нижеследующий предположительный хлебо-фуражный баланс на 1924/25 хоз. год: приход 2.804 милл. пудов (валовой сбор 2.642 м. п. и остатки от прежних лет 162 м. п.), расход 2.575—2.700 м. п. (сельское хозяйство 2.286 м. п., городское население 272 м. п. и прочие расходы 117—142 м. п.). Таким образом остаток определяется в 104 м. п.

Выступивший в прениях по докладу С. Г. Струмилину напоминает, что при исчислении урожая 1923 г. ЦСУ первоначально исходило из цифры 1.823 милл. пудов, но после ряда внесенных поправок была принята цифра в 2.795 милл. пуд. При исчислении итогов урожая 1924 г. ЦСУ также дает несколько вариантов: 2.750 милл. пуд., далее 2.642 и, наконец, 2.550, а с поправкой на Украину и Киргизию 2.315 милл. пуд.

В дальнейшем С. Г. Струмилин отмечает противоречие между соотношениями валовых сборов за 1923 и 1924 годы и средним сбором с одной десятиной этих же годов.

Так, урожай с десятиной в 1923 г. принят докладчиком в 46,4 пуда, а в 1924 г. в 38,1 пуда, почему урожай этого года получается ниже прошлогоднего на 22%.

Расширение посевной площади на 1923 г. к 1924 г. составляет по исчислению докладчика 8,5%. Увеличив площадь посева 1923 г. на 8,5%, получим валовой сбор в 3.038 м. пуд. Тогда валовой сбор 1924 г. оказывается ниже сбора 1924 г. на 16%, а не на 22%.

Далее С. Г. Струмилин указал на произвольность норм потребления населения. Так, норма потребляющего района исчислена из расчета 12 пуд. на душу, тогда как

из обследований питания за последнее трехлетие она не опускалась ниже 14 пудов; точно также и по голодным районам взяты слишком низкие нормы. Исходя из этих соображений, С. Г. Струмилин считает представленный докладчиком материал неудовлетворительным, расчет ЦСУ об итогах урожая недостаточно обоснованным в представлении материала и, повидимому, преуменьшенным.

А. С. Лосицкий указал, что считает цифру урожая текущего года 2.640—2.650 милл. пуд., т. е. на 300 милл. пуд. меньше против валового сбора прошлого года, в общем не преувеличено. Что касается хлебо-фуражного баланса, представленного докладчиком, то, по мнению А. С. Лосицкого, нормы расхода хлеба, принятые Н. О. Дубенецким по графикам потребления, преуменьшены.

В результате прений Секция признала расчеты ЦСУ величине урожая текущего года недостаточно обоснованными и, повидимому, преуменьшенными. В связи с этим Секция поручила ЦСУ в срочном порядке представить в Госплан весь цифровой материал по учету итогов урожая 1924 г. Далее Секция признала операционным, что расчеты ЦСУ представляются в Госплан для критической их оценки уже после того, как они представлены правительству и хозорганам для практического их использования.

Видимые хлебные запасы СССР на 1 июля 1924 г.

А. Г. Михайловским был сделан доклад о видимых хлебных запасах СССР на 1 июля текущего года и движении запасов в 1923/24 году, по данным Центрального Статистического Управления.

Докладчик сообщил, что видимые запасы на 1 июля 1924 г. равны 74.131 тыс. пуд. в продуктовых единицах. По сравнению с обследованием 1 апреля эти запасы сократились более чем на половину; причина этого лежит в слабых заготовках на квартал апрель—июнь в то время, как расход запасов шел обычным темпом, запасы же шли не только на внутреннее потребление, но и на экспорт. По сравнению с 1 июля 1923 г., сумма запасов сократилась на 55.585 тыс. пудов или 44½%. Таким образом за год видимые запасы значительно убавились, вследствие усиленного экспорта.

Запасы потребительской кооперации, промышленности и частных торговцев уменьшились почти в 2 раза, в сельско-хозяйственной же кооперации почти в 4 раза. Запасы передвинулись от заготовителя к потребителю, что видно из примера МСПО, ЕПО и рабкоопов, запасы которых остались почти на прежнем уровне.

Районное распределение запасов также показывает передвижение запасов из производящих в потребляющие районы. В общем запасы сократились и в потребляющих районах и в производящих, но в потребляющих сокращение незначительное, примерно, на 1/5 часть, а в производящих убыль в 3 с лишним раза. В важнейших потребляющих районах (Московско-Промышленном и Северо-Западном) запасы почти совсем не изменились. Главное сокращение приходится на окраины (Закавказье, Туркестан, Д. Восток), а также на Западные районы.

Транспортные, как и складские, запасы сократились более чем в 2 раза; особенно разгрузился транспорт, где хлебные грузы сократились по сравнению с 1 апреля почти в 3 раза.

Годовой баланс потребления хлебо-фуража дает возможность определить общее извлечение хлебо-фуража из деревни — 116 милл. пуд. путем налога, 307 милл. пуд. закупками госорганов и кооперации и 60 милл. пуд. частноторговыми закупками, всего 483 милл. пуд. Если к этому прибавить 85 милл. пуд. закупок городского населения у крестьян, то общая сумма извлеченного хлебо-фуража определится в 538 милл. пуд.

Расход на внутреннее потребление слагается из 300 милл. пуд. потребности городского населения и 75 милл. пуд. дополнительной потребности сельского населения; прибавляя 42 милл. п. особого назначения и 7 милл. пуд. утерь и ассигнований в семенную ссуду, получаем общую сумму 424 милл. пуд. всей внутренней потребности за счет извлечения хлеба. На экспорт оставались свободными 114 милл. пуд.; хлебный экспорт был формирован и доведен до 170½ милл. пуд., в результате чего видимые запасы сократились за год на 57 милл. пуд.

О товарообороте России.

В заседании Секции от 26 сентября с. г. С. Г. Струмилин сделал доклад о товарообороте России за 1885—98 годы, в котором докладчиком были высказаны следующие основные положения.

Работа предпринята была по заданию т. Цюрупы в связи с денежной реформой. В ней впервые использован материал налоговой статистики. Работа еще не закончена. В настоящее время разработаны данные о товарообороте за период 1885—1898 годы. Даты эти не случайны. С 1885 года введено обложение прибылей налогом, а в 1898 году изменено коренным образом налоговое обложение, так что последующий период несравним с предыдущим. 1898 год интересен еще и потому, что товарооборот к этому году достиг размеров современного оборота.

Не останавливаясь на тех трудностях, которые явились при разработке имеющегося материала (проблемы по территории и т. п.), докладчик переходит к итоговым данным, показывающим, что за период 1885—98 г.г. товарооборот возрос на 84%, в то время как денежная масса лишь на 33%.

Рассматривая картину роста товарооборота, мы видим, что уже с 1894 года он освобождается от влияния урожая и непрерывно растет, в то время как урожай сильно колеблется. Интересно, что даже голод 1891 года мало отразился на товарообороте, который, правда, понизился, но незначительно. Обследованный период слишком мал, чтобы на нем проследить влияние промышленных кризисов на товарооборот страны.

Переходя к дальнейшей предстоящей работе, докладчик останавливается на тех методологических трудностях, которые необходимо разрешить для того, чтобы связать товарооборот и денежное обращение и найти экономическую зависимость между этими двумя факторами.

В. Г. Громуан указывает на то, что динамику народного хозяйства нельзя охарактеризовать каким-либо одним показателем. Здесь необходима совокупность целого ряда показателей — товарооборот, продукция, приток иностранного капитала, движение товарных запасов и т. д. Нельзя отрицать, что в 1890-х годах происходила усиленная индустриализация страны, но товарооборот рос не так быстро, как это следует из данных налоговой статистики, так как она сама совершенствовалась. Влияние урожая на товарооборот можно проследить и в более поздних годах. Что касается настоящего времени, то нет никакого сомнения в том, что сейчас это влияние сильно, сейчас мы переживаем период аграризации.

А. А. Никитский указывает на то, что, по его мнению, при определении размера товарооборота за продолжительный период надо учесть изменение за этот период валют, бумажной, денежной и золотой, и привести их к единой валюте, используя для этого коэффициенты перевода по бюджетным отчетам государственного контроля.

После обмена мнений Секция постановила принять доклад к сведению и просить С. Г. Струмилина продолжить работу за дальнейшие годы.

Характеристика современной фазы развития капитализма в Северной Америке на основе анализа фабрично-заводской промышленности и сельского хозяйства.

На эту тему Секцией был заслушан доклад сотрудника Госплана А. Г. Фельдмана. В виду постановления Секции просить докладчика и Редакционно-издательский Отдел принять все меры к скорейшему напечатанию доклада, что гарантирует опубликование последнего в ближайшее время, мы ограничимся приведением сделанного т. Фельдманом «Резюме», которое сводится приблизительно к следующему:

Современная эпоха, очерчиваемая рамками капиталистического хозяйства и использования энергии топлива и воды, приближается к последним пределам своего развития.

Электрификация, автомобиль и трактор быстрыми толчками за последнее десятилетие изчерпали все те возможности развития, которые очерчены рамками современной эпохи в С. Ш. С. А.

Дальнейшая механизация и автоматизация производства, а также и удешевление его становится почти невозможной. Земельные фонды распределены. Капитал последним приступом охватывает своими методами производство и сельское хозяйство.

Пролетаризация народных масс, обусловливаемая стремительным ростом капитализма в С.-Ш. С. А., должна в дальнейшем ити еще скорее.

Вложение капитала для получения относительной прибавочной стоимости становится трудно осуществимым, так как почти достигнуты пределы в усовершенствовании производства.

Пролетаризованные народные массы не создадут базы для развития и накопления в прежнем темпе производственных капиталов.

В пределах существующего капиталистического строя и современной эпохи рассасывание накопившихся противоречий потребовало бы десятилетий.

Из данного положения может быть только два выхода:

1) Относительное увеличение производства средств потребления, заработной платы с плановым установлением соотношения между темпом роста производства средств потребления и капиталом. Интересы рабочего класса совпадают с интересами прогресса всего народного хозяйства. Анархия капиталистического хозяйства не может дать возможности осуществить плановые принципы и, если бы даже некоторые выдающиеся представители буржуазии могли бы подняться до марксистского понимания современной экономики, буржуазия как класс в целом оказалась бы неспособной отказаться от своих прежних навыков или поставить себя в рамки какого-нибудь «конституционного капитализма». Единственный выход — социальная революция.

2) В Америке сосредоточивается центр тяжести накопленных противоречий. Мировой кризис капитализма сосредоточился именно в ней в данный момент, как в фокусе. Последняя мировая война была уже проявлением мирового кризиса капитализма, намечавшегося и до войны с развитием колониальных и полуколониальных стран. Этот кризис углубился вследствие войны. Это не один из циклических кризисов, а кризис всей современной эпохи. Это не одна из схваток, а последняя родовая схватка. Сроки определены. Болезнь не изживается преходящим кризисом. Человечество не может ждать в таком состоянии десятилетия. Оно должно разрушить скорлупу капиталистического строя.

Безработица и политика посредничества.

О безработице и политике посредничества Секцией был заслушан доклад Наркомтруда РСФСР т. А. М. Бахутова.

Основные положения доклада сводятся к следующему: напряженное за последние время состояние рынка труда выдвинуло на очередь проблему безработицы. На территории РСФСР к 1-му июля т. г. было зарегистрировано около 1 милл. безработных. Безработица увеличивается вследствие накопления кадра безработных, происходящего за счет сокращения штатов учреждений, концентрации промышленности, притока из сельских местностей и т. д.

По неполным сведениям о результате проверки безработных, можно установить, что процент снятых с учета в среднем, кроме Ленинграда и Москвы, составляет 45%. Среди этого количества снятых — 36% падает на безработных, не имеющих никакого трудового стажа. Процент снятых по Московской Бирже Труда составляет 32,8%, из которых, по данным обследования, одна треть не нуждалась в работе и находилась на учете с целью получения различных государственных и коммунальных услуг, при чем большинство не были членами Союза. Оставалась на учете после чистки масса в 500—600 тыс. чел. является действительно безработной. Исходя из перспективного плана развития промышленности, число занятых рабочих ежегодно будет расти от 8 до 9% и, главным образом, будет вовлекаться рабочая сила из группы индустриальных рабочих и отчасти из группы чернорабочих. Что же касается групп умственного и конторского труда, составляющих в общей массе около одной трети безработных, то использование

этой группы находится в зависимости от дальнейшего развертывания сети медицинских, просветительских, кооперативных и др. учреждений.

В настоящее время, в связи с возрождением промышленности и наплывом безработной массы, перед Наркомтрудом стала проблема реорганизации бирж труда. Одним из мероприятий Наркомтруда в деле регулирования рынка труда за последнее время, было предоставление хозяйственникам права самостоятельного подбора необходимых им свободных рабочих рук из числа зарегистрированных на биржах. Одновременно с этим было расширено право поступления на работу в порядке последующей регистрации. Такой порядок был установлен для широких кругов профессий и специальностей как физического, так и умственного труда. Начатую реорганизацию бирж труда необходимо довести до логического конца, т. е. превратить биржи труда в посреднические аппараты, действующие на принципе добровольности обращения с предложением и спросом на труд. Основной задачей посреднических бюро по найму является подбор требуемых народному хозяйству рабочих сил. Отмена принципа обязательности найма через биржи труда не является предпосылкой отказа органов труда от регулирования рынка труда. Во главе всех посреднических бюро по найму данной местности должен стоять Комитет по посредничеству, в составе представителей профсоюзов и хозорганов под председательством представителей Отдела Труда. Посреднические бюро по найму должны существовать для тех, которые не могут обойтись без их помощи. Посреднические органы, ставящие своей задачей завоевание рынка труда в части спроса на рабочую силу, должны выступать организованно перед нанимателями и соответствующими кадрами ищущих работу рабочих. В этих целях необходимо установить экспертизу как метод подбора и проявить максимальную активность в деле выявления спроса на труд, что до настоящего времени не было.

В результате обмена мнений Секция постановила:

1) Новое направление НКТруда в разрешении вопроса о реорганизации бирж труда в общем и целом одобрить, как вполне отвечающее современной хозяйственной обстановке страны.

2) Просить НКТруд в одном из ближайших заведений Секции сделать доклад о конкретных формах работы посреднических бюро по найму на основе принципов, изложенных в докладе А. М. Бахутова, а также представить свои соображения о методах учета безработных в новых условиях регулирования рынка труда.

Годичные нормы потребления главнейших пищевых продуктов сельским населением по сравнению с данными за отдельные периоды.

По данному вопросу Секция заслушала доклад А. Е. Лосицкого.

Вначале докладчик указал, что для получения наиболее правильного представления о годичном потреблении продуктов сельским населением необходимо производить обследования 3 раза в год, в периоды более обильного, среднего и более скучного потребления примерно в октябре, феврале и июне месяце. Далее Лосицкий приводит конкретные данные, благодаря которым оказалось возможным связать данные о потреблении, по отдельным периодам с годичными нормами потребления в 1923—24 году.

Докладчик указывает, что финансовые ресурсы ЦСУ не позволили осуществить полностью этот план ни разу в течение 5 лет, в продолжение которых ведутся обследования питания сельского населения. Обычно обследования производились только 2 раза в году, осенью и зимой (в октябре и феврале).

В 1923—24 г. обследования питания были произведены в феврале и в июне месяце, при чем в июне, кроме конкретных данных о потреблении в течение недели, собирались еще и субъективные показания (по памяти) о потреблении важнейших продуктов с момента сбора предыдущего урожая до момента обследования. Последние позволили перейти к цифрам потребления по субъективным показаниям (была учтена неполнота показаний и сезонные колебания по расчету на год). Таким образом удалось связать данные о потреблении по отдельным периодам с годичными нормами потребления в одну общую картину, хотя не без помощи некоторых гипотетических предположений.

Докладчик подробно осветил примеры вычисления норм хлебного потребления и сообщил о результатах сравнения годичных и сезонных норм на основании данных материалов обследования.

С. Г. Струмилин считает, что пересчет на октябрь 1923 года лучше было бы сделать по предыдущим годам, а не по июньскому обследованию, с поправками на недоучет, как это сделано докладчиками. Поправки эти, во-первых, произвольны, а во-вторых, вряд ли достаточны. Переходя затем к годичным нормам потребления, С. Г. Струмилин высказывает пожелание, чтобы этот вопрос был детально проработан и указаны конкретные поправки, которые надо вводить по отдельным продуктам к сезонным периодам.

В. Г. Громуан подчеркивает желательность исчисления калорийности питания, что служило бы хорошим контролем сезонных замен одних продуктов другими.

На результатах июньского обследования сказалось ухудшение видов на урожай, возможно также, что обследование произведено в междунарье. Поэтому, желательно, чтобы при обследованиях указывались работы, производимые в тот момент сельским населением. Вообще же говоря, в страду питание должно быть повышенное, в октябре — максимальное, а в феврале — минимальное. Но важно учесть и годовые колебания.

В результате обмена мнений, Секция постановила:

1) Принять доклад к сведению. Приветствовать опыт определения поправок, связанных с сезонностью, а также для разных типов хозяйств к нормам питания по различным продуктам и признать необходимым дальнейшую проработку вопроса для уточнения коэффициентов поправок и установления надежных показателей.

2) Вместе с тем подтвердить прежнее постановление Секции о необходимости производства 3 раза в год обследования питания сельского населения.

Предварительные данные подсчета видимых хлебных запасов на 1 октября 1924 года.

О состоянии хлебных запасов на 1-е октября 1924 г. в Секции был заслушан доклад А. Г. Михайловского. В основном доклад сводится к следующему:

Подсчет цифр, поступивших в ЦСУ до 18 ноября, дает итог видимых хлебных запасов по СССР 51.687 тыс. пуд. на складах и 22.212 тыс. пуд. на транспорте, итого 73.899 тыс. пуд. Отсутствуют еще сведения по Украине о запасах Сельского Господаря, Укрумта приблизительно по $\frac{1}{3}$ райсоюзов и о семенном фонде Наркомзема, по РСФСР также нет сведений о запасах, примерно по $\frac{1}{3}$ райсоюзов, по ЕПО и рабкоопам имеются сведения приблизительно по $\frac{1}{2}$ городов и т. д., почему ЦСУ считает еще преждевременным заключать сводку. Интерполляция, которую можно сделать в настоящий момент, дает 7.723 тыс. пуд. Таким образом общая сумма видимых запасов на 1 октября может быть определена приблизительно в 81.631 тыс. пуд.

На 1 июля опубликованная сумма запасов (с интерполляцией) равнялась 74.151 т. п. однако, поступившие после заключения сводки дополнительные сообщения повышают эту сумму до 79.813 тыс. пуд. Таким образом увеличение запасов против 1 июля всего на 2 миллиона пудов. В прошлом году запасы были: на 1 июля — 129.717 тыс. пуд., на 1 октября — 150.990 тыс. пуд. увеличение на 21 милл. пуд. Это сопоставление иллюстрирует то несколько стесненное положение в хлебном рынке, которое наблюдается в текущем году. Действительно, извлечение хлеба из деревни идет более медленным темпом, чем в прошлом году. За квартал июль — сентябрь в 1923 г. поступило по продналогу, закуплено госорганами кооперациями и частными торговцами 109 милл. пуд., в текущем году — 91 милл. пуд.

Баланс движения видимых хлебных запасов за квартал июль — сентябрь можно в настоящий момент представить также только в приблизительных чертках, так как за отсутствием полных сведений приходится вносить большую интерполляцию в цифры заготовок. Так же приходится брать все цифры не в переводе на зерно, а в продуктовых единицах, что, впрочем, большого значения не имеет. С этими оговорками баланс представляется в следующем виде (в тыс. пуд.)

Запасы на 1 июля	79.813	Расход на квартал:
Приход за квартал:		
Заготовки госорг. и кооп.	86.409	Экспорт 11.289
Заготовки частные	11.478	Потребление особое 6.000
Возврат семисуды по РСФСР . . .	4.472	Потребление гор. и сел. нас. 72.189
		Выдача семисуды по РСФСР 10.563
		Утери 500
Итого;	102.359	Итого 100.541
		Запасы на 1 октября 81.631

Всего; 182.172 Всего 182.172

Для потребляющей полосы общий хлебоффуражный баланс 1924—25 г. по предварительным подсчетам даст для сельского населения годовой дефицит около 35 милл. пуд. (в прошлом году считалось до 85 милл. пуд.).

Предварительный хлебоффуражный баланс дает для пострадавших районов РСФСР и Украины продовольственный и кормовой дефицит сельского населения около 50 милл. п. д. можно думать, что некоторая часть этого дефицита, примерно 10 милл. пуд., будет покрыта путем самоснабжения без обращения к видимым запасам (напр., крестьяне Ставропольской губ. непосредственно закупают хлеб на Кубани и т. д.); из видимых запасов можно считать годовое потребление в 40 милл. пуд.

Принимая для закупок сельского населения 10 милл. пуд., получаем закупки городского населения в 62 милл. пуд., при потребности в 72 милл. пуд.; разница 13 м. п. должна быть отнесена на непосредственные закупки городского населения у крестьян на базарах, т.-е. без обращения к видимым запасам.

Все эти расчеты имеют приблизительный характер и не претендуют на точность. Когда ЦСУ будет заключена сводка видимых запасов на 1 октября, будет представлен более подробный доклад с уточненными данными и таблицами.

Выступивший в прениях по докладу В. Г. Громуан заявил, что нельзя распространять аналогии хлебозаготовок госорганов на частных торговцев, так как могут быть случаи несогласия хода заготовок тех и других ввиду конкуренции между ними. Исторические расчеты докладчика по исчислению частных заготовок, исходящие из суммы запасов и гипотетически принятых им скоростей оборота частного капитала в хлебной торговле являются весьма приблизительными.

С. Г. Струмилин в заключение отметил необходимость уточнения методов докладчика и в особенности указал на необходимость собрать сведения о скорости оборотов частных хлебных торговцев.

В результате обмена мнений секция постановила:

а) Заслушав указанный доклад, Секция высказывает сомнение о полном учете заготовок частных торговцев.

б) В связи с этим предложить А. Г. Михайловскому уточнить предложенный им метод определения заготовок частных заготовителей, пригнав во внимание замечания, сделанные в данном заседании.

К вопросу об экономической информации.

Минули тяжелые годы военных, экономических, золотых, паспортных и прочих блокад Советского Союза.

Активно выступая как экономический и политический субъект мировых отношений, Советский Союз прочно впаялся в цепь мирового хозяйства. Каждое изменение в каком-либо из звеньев этой цепи отражается и на соответствующей отрасли нашего хозяйства. Понятна отсюда важность своевременной и надлежащей осведомленности наших политических и экономических органов о всех колебаниях мировой экономики. С другой стороны не менее важна соответствующая информация заграницы о политических, хозяйственных и культурных достижениях Союза.

Что сделано нами в этом отношении?

Если «физическая» «китайская стена» блокад, ограждавшая проникновение советских граждан и товаров за границу, разрушена, то «идеологическая» стена существует почти по-прежнему. Мы мало знаем о загранице. Широкие массы заграницы еще меньше знают о нас.

Как у нас обстоит дело в отношении информации по мировой экономике? Весьма плачевно. Не только массовик и «середняк», хозработник или «агитпропник», но и значительная часть наших ответственных работников, не имеющих времени или возможности следить за заграничной прессой, остаются в полном неведении о тех маленьких и больших изменениях, которые происходят как в мировом хозяйственном организме в целом, так и в отдельных частях его.

Информация по мировой экономике должна и может черпаться из 3-х источников: прессы, «толстых» журналов и книг, материалов информотделов различных учреждений или отдельных информаторов. Рассмотрим состояние этих источников.

Пресса: Неоднократно т. Лениным и другими товарищами указывалось на значительные дефекты заграничной информации в нашей прессе. Наша пресса посвящает сравнительно большое внимание вопросам международной политики, но уделяет ничтожное внимание экономической подоплеке всех международных и внутри-государственных конфликтов, несмотря на то, что материал этот имеется в изобилии в заграничной буржуазной прессе и литературе. Информация о мировой экономике, появляющаяся в нашей прессе, представляет собой конъюнктурную заметку, случайную статью или просто перепечатку буржуазного экономиста без малейшей попытки критики.

Толстые журналы и книги: Мы имеем целый ряд экономических, кооперативных и всяких прочих «толстых» журналов, в названиях которых слова «промышленность», «экономика», «хозяйство» варьируют на все возможные лады, но содержание которых в области информации о мировой экономике вряд ли может удовлетворить запросы как рядового, так и специального читателя по целому ряду причин. Важнейшими из них являются: 1) отсутствие системы и планомерности и 2) то обстоятельство, о котором Маркс по поводу «исторической школы» писал: «История, как израильский Иегова Моисею, показывает им только свое a posteriori».

Такой же бессистемностью, в конце концов, отличается и наша издательская деятельность в области мировой экономики. Мы имели целый ряд попыток поставить регулярное издание книг по мировой экономике, однако до сих пор ощущительных результатов этих «благих намерений» не видно.

Информотделы учреждений: Вопрос о работе информотделов отдельных учреждений — наиболее важный в данной проблеме.

Основное зло в настоящем положении информационных отделов, ведущих работу по мировой экономике при отдельных ведомствах — это отсутствие увязки и разделения труда. Таким образом отдельным информотделам приходится, кроме основной работы, заниматься и подсобной работой. К примеру: информотдел ВСНХ интересуется и должен интересоваться исключительно вопросами промышленности, а информотдел Главконцесского — вопросами миграции капитала. Однако промышленную конъюнктуру нельзя проанализировать без анализа рынка капиталов, а миграцию капитала нельзя уяснить без представления о промышленной конъюнктуре. Информотделы обоих учреждений, вместо того, чтобы связаться и дополнить друг друга, пытаются охватить все: от производства до обмена, ведя параллельную работу и затрачивая лишние энергию и средства.

Это относится к «живым» и «имеющим право на жизнь» информотделам. Однако, кроме них, имеются еще «гнилые» информотделы, существующие на бумаге и в бюджетах, затрачивающие крупные суммы на штат и на выпуск иностранной литературы «на всякий случай» (как заявили автору этой статьи в одном из наших банков).

Понятно, что такое положение вещей ни в коем случае не может считаться благополучным, и нужно срочно приступить к организации информации по мировой экономике на здоровых началах.

Как мы информируем заграницу.

Вопрос о постановке надлежащей и всесторонней информации капиталистического Запада и колониального Востока о политическом, экономическом и культурном положении СССР имеет актуальнейшее значение. Заграница имеет о СССР до сих пор самые скучные сведения и притом, по большей части, из определенно-враждебных нам источников.

Информаторами за границей о СССР являются:

- 1) наши отечественные эмигранты всех мастей и калибров,
- 2) иностранцы, имевшие ранее дела с Россией и ущемленные революцией,
- 3) всякие агенты французской, английской и американской контрразведок или просто авантюристы «спецкоры», сочиняющие сообщения из Гельсингфорса, Риги, Ревеля и Варшавы.

Появляется кадр «спецов» по России, вроде пресловутого д-ра Экарда, сочинившего «план Даусэ» для СССР, или сенатора Лемери во Франции, и проч. им подобных, умело использующих общее невежество широкой публики в вопросах, касающихся внутренней жизни СССР.

Иностранная буржуазия, интеллигенция, средние классы и отчасти даже рабочие вынуждены питаться теми данными, которые им преподносит буржуазная печать.

Деловые круги западной буржуазии, желающие связаться с СССР, не имеют возможности получить объективного материала по интересующим их вопросам.

Широкие массы не удовлетворяется баснями о «терроре» и «национализации» женщин в России и требует объективных сведений о действительном положении вещей.

Что делается в этом отношении?

В отношении информации о культурном строительстве СССР значительная работа проводится Комиссией тов. Каменевой.

В отношении информации иностранных журналистов в СССР и спорадическое сближение иностранной прессы специальными статьями по тому или другому вопросу — работа проводится НКИД.

Остается самая важная часть работы: информация о хозяйственных достижениях СССР, о возможностях экономического сотрудничества СССР с деловыми кругами капиталистического Запада. В этом отношении делается очень мало. Известная попытка постановки этого дела сделана Н. Н. Сухановым, который издает в Берлине и как будто в Париже журнал Берлинского Торгпредства — «Aus der Volkswirtschaft der SSSR» («Народное хозяйство СССР»). Журнал этот не связан еще должным образом с нашими хозорганами, и потому его материалы носят случайный характер.

Итак, в области информации заграницы материалами о СССР дело ведется разрозненно, никем не регулируясь.

Постановка информации за границей.

Вопросы экономической информации занимают видное место в общей политике монополистического капитала. Все органы государственного аппарата используются для того, чтобы, с одной стороны, информировать внутренний капитал о состоянии мирового рынка и его отдельных частей; с другой стороны, мировой рынок информируется о внутреннем положении данного национального хозяйства. Не только дипломатия¹⁾, торговое атташе, торговые камеры, но и культурно-просветительные и филантропические организации, вроде «Умса» («Христианская организация молодежи»), американская организация, имеющая свои разветвления почти во всех странах света, «АРА», санитарная организация Рокфеллера (Rockefeller Foundation) и т. д. являются фактически информационным аппаратом соответствующего национального финансового капитала. Недаром руководитель «АРА», знаменитый Гувер, является теперь руководителем «Соиммерс Department» (Министерство Торговли Соед. Штатов Сев. Америки).

Крупнейшие империалистические державы обладают широко разветвленным информационным аппаратом.

Северо-Американские Соединенные Штаты имеют в составе упомянутого Соиммерс Department специальное Бюро, получающее информацию из разнообразных источников, начиная с консулов и кончая специальными коммивояжерами.

Эти информаторы сообщают через определенные периоды времени отчеты об экономическом и финансовом положении отдельных стран, национальных законодательствах, тарифах, патентах, возможностях инвестиции американского капитала, естественных богатств и т. п.

Интересна постановка в Департаменте Торговли информации о заграничных покупателях американских товаров.

Существует указатель лиц, которые являются, или могут быть, покупателями американских товаров или импортерами продуктов, необходимых промышленности С.-А. С. Ш. Имеются также списки лиц, могущих действовать как агенты для американских фирм за границей. Многие из информаций этого указателя — конфиденциального характера — даются для пользования только тем, которые помещены в Указателе Экспортеров.

Информации о возможностях сбыта американских товаров за границей и другие сведения конфиденциального характера даются американским фирмам путем коммерческих отчетов и конфиденциальных циркуляров. Материалы подобного рода рассылаются лицам, имена которых занесены в Указатель Экспортеров.

Информация, собираемая большим штатом заграничных представителей Департамента, распределяется главным образом через издания, каковыми являются:

«Соиммерс Репорты» (Коммерческие Отчеты). Еженедельный журнал, содержащий много разнообразных статей, трактующих об экономическом положении и движении торговли всего мира. Ежемесячные телеграфные отчеты заграничных агентов Департамента дают сведения о развитии торговли в самых больших странах мира.

Другие периодические издания: Месячная Сводка Внешней Торговли Соединенных Штатов, Внешняя Торговля и Мореплавание Соединенных Штатов (ежегодник), Мировая Торговля Соединенных Штатов (двухгод.), Статистические Сводки Соединен. Штатов (ежегод.) и месячные дополнения к Коммерческому отчету, известные под названием Обзора Текущих Дел, публикуемого в сотрудничестве с Бюро Цензусов и Бюро Стандартов.

Циркуляры, монографии, бюллетени и справочники, в широком размере, по специальным отраслям или странам, публикуются и периодически, и единовременно. Эти специальные издания разделяются на пять главных групп: Спе-

¹⁾ «Важнейшей задачей дипломатии становится теперь представительство финансового капитала» (Гильфердинг—«Финансовый капитал»).

КАК ДЕПАРТАМЕНТ ТОРГОВЛИ СОБИРАЕТ И РАСПРЕДЕЛЯЕТ СВЕДЕНИЯ О ЗАГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ.

Департамент Торговли.

Заграничные источники информации.

Консулльский штат С. Штатов: около 800 чиновников представляют отчеты со всех частей света.

Неофициальные источники: иностранные торговые палаты, иностранные банки и коммерсанты, иностранн. коммерческая пресса.

Представит. департ. торговли: коммерческ. атташе и торговые комиссионеры на всех главных заграничных рынках.

Информация о внешней торговле.

Телеграф.

Почта.

Отчеты.

Иностранные правительственные публикации.

Иностранные ежедневные газеты и торгов. период издания.

Вашингтонская организация Бюро внешней и внутренней торговли.

Районные округа – базис экономической информации в иностранных государствах.

Торговые отделы: земледельческ., инструментальн., автомобили, химический, угольный, электрич. оборудования, пищевые продукты, железо и сталь, кожа, дерево, машины, бумага, нефть, резина, обувь, специал. товары, текстил. товар. транспорт. оборуд. и т. д.

Технические отделы: внешней торговли, коммерческ. законодательство, финансы и вклады, разведочный, статистический, коммерческой информации, транспорт и сообщение.

ПУТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ.

Корреспонденция.

Публикации.

Личный контакт.

Бюллетени торго-вой информации.

Монографии и детальное изучение вопросов, относящихся к внешней и внутренней торговле.

«Коммерч. отчеты» (еженедельно) тир. 17.000.

Статьи в прессе.

Размноженные на мимеографе и множителе конфиденциальные циркул.

В средн. 23.000 исход. писем в неделю.

Месячи. сводки „Внешн. торг. Соед. Штатов“ (статистическ.).

Торговля и навигация Соед. Штатов (Статистический ежегодник).

Статистическая Сводка Соедин. Штатов.

Иностр. тарифы.

Годовой экономический обзор загран. стран (Дополнение к коммерч. с тд.).

Список иностр. покупателей.

Среднее число посетителей и переговоров по телефон — 3 000 в неделю.

Отделения окружных контор в руководящих городах Соедин. Штатов.

Сотрудническ. конторы в местных коммерческих учреждениях.

Газеты и торговые журналы.

Коммерч. школы, колледжи и библиотеки.

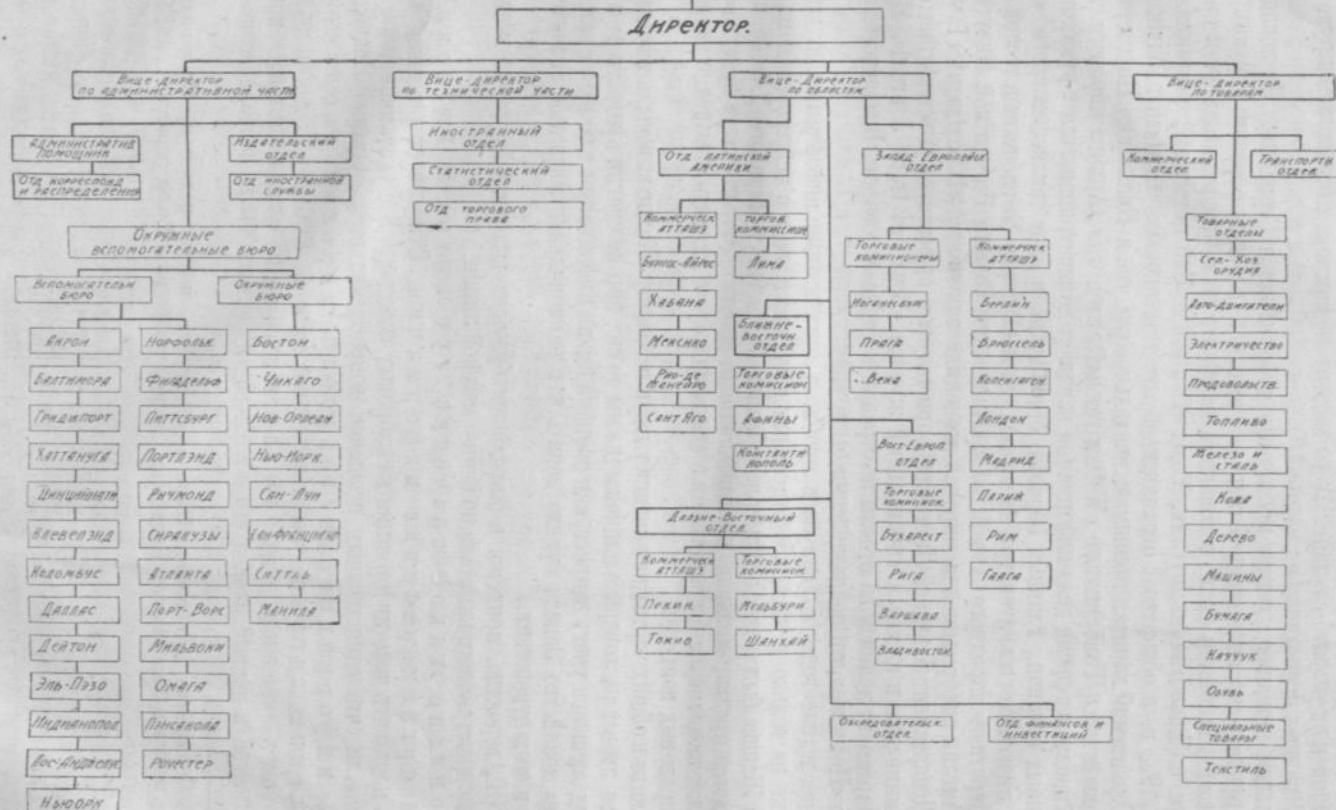
Деловой мир: промышленники, экспортёры, комиссионные конторы, торговые ассоциации, торговые палаты, местные торговые организации, клубы внешней торговли, меркантильные агентства, банки, мореходные, транспортные интересы и связи.

Правительственные учреждения.

Законодательные.

Исполнительные.

**БЮРО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ:
ЕГО ОРГАНІЗАЦІЯ 30 ІЮНЯ 1922 ГОДА.**

4.5
08-3119
1944-12-20

циальные агентские серии, специальные консульские отчеты, разнообразные серии, серии заграничных тарифов и индустриальные стандарты.

Разнообразие информации в архиве. Бюро имеет в своем архиве для немедленных справок все отчеты коммерческих атташе, торговых комиссаров и членов консульской службы. Бюро состоит подписчиком большинства руководящих иностранных периодических изданий¹⁾.

Большое внимание уделено постановке информации в Германии. До последнего времени руководство информацией сосредоточивалось главным образом в руках частных обществ. Таковыми были, основанный недолго до войны руководящими промышленными и финансовыми кругами, Союз «Deutscher Uebersiedelinst», реорганизовавшийся в 1922 г. в общество с ограниченной ответственностью «Deutscher Wirtschaftsinst». Германский капитал принимает деятельное участие в Кильском Институте мирового хозяйства и Гамбургского «Weltwirtschafts archiv'a» (Архива мирового хозяйства). В последнее время дело информации начинает концентрироваться в руках правительственные органов, главным образом Министерства, в лице так называемого «Реферата N», имеющего свою агентуру на местах. Этот «Реферат N» работает в тесной связи с Министерством Народного Хозяйства и «Имперским Союзом Германской Индустрии».

В Англии информацией по мировой экономике занимается «Department of overseas trade» (Департамент Внешней Торговли), при котором существует Совет из представителей Министерства и издается специальный журнал «Board of trade Journal». Прежде этот Департамент делился на отделы по странам и группам товаров. Впоследствии Комиссией «Holmes'a» эти подразделения были уничтожены.

В последние годы выдвинулась проблема организации информации по мировой экономике не только в масштабе отдельных государств, но и в международном. Летом 1923 г. в Женеве был основан «Международный Институт Мирового Хозяйства» (пока ведется предварительная организационная работа). Этот институт будет построен на началах акционерного общества, и в его задачи будет входить освещение экономических и правовых вопросов.

Таково в общих чертах положение у нас и на Западе. Какие выводы можно сделать? Несмотря на все разговоры о планности, мы до сих пор не смогли провести ее в таком легко поддающемся учету вопросе, как экономическая информация, в то время как «анархическое» хозяйство Запада сумело добиться в национальном масштабе значительных успехов в этом отношении.

СССР, вероятно, придется в ближайшем будущем выдержать организованное наступление иностранного капитала по экономической линии.

Поэтому, какое значение тут сыграет быстрая, точная и организованная информация. Существует реальная необходимость поставить дело информации на здоровых началах. Все указанное выше приводит к мысли, что единственным решением вопроса является создание Центрального Бюро информации по вопросам мировой экономики и снабжению заграницы сведениями о СССР.

В отношении работы по мировой экономике внимание информцентра в первый период его деятельности должно быть направлено по линии

¹⁾ О развитии деятельности Бюро можно судить по его расходам. Из доклада британского агента в Вашингтоне, Бродрика, видно, что бюджет Бюро равнялся:

в 1913 г.	—	159.422 долл.
» 1914 »	—	224.860 »
» 1918 »	—	545.452 »
» 1919 »	—	896.021 »
» 1920 »	—	936.416 »
» 1921 »	—	972.422 »
» 1922 »	—	1.306.844 »
» 1923 »	—	2.232.160 »
» 1924 »	—	2.866.110 »
на 1925 » пред- полагается	—	3.165.362 »

детального изучения постановки дела в информцентрах отдельных учреждений и внутренней организации их работы. Информцентр придется изучить постановку информации по мировой экономике в нашей прессе в отдельных научных, общественных, партийных, профессиональных (и т. д.) организациях как в СССР, так и за границей. Одновременно должно ити изучение постановки этого дела в капиталистических государствах. Создав более или менее устойчивые пункты периферии как в СССР, так и за границей и наладив с ними связь, информцентр приступает к увязке их работы между собой, проводя соответствующее разделение труда и специализируя их на соответствующих вопросах. Этим путем должен быть изжит вредный параллелизм. Практически увязка и направление работы будет производиться информцентром путем непосредственного контроля и указаний, созыва совещаний заведующих и ответственных работников информцентров. Весь материал, получаемый информцентром из периферии, теоретически прорабатывается им в специальном научно-исследовательском аппарате. Таким образом, не нарушая «суверенитета» информцентров в отдельных ведомствах (за исключением, пожалуй, «гнилых», о которых мы говорили выше, и которые, естественно, должны быть уничтожены), информцентр сумеет планировать всю работу отдельных пунктов периферии. Это момент «производства» информационного материала.

В отношении «потребления» этого материала информцентр выясняет круг потребителей, выявляет их общие и частные требования, связывается в этом же отношении с прессой, выясняет контингент тех журналов и газет, где отдел иностранной экономики должен быть усилен (созывается совещание редакторов и заведующих иностранными отделами) и т. д.

Процесс «производства» и «потребления» протекает, следовательно, таким образом: информцентр получает задания от отдельных учреждений или лиц, распределяет их среди соответствующих пунктов периферии для выполнения, объединяет эту работу, пропуская полученный материал через фильтр выдержанного большевистского анализа.

Трудно в такой статье исчерпать все задачи, которые могут возникнуть перед информцентром и в области издательской и в других областях. В первую очередь информцентру придется заняться серьезным изучением вопросов производства и обмена в мировом хозяйстве, исследованием денежного, фрактового, рабочего и прочих рынков, концентрации промышленности и капитала, движения капиталов, состава капитала и т. п. вопросов чистой экономики. Тщательное исследование экономических вопросов немыслимо без сопоставления с вопросами текущей политической жизни, вопросами правовых надстроек и главнейших технических усовершенствований. Все эти вопросы должны будут втягиваться в сферу работы информцентра по мере его укрепления.

В отношении постановки информации заграницы о СССР необходимо работу разделить на две части: во-первых, на регулярную информацию за границей о хозяйственной жизни СССР, о его политических и культурных достижениях и, во-вторых, на парирование антисоветских кампаний, проводимых заграничной прессой, и исправление неверных или искаженных сведений о СССР, встречающихся в той же прессе. Информцентр самым внимательным образом следит за иностранной прессой в отношении того, что пишется о СССР, и своевременно откликается на это. Будучи в курсе мировой экономики, информцентр легко будет определить те вопросы и отрасли экономики СССР, которыми заграница в данный период особенно интересуется. Практическое выполнение этих заданий будет передаваться соответствующим ведомствам вроде ВСНХ, НКВТ, НКЗ и т. д., затем перерабатываться в приемлемом для заграницы виде в Информцентре, после чего направляться за границу. Вопрос о конкретных формах этой информации: газете, журнале, бюллетене и т. п. должен будет решить информцентр.

Таковы в общих чертах возможности организации нашей экономической «общедной» информации. Вопрос этот чрезвычайно важен и требует быстрого разрешения. Информцентр должен стать выдержаным большевистским органом, который, пользуясь описательным материалом, концентрирующимся в его руках, повел бы ожесточенную борьбу со спортивизмом, безразличием и идеальной бесхребетностью в отношении анализа мирового хозяйства, которые царят в наших хозяйственных и государственных учреждениях. Это факт, которого нельзя скрывать. Мы указы-

ваем в самом начале статьи, что по целому ряду обстоятельств не только рядовой, но и ответственный коммунист не имеет возможности близко знакомиться с вопросами мировой экономики. Но есть категория «советских работников», которым эти вопросы доступны.

Это—целый ряд «квази-ученых экономистов», плотно засевших в нашей прессе, в наших исследовательских институтах, регулирующих органах, которые, пользуясь нашим невежеством в вопросах мировой экономики; проводят в самой неприкрытой форме ревизию всех исходных пунктов нашего коммунистического анализа мирового хозяйства.

Все это проделывается под носом наших ответственных товарищ, которые «нутром», быть может, чувствуют, что дело неладно, но за отсутствием конкретных данных ничего не могут сделать.

Это положение, далеко небезопасное и в политическом отношении, поскольку факты и цифры концентрируются в руках «господ профессоров», прекратится тогда, когда будет авторитетный орган, давление и руководство которого почувствуют наши «спецы по мировому хозяйству».

ИЗДАТ-ВО ГОСПЛАНА ССР.

Воздвиженка 5. Тел. редакц. 2-98-15, отв. секретарь 2-98-13.

ЖУРНАЛ

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Л. Б. КАМЕНЕВА и Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО.

ПЕЧАТАЕТСЯ И В СКОРОМ ВРЕМЕНИ ВЫДЕТ:

Производительные силы Центр.-Промышл. Области. Труды первой областной конференции по изучению естественно-производительных сил Ц.-П. О.

Книга выходит одновременно одним большим томом свыше 45 печ. листов, с многосл. картограммами и диаграммами и тремя отдельными выпусками.

Сельское хозяйство Центр.-Пром. области.

Энергетические ресурсы Ц.-П. О. и их изучение.

Промышленность и транспорт Ц.-П. О.

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ—Плановые перспективы (брошюра).

ЕГО ЖЕ—Товарооборот и плановые задачи (брош.).

Р. Е. ВАЙСБЕРГ—Деньги и цены (подпольный рынок в эпоху воен. коммунизма). Предисл. И. Трахтенберга.

С. П. БОБРОВ—Индексы Госплана.

Д. Н. БУХАРЦЕВ—План Дауса (брош.).

ВАРЗАР—Новый способ построения показательных диаграмм (брошюра).

Проф. А. Н. КОСТИЯКОВ—Перспективы мелиорации в Европейской части СССР.
НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР в 1923/24 г. Обзор Конъюнктурного Совета Госплана СССР.

ГТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ—Ленин и электрификация (брош.).

КРЖИЖАНОВСКИЙ, ГОРЕВ, ЕСИН—Вопросы энергетики и электрификации, Сборник (брош.).

КУНЕЛЬ—Всемирная энергетическая конференция в Лондоне (брош.).

СБОРНИК КООПЕРАЦИИ.

ЛАВРУХИН—Ярмарки и базары в товарообороте СССР.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1925 ГОД

на ежемесячный журнал

„ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ“,

ИЗДАНИЕ ГАЗ. „ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“

под редакцию Г. И. Крумина, В. А. Базарова и М. И. Боголепова.

Год издания ТРЕТИЙ.

БЛИЖАЙШИЕ СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА: Б. Аниклов, проф. Я. Букишан, проф. В. Голговский, проф. В. Г. Громат, А. Гурьев, Д. Дезев, Н. Дубенецкий, М. Клауфман, А. Локшин, проф. А. Лоевский, проф. П. Лиценко, В. Макаров, проф. А. Мануклов, проф. П. Маслов, Л. Е. Минц, И. Михайлов, А. Михайлопекий, проф. И. Огайовский, проф. С. Первушин, Г. Ползик, Ф. Радецкий, проф. Л. Рамзий, А. Рашин, проф. Н. Силин, проф. М. Сиринов, проф. М. Соболев, А. Стрыгин, проф. С. Струмилин, А. Фишгейндер, А. Хриццева, Л. Шанин (Шапиро), И. Шох, Н. Якушкин и др.

Программа журнала значительно расширена.

Объем книжки не менее 18—20 печ. листов.

Адрес Редакции: Москва, Мясницкая, 20. Телефон 4-88-90.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: На 1 год — 22 р., на 6 мес. — 12 р., на 3 мес. — 6 р. 50 к.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В МОСКВЕ: в Главной конторе газеты „Экономическая Жизнь“, Тверская, 38,
в конторе объявлений „ДВИГАТЕЛЬ“ — Тверская, 42 и в книжном магазине
„Экономической Жизни“, Петровка, № 16.

В ПРОВИНЦИИ: во всех отделениях конторы объявлений „ДВИГАТЕЛЬ“, во всех
почтово-телеграфных конторах, во всех отделениях Госбанка, кроме Москвы и
Ленинграда, и во всех местных контрагентствах печати.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

= „ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“ =

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1925 год

на ежемесячное издание

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

МАТЕРИАЛОВ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ

Выходит ежемесячно 18—20 числа.

„Указатель“ систематизирует по определенной схеме наиболее существенный
статейный и фактический материал, охватывая 18 ежедневных газет всесоюзного
масштаба и масштаба федеративных автономных республик и свыше 50 ежемесяч-
ных и еженедельных изданий хозяйственных органов, Наркоматов, плановых учре-
ждений и ЭКОСО.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на 12 мес. — 9 руб., на 6 мес. — 5 руб., на 3 мес. — 3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

В МОСКВЕ: в Главной Конторе газеты „ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“, Тверская, 38;
в конторе объявлений „ДВИГАТЕЛЬ“, Тверская, 42 и в книжном магазине „ЭКОНО-
МИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ“, Петровка, 16.

В ПРОВИНЦИИ: во всех отделениях конторы объявлений „ДВИГАТЕЛЬ“, во всех
почтово-телеграфных конторах, во всех отделениях Госбанка, кроме Москвы и Ленин-
града, и во всех местных контрагентствах печати.